

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Olga Anchimiuk

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ
В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ
РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА

Białystok 2020

Recenzenci:

Dr hab. Katarzyna Wojan, prof. nadzw.
Prof. zw. dr hab. Jan Zaniewski

Opracowanie graficzne:

Redakcja i korekta:

Beata Edyta Dworakowska

Skład i redakcja techniczna:

Krzysztof Rutkowski

© Copyright by Uniwersytet w Białymstoku
Białystok 2020

ISBN 978-83-7431-605-7

Projekt finansowany w ramach programu Ministra Nauki i Szkolnictwa Wyższego pod nazwą „Regionalna Inicjatywa Doskonałości” w latach 2019–2022, nr projektu: 009/RID/2018/19, kwota finansowania 8 791 222,00 zł

Ministerstwo Nauki
i Szkolnictwa Wyższego

Wydawnictwo Uniwersytetu w Białymstoku
ul. Świerkowa 20B, 15-328 Białystok
tel. (85) 745 71 20, (85) 745 71 02, (85) 745 70 59
e-mail: ac-dw@uwb.edu.pl
www: <http://wydawnictwo.uwb.edu.pl>

Druk i oprawa:

volumina.pl Daniel Krzanowski

SPIS TREŚCI

ВВЕДЕНИЕ	7
1. Вводные замечания	7
2. Речевой этикет	7
3. Цель, объект и методы исследования	9
4. Структура работы	15
ГЛАВА I	
Русский речевой этикет в функциональном и историческом аспектах ..	17
1. Общение и его виды	17
2. Концепции лингвистической вежливости	27
3. Понятие речевого этикета	39
4. Изучение русского речевого этикета	41
5. Национально-культурные особенности русского речевого этикета ..	48
6. История формирования русского речевого этикета	54
ГЛАВА II	
Формулы речевого этикета в русской литературе XIX века	62
1. Обращение и привлечение внимания	62
2. Приветствие	81
3. Знакомство	96
4. Приглашение	105
5. Просьба, совет, предложение	114
6. Согласие и отказ в ответ на просьбу и приглашение	134
7. Согласие и несогласие с мнением собеседника	140
8. Извинение	146
9. Жалоба	152

10. Утешение, сочувствие	155
11. Compliment, одобрение	159
12. Неодобрение, упрек	165
13. Поздравление, пожелание, тосты	170
14. Благодарность	176
15. Прощание	182

ГЛАВА III

Речевой этикет и социальный статус коммуникантов

(на материале текстов русской литературы XIX века)..... 197

1. Социальный статус человека	197
2. Социальные слои в России XIX века. Этикет в сословном обществе	200
2.1. Речевой этикет в дворянской, купеческой среде и среди разночинцев	202
2.2. Речевой этикет на флоте и в армии	243
2.3. Речевой этикет в гендерном аспекте рассмотрения	258
3. Речевой этикет с учетом возрастного статуса коммуникантов	280

ЗАКЛЮЧЕНИЕ..... 296

ПРИЛОЖЕНИЕ..... 305

БИБЛИОГРАФИЯ

STRESZCZENIE

ABSTRACT..... 403

ВВЕДЕНИЕ

1. Вводные замечания

Представления о вежливости, формирующиеся в сознании человека, во многом зависят от культурных и социальных норм общества, в котором он живет, а также от особенностей его воспитания и образования. Опираясь на данные языка, можно воссоздать представления о вежливости, закрепленные в культуре данного народа. Следование правилам вежливости – это залог успешного общения.

Языковая вежливость касается уровня отношений между партнерами по коммуникации и является одной из центральных категорий лингвистической прагматики. Категория вежливости является регулятором поведения. Соблюдение принципа вежливости позволяет коммуникантам достичь коммуникативной цели. Вежливость и ее демонстрация по отношению к собеседнику лежат в основе норм *этикета*. Этикет – лишь одно из многочисленных средств общения, используемых людьми. Сравнение его с главным средством человеческого общения – языком – позволяет глубже разобраться не только в этикете, но и в самом языке.

2. Речевой этикет

Если под этикетом понимается установленный порядок поведения, то понятие *речевого этикета* неоднозначно. Более узкий подход к понятию речевого этикета трактует его как речевое поведение, признаком которого является автоматизированное воспроизведение устойчивых формул. При широком

подходе он «регулирует выбор наиболее подходящего, наиболее уместного средства именно данным человеком, для его конкретного адресата, в данном конкретном случае, в данной ситуации и обстановке общения»¹.

Речевой этикет представляет собой широкую область стереотипов общения. В процессе воспитания, социализации человек, становясь личностью и все более совершенно овладевая языком, познает и этические нормы взаимоотношений с окружающими, в том числе и речевых взаимоотношений, иначе говоря, овладевает культурой общения.

В зависимости от сферы применения традиционно выделяются следующие типы *речевого этикета* – деловой, дипломатический, застольный, телефонный, военный, церковный, повседневный. Именно повседневный коммуникативный этикет иллюстрирует правила поведения человека в быту, общественных местах и реализуется в речевых ситуациях, представленных А.А. Акишиной и Н.И. Формановской². Эти ситуации, с относящимся к ним формулами речевого этикета, отражают речь людей, живущих в различных временных отрезках, а также их национально-культурные особенности.

В этих устойчивых выражениях нашла отражение срединность России, относящая ее и к европейской и восточной культурам. Русский речевой этикет в сравнении с западным, по замечанию Р. Ратмайр³, отличается позитивная вежливость – «вежливость сохранения солидарности», в то время как западноевропейская – это негативная вежливость, или «вежливость сохранения дистанции». В коммуникации русских большое внимание уделяется самочувствию партнера, и вопрос о состоянии его здоровья, как правило, не пустой звук, поэтому и подробный ответ будет вполне уместным. Сравнивая русский с восточным речевым этикетом, можно сказать, что последний более ритуализирован, не допускает никаких отклонений от общепринятой нормы. Каждое сказанное слово, каждый поступок оценивается с точки зрения этой нормы.

¹ Н.И. Формановская, *Культура общения и речевой этикет*, Москва 2005, с. 69–70.

² А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978.

³ Р. Ратмайр, *Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры*, Москва 2003.

Различие социального положения адресанта и адресата также обуславливает употребление этикетных формул, принятых в обществе. России рассматриваемого периода было присуще закрепление социальных отношений в строгой системе сословной иерархии. Выражением этих отношений служили: введенная Петром I система титулов и установленное четкое соотношение государственных должностей по «Табели о рангах», (документ, изданный в 1717–1721 годах, в котором перечислялись военные, гражданские и придворные чины). В современном русском языке, вместо обращений, свойственных для того времени, таких как *господин* и *дама*, *граф* и *графиня*, *князь* и *княгиня*, в связи с ликвидацией классово-стратификации, стали употребляться обращения, отражающие гендерный признак коммуникантов: *мужчина*, *женщина*, *молодой человек* и *девушка*. В настоящее время русский язык не располагает универсальной формой обращения к незнакомому человеку, в отличие от польского – *Pan, Pani*; французского – *Monsieur, Madame*; немецкого – *Frau, Herr*.

Речевой этикет строится с учетом особенностей партнеров, вступающих в деловые отношения, ведущих деловой разговор, то есть социального статуса субъекта и адресата общения – это их место в служебной иерархии, профессия, национальность, возраст, пол, характер. Кроме того, речевой этикет определяется ситуацией, в которой происходит общение.

3. Цель, объект и методы исследования

Проблематике вежливости и речевому этикету в различных языках, и конкретно в русском, посвящены исследования российских и зарубежных ученых. Широко известны работы авторов «теории вежливости» П. Браун и С. Левинсона (Brown, Levinson)⁴, Э. Гоффмана (Goffman)⁵, которые в своих работах, используя понятие *лицо (face)*, понимают вежливость как *сохра-*

⁴ P. Brown, S. Levinson, *Politeness: Some universals in language usage*, Cambridge 1987.

⁵ E. Goffman, *On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction*, [in:] J. Laver and S. Hutcheson (eds.), *Communikacion in Face-to-Face Interaction*, Harmondsworth (1972[1955]), с. 319–346.

нение лица и своего и коммуниканта. Они разделяют *лицо* на *позитивное* и *негативное*. Позитивное лицо, по их мнению, положительный образ («желание быть желанным другим»), на который претендуют коммуниканты в процессе речевого взаимодействия. Негативное же лицо – это территория, обозначающая личное пространство говорящего (его время, тело, имущество, информационное пространство). В идеальной коммуникации эти два лица находятся в равновесии.

Исследуя нормы межличностного общения, Дж. Лич (Leech)⁶ ввел понятие «максим вежливости». Он считал, что успешная коммуникация достигается при соблюдении собеседниками данных максим. Его работы положили начало исследованиям в области межличностной коммуникации, но они мало известны в России, и соответствующие теории вежливости практически не применяются к русскому языку.

От понятия *вежливости* неотделимо понятие *речевого этикета*, изучению которого посвящены исследования как российских, так и иностранных ученых. Большой вклад в развитие этой области знаний внесли работы Е.А. Земской⁷. Согласно этой ученой, категория вежливости является «имплицитной категорией коммуникативно-прагматического характера»; она «управляет речевым поведением людей, диктуя одно употребление и запрещая другое, вполне разрешаемое правилами грамматики и лексики», и обнаруживает «свое действие в явлениях разных уровней языка»⁸. Земская рассматривает речевой этикет как часть категории вежливости.

Работы по русскому речевому этикету ранее носили прескрипционный характер, так в монографиях И.А. Стернина⁹, В.Е. Гольдина¹⁰ описываются принципы, функции и правила речевого этикета. Многие работы были предназначены для изучающих русский язык как иностранный. Это

⁶ G.N. Leech, *Principles of Pragmatics*, London–New York 1983.

⁷ Е.А. Земская, *Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка*, „Zeitschrift für slavische Philologie“ 1977, 56, с. 272–301; Е.А. Земская, *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*, Москва 1979; Е.А. Земская, *Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь*, Москва 2004.

⁸ Е.А. Земская, *Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь*, Москва 2004, с. 578

⁹ И.А. Стернин, *Русский речевой этикет*, Воронеж 1996.

¹⁰ В.Е. Гольдин, *Этикет и речь*, Саратов 1978; В.Е. Гольдин, *Речь и этикет*, Москва 1983.

пособия А.А. Акишиной и Н.И. Формановской¹¹. Последующие многочисленные работы Н.И. Формановской¹² посвящены разноаспектному изучению речевого этикета.

С лексикографических позиций анализирует речевой этикет А.Г. Балакай¹³. В.И. Карасик¹⁴ рассматривает вежливость и речевой этикет с позиции социального статуса личности. Социолингвистический подход к речевому этикету предпринят в исследовании А.А. Зубаревой¹⁵.

Монографии Т.В. Лариной¹⁶ и работы М.А. Кронгауза¹⁷ являются необходимой теоретической основой соответствующих кросс-культурных исследований. Ю.В. Рождественский¹⁸ проблемы речевого этикета рассматривает в связи с закономерностями успешной коммуникации с аудиторией.

¹¹ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978.

¹² Н.И. Формановская, *Употребление русского речевого этикета*, Москва 1984; Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*, Москва 1982; Н.И. Формановская, *Вы сказали: «Здравствуйте!» (речевой этикет в нашем общении)*, Москва 1989; Н.И. Формановская, *Речевой этикет и культура общения*, Москва 1989; Н.И. Формановская, *Прагматика побуждения и логика языка*, «Русский язык за рубежом» 1994, № 5–6, с. 34–40; Н.И. Формановская, *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002; Н.И. Формановская, *Культура общения и речевой этикет*, Москва 2005; Н.И. Формановская, *СМИ, лингвистика и речевой этикет*, «Журналистика и культура русской речи» 2009, № 1, с. 36–44.

¹³ А.Г. Балакай, *Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания*, Дис. канд. филол. наук, Новокузнецк 2002; А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004.

¹⁴ В.И. Карасик, *Язык социального статуса*, Москва 2002.

¹⁵ А.А. Зубарева, *Формулы русского речевого этикета: социолингвистическое исследование*, Автореф. дис. канд. филол. наук, Пермь 2007.

¹⁶ Т.И. Ларина, *Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*, Москва 2009; Т.И. Ларина, *Англичане и русские: язык, культура, коммуникация*, Москва 2013.

¹⁷ М.А. Кронгауз, *Новое в речевом этикете*, «Русский язык» 2001, № 3, с. 1–2; М.А. Кронгауз, *Речевой этикет: внешняя и внутренняя типология*, Доклады международной конференции «Диалог» 2004, <http://dialog-21.ru/media/2538/krongauz.pdf> [дата доступа: 15.02.2018].

¹⁸ Ю.В. Рождественский, *Принципы современной риторики*, Москва 2005.

Многочисленны работы, посвященные изучению одной речевой ситуации: Р. Ратмайр¹⁹ – ситуации извинения, Н.С. Гребенщиковой²⁰ и О.А. Крыловой²¹ – приветствия, В.В. Плешаковой²² – пожелания (благожелания) и др.

Этнографы, в свою очередь, изучают речевой этикет как социально-культурный феномен с точки зрения быта, общества, поведенческих традиций, ритуалов, обычаев, как правило, национально специфичных особенностей – А.К. Байбурин²³, Б.Х. Бгажноков²⁴. Это заговоры от болезней, отпевание умершего, величание невесты.

Нельзя оставить без внимания и труды известных польских исследователей-славистов. В этом списке главное место отводится фундаментальным работам М. Марцjanик (Marcjanik)²⁵, сделавшей много для исследования польского и иностранного речевого этикета и его роли в культуре. Б. Малиновски (Malinowski)²⁶, М. Цибульский (Cybulski)²⁷, А. Журек (Żurek)²⁸, К. Ожуг (Ożóg)²⁹ также внесли существенный вклад в изучение это-

¹⁹ Р. Ратмайр, *Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры*, Москва 2003.

²⁰ Н.С. Гребенщикова, *История русского приветствия (на восточнославянском фоне)*, Гродно 2004.

²¹ О.А. Крылова, *Приветствия и этикет*, „Русская речь” 2001, № 4, с. 58–61.

²² В.В. Плешакова, *Русские традиционные благожелания (к вопросу о традиционных высказываниях)*, „Филологические науки” 2006, № 4, с. 50–60.

²³ А.К. Байбурин, *Об этнографическом изучении этикета*, [в:] А.К. Байбурин, А.М. Решетов (ред.), *Этикет у народов Передней Азии*, Москва 1988, с. 12–37.

²⁴ Б.Х. Бгажноков, *Очерки этнографии общения адыгов*, Нальчик 1983.

²⁵ М. Marcjanik, *Polska grzeczność językowa*, Kielce 1997; М. Marcjanik, *W kręgu grzeczności. Wybór prac z zakresu etykiety językowej*, Kielce 2001; М. Marcjanik, *Etykieta językowa*, [w:] J. Bartmiński (red.), *Współczesny język polski*, Lublin 2001; М. Marcjanik, *ABC grzeczności językowej*, [w:] М. Bańko (red.), *Polszczyzna na co dzień*, Warszawa 2006, с. 231–310; М. Marcjanik, *Grzeczność w komunikacji językowej*, Warszawa 2007; М. Marcjanik, *Mówimy uprzejmie. Poradnik językowego savoir-vivre'u*, Warszawa 2009.

²⁶ В. Malinowski, *Myth in primitive psychology*, London 1926; В. Malinowski, *The Problem of Meaning in Primitive Languages*, [в:] С.К. Ogden and I.A. Richards (eds.), *The Meaning of Meaning*, London 1923, с. 296–336.

²⁷ М. Cybulski, *Obyczaje językowe dawnych Polaków. Formuły werbalne w dobie średniopolskiej*, Łódź 2003.

²⁸ А. Żurek, *Grzeczność językowa w polszczyźnie cudzoziemców. Wybrane zagadnienia*, Łask 2008.

²⁹ К. Ożóg, *Współczesna polska grzeczność językowa a postmodernizm*, „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Linguistica” 2014, IX, с. 49–60; К. Ożóg, *Żwoty*

го явления. Заслуживают серьезного внимания работа К. Сикоры (Sikora)³⁰ по изучению сельского речевого этикета, а также Б. Стигалы–Стиллер (Ścięgała–Stiller)³¹, посвященная изучению речевого этикета на интернет-форумах. Эта тема является интересной и своевременной, о чем свидетельствуют многочисленные сборники статей исследователей речевого этикета и вежливости, как в польской, так и в других культурах³².

Цель данного исследования – это экспликация формул речевого этикета в различных речевых ситуациях с учетом социального статуса коммуникантов: социального положения, занимаемого в обществе, национальности, возраста и гендерной принадлежности.

Предметом данного исследования являются особенности реализации этих формул. Материалом послужили 1300 примеров применения этих стереотипных выражений, собранных методом сплошной выборки из произведений русской классической литературы XIX века.

Этот период, являясь Золотым веком литературы, отличается богатством жанров: романов, повестей, рассказов и пьес, отражающих жизнь основных слоев общества и общественных групп. Произведения классиков: Л.Н. Андреева, Н.Г. Гарина–Михайловского, Н.В. Гоголя, Н.А. Гончарова, Ф.М. Достоевского, М.Ю. Лермонтова, Н.С. Лескова, А.Н. Островского, А.С. Пушкина, М.Е. Салтыкова–Щедрина, К.М. Станюковича, Л.Н. Толстого, И.С. Тургенева, Н.Г. Чернышевского, А.П. Чехова наиболее полно изображают жизнь современного им общества.

Сочинения этих писателей ярко представляют все социальные слои России данного периода. Романы и повести Л.Н. Толстого, Н.А. Гончарова, М.Ю. Лермонтова, А.С. Пушкина показывают жизнь дворянства, солдат и офицеров царской армии; А.П. Чехова, М.Е. Салтыкова–Щедрина,

grzecznościowe współczesnej polszczyzny mówionej (na materiale języka mówionego mieszkańców Krakowa), Warszawa–Kraków 1990; K. Ożóg, *Polszczyzna przelomu XX i XXI wieku. Wybrane zagadnienia*, Rzeszów 2001.

³⁰ K. Sikora, *Grzeczność językowa wsi*, Kraków 2010.

³¹ B. Ścięgała–Stiller, *Akty etykiety językowej na forach internetowych*, praca doktorska, Katowice 2012.

³² *Retoryka codzienności. Zwyczaje językowe współczesnych Polaków*, M. Marcjanik (red.), Warszawa 2006; *Grzeczność na krańcach świata*, M. Marcjanik (red.), Warszawa 2007.

Ф.М. Достоевского, Н.Г. Чернышевского и В.М. Гаршина – жизнь разночинцев; А.Н. Островского и Н.С. Лескова – купечества, И.С. Тургенева – помещного дворянства и крестьянства, Л.Н. Толстого и К.М. Станюковича – матросов и офицеров на флоте и в армии.

Автор произведения, стараясь отразить речь персонажа, соотносит ее с языком представителей различной эпохи, их социальным положением, полом, возрастом, даже если это смоделированная ситуация. Особенно это касается произведений классической литературы. Неотъемлемой частью диалога является речевой этикет.

Цель исследования определила выбор конкретных методов. В работе были использованы следующие методы: описательный метод, предполагающий работу с контекстами; лексикографический метод; метод анализа словарных дефиниций; метод компонентного анализа; трансформационный анализ. Ситуативный анализ, применяемый в исследовании, позволил охарактеризовать этикетные формулы в ономаσιологическом плане, то есть идти от смысла к средствам выражения. Он разрешил ответить на вопрос, чем определяется употребление различных средств выражения для обозначения одного понятия в рамках определенных речевых ситуаций в соответствии с узусом. Анализ проводился комплексно с привлечением на каждом этапе работы тех методов, которые более всего удовлетворяют поставленным целям и задачам исследования.

Научная новизна и теоретическая значимость работы проявляется в том, что впервые проведено комплексное исследование средств речевого этикета на материале художественных текстов, отражающих условия социально-экономической, культурной жизни России XIX века. Установлены различия в использовании языковых средств устойчивых этикетных выражений, обусловленные различием социальных, возрастных, гендерных факторов, а также возможностями различных неречевых средств коммуникации.

Мы надеемся, что результаты данного исследования могут быть успешно использованы при обучении русскому языку иностранных студентов. Они могут быть полезны и для тех, кто интересуется историей России, ее богатой, многогранной культурой и литературой, в том числе и речевым этикетом.

4. Структура работы

Монография, посвященная исследованию форм речевого этикета в произведениях XIX века, состоит из Введения, трех Глав, Заключения и Приложения, которое включает в себя более полный список формул речевого этикета из произведений русской литературы XIX века, а также Библиографии и Списка художественной литературы, использованной для анализа.

Во Введении раскрывается понятие вежливости и речевого этикета, обосновывается выбор и актуальность темы, определяются цели, объект и методы исследования.

Первая глава: *Русский речевой этикет в функциональном и историческом аспектах* представляет описание теоретической базы исследования. В ней рассматриваются основополагающие для данной работы понятия: «общение», «виды общения», «вежливость», «позитивная и негативная вежливость», «максимы и правила общения», «социальные признаки», «этикет», «речевой этикет», «функции речевого этикета», «речевая ситуация», «формулы речевого этикета», «менталитет».

В ней рассмотрены виды общения, представлены существующие концепции лингвистической вежливости, показана история возникновения речевого этикета в России и его национальные особенности.

Во Второй главе: *Формулы речевого этикета в русской литературе XIX века* подробно рассматриваются 15 речевых ситуаций и соответствующие им формулы речевого этикета. Это ситуации: «Обращение и привлечение внимания», «Приветствие», «Знакомство», «Приглашение», «Просьба, совет, предложение», «Согласие и отказ в ответ на просьбу и приглашение», «Согласие и несогласие с мнением собеседника», «Извинение», «Жалоба», «Утешение, сочувствие», «Комплимент, одобрение», «Неодобрение, упрек», «Поздравление, пожелание, тосты», «Благодарность», «Прощание». Перечисленные ситуации анализируются по следующей схеме: в начале дан список современных формул речевого этикета, далее представлен материал с объяснением отдельных формул и иллюстрацией в виде цитат из произведений XIX века.

Речевой этикет исследуется как отражение социокультурной ситуации и принятых в данном обществе норм и правил поведения.

В Третьей главе: *Речевой этикет и социальный статус коммуникантов (на материале текстов русской литературы XIX века)* формулы речевого этикета рассматриваются с учетом социального статуса коммуникантов, в первую очередь это социальное положение коммуникантов. В России XIX века речевой этикет ярко отражал социальную иерархию и подчеркивал общественное расслоение. Он был своего рода квалификатором социального статуса героев.

В данном срезе этикет был проанализирован в речи коммуникантов, принадлежащих к высшему свету, поместного дворянства, в среде купечества, крестьянства и слуг. В следующих позициях общения между представителями как разных социальных классов, так и в рамках одного социального класса.

Отдельно был выделен речевой этикет офицеров и солдат в армии, офицеров и матросов на флоте. Так как замкнутое пространство, в котором вынуждены находиться эти лица, находит отражение в их речи.

Не остались без внимания формулы речевого этикета, в которых гендерный и возрастной статус являлся определяющим.

В Заключении приводятся основные итоги и выводы проведенного исследования.

Работу заключает Приложение, которое может служить дидактическим материалом для изучающих русский язык.

ГЛАВА I

РУССКИЙ РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ В ФУНКЦИОНАЛЬНОМ И ИСТОРИЧЕСКОМ АСПЕКТАХ

1. Общение и его виды

Общение это многогранное явление, изучаемое социологией, философией, психологией, педагогикой и лингвистикой. Согласно словарному толкованию, общение – это сложный и многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми и группами, который порождается потребностями совместной деятельности. Он включает в себя коммуникацию (обмен информацией), интеракцию (обмен действиями) и социальную перцепцию (восприятие и понимание партнера)¹.

В настоящее время понятие *общение* вытесняется словом *коммуникация*. Оба термина имеют общие признаки – это их соотнесенность с процессами обмена и передачи информации и связь с языком, как средством ее передачи. Это слово происходит от лат. *communicatio* – «сообщение, передача» и обозначает обмен информацией между членами одного языкового сообщества для достижения взаимопонимания. Коммуникация является формой социального общения, осуществляется с помощью коммуникативных актов; ее цель – обмен информацией, а также сообщение и выявление

¹ *Краткий психологический словарь*, сост. Л.А. Карпенко, А.В. Петровский и М.Г. Ярошевский (ред.), Москва 1985, с. 213.

коммуникативных намерений². В узком понимании коммуникация рассматривается как однонаправленный процесс передачи информации. В широком – по степени активности ничем не отличается от процесса общения. В своем исследовании мы будем пользоваться термином *общение*.

Н.И. Формановская выделяет следующие виды общения³:

- 1) *Контактное и дистантное*, по положению собеседников относительно друг друга. При контактном общении собеседники находятся рядом, высказывания опираются на ситуацию, мимику и жесты, интонацию. Если собеседники разделены пространством и временем – это дистантное общение (телефонный разговор, переписка).
- 2) *Непосредственное и опосредованное*, по наличию или отсутствию «посредника» в передачи информации. К непосредственному общению относится разговор, беседа. Опосредованным же видом является передача информации посредством телефонного разговора, по радио, через книгу или телепередачу.
- 3) *Устное и письменное*, с точки зрения форм существования языка. Устное связывается с признаками контактности и непосредственности, а письменное – с признаками дистантности и опосредованности. Устный текст/дискурс связан с ситуацией и подкрепляется жестами, мимикой и интонацией. В нем возможны недомолвки.
- 4) *Межличностное – публичное – массовое*, с точки зрения количества участников. Межличностное общение осуществляется в форме диалога. При публичном общении массовый адресат находится в поле зрения говорящего (лекция, доклад, проповедь). При массовой коммуникации (ее средства – журналы, газеты) адресат находится вне поля зрения автора текста.
- 5) *Творческое и стереотипное*, с точки зрения соблюдения/несоблюдения канона, готового текста. При творческом общении выбор тем и языковых средств организации дискурса является неограниченным.

² Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин, *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*, Москва 2009, с. 106.

³ Н.И. Формановская, *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002, с. 14–20.

Стереотипное общение характеризуется соблюдением социально-коммуникативных правил использования ритуалов. Это тексты присяг, юбилеев, обрядов. К стереотипному общению относится и соблюдение речевого этикета в ситуациях общения.

- 6) *Кооперативное и конфликтное*, с точки зрения личностных отношений и оценок при соблюдении или нарушении социального равновесия. При кооперативном общении тексты строятся в тональности согласия, оценки, установки и предпочтения непротиворечивы. При конфликтном общении оценки ситуации и предпочтений установок находятся в противоречии. Тексты в тональности несогласия (отказ, возражение, ссора).
- 7) *Нарративный и коммуникативный* режим речи. Согласно *Толковому словарю иностранных слов*, нарративный (< лат. *narratio* рассказ, повествование), *лингв., лит.* повествовательный⁴. Для нарративного текста характерны: 3 лицо персонажа, почти всегда прошедшее время, цепочки глаголов в несовершенном и совершенном виде. При коммуникативном режиме присутствует *диалог*.

На следующих видах общения мы остановимся подробнее.

- 8) *Диалогическое и монологическое*, по признаку коммуникативной роли говорящего и слушающего. *Диалог*, образующийся сменой коммуникативных ролей, которые организуют текст как смену реплик в дискурсе. В монологической речи говорящий относительно длительное время сохраняет эту коммуникативную роль.

Диалог – основная форма речевого общения, в которой реализуется разговорная речь (О.Б. Сиротинина⁵; Е.А. Земская, Е.Н. Ширяев⁶; Е.А. Земская⁷). Данная форма общения характеризуется наличием двух говорящих, попеременно занимающих позиции говорящего и слушающего. По мнению Л.В. Щербы, «подлинное свое бытие язык обнаруживает лишь в диалоге»⁸.

⁴ Л.П. Крысин, *Толковый словарь иноязычных слов*, Москва 2005, с. 668.

⁵ О.Б. Сиротинина, *Современная разговорная речь и ее особенности*, Москва 1974.

⁶ Е.А. Земская, Е.Н. Ширяев, *Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная? „Вопросы языкознания“ 1980, № 2, с. 61–72.*

⁷ Е.А. Земская, *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*, Москва 1979.

⁸ Л.В. Щерба, *Восточно-лужицкое наречие*, т. 1, Петроград 1915, с. 3–4.

Ошибочным является мнение о том, что диалогом является общение только двух участников. Согласно словарному толкованию, диалог (греч. dialogos) это разговор между двумя или несколькими лицами, а также часть литературного произведения, состоящая из разговоров⁹.

Важным основополагающим научным исследованием по теории диалога является работа Л.П. Якубинского «О диалогической речи», которая вышла еще в 1923 году. Понимая язык как разновидность поведения, ученый писал: «Соответственно перемежающимся формам взаимодействий, подразумевающим сравнительно быструю смену акций и реакций взаимодействующих индивидов, мы имеем диалогическую форму речевого общения»¹⁰.

Одной из главных черт диалога является простота синтаксического построения. В нем можно встретить неожиданные формообразования, словоупотребления и фонетические сокращения (Л.П. Якубинский¹¹, Л.В. Щерба¹²). Также можно отметить, относящуюся к экстралингвистическим признакам диалога его спонтанность. В связи с этим Т.Н. Колокольцева пишет, что в условиях диалога происходит либо полное создание ткани речевого произведения, либо вербализация имеющегося сценария речевого взаимодействия¹³. Диалог также характеризует его направленность на адресата, постоянным переключением выступающих в роли говорящих и слушающих.

Разнообразен диалог в художественном произведении. Диалог в драме информативен, он развивает сюжет, в большей степени соотнесен с живой разговорной речью. В прозаическом произведении ситуации, смоделированные автором, заменяют ситуации из жизни. Здесь диалог продуман, это органическая часть художественного произведения, подчиненная задачам произведения. По мнению Г.Г. Полищук: «речевое поведение персонажа

⁹ *Толковый словарь русского языка*, Д.Н. Ушаков (ред.), т. 1, Москва 1935–1940, с. 705.

¹⁰ Л.П. Якубинский, *Избранные работы. Язык и его функционирование*, Москва 1986, с. 25.

¹¹ Там же.

¹² Л.В. Щерба, *Избранные труды по русскому языку*, Москва 1957.

¹³ Т.Н. Колокольцева, *Специфические коммуникативные единицы диалогической речи*, Волгоград 2001, с. 17.

соотносится со всеми средствами его описания, тем самым усиливается связь между компонентами текста, обеспечивается его единство»¹⁴.

Речь персонажа часто включает авторское сопровождение, содержащее разного рода информацию, касающуюся диалогической коммуникации.

По нашему мнению, автор произведения, стараясь отразить речь персонажа, соотносит ее с языком представителей различной эпохи, их социальным положением, полом, возрастом, даже если это смоделированная ситуация. Особенно это касается произведений классической литературы. Речевой этикет, в свою очередь, является неотъемлемой частью диалога.

9) *Речевое и текстовое общение.* Речевое общение организуют следующие признаки: контактность, устность, диалогичность. Для текстового общения характерна опосредованность, монологичность и письменность.

Речевые ситуации, выбраны из произведений художественной литературы, отличает определенная специфика. Художественный текст это особо организованное произведение. Он имитирует действительность, создает вторичную реальность. Особенности человеческого общения находят свое отражение в художественном произведении, материал которого является объективным свидетельством языка эпохи. Нельзя не согласиться с В.Г. Костомаровым и Б.С. Шварцкопфом в том, что «писатель как бы фотографирует речевую жизнь народа, и подмеченное им (а не взятое из вторых рук – из словарей, статей, как нередко бывает у неопытных писателей) имеет не меньшую ценность, чем непредумышленные оценки самими говорящими»¹⁵.

Это подтверждает мнение А.А. Шахматова о том, что в вопросах языка имеют значение два авторитета: авторитет народа и авторитет писателей – представителей духовной и умственной мысли народа. Ученый также

¹⁴ Г.Г. Полищук, *Речевое поведение в структуре художественного текста*, [в:] О.Б. Сиротинина (ред.), *Проблемы речевой коммуникации*, Межвуз. сборник науч. трудов, Саратов 2000, с. 154.

¹⁵ В.Г. Костомаров, Б.С. Шварцкопф, *Об отношении говорящих к языку*, [в:] В.Г. Костомаров (гл. ред.), *Вопросы культуры речи*, вып. 7, Москва 1966, с. 25.

говорил о необходимости описания и изучения словаря и грамматики современного русского языка, собирая и систематизируя «надежный материал, из которого было бы видно, как говорит народ в различных областях России, как выражаются современные писатели»¹⁶.

В языкознании существует несколько точек зрения на соотношение естественной разговорной речи и речи героев художественных произведений. По мнению Т.В. Лигуты, «речь персонажей воспроизводит реальную разговорную речь, в ней отброшены случайные черты и полностью развернуты наиболее характерные потенции»¹⁷. Но многие другие исследователи, такие как О.А. Лаптева¹⁸, Н.Ю. Шведова¹⁹, О.Б. Сиротинина²⁰, приходят к выводу о принципиальной невозможности отражения разговорной речи в художественном произведении. По мнению Н.Ю. Шведовой, когда писатель использует в своем произведении эти конструкции он, «не механически их воспроизводит, не стремится к „фотографическому“ отображению, а осуществляет тщательный и целенаправленный отбор и обработку языкового материала, в авторском повествовании и в речи героев явления живого разговора претерпевают – каждый по-своему, разнообразные изменения, сложную трансформацию, варьирующуюся в зависимости от разрешаемых писателем художественных задач»²¹. Нельзя не согласиться с В.Е. Хализевым в том, что литература способна воссоздать речевую деятельность людей²². Речевые ситуации из произведений классиков XIX века очень точно передают все нюансы диалогов и отражают характер эпохи.

¹⁶ А.А. Шахматов, *Несколько слов по поводу записки И.Х. Пахмана*, [в:] Сб. ОРЯС, Санкт-Петербург 1899, т. 17, № 1, с. 31.

¹⁷ Т.В. Лигута, *Разговорная речь в художественном тексте*, Автореф. дис. канд. филол. наук, Саратов 1976, с. 21.

¹⁸ О.А. Лаптева, *К вопросу о месте современной русской устно-разговорной речи в кругу явлений литературного языка*, „Русский язык за рубежом“ 1968, № 1; О.А. Лаптева, *Типизированные конструкции русского разговорного синтаксиса*, „Русский язык за рубежом“ 1976, № 3.

¹⁹ Н.Ю. Шведова, *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*, Москва 1960.

²⁰ О.Б. Сиротинина, *Современная разговорная речь и ее особенности*, Москва 1974.

²¹ Н.Ю. Шведова, *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*, Москва 1960, с. 24.

²² В.Е. Хализев, *Теория литературы*, Москва 2004, с. 109.

- 10) *Частное и официальное*, с точки зрения взаимоотношений коммуникантов и обстановки общения. Официальное ограничено строгими правилами и содержит немало стереотипных компонентов. Частное – взаимоотношения не ограниченные строгими рамками деловой ситуации, связывается с понятием неформального.

Неофициальность, непринужденность общения создается, по мнению Е.А. Земской, следующими компонентами внеязыковой ситуации:

- а) близкими или нейтральными отношениями;
- б) отсутствием у говорящих установки на сообщение, имеющим официальный характер (доклад, лекция);
- в) отсутствием в ситуации речи элементов, которые нарушают неофициальность общения²³.

Чтобы говорящий использовал разговорную речь, необходимы детерминанты: непринужденность, неофициальность общения и участие говорящих. Признаки не определяющие выбор разговорной речи или литературного языка, но влияющие на ее построение, являются компонентами речевого акта. Главнейшими компонентами являются конституация и общность апперцепционной базы участников общения. Об апперцепционной базе (массе) писал Л.П. Якубинский: «наше восприятие и понимание чужой речи (как и всякое восприятие) апперцепционно: оно определяется не только (а часто и не) внешним речевым раздражением, но и всем прежде бывшим нашим внутренним и внешним и опытом и, в конечном счете, содержанием психики воспринимающего в момент восприятия; это состояние психики составляет „апперципирующую массу“ данного индивида»²⁴. Общая апперцепционная база – некоторый фон знаний, свойственный всем носителям языка. Частно-апперцепционная база – индивидуальный опыт говорящих, она является одним из факторов, оказывающих влияние на структуры высказывания в разговорной речи. Она представляет знания

²³ Е.А. Земская, *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*, Москва 1979, с. 5.

²⁴ Л.П. Якубинский, *Избранные работы. Язык и его функционирование*, Москва 1986, с. 38.

и опыт данных конкретных партнеров в данный момент общения²⁵. Благодаря этому, разговорная речь, даже в похожих коммуникативных ситуациях, у разных коммуникантов является различной.

11) *Информативное и фатическое*, по характеру передаваемого содержания.

В информативном тексте господствует функция сообщения новой информации. Это могут быть научные, официально-деловые, общественно-политические или бытовые сведения.

Фатическое общение, согласно словарному толкованию, «(англ. phatic – фатический, означает положительно оцениваемый на эмоциональном уровне безотносительно содержания) – это общение с целью поддержать контакт»²⁶.

Это понятие впервые было введено известным представителем английской антропологической школы Б. Малиновским (Malinowski) для характеристики ритуальных речевых формул. По его мнению, «в фатическом общении (phatic communion) слова используются не для того, чтобы нести определенное значение; скорее путем обмена словами осуществляется социальная функция связывания слушающего и говорящего узлами социальной общности (a tie of some social sentiment)»²⁷. Фатическое общение ориентировано на установку речевого контакта, на поддержание речевых и социальных отношений. Согласно Н.Д. Арутюновой, фатический диалог наиболее свободный, раскрывающий эмоциональный, эстетический и интеллектуальный потенциал коммуниканта²⁸.

Разновидностью фатического общения является светская беседа *small talk*, которая имеет спокойную, дружелюбную и нейтральную тональность²⁹. Она изобилует речевыми формулами, клише, экспрессивными средствами, которые отражают специфику языка, стратегии общения между людьми³⁰.

²⁵ Е.Н. Ширяев, *Синтаксис высказывания в разговорной речи*, „Русский язык в национальной школе“ 1981, № 4, с. 193–195.

²⁶ *Психология общения. Энциклопедический словарь*, А.А. Бодалев (ред.), Москва 2011, с. 127.

²⁷ В. Malinowski, *Myth in primitive psychology*, London 1926, с. 78–79.

²⁸ Н.Д. Арутюнова, *Язык и миф человека*, Москва 1999, с. 652–653.

²⁹ А.С. Белоус, *Эволюция жанра светской беседы (small talk)*, Автореф. дис. канд. филол. наук, Нижний Новгород 2010.

³⁰ В. Malinowski, *The Problem of Meaning in Primitive Languages*, [в:] С.К. Ogden and I.A. Richards (eds.), *The Meaning of Meaning*, London 1923, с. 296–336.

Известный прихотерапевт М. Лэйни, в своей книге «Непобедимый интроверт»³¹, указывает на четыре блока фраз из которых состоит светская беседа:

- а) *Фразы, открывающие беседу*, не являются законченными утверждениями, это нейтральные вопросы, которые приглашают других людей к разговору с вами, например:

Привет, замечательная музыка. Не знаете, как называется это произведение?

Правда, вкусно?

- б) *Фразы, поддерживающие беседу*. В таких выражениях спрашивают других об их мнении, просят что-то прокомментировать:

Вам понравилась эта книга?

Почему эта программа так популярна? Как Вам кажется?

- в) *Переходные фразы*. Если тема разговора начинает иссякать, становится слишком личной, в этом случае для перевода разговора в более безопасное русло, можно увести разговор назад, к тому, что было сказано. Для этого используются следующие фразы:

Вы говорили, что у Вас есть сын. Сколько ему лет?

Несколько минут назад вы упомянули об отпуске. Можно узнать, куда Вы любите ездить?

- г) *Закрывающие фразы*. Светская беседа может длиться от 5 до 20 минут. Несколько приведенных примеров помогут выйти из беседы:

Извините, я обещала позвонить, чтобы проверить, как там дети.

Ванная комната в той стороне? Спасибо.

Если эту тактику применили к Вам, обычно следует сказать:

Приятного вечера.

Рад был с Вами познакомиться.

³¹ М. Лэйни, *Непобедимый интроверт*, Москва 2003, https://royallib.com/read/leyni_martin/nepobedimiy_introvert.html#560743 [дата доступа: 20.11.2018].

Этот обмен репликами не несет никакой информации. Собеседники, поговорив, слегка улучшили друг другу самочувствие.

Рассматривая причины зарождения жанра *small talk* в английском обществе викторианской эпохи, А.С. Белоус отмечала, что быстрое экономическое и культурное развитие страны способствовало необходимости «установления свода правил и законов поведения в нем, которые затрагивают в том числе речевую сферу взаимодействия»³². Например, в советский период, в России, светская беседа утратила свою актуальность и остается недостаточно освоенным коммуникативным мастерством.

Нельзя отрицать, что и в фатическом тексте есть информативная часть. Он имеет смысл. Чаще всего, встречаются тексты смешанного характера, в которых присутствует и фатика, и информативность. При сообщении новой информации (в выступлении, в докладе), часто присутствует большой круг метакоммуникативных единиц, относящийся к области фатки (*Давайте посмотрим... Вы уже знаете...*).

По мнению Н.И. Формановской, также в область фатки входит заполнение пауз, «болтовня» и «пустая» бытовая речь, а также речевой этикет³³. Подробнее речевой этикет будет рассмотрен далее.

Для успешного общения следует соблюдать правила, касающиеся говорящего и слушающего. Говорящий должен доброжелательно относиться к собеседнику, поставить в центр внимания слушающего, уметь выбрать тему для разговора, допустимую в данной ситуации, следовать логике развертывания текста. Слушающий, если кто-то обратится к нему с речью, должен: прервать дела и внимательно выслушать, доброжелательно относиться к говорящему, не перебивать собеседника, вовремя уметь оценить речь собеседника, согласиться или не согласиться с ним, ответить на поставленный вопрос³⁴. Самым главным в этих правилах является то, что собеседники при общении должны быть взаимно вежливыми.

³² А.С. Белоус, *Эволюция жанра светской беседы (small talk)*, Автореф. дис. канд. филол. наук, Нижний Новгород 2010, с. 9.

³³ Н.И. Формановская, *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002, с. 19.

³⁴ Н.И. Формановская, *Речевой этикет и культура общения*, Москва 1989, с. 18–23.

2. Концепции лингвистической вежливости

Представления о вежливости, формирующиеся в сознании человека, во многом зависят от культурных и социальных норм общества, в котором он живет, а также от особенностей его воспитания и образования. Опираясь на данные языка, можно воссоздать представления о вежливости, закрепленные в культуре народа.

Вежливое поведение имеет конкретные языковые и неязыковые проявления, среди них: словесные формулы, жесты (рукопожатия, поклоны), мимика (улыбка), выражения эмоционального состояния (смех) и отсутствие словесных реакций (вежливое молчание)³⁵. Нарушение или несоблюдение принципов вежливости приводит к коммуникативной неудаче, возникновению конфликта между собеседниками.

По «Словарю древнерусского языка XI–XIV вв.», *вѣж|а* – это сведущий в чем-либо, образованный человек. В данном словаре в качестве иллюстрации приводится цитата из «Слова Кирилла Туровского из сборников XIV в.»: «да вси, вѣжѣ и невѣжѣ, примуть сп(с)ниѣ ѿ почитанья книжного»³⁶.

Слово *вежливость* является производным от древнерусского *вежливь*, и как отмечено в «Этимологическом словаре русского языка» А.В. Семенова, используется в языке с XIII века. Оно образовано от той же основы, что и существительное «ведьма», со значением «знаток». Со временем значение слова изменяется и с XVIII века оно становится синонимом «обходительный», «воспитанный»³⁷.

Именно такое значение и отражает «Толковый словарь русского языка» под ред. С.И. Ожегова, «вежливый» – это соблюдающий правила приличия, воспитанный, учтивый³⁸.

³⁵ *Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, Ю.Д. Апресян (ред.), изд. 2-е, Москва 2003, с. 78.

³⁶ *Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.*, Р.И. Аванесов (гл. ред.), т. 2, Москва 1988, с. 291.

³⁷ А.В. Семенов, *Этимологический словарь русского языка*, Москва 2003, <http://evartist.narod.ru/text15/001.htm> [дата доступа: 13.04.2015].

³⁸ С.И. Ожегов, *Словарь русского языка*, Н.Ю. Шведова (ред.), изд. 15-е, Москва 1984, с. 65.

Языковая вежливость относится к уровню отношений между партнерами по коммуникации. Она является одной из центральных категорий лингвистической прагматики. По мнению Е.А. Земской, она «распространяется преимущественно на отношения «говорящий – адресат»³⁹.

В настоящее время не существует общепризнанного определения и единого взгляда на лингвистическую теорию вежливости. Среди существующих подходов и концепций, приведенных Т.И. Лариной в ее известной монографии «Категория вежливости и стиль коммуникации»⁴⁰, рассмотрим несколько, по нашему мнению, основных: вежливость как социальная норма; вежливость как «сохранение лица» (Э. Гоффман (Goffman)⁴¹, П. Браун (Brown), С. Левинсон (Levinson)⁴²); вежливость как речевые правила и максимы (Г. Грайс (Grice)⁴³, Дж. Лич (Leech)⁴⁴); вежливость как оценка статуса человека (В.Е. Гольдин⁴⁵, В.И. Карасик⁴⁶); вежливость как этическая и прагматическая категория (Н.И. Формановская⁴⁷, Е.Л. Ерзинкян⁴⁸).

Вежливость как социальная норма

Этот взгляд предполагает, что действия, которые соответствуют этикетным нормам, расцениваются как вежливые; те, что не соответствуют им, –

³⁹ Е.А. Земская, *Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка*, „Zeitschrift für slavische Philologie“ 1977, 56, с. 277.

⁴⁰ Т.И. Ларина, *Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*, Москва 2009, с. 152.

⁴¹ E. Goffman, *Relations in Public: Microstudies of the Public Order*, Harmondsworth 1972; E. Goffman, *On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction*, [в:] J. Laver and S. Hutcheson (eds.), *Communikacion in Face-to-Face Interaction*, Harmondsworth (1972[1955]), с. 319–346.

⁴² P. Brown, S. Levinson, *Politeness: Some universals in language usage*, Cambridge 1987.

⁴³ H.P. Grice, *Logic and Conversation*, [in:] P. Cole and J. Morgan (eds.), *Syntax and Semantics*, Vol. 3, *Speech Acts*, New York 1975, с. 41–58.

⁴⁴ G.N. Leech, *Principles of Pragmatics*, London–New York 1983.

⁴⁵ В.Е. Гольдин, *Речь и этикет*, Москва 1983.

⁴⁶ В.И. Карасик, *Язык социального статуса*, Москва 2002.

⁴⁷ Н.И. Формановская, *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002.

⁴⁸ Е.Л. Ерзинкян, *Лингвистическая категория вежливости: семантика и прагматика*, Ереван 2018.

считаются грубыми. При таком подходе к вежливости, последняя рассматривается как соблюдение социальных норм поведения, которые существуют в каждом обществе и содержатся в книгах по этикету. Такой взгляд по мнению Т.И. Лариной, «исторически связывает ее со стилем речи, когда чем выше формальность общения, тем выше степень вежливости. Однако проведенные в этом направлении эксперименты и наблюдения показали, что формальность в неформальной обстановке воспринимается не как вежливость, а как грубость»⁴⁹.

Вежливость как «сохранение лица»

Остановим свое внимание на общих положениях теории вежливости социолингвистов П. Браун (Brown), С. Левинсона (Levinson). В этой теории основным понятием является «лицо» (позитивная социальная ценность), которым обладает каждый член общества. Позитивное лицо – положительный образ, который хотят создать коммуниканты. Негативное лицо – желание каждого взрослого человека иметь свободу действий и недопустимость вмешательства со стороны других⁵⁰. Для эффективного общения коммуниканты должны быть заинтересованы в сохранении как своего лица, так и лица партнера.

Эти ученые представили речевые акты «угрожающие лицу»:

- 1) позитивному лицу говорящего (принятие комплимента, извинения, неконтролирование действий);
- 2) позитивному лицу слушающего (несогласие, непочтительность, выражение неодобрения, табуированные темы);
- 3) негативному лицу говорящего (выражение оправдания, благодарности);
- 4) негативному лицу слушающего (предложения, советы, приказы, просьбы, угрозы).

⁴⁹ Т.И. Ларина, *Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*, Москва 2009, с. 152.

⁵⁰ P. Brown, S. Levinson, *Politeness: Some universals in language usage*, Cambridge 1987, с. 61–68.

По мнению исследователей, использование стратегий позволяет минимизировать «коммуникативный вред»⁵¹.

П. Браун (Brown) и С. Левинсон (Levinson) ввели понятия *позитивной* и *негативной вежливости*. Первая основана на сближении, вторая – на дистанцировании. *Позитивная вежливость* служит усилению положительного имиджа адресата: говорящий показывает, что желания и личные особенности адресата ему хорошо известны, он с симпатией относится к собеседнику и солидарен с ним, даже если в данной конкретной ситуации и было совершено некоторое действие, умаляющее это впечатление. *Негативная вежливость* выражает дистанцированную позицию, то есть подчеркивает независимость личности, ее потребность в неприкосновенной территории, и основана, главным образом, на стратегии убления⁵².

Продолжая исследования, касающиеся этой проблемы, В.И. Карасик подробно описывает эти понятия и дает их характеристику.

Позитивная вежливость исключает возможность отказа в случае просьбы, приказа без «потери лица». Обычно к ней прибегают в неформальной ситуации, в которой участники имеют одинаковый социальный статус. По мнению ученого, эффект солидарности создается при помощи эмпатии, использования жаргона в речи, форм подтверждения и повторов. Принцип *негативной вежливости* используется при официальном общении. Он сводится к минимизации ущерба, который наносится собеседнику при просьбе. Проявлениями этого вида вежливости являются уклонения от прямых просьб или их смягченная формулировка. Готовность к извинению в любой момент общения. Основным положением является долг по отношению к адресату и пессимистичная установка на возможный отказ⁵³.

Стратегии *позитивной вежливости* выражаются в 15 линиях поведения: 1) проявление внимания к человеку; 2) эмоциональная эмпатия; 3) интенсификация интереса к слушателю; 4) создание атмосферы внутригрупповой идентичности (использование диалекта, диминутивов, обращения на «ты»);

⁵¹ Там же

⁵² Р. Ратмайр, *Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры*, Москва 2003, с. 21.

⁵³ В.И. Карасик, *Язык социального статуса*, Москва 2002, с. 78–79.

5) стремление к согласию («надежные темы» в беседе, повторы в диалогах); 6) избегание несогласия (внешнее согласие: «Да, но...» лучше, чем «Нет»); 7) создание «общей территории» (докторское «мы» в предложениях типа «Как мы сегодня себя чувствуем?»); 8) шутки; 9) учет желаний и склонностей слушающего; 10) предложения и обещания; 11) выражение оптимизма в просьбе; 12) вовлечение слушающего в деятельность (инклюзивное значение местоимения «мы»); 13) обоснование предложений и просьб, подчеркивание сотрудничества; 14) утверждение взаимности обязательств («Я сделаю это для тебя, а ты сделай то для меня»); 15) подарки слушающему в виде материальных предметов⁵⁴.

Стратегии *негативной вежливости* предоставляют свободу действий слушающему. В этой связи обнаруживается 10 линий поведения: 1) использование косвенных речевых актов; 2) смягченное формулирование высказываний; 3) выражение пессимизма в просьбе; 4) минимизация возможного ущерба; 5) возвышения положения адресата и принижения собственного положения; 6) готовность извиниться; 7) имперсонализация участников общения (использование неопределенно-личных местоимений, безличных конструкций); 8) генерализация требований в виде независимых от говорящего норм; 9) перевод конкретных событий в разряд более общих явлений; 10) принятие на себя долга по отношению к адресату⁵⁵.

Общество отдает приоритет одной из них, руководствуясь спецификой своих национальных и культурных ценностей. *Негативная вежливость* более характерна для западных стран. Им свойственна меньшая открытость, у них считается нормой скрывать свои чувства. Применение принципа негативной вежливости позволяет человеку чувствовать себя свободно во время общения. Для представителей русской культуры характерна большая открытость и откровенность, готовность к установлению контактов. Для них позитивная вежливость обеспечивает успешный поиск компромиссов и достижение согласия⁵⁶.

⁵⁴ Там же, с. 78.

⁵⁵ Там же.

⁵⁶ Там же, с. 80–82.

По мнению Р. Ратмайр, «менее сдержанное поведение характерное для русских, которое оценивалось в Западной Европе негативно, привело к тому, что еще в XVII–XVIII веках русских воспринимали как людей невоспитанных»⁵⁷.

Вежливость как речевые максимы и правила общения

Вежливость как речевые *максимы и правила общения* подробно рассматривается в прагматических исследованиях Г. Грайса (Grice)⁵⁸, Д. Гордона (Gordon) и Дж. Лакоффа (Lakoff)⁵⁹.

Напомним, что согласно «Новому словарю методических терминов и понятий» под прагматикой понимается раздел лингвистики, изучающий функционирование языковых образований в речи, – отношение между высказыванием, говорящими и контекстом (ситуацией)⁶⁰. Основные проблемы, изучаемые прагматикой, это структура и классификация актов речи и интерпретация высказываний, формы речевого общения, правила, тактики и типы речевого поведения. Прагматика ориентируется на субъекта речевого общения и рассматривает диалог как способ языкового взаимодействия. Она изучает условия, при которых человек пользуется языковыми знаками. Это адекватный выбор языковых единиц с целью воздействия на партнера, достигающегося при соответствии акта речи контексту и ситуации.

Широкое определение лингвистической прагматики дает Ю.Д. Апресян. «Под прагматикой мы будем понимать закрепленное в языковой единице (лексеме, аффиксе, граммеме, синтаксической конструкции) отношение говорящего: 1) к действительности, 2) у содержанию сообщения,

⁵⁷ Р. Ратмайр, «Новая русская вежливость» – мода делового этикета или коренное прагматическое изменение?, „Вопросы языкознания” 2009, № 1, с. 64.

⁵⁸ H.P. Grice, *Logic and Conversation*, [в:] P. Cole and J. Morgan (eds.), *Syntax and Semantics, Vol. 3, Speech Acts*, New York 1975, с. 41–58.

⁵⁹ D. Gordon, G. Lakoff, *Conversational Postulates*, [в:] P. Cole and J. Morgan (eds.), *Syntax and Semantics, Vol. 3, Speech Acts*, New York 1975, с. 83–106.

⁶⁰ Э.Г. Азимов, А.Н. Щукин, *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*, Москва 2009, с. 207.

з) к адресату»⁶¹. Следует вспомнить о том, что ядро прагматики составляет теория речевых актов. Речевой акт является основной минимальной прагматической единицей общения. Речевое действие говорящего, направленное адресату и реализующее интенцию, с целью информировать, воздействовать или побуждать к действию⁶². Исследование речевых актов, по мнению Н.И. Формановской, является первой ступенью изучения единиц общения.

В работах Г. Грайса (Grice), Д. Гордона (Gordon), Дж. Лакоффа (Lakoff) зафиксированы общие закономерности, которым подчиняется речевое общение. Наиболее подробно описаны принципы кооперации и принцип вежливости. Одним из первых содержание этих принципов исследовал Г. Грайс (Grice). Он сформулировал следующие правила общения:

- 1) высказывание должно быть достаточно информативным (правило количества);
- 2) высказывание не должно быть заведомо ложным (правило качества);
- 3) высказывание должно быть по существу (правило отношения или релевантности);
- 4) высказывание должно быть ясным, недвусмысленным, кратким и упорядоченным⁶³.

В концепции Г. Грайса (Grice) основным является принцип кооперации, при котором собеседники должны стремиться к сотрудничеству. Суть правила заключается в требовании к каждому из коммуникантов вносить в разговор тот вклад, который необходим на конкретной стадии разговора. Соблюдение этого принципа является важнейшим постулатом эффективного речевого общения и обуславливает выбор речевых средств в зависимости от ситуации общения.

⁶¹ Ю.Д. Апресян, *Прагматическая информация для толкового словаря*, [в:] *Прагматика и проблемы интенциональности*, Н.Д. Арутюнова (ред.), Москва 1988.

⁶² Н.И. Формановская, *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002, с. 25.

⁶³ Н.Р. Grice, *Logic and Conversation*, [в:] P. Cole and J. Morgan (eds.), *Syntax and Semantics, Vol. 3, Speech Acts*, New York 1975, с. 41–58.

Дж. Лич (Lich) уточняет и корректирует правила Г. Грайса (Grice). По его мнению, вежливым поведением является такое, при котором соблюдаются основные *максимы вежливости*:

- 1) тактичности – «максимум усилий и больше выгоды для другого»;
- 2) щедрости – «меньше выгоды и больше усилий для себя»;
- 3) одобрения – «больше похвалы в отношении другого и меньше самовосхваления»;
- 4) скромности – «больше скромности и меньше самовосхваления по отношению к самому себе»;
- 5) согласия – «больше согласия и меньше несогласия»;
- 6) симпатии – «больше симпатии и меньше антипатии»⁶⁴.

Применение этих принципов позволяет более успешно организовать речевое общение.

Вежливость как оценка статуса человека

По мнению некоторых исследователей, например, В.Е. Гольдина⁶⁵, В.И. Карасика⁶⁶ быть вежливым, значит придавать коммуниканту ту социальную роль, на которую он претендует. Социальная роль складывается из позиции, которую человек занимает в обществе, функции, которая свойственна этой позиции и нормативного образца поведения, следующего из позиции и функции⁶⁷.

Характерные особенности вежливости на Руси при феодализме показал в своих работах, посвященных местничеству, А.И. Маркевич. В тот период сословная иерархия отражалась значительным числом разнохарактерных средств. Для феодального этикета важны были не только возможности речевой интерпретации, но и соответствия «внешним знакам», правилам

⁶⁴ G.N. Leech, *Principles of Pragmatics*, London–New York 1983, с. 131–135.

⁶⁵ В.Е. Гольдин, *Речь и этикет*, Москва 1983.

⁶⁶ В.И. Карасик, *Язык социального статуса*, Москва 2002.

⁶⁷ Н.И. Формановская, *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002, с. 68

наследования и подобному⁶⁸. Сегодня это можно сравнить с этикетом замкнутой социальной общности людей (в армии или церкви) где внешний вид коммуниканта, а также специфичные формы общения, определяют место в иерархической системе.

Автор монографии «Речь и этикет», В.Е. Гольдин, иллюстрирует иерархичность на примере одной ингушской семьи, идущей по дороге, где члены располагаются в четко определенном порядке. Любой человек, знакомый с особенностями национального этикета, легко определял по их положению относительную важность каждого и знал, в каком порядке следует приветствовать членов семьи. Нарушением вежливости со стороны участников было стремление занять место более высокого ранга, чем ему положено. Со стороны встречного – приветствовать членов семьи не в том порядке, который соответствует представлениям о первенстве. По мнению ученого, невежливым является то этикетное действие, которое отводит адресату роль ниже, чем положено ему в соответствии с принятой в данном обществе системой ценностей⁶⁹.

Более подробно статусно-оценочное поведение с позиции говорящего, при коммуникации говорящего и адресата, показывает В.И. Карасик⁷⁰.

Взаимосвязь говорящего и адресата выражается в реакции партнера и векторе зависимости, который показывает зависимость говорящего от адресата или адресата от говорящего. В позиции общения *вышестоящий – нижестоящий*, а также при коммуникации *нижестоящий – вышестоящий*, исследователь предлагает рассматривать: вежливое и невежливое отношение на персональной и социальной дистанциях (наше – *уровнях*), т. е.:

1) вежливое отношение **вышестоящего к нижестоящему**:

- а) на персональном уровне – покровительство старшего и сильного младшему и слабому, защита, помощь и симпатия;
- б) на социальном уровне – возвышение статуса партнера до своего собственного, т. е. учтливое общение на равных.

⁶⁸ А.И. Маркевич, *О местничестве*, ч. 1, Киев 1879; А.И. Маркевич, *История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке*, Одесса 1888.

⁶⁹ В.Е. Гольдин, *Речь и этикет*, Москва 1983, с. 66

⁷⁰ В.И. Карасик, *Язык социального статуса*, Москва 2002.

- 2) вежливое отношение **нижестоящего к вышестоящему**:
 - а) на персональном уровне – отношение доверия, признательности, подчинение;
 - б) на социальном уровне – строгое соблюдение дистанции и открытая демонстрация признания своего более низкого статуса.
- 3) невежливое отношение **вышестоящего к нижестоящему**:
 - а) на персональном уровне выражается как отношение грубого доминирования, подчинения, не принимающего во внимание желания и чувства подчиненного человека;
 - б) на социальном уровне – взаимоотношения руководителя и подчиненного.
- 4) невежливое отношение **нижестоящего к вышестоящему**:
 - а) на персональном уровне – есть хамство, дерзко-бесстыдное отношение к старшим;
 - б) на социальном уровне – попытку понижения статуса этого человека и предъявления претензии на право занимать более высокое положение.

Что касается языкового выражения статусно-оценочного поведения, ученый подчеркивает, что вежливое поведение **на персональном уровне** предполагает стандартные способы выражения прямых просьб, извинений. **На социальном уровне** наблюдается формульное выражение. В силу условности вежливых формул эти высказывания произносятся и воспринимаются как внешнее проявление норм общения.

По мнению В.И. Карасика, «существуют относительно жесткие и относительно свободные формулы вежливости. Степень жесткости/свободы зависит от ситуации общения: чем протокольное, официальнее ситуация общения, чем более акцентируется статус участников, тем более жесткими будут формулы общения, включая формулы вежливости»⁷¹. Ученый также подчеркивает, что обусловленность той или иной формулы объясняется не только официальностью ситуации, но и содержанием соответствующего нормативного действия и традициями этноса. Эту мысль развивает

⁷¹ В.И. Карасик, *Язык социального статуса*, Москва 2002, с. 86.

Т.В. Ларина. Она пишет, что пути достижения большей степени вежливости различаются не только в зависимости от ситуативных и социальных параметров, но и от этнической культуры в целом⁷².

Таким образом, можно сказать, что вежливость с позиции статуса коммуникантов – относительная категория, зависящая от вектора зависимости между говорящим и слушающим и разницы в их социальном статусе. Следовательно, от наличия/отсутствия иерархических отношений (социального или возрастного плана) между собеседниками можно говорить об установлении между ними несимметричных либо симметричных отношений.

Вежливость как этическая и прагмалингвистическая категория⁷³

Выступая как *этическая категория*, вежливость является моральным качеством, нормой поведения и привычным способом обращения с окружающими. Она характеризует поведение человека и уважение к людям. Вежливость включает внимательность, внешнее проявление доброжелательности, готовность оказать услугу, деликатность и такт⁷⁴.

Вежливость рассматривается в непосредственной связи с речевым этикетом и культурой речи, а также с вопросами эффективной коммуникации. Самыми значимыми в этой области являются исследования Н.И. Формановской. Взяв за основу вышерассмотренные постулаты П. Грайса (Grice) и максимы Дж. Лича (Lich), ученая применяет их к русскоговорящим.

⁷² Т.В. Ларина, *Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*, Москва 2009, с. 37.

⁷³ Н.И. Формановская, *Употребление русского речевого этикета*, Москва 1984; Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*, Москва 1982; Н.И. Формановская, *Вы сказали: «Здравствуйте!» (речевого этикета в нашем общении)*, Москва 1989; Н.И. Формановская, *Речевого этикета и культура общения*, Москва 1989; Н.И. Формановская, *Прагматика побуждения и логика языка*, „Русский язык за рубежом” 1994, № 5–6, с. 34–40; Н.И. Формановская, *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002; Н.И. Формановская, *Культура общения и речевого этикета*, Москва 2005; Н.И. Формановская, *СМИ, лингвистика и речевого этикета*, „Журналистика и культура русской речи” 2009, № 1, с. 36–44.

⁷⁴ *Словарь по этике*, И.С. Кон (ред.), Москва 1981, с. 38.

Исследуя вежливость как сложное социально-культурное явление; Н.И. Формановская относит ее к функционально-семантическим категориям с прагматическими функциями выражения отношения говорящего к слушающему и к ситуации в целом⁷⁵. Важно при общении правильно распознать ситуацию общения и следовать строго своей профессиональной роли (деловое общение) или межличностной репрезентации (бытовое общение)⁷⁶.

То или иное именование человека, выбранное говорящим в определенной *ситуации общения*, несет прагматическую информацию и имеет этикетное значение: говоря *Витя*, мы сигнализируем «свой, близкий, отношения возможно дружеские, неофициальная обстановка». Сказав *Витька*, мы меняем показатель «дружественность» на «фамильярность»; говоря *Виктор Петрович*, мы отмечаем возраст или статус, официальность обстановки, уважительность; сказав *господин Петров*, переводим общение в сугубо официальную тональность.

Категория вежливости является регулятором поведения. Соблюдение принципа вежливости позволяет коммуникантам достичь коммуникативной цели. Через вежливость осуществляется функция воздействия на адресата. Для этого необходим осознанный и намеренный выбор языковых средств в соответствии с интенцией говорящего и желаемым прагматическим эффектом, учет определенных нормативных рамок для упорядоченной социальной интеракции.

Тесная связь между категорией вежливости и речевого этикета очевидна. Вежливость и ее демонстрация по отношению к собеседнику лежат в основе норм *этикета*. К соблюдению этих норм относится проявление таких качеств, как *вежливость, внимательность, тактичность, доброжелательность, выдержанность*. Их выражение происходит через конкретные речевые действия. Речевой этикет – это неотъемлемый элемент культуры общения.

⁷⁵ Н.И. Формановская, *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002.

⁷⁶ О.Я. Гойхман, Т.М. Надеина, *Речевая коммуникация*, Москва 2003.

3. Понятие речевого этикета

В настоящее время уже нельзя отрицать содержательность понятия *этикет* и важные общественные функции скрывающегося за ним феномена. *Этикет* – не просто стандарт поведения, а более или менее ритуализированная форма осмысленного общения. Изучение термина *этикет* показывает, что строгая кодификация и канонизация – лишь одна из тенденций в развитии этикета, которая не выражает сущности его культурного назначения. Каково же назначение этикета? В трудах философов преобладает мысль сближения этикета с нравственностью, а иногда прямого сведения к ней. Лингвисты рассматривают этикет как компонент общения, регулирующий эффективность коммуникации⁷⁷.

В «Словаре по этике» дается следующее определение понятия *этикет*: «Этикет (французское *etiquette* – «ярлык», «этикетка») – совокупность правил поведения, касающихся внешнего проявления отношения к людям (обхождение с окружающими, формы обращения и приветствий, поведение в общественных местах, манеры и одежда). Этикет – составная часть внешней культуры общества»⁷⁸. Такое определение является исчерпывающим и подчеркивает, что функцией этикета является формирование и использование таких правил поведения, которые способствуют взаимопониманию людей в ходе общения.

Все нормы этикета, по мнению В.П. Трофименко, можно свести к правилу: «неукоснительно, везде и во всем уважать общество в целом и каждого его члена в отдельности и относиться к ним так, как вы относитесь к себе и хотите, чтобы другие относились к вам»⁷⁹. Это своего рода отражение золотого правила, лежащего в основании многих религий и регламентирующего жизнь адептов.

Эту мысль развивает В.Е. Гольдин. Он подчеркивает, что этикет подчинен сложившейся системе ценностей, отражает, закрепляет ее. По его

⁷⁷ К. Стошкус, *Этикет в развитии общества*, [в:] А.А. Гусейнов (ред.), *Этическая мысль: научно-публицистические чтения*, Москва 1988, с. 241.

⁷⁸ *Словарь по этике*, И. Кон (ред.), Москва 1981, с. 416.

⁷⁹ В.П. Трофименко, *Поговорим об этикете*, Москва 1991, с. 4.

мнению, принимать определенный этикет, выполнять его предписания означает принимать существующую систему ценностей и тем самым признавать себя членом данного общества⁸⁰.

Этикет отличается от моральных норм. Как точно замечает В.И. Карасик: «можно нарушить этикет, соблюдая *моральные нормы* (помахать рукой в ответ на воинское отдание чести, если оба участника общения – военнослужащие), можно нарушить нормы морали, соблюдая этикет (холодно кивнуть в ответ на сердечное приветствие), можно одновременно нарушить и нормы морали, и нормы этикета, намеренно не ответив на приветствие знакомого человека»⁸¹.

Этикет – лишь одно из многочисленных средств общения, используемых людьми. Сравнение его с главным средством человеческого общения – языком – позволяет глубже разобраться не только в этикете, но и в самом языке.

Если под этикетом понимается установленный порядок поведения, то понятие *речевого этикета* (РЭ) неоднозначно. Более узкий подход к понятию РЭ трактует его как речевое поведение, признаком которого является автоматизированное воспроизведение устойчивых формул. При широком подходе он «регулирует выбор наиболее подходящего, наиболее уместного средства именно данным человеком, для его конкретного адресата, в данном конкретном случае, в данной ситуации и обстановке общения»⁸².

По нашему мнению, понятие *речевой этикет* целесообразно отграничивать от категории *вежливости*, поскольку категория вежливости распространяется не только на устойчивые, регулярно повторяющиеся формулы речевого этикета, но и внешний вид общающихся, их правила поведения и невербальные компоненты общения. Нельзя не согласиться с мнением В.С. Храковского о том, что выражение вежливости является факультативным дополнением к обязательному этикетному обращению⁸³.

⁸⁰ В.Е. Гольдин, *Речь и этикет*, Москва 1983, с. 11.

⁸¹ В.И. Карасик, *Язык социального статуса*, Москва 2002, с. 98.

⁸² Н.И. Формановская, *Культура общения и речевой этикет*, Москва 2005, с. 69–70.

⁸³ В.С. Храковский, *О правилах выбора «вежливых» императивных форм (Опыт формализации на материале русского языка)*, [в:] Г.В. Степанов (ред.), «Известия АН СССР» 1980, Серия литературы и языка, т. 39, № 3, с. 269–278.

Также следует уточнить понятия *речевой этикет* и *коммуникативное поведение*. Коммуникативное поведение описывает тематику общения, восприятие тех или иных коммуникативных действий носителями языка, особенности общения в больших коммуникативных сферах типа семья, коллектив, иностранцы, знакомые, незнакомые и многих других. Коммуникативное поведение описывает не только вежливое, эталонное общение, но и реальную коммуникативную практику. Коммуникативное поведение включает *речевой этикет* как составную часть⁸⁴.

За последние годы появилось большое количество исследований по вопросам вежливости и речевого этикета в разных культурах. Изучению речевого этикета (*etykieta językowa, grzeczność językowa*) в польском языкознании посвящено много научных трудов, отличающихся разноаспектным взглядом на проблему (см. Введение).

Отличительной чертой польского речевого этикета является его иерархичность, а также ориентация на партнера, который автоматически заслуживает уважение. При любой форме общения адресат ставится выше адресанта по всем параметрам.

Нормы и правила речевого этикета тесно связаны с культурой и обычаями страны и их использование не выходит за нормы традиций.

4. Изучение русского речевого этикета

Речевой этикет всегда привлекал внимание писателей и носителей русского языка, но его научное освоение началось лишь во второй половине XX века. Началу изучения русского *речевого этикета* (РЭ) послужила одноименная известная статья В.Г. Костомарова, написанная им в 1967 году⁸⁵. С этого времени появляется специальная область лингвистического знания – *речевой этикет* (сам термин вошел в обиход также во второй

⁸⁴ И.А. Стернин, *Проблемы описания национального коммуникативного поведения*, [в:] И.А. Стернин, Х. Эккерт (ред.), *Русское и немецкое коммуникативное поведение*, вып. 1, Воронеж 2002, с. 5.

⁸⁵ В.Г. Костомаров, *Русский речевой этикет*, „Русский язык за рубежом” 1967, № 1, с. 56–62.

половине 1960-х годов). Возникает интерес к *избитым фразам*, которые до этого довольно бессистемно включались в структуру лексикографических справочников и словарей.

В лингвистике распространено определение РЭ, данное Н.И. Формановской, которая посвятила изучению речевого этикета много научных трудов: речевой этикет – это «система устойчивых формул общения, приписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников, поддержания общения в избранной тональности соответственно их социальным ролям и ролевым позициям относительно друг друга, взаимным отношениям в официальной и неофициальной обстановке. В широком смысле РЭ, связанный с семиотическим и социальным понятием этикета, осуществляет регулирующую роль в выборе того или иного регистра общения»⁸⁶.

Современная теория русского речевого этикета прошла три этапа становления (по классификации Н.Л. Соколовой⁸⁷):

На *первом этапе* проблема этикета не рассматривалась. В общелингвистических исследованиях только упоминались единицы языка, сейчас называемые формулами речевого этикета.

На *втором этапе* большое внимание уделяется поиску экстралингвистических элементов, которые сопутствовали речевому этикету. Ему отводится «роль формального вербального компонента ситуации общения в тематически обусловленных рамках: приветствия, прощания, поздравления, пожелания и пр.»⁸⁸. Намечается поворот в сторону признания приоритета национально-культурной специфики речевого поведения.

Третий этап связан с именем Н.И. Формановской. Ее первые работы⁸⁹ привлекли внимание языковедов к формулам речевого этикета. С этого времени речевой этикет стал предметом лингвистических исследований.

⁸⁶ *Языкознание. Большой энциклопедический словарь*, В.Н. Ярцева (ред.), Москва 1998, с. 413.

⁸⁷ Н.Л. Соколова, *О системном характере речевого этикета*, „Филологические науки“ 2005, № 1, с. 43.

⁸⁸ Н.Л. Соколова, *Английский речевой этикет*, Москва 1991, с. 21.

⁸⁹ Н.И. Формановская, *Употребление русского речевого этикета*, Москва 1984; Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*, Москва 1982.

Речевой этикет в узком смысле слова может быть охарактеризован как система языковых средств, в которых проявляются этикетные отношения. Элементы этой системы реализуются на разных языковых уровнях. Специальные слова и устойчивые выражения (*Спасибо, Пожалуйста, Прошу прощения, Извините*) специализированные формы обращения (*Господин...*) в лексике и фразеологии. На уровне грамматики – использование формы множественно числа для вежливого обращения (*Вы*); использование вопросительных предложений вместо повелительных (*Вы не скажете, который час? Не могли бы Вы немного подвинуться?*). На уровне стилистики – отказ от употребления слов, прямо называющих непристойные и шокирующие объекты и явления. На интонационном уровне – использование вежливой интонации, на организационно-коммуникативном уровне – запрет перебивать собеседника⁹⁰.

Существуют признаки, отличающие РЭ от других видов общения:

- 1) ситуативность – выражает определенное отношение говорящего к его собеседнику только в конкретной ситуации;
- 2) регулятивность – регулирует отношения между людьми, участвующими в общении;
- 3) согласованность – предполагает, что в этикетной ситуации должен состояться обмен этикетной информацией;
- 4) наличие коммуникативной рамки – этикетные речевые акты, имеют стандартное начало и стандартное завершение. Совокупность выделенных признаков позволяет отнести данный вид общения к речевому этикету⁹¹.

Эти формулы ситуативно зависимы от степени знакомства участников коммуникации, возрастного фактора, родственных отношений, социального положения, и гендерного фактора.

В основе речевого этикета как функциональной микросистемы языковых единиц, по мнению Н.И. Формановской, лежат фундаментальные

⁹⁰ *Речевой этикет*, [в:] *Энциклопедия Кругосвет*, https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarne_nauki/lingvistika/RECHEVO_ETIKET.html [дата доступа: 20.06.2009].

⁹¹ И.А. Стернин, *Русский речевой этикет*, Воронеж 1996, с. 4.

(имманентные) функции языка: функция общения (коммуникативная) и функция выражения мыслей⁹².

На основе коммуникативной функции языка существуют специализированные функции речевого этикета: контактная (фатическая), вежливости (конативная), регулирующая (регулятивная), воздействия (императивная), призывная (апеллятивная). По мнению Н.И. Формановской, **фатическая** функция относится ко всем тематическим группам единиц речевого этикета, в начальной – это приветствия, в финальной – прощание. Попрощаться, это значит установить возможность контакта по истечении срока разлуки (*До встречи, До свидания*). О разрыве отношений говорит фраза (*Она ушла не попрощавшись*). Речевой этикет обслуживает **конативную** функцию, функцию ориентации на адресата. Реализация единиц связана с проявлением принятого в обществе вежливого обхождения, спецификой общения на «ты» и на «вы». Единицы в различных ситуациях общения служат для проявления вежливости в общении. Специальными актуализаторами вежливости являются: *Пожалуйста, Будьте любезны, Будьте добры* и т. д., которые включаются в соответствующие единицы. Выбор не той формулы в связи с изменениями в социальных параметрах носителей языка и обстановке общения, может нарушить контакт: *Привет, Здорово*, в официальной обстановке и со стороны младшего по возрасту и положению. Такие благодарности и прощания, как *Позвольте поблагодарить* и *Разрешите откланяться*, в непринужденной обстановке среди равных по положению партнеров. **Регулятивная** функция относима ко всем проявлениям речевого этикета. Выбор той или иной формулы при установлении контакта регулирует характер отношений. Например, выбор обращения: *Елена! Елена Николаевна! Уважаемая Елена Николаевна* определяет тональность последующего общения. Речевой этикет в языковых формах регулирует отношения *старший – младший, учитель – ученик, начальник – подчиненный*. Функция **воздействия** присуща речевому этикету в целом, так как любая единица предполагает (вызывает, должна вызывать) реакцию собеседника (вербальную, жестовую, действенную). Особенно

⁹² Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*, Москва 1982.

ярко и специализированно эта функция проявляется в тематических группах: *Просьба, Совет, Приглашение, Предложение*. **Апеллятивная** функция специфична для речевого этикета. Она свойственна единицам во всех тематических группах. **Эмотивная** функция присуща не всем (поэтому является факультативной), но многим единицам, связанным с самой природой установления и поддержания контакта: *Как я рад вас видеть! Я так рад вас видеть!* и т. п.

По мнению Н.И. Формановской, набор функций образует специфическое функциональное поле речевого этикета⁹³. Следовательно, человек, владеющий навыками речевого этикета, обладает большей воздействующей силой на собеседников, чем лицо, не владеющее этикетными нормами и правилами общения.

Элементы речевого этикета в лингвистической литературе обозначаются различными терминами, например, «застывшие конструкции» (О. Есперсен⁹⁴, В.В. Бузаров⁹⁵), «фразеологические штампы» (А.В. Кунин⁹⁶), «предложения-формулы» (Г.Г. Почепцов⁹⁷), «разговорные формулы» (Р.Р. Гельгардт⁹⁸, Г.В. Колшанский⁹⁹), «клише» (В.Д. Девкин¹⁰⁰, К.М. Рябова¹⁰¹), «клишированные конструкции» (Л.Л. Нелюбин¹⁰², Л.П. Чахоян¹⁰³), «единицы речевого этикета» (Н.Л. Соколова¹⁰⁴) и «формулы речевого этикета»

⁹³ Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*, Москва 1982.

⁹⁴ О. Есперсен, *Философия грамматики*, Москва 1958.

⁹⁵ В.В. Бузаров, *Основы синтаксиса английской разговорной речи*, Москва 1998.

⁹⁶ А.В. Кунин, *Фразеология современного английского языка*, Москва 1972.

⁹⁷ Г.Г. Почепцов, *Теория коммуникации*, Москва 2001.

⁹⁸ Р.Р. Гельгардт, *Исследование стиля художественной речи: Теоретические основы*, Москва 2011.

⁹⁹ Г.В. Колшанский, *Коммуникативная функция и структура языка*, Москва 2007.

¹⁰⁰ В.Д. Девкин, *Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика*, Москва 1979.

¹⁰¹ К.М. Рябова, *Коллоквиальная лексика современного английского языка*, Автореф. дис. канд. филол. наук, Одесса 1980.

¹⁰² Л.Л. Нелюбин, *Лингвостилистика современного английского языка*, Москва 2007.

¹⁰³ Л.П. Чахоян, *Синтаксис диалогической речи современного английского языка*, Москва 1979.

¹⁰⁴ Н.Л. Соколова, *Английский речевой этикет*, Москва 1991; Н.Л., Соколова, *О системном характере речевого этикета*, „Филологические науки” 2005, № 1, с. 43–52.

(А.А. Акишина, Н.И. Формановская¹⁰⁵). Именно это название мы используем в своем исследовании.

Эти слова и фразы представляют собою клише и стереотипы. Л.П. Якубинский писал в своей работе, что «говорение в связи с определенными шаблонами быта влечет образование целых шаблонных фраз, как бы прикрепленных к данным бытовым положениям и шаблонным темам разговора»¹⁰⁶. Наличие готовых схем избавляет человека в ситуации общения от конструирования.

«Достоинством» формул речевого этикета (ФРЭ) является их ситуативность, «прикрепленность» к обстановкам общения. Они отражают различия в выборе того или иного регистра общения. Системы этикетных высказываний с высокой точностью отражают историческое время и социальные слои их уместного применения. Различия выражаются в обращении на «ты» или на «вы», в деревне или в городе, среди знакомых или незнакомых, равных по возрасту или нет. По этикетным формулам нетрудно распознать и возраст говорящего, и уровень его образования, и социальную принадлежность, а иногда и профессию¹⁰⁷.

Формулы речевого этикета (ФРЭ), являясь неотъемлемой составляющей речи, обслуживают различные *речевые ситуации*. Согласно словарному толкованию, «ситуация, в которой осуществляется речевое взаимодействие между коммуникантами» определяется как *речевая ситуация*¹⁰⁸.

Вслед за Н.И. Формановской, под *коммуникативной ситуацией (речевой ситуацией)* мы понимаем «сложный комплекс внешних условий общения и внутренних состояний общающихся, представленных в речевом произведении – высказывании, дискурсе», который, «с одной стороны, порождает речь, а с другой – отражается в речи в своих существенных компонентах»¹⁰⁹.

¹⁰⁵ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978.

¹⁰⁶ Л.П. Якубинский, *Избранные работы. Язык и его функционирование*, Москва 1986, с. 48.

¹⁰⁷ М.Р. Львов, *Основы теории речи*, Москва 2002, с. 145.

¹⁰⁸ В.А. Салимовский, *Речевая ситуация*, [в:] *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, изд. 2-е, М.Н. Кожина (ред.), Москва 2006, с. 350–351.

¹⁰⁹ Н.И. Формановская, *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002, с. 42.

Впервые модель коммуникативной (речевой ситуации) была предложена Р.О. Якобсоном¹¹⁰ в 1965 году. Это «адресант – сообщение – адресат – контекст – контакт – код». Позже эта модель расширялась и дополнялась различными учеными В.Г. Гаком¹¹¹, И.П. Сусовым¹¹², К.А. Долининым¹¹³ и др.

Компонентами речевой ситуации являются: 1) адресант и адресат, имеющие пресуппозиции, мотив и цель общения, а также наделенные определенными социальными статусами и ролями; 2) речевые действия коммуникантов; 3) место, время общения; 4) невербальные компоненты общения¹¹⁴.

А.А. Акишина и Н.И. Формановская¹¹⁵ выделяют 15 речевых ситуаций (некоторые ученые, например Т.В. Шмелева¹¹⁶ (1997), называет их *речевыми жанрами*), в которых рассматривают устойчивые *речевые формулы*, которые, наряду со стратегиями поведения и речевыми стратегиями, «составляют» категорию вежливости. Это: «Обращение и привлечение внимания», «Приветствие», «Знакомство», «Приглашение», «Просьба, совет, предложение», «Согласие и отказ в ответ на просьбу и приглашение», «Согласие и несогласие с мнением собеседника», «Извинение», «Жалоба», «Утешение, сочувствие», «Комплимент, одобрение», «Неодобрение, упрек», «Поздравление, пожелание, тосты», «Благодарность», «Прощание». Эти ситуации будут рассмотрены на материале русской классической литературы XIX века.

Нельзя не согласиться с Н.И. Формановской¹¹⁷ в том, что понятие ситуации речевого этикета и его единиц принципиально важно: с одной стороны, единицы речевого этикета типизированно проявляются в соответствующих

¹¹⁰ Р.О. Якобсон, *Избранные работы*, Москва 1985.

¹¹¹ В.Г. Гак, *Высказывание и ситуация*, [в:] С.К. Шаумян (ред.), *Проблемы структурной лингвистики 1972*, Москва 1973, с. 367–395.

¹¹² И.П. Сусов, *Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы*, Калинин 1986.

¹¹³ К.А. Долинин, *Интерпретация текста*, Москва 1985.

¹¹⁴ Н.И. Формановская, *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002, с. 42–45.

¹¹⁵ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978.

¹¹⁶ Т.В. Шмелева, *Модель речевого жанра*, [в:] В.Е. Гольдин (ред.), *Жанры речи*, Саратов 1997, с. 88–98.

¹¹⁷ Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*, Москва 1982.

ситуациях, с другой стороны, компоненты ситуаций откладывают в них категориально значимые признаки – в силу устойчивой прикрепленности к стандартным ситуациям стереотипных единиц.

5. Национально-культурные особенности русского речевого этикета

Национально-культурные особенности поведения стали объектом исследования различных научных дисциплин – культурологии, социологии, когнитивистики, межкультурной коммуникации, психолингвистики и др. Это позволило ученым прийти к выводу о культурной обусловленности общения, где языковая составляющая является его неотъемлемой частью. Культура, мышление и язык являются взаимосвязанными и представляют собой единое целое. Различия условий жизни и истории у разных народов обуславливает разнородный переход от внеязыковой реальности к словесному выражению. Язык вербализует национально-культурную картину мира и передает ее из поколения в поколение.

Внимание писателей и поэтов издавна привлекали психологические механизмы действия сознания больших масс людей. В литературе можно встретить множество художественных описаний поведения людей в различных ситуациях, в которых представлены реакции на события, настроения героизма, мужества, преданности и предательства, храбрости и трусости, верности и измены.

Уместно использование такого понятия как *менталитет*, имплицитного строя нации, складывающегося под влиянием векового образа жизни и многих сопутствующих причин, передающегося из поколения в поколение через все многообразие опыта практической жизнедеятельности, непосредственного поведения и поступков, неизъяснимых манер и интонаций¹¹⁸.

Исследователи отмечают следующие компоненты, составляющие структуру менталитета: 1) образы окружающего мира и природы; 2) образы

¹¹⁸ О.Г. Почепцов, *Языковая ментальность: способ представления мира*, „Вопросы языкознания” 1990, № 6, с. 118.

пространства времени и истории; 3) религиозные представления; 4) образы тела и души; 5) образы радости, счастья и страдания; 6) образы болезни; 7) образы страха и надежды; 8) образы умирания и смерти; 9) представления об индивидууме, семье и обществе; 10) представления о любви и сексуальности; 11) представления о возрастных особенностях; 12) образы чужого и собственного; 13) представление о власти; 14) представление о праве; 15) образы работы и праздника; 16) образы общения¹¹⁹. Отражение данных элементов в той или иной культуре показывает ее национальное своеобразие.

Источником русского менталитета являются особенности русской земледельческой общины, в которой не было частной собственности на землю, и факт длительного сохранения ее признаков. Это послужило основой для формирования глубинной и осознанной потребности в единении, содружестве, сопричастности к общему делу, выражаемыми понятиями «соборность», так и для развития своеобразия личности. Поэтому, национальное своеобразие русской культуры узнаваемо и в период Крещения Руси, и в период монголо-татарского ига, и во времена царствования Ивана Грозного, и при жизни А.С. Пушкина, и в «серебряный век», и при советской власти, и в эмиграции, и на современном этапе развития России¹²⁰.

Понимание русской культуры представляет сложность в силу ряда причин. С геополитической точки зрения (местоположение, климат, история), она является *срединной*. Культурная оппозиция Восток-Запад изучена достаточно подробно, русская культура, в силу ее относительно более позднего в сравнении и с западными, и с восточными культурами формирования, осмыслена недостаточно.

Именно эта *срединность* лежит в основе *русского национального характера* (под национальным характером понимаем передающиеся из поколения в поколение свойства, присущие большинству личностей).

В литературе, посвященной русскому национальному характеру, чаще всего подчеркивается его антиномичность, противоречивость.

¹¹⁹ Н.С. Южалина, *Менталитет. Сущность и структура явления*, Челябинск 2002, с. 9.

¹²⁰ И.В. Кондаков, *Культура России: краткий очерк истории и теории*, Москва 1998, с. 36.

Н.А. Бердяев¹²¹, В.О. Ключевский¹²², Д.С. Лихачев¹²³ и другие исследователи давали описание русского характера.

Приведем характеристику Н.О. Лосского, по нашему мнению, являющуюся более полной. Исследователь в качестве основных черт, в которых проявляется противоречивость русского характера, выделяет:

- 1) религиозность, включающую и воинствующий атеизм;
- 2) страстная сила воли, максимализм и пассивность, лень (обломовщина);
- 3) свобода духа, искание высших ценностей и склонность к анархии, нигилизм (у интеллигенции), хулиганство (у простого народа);
- 4) исконная доброта и необузданная жестокость;
- 5) даровитость и сатирический склад ума, склонность к самоуязвлению;
- 6) мессианизм и отсутствие самодисциплины, чувства меры, шараханье из крайности в крайность;
- 7) способность к высшим формам опыта – атеизм, бунтарство;
- 8) доброта как преобладающая черта русского характера и жестокость.

К особым слабостям русского характера он относит: небрежность в работе, беспечность, критиканство и отсутствие действия, пьянство, своеволие и попустительство, склонность к абсурдным поступкам, внутренняя саморазорванность и увлечение безудержным самобичеванием. Главной бедой русского народа он считает недостаток средней области культуры, максимализм: «все или ничего».

В то же время выделяет особые достоинства, такие как: глубокая религиозность и связанные с нею совестливость, искание абсолютной правды; теплота личного и семейного общения; сила воли и страстность, проявляемая в религиозной, политической жизни, направленная на утверждение какой-либо ценности.

По его мнению, максимализм, экстремизм и фанатическая нетерпимость есть порождения этой страстности¹²⁴.

¹²¹ Н.А. Бердяев, *Судьба России*, Москва 1997.

¹²² В.О. Ключевский, *Исторические портреты. Деятели исторической мысли*, Москва 1991.

¹²³ Д.С. Лихачев, *Заметки о русском*, Москва 1984.

¹²⁴ Н.О. Лосский, *Характер русского народа*, Москва 2005.

Очень важно учитывать национально-культурные особенности норм общения. У разных народов существуют особые ограничения тем и средств общения: специфика употребления жестов; интенсивность жестикуляции во время речи; мимическое сопровождение речи; различия в степени близости во время разговора; громкости и эмоциональности речи. Такие различия достаточно велики. В случае нарушения привычных для данного народа коммуникативных норм возможен «культурный шок»: эмоциональность, громкость речи, усиленная жестикуляция могут быть истолкованы как оскорбительная развязность. Так воспринимается мусульманином вопрос о здоровье жены¹²⁵.

Культура общения опирается на систему национальной речевой культуры, в которую входит и национальный язык с особенностями его картины мира и знание прецедентных текстов, лежащих в основе культуры данного народа (христианская и мусульманская культура с точки зрения текстов библейских и текстов Корана, на которых основаны нравственные нормы), и на свойственные данному народу традиции и ритуалы.

Национальная принадлежность, творчески преобразованная сознанием и пропущенная через призму ценностной и эмоционально-чувственной сферы, воплощенная в языковых формах родного языка, и есть *языковой менталитет* (термин Т.Б. Радбиля)¹²⁶.

Язык является вместилищем души, духа народа, это коллективный продукт национального творчества. Ф.И. Буслаев в своей книге «О преподавании отечественного языка» писал о том, что язык выражает не только народную мыслительность, но и весь быт, нравы и поверья страны, а также ее историю¹²⁷.

В языке отражаются национально-специфичные конфигурации смысла, так например, русское слово *друг* не совпадает по объему семантики с аналогичным английским словом *friend*, которое, скорее, соответствует русскому *приятель*. Близкие и доверительные отношения, заложенные

¹²⁵ В.Е. Гольдин, О.Б. Сиротинина, М.А. Ягубова, *Русский язык и культура речи*, Саратов 2001, с. 103.

¹²⁶ Т.Б. Радбиль, *Основы изучения языкового менталитета*, Москва 2010, с. 7.

¹²⁷ Ф.И. Буслаев, *О преподавании отечественного языка*, Москва 2010.

в слове друг, могут быть переданы описательным сочетанием *close friend* (*близкий друг*). В системе собственных имен присутствует разветвленная система экспрессивного словообразования, в результате этого, на основании одного имени могут быть образованы около 20 производных диминутивов и пейоративов (Александр – *Саша, Сашенька, Сашуля, Сашка*). Каждый из них выражает тонкие и сложные регистры эмоционально-оценочных отношений. Так же действует способ глагольного действия, передающий посредством присоединения префиксов и суффиксов к глагольной основе неперебиваемые на другие языки действия – *бежать, отбежаться, разбежаться, набегаться*¹²⁸.

Чтобы понять и описать мир людей других обществ в их собственных терминах, следует посмотреть на менталитет изнутри, глазами носителя культуры. Вербальные и невербальные знаки выступают репрезентантами ментальности в коммуникативном пространстве. Их анализ будет служить возможностью выявления способов ретрансляции менталитета народа в наиболее показательной области как речевой этикет.

Срединность России, относящая ее и к европейской, и восточной культурам, нашла отражение и в речевом этикете. Русский речевой этикет в сравнении с западным, по замечанию Р. Ратмайр, отличается позитивная вежливость – «вежливость сохранения солидарности», в то время как западноевропейская – это негативная вежливость, или «вежливость сохранения дистанции». В коммуникации русских большое внимание уделяется самочувствию партнера. Вопрос о состоянии его здоровья, как правило, не пустой звук, поэтому и подробный ответ будет вполне уместным. Для русских коммуникативные постулаты, такие как: *постулат симпатии, постулат признания* и *постулат одобрения*, соблюдать важнее, чем «избегающий» *постулат такта*¹²⁹. Следует отметить, что с точки зрения общественной нравственности неискренняя вежливость в русской культуре оценивается негативно¹³⁰.

¹²⁸ Т.Б. Радбиль, *Основы изучения языкового менталитета*, Москва 2010, с. 68.

¹²⁹ Р. Ратмайр, *Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры*, Москва 2003, с. 25–28.

¹³⁰ И.А. Стернин, *Улыбка в русском коммуникативном поведении*, [в:] И.А. Стернин (ред.), *Русское и финское коммуникативное поведение*, вып. 1, Воронеж 2000, с. 53–61.

Для русской культуры нормально использовать в качестве формулы речевого этикета обращение к незнакомому человеку: *Вы выходите?* Для английской культуры, не затрагивая личность собеседника, следует сказать: *Извините, я выхожу.*

Английская вежливая просьба *Would You pass me the salt?*, означающая *Могли бы Вы передать мне соль?* Русская же формула речевого этикета косвенного выражения вежливой просьбы через вопрос использует отрицательную форму: *Не могли бы Вы мне передать соль?* На уровне имплицитных пресуппозитивных смыслов в русском варианте можно увидеть установку на коммуникативную неудачу, сомнение и неуверенность говорящего в успешности речевого акта¹³¹.

Для американской культуры приемлемо именование президентов полуофициальными и домашними именами, например, *Билл Клинтон*, что недопустимо в русской речевой культуре. Также называние ребенка несколькими именами: *Анна Мария*. Для английской культуры не существует разграничения на «ты» и на «вы» и именованя людей по имени-отчеству.

Сравнивая русский и восточный речевой этикет, можно сказать, что восточный более ритуализирован, не допускает никаких отклонений от общепринятой нормы. Каждое сказанное слово, каждый поступок оценивается с точки зрения этой нормы. Также различно общение между представителями разного пола. По мнению И.А. Стернина, общение мужчины и женщины в русской культурной традиции выступает как горизонтальное, а в мусульманской – как вертикальное¹³². В этом отношении показательна, например, ситуация «Комплимент, одобрение», из романа М.Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». Героиня романа – черкешенка Бала, восточная женщина, делает комплимент русскому офицеру Печерину:

[...] пропела ему... как бы сказать? вроде комплимента.

– А что ж такое она пропела, не помните ли?

¹³¹ Т.Б. Радбиль, *Основы изучения языкового менталитета*, Москва 2010, с. 71.

¹³² И.А. Стернин, *Улыбка в русском коммуникативном поведении*, [в:] И.А. Стернин (ред.), *Русское и финское коммуникативное поведение*, вып. 1, Воронеж 2000, с. 5.

– Да, кажется, вот так: *«Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нем золотые. Он как тополь между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду»*.

Это совершенно несвойственно для русского речевого этикета в этой ситуации общения.

Следует сказать о задушевной манере русских обращаться к незнакомым людям посредством терминов родства (дочка, сынок, бабушка). Об этом пишет Д.С. Лихачев: «Когда хочешь вспомнить о человеке с ласкою, то мысль невольно кружится вокруг того, что у него были родные – может быть, дети, может быть, братья, сестры, жена, родители»¹³³.

Нельзя не согласиться с В.В. Колесовым, по мнению которого, понятие этикет, как совокупность внешних правил поведения в отношении к другим людям, не очень понятен русской ментальности; он воспринимается как принудительная мера в регламенте ритуала. За этикетом может скрываться недоброжелательство, осуждение или враждебность. В русской речи слову *этикет* соответствует сочетание *правила поведения* и они требуют органически естественного общения – открыто, искренне и заинтересованно¹³⁴.

6. История формирования русского речевого этикета

Русь достаточно долгое время жила замкнуто и практически не имела контактов с восточными и европейскими странами. Это обстоятельство, естественно, отразилось на культурной жизни страны. Уклад жизни был патриархальным.

Письменно правила поведения впервые были даны в «Поучениях Владимира Мономаха». Вот выдержка из этого произведения: «и человек не

¹³³ Д.С. Лихачев, *Великий путь: становление русской литературы XI–XVII вв.*, Москва 1987, с. 418–494.

¹³⁴ В.В. Колесов, *Язык и ментальность*, Санкт-Петербург 2004.

минѣте, не привѣчавше, добро слово ему дадите» (Не пройдите мимо человека, не приветствуя его, а скажите всякому при встрече доброе слово)¹³⁵.

Позже, в первой половине XVI века, в России была написана книга, называемая «Домостроем», которая содержит в себе полезные советы, поучения и наставления всякому христианину: и мужу, и жене, и детям, и слугам. «В книге найдете Вы советы, как жить в мире и согласии с женами и детьми, с домочадцами своими, как их учить, во всяких делах беречь, душевно и телесно чистыми остаться»¹³⁶. Название этого уникального сочинения до сих пор известно каждому русскому человеку.

В допетровскую эпоху в России существовала в известной степени «эгоцентрическая», то есть направленная преимущественно на саму себя, на говорящего, самоуничижительная вежливость. С реформами Петра I в Россию пришла свойственная западноевропейскому двору вежливость, ориентированная на партнера. В докладах о приезжающих на Запад российских дипломатах, говорится, что они «не в состоянии сдерживать чрезмерные чувства, никогда не учились принуждать себя, они наивны, прямолинейны, любят поспорить, применить силу, они грязны, необузданны в питье и в другом. Это поведение, оцениваемое в Западной Европе негативно, привело к тому, что русских вообще недооценивали за границей. Под влиянием Лефорта и других иностранных советников Петр I осознал связь между внешним поведением и престижем и ускорил *европеизацию* манер с помощью политики пропаганды, перевода книг по правилам приличия и строгих мероприятий по установлению дисциплины»¹³⁷.

Постепенно в России начинали складываться правила поведения, этикетные нормы. Они представлены в сборнике «Юности честное зерцало, или Показание къ житейскому обхождению» 1717 года. Вот один пример из этого сборника, отражающий речевой этикет обращения:

¹³⁵ *Поученье Владимира Мономаха*, [в:] *Лѣтопись Нестора со включениемъ Поучения Владимира Мономаха*, Санкт-Петербург 1903, с. 127.

¹³⁶ *Домострой*, (Предисловие), В. Сенин (ред.), Санкт-Петербург 1992, с. 4.

¹³⁷ Р. Ратмайр, *Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры*, Москва 2003, с. 32–33.

6. Когда родітели, или кто другіи ихъ спросятъ, [позовутъ], то должно они, къ нимъ отозватца и отвѣщать тотчасъ, какъ голосъ посылшатъ. И потомъ сказать: что изволіте государь батюшко; или государоня матушка. Или что мнѣ прикажете государь; а не такъ, что, чего, што, какъ ты говорішь, чего хочешъ...¹³⁸.

Широко применяемые Петром I переучивание придворных и внедрение «манер, свойственных Западной Европе, преимущественно направленных на партнера, рафинированных, поскольку лезть в них искусно дозирована, представляли собой долгий процесс, встречавший сильное сопротивление»¹³⁹.

В каждой общественной группе исторически складываются, а иногда и сознательно устанавливаются, типичные для членов группы формы поведения. Являясь обычными для входящих в нее людей, они становятся признаками принадлежности к тому или иному коллективу. Правила приличия выполняют функцию пароля: человек ведет себя, как мы, значит он свой. Например, как пароль рекомендовались правила поведения, отраженные в упомянутой книге «Юности честное зеркало»:

Младые отроки должны всегда между собою говоріть иностранными языки, дабы тѣмъ навыкнутъ могли: а особливо когда имъ таіное говоріть случітся, *чтобъ слуги и служанки дознаться не могли, и чтобъ можно ихъ отъ другіихъ не знающіихъ болвановъ распознать...*¹⁴⁰

На протяжении XVIII века и, особенно, первой половины XIX века началось новое обогащение общерусского языка заимствованной лексикой. Происходило усложнение его за счет новых сочетаний, калькированных с новоевропейских языков, форм управления, фразеологизмов, многих семантических новаций¹⁴¹.

¹³⁸ Юности честное зеркало или показаніе къ житеискому обхожденію, Санктъ Пітер-бурхъ 1717, с. 5.

¹³⁹ Р. Ратмайр, *Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры*, Москва 2003, с. 33.

¹⁴⁰ Юности честное зеркало или показаніе къ житеискому обхожденію, Санктъ Пітер-бурхъ 1717, с. 18–19.

¹⁴¹ В.В. Колесов, *Жизнь происходит от слова...*, Санкт-Петербург 1999, с. 32.

Все это нашло свое отражение в речевом этикете, о чем свидетельствует пример из произведения А.П. Чехова «Ионыч». Мещанин Туркин, обращаясь к доктору Старцеву, употребляет приветствие – *бонжурте*:

– А, здравствуйте пожалуйста! – встретил его Иван Петрович, улыбаясь одними глазами. – *Бонжурте*.

Бонжурте – это приветствие, характерное для отдельной языковой личности, является ненормативной трансформацией французского приветствия (*bonjour* – добрый день). По аналогии: *прощай-те*, *бонжур-те*. Считается макаронизмом.

Рассматривая русский речевой этикет XIX века, мы должны обратить внимание на те социальные слои, которые существовали в России в то время: дворянство (аристократия), купечество, крестьянство, разночинцы. В середине XIX века в России насчитывалось около «103 тысяч дворян-помещиков, владевших населенными имениями (владение крепостными „душами“ было монополией потомственного дворянства). Было лишь небольшое число „посессионных“ крестьян, приписанных к фабрикам и заводам, принадлежащим купцам и фабрикантам недворянского звания. Из них 41% был „мелкопоместных“, имевших не более 20 крестьянских душ. Они в своей жизненной обстановке мало отличались от крестьян, но тем более ценили свое „столбовое дворянство“, и усиленной эксплуатацией своих немногих подданных. Высший слой русского дворянства имел свой „золотой век“ во второй половине XVIII столетия»¹⁴².

Как пишет С.Г. Пушкарев: «Среднее поместное дворянство занималось сельским хозяйством. Дворянская молодежь по большей части поступала на службу (преимущественно военную), но, получив первый или второй офицерский чин, обыкновенно выходила в отставку, обзаводилась семьей и поселялась в отцовских имениях, где предавалась хозяйственным заботам. Образовательный и моральный уровень помещичьей среды в целом был невысок»¹⁴³.

¹⁴² С.Г. Пушкарев, *Россия в XIX веке (1801–1914г)*, Нью-Йорк 1956, с. 58.

¹⁴³ Там же, с. 59.

В то время «русский аристократ XIX века – это совершенно особый тип личности. Весь стиль его жизни, манера поведения, даже внешний облик несли на себе отпечаток определенной культурной традиции»¹⁴⁴. «Дворянское воспитание – это не педагогическая система, не особая методика, даже не свод правил. Это, прежде всего, образ жизни, стиль поведения, усваиваемый отчасти сознательно, отчасти бессознательно: путем привычки и подражания; это традиция, которую не обсуждают, а соблюдают»¹⁴⁵. О.С. Муравьева считает, что чтобы узнать правила поведения, этикет дворянского общества, лучше всего обращаться не к учебникам хорошего тона, а к мемуарам, письмам, дневникам, к художественной литературе. Понятно, что мемуары писали преимущественно представители дворянства, а речевой этикет в крестьянской, купеческой и в среде разночинцев можно почерпнуть в основном из произведений художественной литературы.

После революции 1917 года один из первых декретов Советской власти гласил: «Всякие звания (дворянина, купца, мещанина, крестьянина и пр.), титулы (княжеский, графский и пр.) и наименования гражданских чинов (тайные, статские и прочие советники) уничтожаются и устанавливается одно общее для всего населения России наименование гражданина Российской республики»¹⁴⁶.

Долгие десятилетия коммунистической идеологии, при которой во всех сферах жизни личность подчинялась коллективу, стали причиной того, что в России и во всем Советском Союзе снизилась ценность вежливости, правил хорошего тона и умения извиниться в случае их нарушения. Пролетаризация культуры в связи с преобладанием рабочего класса привела к тому, что за вежливыми формами закрепилось клеймо аристократических и мещанских, и в большинстве слоев населения они практически исчезли¹⁴⁷.

¹⁴⁴ О.С. Муравьева, *Как воспитывали русского дворянина*, Москва 1995, с. 7.

¹⁴⁵ Там же, с. 10.

¹⁴⁶ Н.И. Формановская, *Речевой этикет и культура общения*, Москва 1989, с. 91.

¹⁴⁷ Р. Ратмайр, *Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры*, Москва 2003, с. 34.

В.Е. Гольдин описывает, как о советском этикете отзывались взрослые люди: «Плевали мы на разные ломанья-кривлянья, подавай нам духовную красоту, а не притворство, этикеты! Князя – графы выискались... Была бы душа хорошая – остальное приложится». Как мы видим, между этикетом и жеманством в сознании некоторых возник знак равенства¹⁴⁸.

В настоящее время ситуация поменялась. В современном русском языке и речи происходит очень много изменений. В лексике современного русского языка отсутствует слово, которое служило бы вежливым и универсальным обращением к незнакомому человеку. При обращении часто употребляются формулы, не затрагивающие личность собеседника: *Извините..., Позвольте..., Будьте добры...* в отличие от обращений XIX века, подчеркивающих социальное положение: *граф, князь*.

Политические и экономические изменения в России конца XX – начала XXI веков не могли не сказаться на состоянии языка. По мнению многих ученых, конец XX века характеризуется крайней нестабильностью русского языка. Можно сказать, что перемены привели к отмене политической цензуры, что ликвидировало языковую цензуру и открыло путь в печать, на экраны телевизоров, на радио, в кино и литературу большого объема сниженной, жаргонной, вульгарной и даже нецензурной лексики¹⁴⁹. «Принципиальным рубежом можно считать 1985-й год, ставший той самой... лингвистической вехой, после которой в русском языке и в русском дискурсе возникли и до сих пор продолжают совершаться совершенно новые процессы»¹⁵⁰.

В последние десятилетия укореняется обычай называть российских политических лидеров «на западный лад», используя имя в сочетании с фамилией, но без отчества, например, *Дмитрий Медведев*. Постепенно исчезли из обихода обращения *товарищ* и *гражданин*. Происходит возрождение ряда речевых формул и обычаев, характерных для церковного обихода.

¹⁴⁸ В.Е. Гольдин, *Речь и этикет*, Москва 1983, с. 8.

¹⁴⁹ И.Н. Пахомова, *Новые процессы в русском речевом этикете*, „Полилингвальность и транскультурные практики” 2012, № 3, с. 62.

¹⁵⁰ М.А. Кронгауз, *Речевой этикет: внешняя и внутренняя типология*, доклады на международной конференции «Диалог», 2004, <http://dialog-21.ru/media/2538/krongauz.pdf> [дата доступа: 15.02.2014].

Теперь в дни Светлого Христова Воскресения на улицах нередко можно услышать приветствие *Христос Воскресе!* и ответ *Воистину Воскресе*. Но дело не в том, что поменялся речевой этикет, а в том, что прекратились открытые гонения на веру¹⁵¹.

Пристальное внимание ученых сосредоточено на лексиконе и его пополнении. Но менее заметными оказываются изменения в речевом этикете, несмотря на то, что речевой этикет, являясь системой установления и поддержания контакта коммуникантов, служит регулятором правил речевого поведения, представляет собой кодифицированную, изменяющуюся область языка, чутко реагирующую на изменения в обществе¹⁵². По мнению известного исследователя русского речевого этикета М.А. Кронгауза, это связано с тем, что «старшее поколение рассматривает результат подобных изменений как простое и случайное нарушение (невоспитанность молодежи и т. п.), а младшее – напротив, как норму»¹⁵³.

Большое влияние на появление новых формул речевого этикета оказывают телевидение и интернет-ресурсы. М.А. Кронгауз подчеркивает, что появление новых вариантов приветствия и прощания возникло прежде всего в «телевизионной» речи и приводит пример из речи тележурналиста, ведущего различных кинопрограмм, который настойчиво при прощании использовал редуцированную формулу *Пока-пока*¹⁵⁴. Для многих носителей русского языка такая форма вообще не осознается как нечто новое, поскольку в русском речевом этикете в принципе возможен повтор форм приветствия и прощания: *Здравствуйте, здравствуйте!, Привет, привет!, До свиданья, до свиданья!* Но особая интонация и специфически быстрый темп речи показывают, что здесь мы скорее имеем дело с единой редуцированной формулой, используемой вполне сознательно как

¹⁵¹ А.Д. Шмелев, *Ложная тревога и подлинная беда*, „Отечественные записки” 2005, вып. 2(23).

¹⁵² Н.И. Пахомова, *Новые явления в употреблении формул приветствия в СМИ*, „Русский язык за рубежом” 2008, № 1, с. 68.

¹⁵³ М.А. Кронгауз, *Речевой этикет: внешняя и внутренняя типология*, доклады на международной конференции «Диалог», 2004, <http://www/dialog-21.ru/media/2538/krongauz.pdf> [15.02.2018].

¹⁵⁴ М.А. Кронгауз, *Новое в речевом этикете*, „Русский язык” 2001, № 3, с. 1–2.

калька английского *bye-bye*. Эта новация реализована только в очень узком журналистском кругу. М.А. Кронгауз приводит пример телевизионного приветствия: *Доброй ночи!* Его появление связывается с новыми реалиями – возникновением ночного телевидения. Это приветствие стали употреблять телеведущие, позднее оно было подхвачено телезрителями, задающими вопросы в прямом эфире. Также новацией является и обращение *Доброго времени суток!*, появление которого связано с особенностями общения в интернет-ресурсах.

В художественных произведениях писатели передают язык представителей определенной эпохи, различных слоев общества, отражая в речи персонажей их общественные взгляды, образовательный уровень, индивидуальные языковые особенности, а также изображая социальные отношения.

В своем исследовании русского речевого этикета мы обращаемся к произведениям русской классической литературы XIX века. Наше обращение к произведениям русской литературы XIX века не случайно. К XIX веку формулы речевого этикета достигли вершины в своем развитии и нашли наиболее полное отражение в классической литературе.

ГЛАВА II

ФОРМУЛЫ РЕЧЕВОГО ЭТИКЕТА В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ XIX ВЕКА

1. Обращение и привлечение внимания

Обращение к собеседнику – это самая употребительная языковая единица, связанная с этикетными знаками. «**Обращением** называют слово или группу слов, которые называют того, кому адресована речь»¹.

В функциональном отношении обращение двойственно, с одной стороны оно позволяет адресату идентифицировать себя как получателя речи, а с другой – в апеллятиве часто выражается отношение к адресату. Апеллятив дает возможность развернуть всю шкалу номинаций от имен собственных и местоимений до субъективно-оценочных предикатов и продемонстрировать разные возможности их комбинирования².

Обращаясь к человеку, мы как-то называем его, обозначая в избранном названии или его социальный статус, роль или наше отношение к нему, как ролевое, так и личностное. С помощью обращения устанавливается речевой контакт, регулируются социальные отношения между коммуникантами. В речи обращения выделяют адресата речи, также, имея этикетное значение, они предлагают адресатам общаться в определенном тоне, соблюдая

¹ *Толковый словарь русского языка*, Д.В. Дмитриев (ред.), Москва 2003, с. 719.

² Н.Д. Арутюнова, *Язык и мир человека*, Москва 1999, с. 128.

установленные отношения людей близких или далеких, равных или неравных, отношения дружеские, фамильярные, почтительные.

Именно в этой ситуации ярко проявляется конативная функция речевого этикета, функция ориентации на адресата. Реализация единиц связана с проявлением принятого в обществе вежливого обхождения, спецификой общения на «ты» и «вы». Здесь, при связи социальных ролей собеседников и обстановки общения, происходит выбор на «ты» с использованием глаголов в форме единственного числа и на «вы» (к одному лицу) с использованием глагольных форм множественного числа.

Согласно словарному толкованию, обращение на «вы» – это форма вежливого обращения к одному лицу. *Вы* употребляется по отношению: а) к незнакомому или малознакомому человеку; б) к юридическому лицу в официально-деловой переписке; в) к знакомому в официальной, служебной обстановке в присутствии других лиц; г) к старшему по возрасту, положению в неофициальной обстановке; д) к равному по возрасту, положению: близкому, знакомому, коллеге, другу, приятелю в неофициальной обстановке; е) к человеку, с которым ранее был на «ты», в связи с отчуждением, охлаждением отношений, переход на официальные отношения³.

Обращение на «ты» и на «вы» изменчиво исторически и социально. *Ты* – более древняя форма. В старину она использовалась в «обе стороны» даже при явной асимметрии ролей: так обращался царь или боярин ко своему холопу и так же подвластные называли царя или боярина⁴. Так обращается к царю купец Калашников, герой поэмы М.Ю. Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»: *Я скажу тебе, православный царь...*

Вежливое «вы» появилось на Руси позднее и связано с просвещением, с введением форм этикета в высшие и средние слои.

Ближние знакомые говорят друг другу «ты», особенно если они молоды и одного пола, что нашло отражение в художественной литературе XIX века. Перед нами диалог двух друзей, принадлежащих к высшему обществу:

³ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 89–90.

⁴ Л.П. Крысин, *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*, Москва 2004, с. 679.

– Батюшки! Как *ты* переменялся! – Борис встал навстречу Ростову, но, вставая, забыл поддержать и поставить на место падавшие шахматы и хотел обнять своего друга... (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Форма «ты» может использоваться и как особая «демократичная» манера обращения. Базаров и Ситников не являются близкими знакомыми и при встрече после долгого расставания говорят друг другу «вы»:

– Евгений Васильевич!...

– А, это *вы*, герр Ситников, – проговорил Базаров... (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Но вскоре после совместного завтрака с шампанским Базаров обращается к Ситникову:

– А это заведение *твоего* отца тоже нравственное явление? – промолвил Базаров, ткнув пальцем в кабак... (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

В русской культуре, почти в любой ситуации присутствует обращение «вы», а не «ты», если коммуниканты стоят на одной ступени социальной лестницы и принадлежат к правящему классу:

Я подошел к нему и поклонился; он молча отвечал мне на поклон и пустил огромный клуб дыма.

– Мы с *вами* попутчики, кажется?

Он молча опять поклонился (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

Многим языкам присуще подчеркнуто вежливое избегание в речи местоимений 2-го лица. В художественных произведениях русских писателей иногда используется прием косвенного обозначения адресатов, когда обращение включает в речь нерусских персонажей. Так, например, Янкель, обращаясь к Тарасу, говорит: «Думает *пан*, что можно так, как есть, не спрятавши, везти *пана*?» (Н.В. Гоголь «Тарас Бульба»).

Кроме обращений на «ты» и «вы» существуют и другие конкретные речевые формулы.

Из всего многообразия форм русского обращения особенно выделяется (как недостаточно изученная) вокативная функция имен нарицательных, обозначающих лицо. Под термином «обращение», обозначающим важное грамматическое средство организации направленности речи, понимается

вокатив, иначе говоря, звательный падеж. Звательный падеж, наименование которого происходит от латинского слова «vocativus», употребляют для того, чтобы идентифицировать лицо (объект), которому адресовано обращение⁵. «В древнерусском языке была особая звательная форма, отличавшаяся от других падежных форм. Звательные формы отмечаются в памятниках письменности, например, в „Слове о полку Игореве“: *Братие и дружино!; Донець рече: княже Игорю!; А ты боуи Рюриче и Давиде!; О Днепре Словоутицю!; О вѣтрѣ, вѣтрѣло!*»⁶.

Восходящие к праславянскому вокативу формы сохранились в македонском, украинском, сербском, хорватском, чешском, польском, болгарском, отчасти белорусском языках, в то время как русский утратил их. Этот процесс, который начался еще в XI веке, только к XVII веку окончательно привел к замещению русских звательных форм формами именительного падежа⁷.

В литературном языке XIX века звательные формы выступали в качестве средства стилизации.

– Чего тебе надобно, *старче?* (А.С. Пушкин «Сказка о рыбаке и рыбке»).

Сейчас вместо звательной формы, или обращения, употребляется форма именительного падежа. «Русский язык развил и своеобразную новую звательную форму, представляющую собой нечто вроде усеченного именительного падежа. Речь идет о таких формах, как *мам! Кол!; пап!; Ван!* и т. д., т. е. о формах слов с окончанием *а* в имен. пад. ед. ч.»⁸.

Однако, кроме основного значения звательности, вокативности «обращению, как синтаксической единице, свойственно значение адресата»⁹,

⁵ Ю. Исин, *Формы обращения и вокативные функции имен нарицательных (на материале текстов художественной литературы)*, „Вестник Кемеровского государственного университета” 2017, № 3, с. 217.

⁶ В.В. Иванов, *Историческая грамматика русского языка: учебное пособие для студентов вузов*, изд. 2-е, испр. и доп., Москва 1983, с. 286.

⁷ А.В. Широкова, Н.В. Новоспасская, *Категория вокатива как периферическое явление БЯС*, „Вестник РУДН”, Серия Лингвистика, Москва 2008, с. 19.

⁸ В.В. Иванов, *Историческая грамматика русского языка: учебное пособие для студентов вузов*, изд. 2-е, испр. и доп., Москва 1983, с. 273.

⁹ Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет: лингвистический и методологический аспекты*, Москва 1982, с. 38.

так как вокативность проявляется по отношению к определенному лицу. То лицо, к которому обращаются с речью, есть реальный или мыслимый собеседник. Речевой контакт часто скрывает за собой межличностные связи и отношения, окказиональные или постоянные. При обращении говорящий может выделять в адресате аспект, релевантный для своих коммуникативных целей. Т.Е. Янко предложила классификацию имен лиц и других нарицательных имен в современном русском языке на основании их вокативного потенциала по возрастанию¹⁰: имена таксономических классов людей, которые можно назвать именами-«таксонами» (*узбек, студент*); оценочные имена (*предатель, сумасброд*); ролевые имена (*докладчик, свидетельница*); реляционные имена (*шеф, земляк*); онимы (*Вася, Василий*). Многие номинации классов людей не найдут отражения в литературе исследуемого периода, а некоторые расширят границы этой классификации. По нашему мнению, следует обратить внимание и на классификацию номинации адресата речи А.О. Костылева¹¹, являющуюся более широкой. Исследователь учитывал характер общения, степень знакомства и позицию пресуппозиции (асимметричную, когда адресат выше или ниже по своему статусу, и симметричную, здесь адресат и говорящий находятся на одном уровне). Ученый выделяет следующие *типы номинаций*: а) *релятивную*, отражающую взаимоотношения лиц, находящихся в определенных социальных отношениях; б) *функциональную*, касающуюся названия лиц по роду занятий, должности, званию и чину; в) *оценочную*, отражающую объективную оценку адресата; г) *метонимическую*, обозначающую лицо по какой-либо индивидуализированной детали; д) *метафорическую*, представляющую собой уподобление адресата и сравнение с каким-то лицом или явлением во внеязыковой действительности; е) *дескриптивную*, содержащую развернутое описание адресата. Данные классификации помогут в описании апеллятивов в классовом обществе XIX века.

¹⁰ Т.Е. Янко, *Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей*, «Язык и речевая деятельность» 2011, т. 11, с. 239.

¹¹ А.О. Костылев, *Обращение и его контекст в лексико-синтаксическом аспекте*, Автореф. дис., Ленинград 1987, с. 4–5.

Современной речи присущи следующие характерные обращения¹²:

Обращение к незнакомому собеседнику

Наиболее распространенная форма: *Простите... Извините... Будьте добры... Будьте любезны... Скажите, пожалуйста*. Подчеркнуто вежливое обращение: *Простите за беспокойство...* Официальное: *Дамы и господа!* Обращение к молодежи: *Молодой человек! Девушка!* Обращение к детям: *Мальчик! Девочка! Ребята!* Просторечное обращение пожилых людей к детям и молодежи: *Сынок! Дочка!* Ласковое обращение к старым людям: *Бабушка! Дедушка!*

Обращение к знакомому собеседнику

Обращение к друзьям и родственникам: *Вера! Верочка!* Обращение к родственникам: *Мама! Папочка! Бабушка! Дядя!* Обращение к своим детям: *Сыночек! Доченька!* Вежливое обращение к знакомому: *Инна Васильевна! Извините (Кира Викторовна! Виктор Васильевич!) Извини, (Рита)!* Обращение к группе детей и подростков: *Ребята! Мальчики! Девочки!*

Некоторые из них находят свое отражение в литературе XIX века. Номинации адресатов речи в произведениях писателей данного периода находят следующее выражение:

1) Безличная форма обращений: *Вам кого нужно? Здесь ли живет коллежский асессор Ковалев? Позвольте спросить. Позвольте узнать. Послушай. Так чем могу служить?* По своей структуре почти не отличаются от современных за небольшим исключением устаревших форм: *Так чем могу служить?* Часто встречаемому глаголу *позвольте*, являющемуся формой вежливого или учтвого обращения, в современной речи свойственен его синоним *разрешите*.

¹² А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 5.

2) Антропонимы

Имя

Онимы в роли обращений включают полные имена: *Александра, Вера, Игнат, Ольга, Осип*, иногда с этикетным эпитетом *милая*. Эти обращения присутствуют в речи разных слоев общества. При общении в среде хозяев:

– *Ольга, Ольга!* – осторожно, почти шепотом кликал однажды Обломов Ольгу внизу горы, где она назначила ему сойтись, чтобы идти гулять (Н.А. Гончаров «Обломов»).

Иногда как обращение хозяев к своим слугам:

– *Эй, Фетинья*, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время наслал бог: гром такой – у меня всю ночь горела свеча перед образом... (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Употребление уменьшительно-ласкательных имен: *Улинька, Настенька, Лытонька, Катюша, Жанчик, Дунечка, Дарьюшка, Аннушка* присутствует чаще всего при симметричных отношениях, среди коммуникантов равных по социальному положению. Такое обращение к слуге встречается в речи вежливых хозяев. В данном случае тональность близка к интимной, напоминает отношения между женщиной и женщиной. В этом примере доктор Рагин обращается к своей служанке:

– *Дарьюшка*, как бы мне пообедать... (А.П. Чехов «Палата № 6»).

При обращении к слугам достаточно часто использование грубовато-фамильярных форм личных имен. Присутствие в данной форме уничижительного суффикса *-ка*, и свидетельствует о неуважении к собеседнику, например: *Гришка, Васька, Игнашка*. Так помещик обращается к слуге:

– *Гришка!* Не ворчать под нос! Выпорю!... – закричал он вдруг на своего камердинера, как будто совершенно не слыжав того, что я сказал о задержках в дороге... (Ф.М. Достоевский «Село Степанчиково и его обитатели»).

Обращение по имени отражает широкий спектр несимметричных отношений: к слугам – уничижительное, неуважительное; мужчин к женщинам – нейтральное или интимное.

Имя-отчество

Имя-отчество – это уважительная официальная форма называния и обращения. Хорошо знакомые люди, переходя от официального обращения к неофициальному, дружескому, пользуются именами. Переключение тональности общения обеспечивается и такими средствами, как обращение по имени и по имени-отчеству. Н.И. Формановская определяет его как вежливое обращение к знакомому собеседнику¹³. Согласно словарному толкованию, имя-отчество – самая распространенная в России форма вежливого, уважительного обращения к взрослому человеку¹⁴.

Об истории возникновения такого обращения, опираясь на исследования историка Е.П. Карновича, пишет Л.Е. Шепелев, что в дореволюционной России «Отчество могло иметь две формы: Петр Иванов сын и Петр Иванович. Первая форма отчества (получившая название полуотчества) надолго стала основной, официально употребляемой для лиц всех сословий»¹⁵. «При обращении к недворянам слово *сын* в обиходе обычно опускалось. Правилами, принятыми в 1826 г. для военного ведомства, предусматривалось, что рекруты чаще именовались именем и прозвищем. В том случае, если последние оказывались „непристойными“, полагалось их заменять „во всех списках и переключках отчеством“ (имелось в виду полуотчество), например Петр Лукин (без добавления слова *сын*)»¹⁶. «Вторая форма отчества (со старославянским окончанием *-вич*) со времени ее возникновения на исходе XVI века употреблялась как элемент особо почетной формы обращения (имя и отчества). Право пользоваться ею рассматривалось как милость и «сам государь указывал, кого следует писать с *-вичем*»¹⁷.

В XIX веке эта вежливая формула была принята в кругу образованных людей по отношению к знакомым, чаще к старшим по возрасту. Обращение по имени-отчеству могло быть использовано и при общении коммуникантов различного социального статуса. Например, типична ситуация для

¹³ Там же, с. 10.

¹⁴ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 194.

¹⁵ Л.Е. Шепелев, *Титулы, мундиры, ордена Российской империи*, Ленинград 1991, с. 47.

¹⁶ Там же, с. 48.

¹⁷ Там же.

несимметричных отношений, в которой горничная вежливо обращается к своей барышне по имени-отчеству:

- Ну, *Лизавета Григорьевна*, – сказала она, входя в комнату, – видела молодого Берестова; нагляделась довольно; целый день были вместе.
- Как это? Расскажи, расскажи по порядку (А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

Нетипичным является обращение по имени-отчеству дворянина Гринева к своему слуге Савельичу:

- *Друг ты мой, Архип Савельич!* – сказал я ему. – Не откажи, будь мне благодетелем; в прислуге здесь я нуждаться не стану, а не буду спокоен, если Марья Ивановна поедет в дорогу без тебя... (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

Как правило, обращение по имени-отчеству это пример регулятивной номинации для несимметричных отношений *слуга–хозяин*. Однако в приведенном фрагменте противоположное обращение хозяина к слуге по имени-отчеству выполняет не просто формальную функцию, а демонстрирует нехарактерную ситуацию, в которой хозяин зависит от своего подчиненного, и вежливое обращение предваряет обращенную к нему просьбу.

Отчество

Отчество, как самостоятельная форма обращения обладает сложной двойной (и как будто бы противоречивой) характеристикой: в нем есть одновременно оттенок уважительности и фамильярности. В просторечии существовал обычай называть человека не по имени, а только по отчеству:

- *Алпатыч!* – вдруг окликнул старика чей-то знакомый голос.
- Батюшка, ваше сиятельство, – отвечал Алпатыч, мгновенно узнав голос своего молодого князя (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Следует отметить, что обращение только по отчеству характерно как по отношению к мужчинам, так и к женщинам. Приказчик Сергей обращается к своей бывшей хозяйке Екатерине Львовне:

- *Ильвовна!* – позвал он ее на привале. – Выдь ты нонче ко мне на минуточку ночью: дело есть.
- Катерина Львовна промолчала (Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда»).

Нарушение социальных норм (убийства) и место (дорога на каторгу), переводит общения в рамки симметричного и без учета гендерных различий. *Ильвовна!* – это пример номинации с оценочным компонентом. Приказчик выражает свое пренебрежение к бывшей хозяйке и любовнице. Кроме того, он использует просторечный фонетический вариант – *Ильвовна*.

Фамилия

Использование фамилии в качестве апеллятива к знакомым обычно шутливо-ироничное и, как правило, с «ты»-формами. Оно имеет сниженный, несколько фамильярный оттенок и часто встречается в симметричных отношениях собеседников как по социальному уровню, так и по гендерной принадлежности. В данном примере в диалоге Грушницкого и Печорина:

– *Печорин!* Давно ли здесь?

Оборачиваюсь: *Грушницкий!* Мы обнялись (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

Подобная же форма употребляется в диалоге Лежнева и Рудина, так же являющимися дворянами:

– *Рудин!* – воскликнул он с волнением.

Рудин обернулся. Он не мог разобрать черты Лежнева, стоявшего к свету спиной, и с недоумением глядел на него (И.С. Тургенев «Рудин»).

Как видно, такое обращение характерно для коммуникации *мужчина–мужчина*, одного возраста и одного социального статуса.

Для XIX века обращение к собеседнику мужчине по фамилии, часто с вежливым *мсье*, (присущем франкоговорящей среде), типично:

– *Мсье Лопухов*, я никак не ожидала видеть вас танцующим, – начала она.

– Почему же? Разве это так трудно, танцевать? (Н.Г. Чернышевский «Что делать?»).

На основании вышепредставленных примеров можно сделать вывод, что данное обращение по фамилии встречается как в мужской коммуникации, так и при обращении к мужчинам.

Обращение согласно «Табели о рангах» и титулу

России данного периода присуще закрепление социальных отношений в строгой системе сословной иерархии. Выражением этих отношений служили: введенная Петром I система титулов и установленное четкое соотношение государственных должностей по «Табели о рангах» (документ, изданный в 1717–1721 годах, в котором перечислялись военные, гражданские и придворные чины. Каждая категория чинов подразделялась на 14 классов). Последней определялось не только служебное поведение гражданских и военных чинов, но и многое другое в общественной жизни. Например, чин замужних женщин определялся по чинам их мужей (*коллежская регистраторша, капитанша*).

Нижеследующая реплика из рассказа А.П. Чехова – обращение крестьян к доктору – демонстрирует несимметричные отношения, обращение лиц, стоящих на низшей ступени социальной лестницы:

– Чего-с? Помирать, *ваше благородие*, пришло время... Не быть мне в живых... (А.П. Чехов «Спать хочется»).

Ваше благородие, в дореволюционной России являлось формулой титулования и официально-почтительного обращения к офицерам и чиновникам с 14 по 9 класс включительно и к их женам, а также к представителям власти, человеку благородного происхождения или просто к представителю мужчине¹⁸.

Далее, апеллятив, выраженный титулом:

– *Граф*, что это, дурно, что я пою? – сказала она, покраснев, но, не спуская глаз, вопросительно глядя на Пьера.

– Нет... Отчего же? Напротив... Но отчего вы меня спрашиваете? (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Граф – типичное обращение при симметричном общении в феодально-бюрократическом обществе. Сословные регулятивы подчеркивают положение человека в обществе, его власть и богатство.

¹⁸ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 52–53.

1) Апеллятивы *сударь, сударыня*

Русское обращение *сударь* (первоначально с ударением на последнем слоге) возникло как стяженная разговорная форма на основе обращений *государь* и диалектного *осударь*. Соответственно *сударыня* от *государыня-осударыня*. Ударение в *сударыня* осталось без изменений. Формы *сударь* и *сударь* в начале XIX века существовали как варианты.

Данная номинация адресата речи использовалась взрослыми людьми в качестве обиходно-бытовых вежливых обращений. *Сударь* употреблялся по отношению к юноше или мужчине, *сударыней* называли девушку или женщину. В зависимости от речевой ситуации они имели разные стилистические оттенки.

Учтливое простонародное обращение, употреблявшееся только с Вы-формами, к знакомому, высшему по положению. Это иллюстрирует обращение извозчика:

Поезжай в Караванную, извозчик.

– Четвертачок, *сударыня*.

– Хорошо, поезжай поскорее. Он к вам нынче вечером зайдет, маменька. А вы не сердитесь на меня, маменька (Н.Г. Чернышевский «Что делать?»).

Данный апеллятив в сочетании с Ты-формой может свидетельствовать о близких отношениях, иногда и при несимметричном характере отношений, как в данном примере, ласковое обращение слуги Савельича к дворянину Гриневу:

– Что это, *сударь*, с тобою сделалось? – сказал он жалким голосом. – Что ты это нагрузился? Ахти, господи! Отроду такого греха не бывало!

– Молчи, хрыч! – ответил я ему запинаясь. – Ты, верно пьян, пошел спать... и уложи меня (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

Данные формы номинации адресата употреблялись обычно в устной речи преимущественно лицами с низким социальным статусом.

2) Апеллятивы *барин, барыня, барышня*

Анализируемые здесь обращения используются при несимметричном общении, в среде коммуникантов, принадлежащих к разным общественным слоям.

Барин – так лица из простонародья (крестьяне, дворовая прислуга и т. п.) обращались к помещику, господину или к богато одетому, важному на вид мужчине.

Диалог старухи и помещика Ноздрева отражает такой вид обращения:

– *Барин!* Ничего не хотите закусить? – сказала в это время, подходя к нему, старуха.

– Ничего. Эх, брат, как покутили! Впрочем, давай рюмку водки, какая у тебя есть? (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Апеллятив *барыня* относился и жене барина, госпоже, а также к богато одетой, важной на вид женщине.

В коммуникации женщин обращение служанки к своей госпоже:

– Дай, *барыня*, ручку, – пролепетала она. Александра Павловна не дала ей руки, нагнулись и поцеловала ее в лоб... (И.С. Тургенев «Рудин»).

В свою очередь, номинация адресата *барышня* в XIX веке относилось к молодой и незамужней дочери барина. Типичное обращение горничной к хозяйке:

– *Барышня! Барышня!* Вы себе ноги замочите, – говорила ей ее горничная Маша, едва поспевая за ней. Наталья не слушала ее и бежала без оглядки... (И.С. Тургенев «Рудин»).

Такое обращение сохраняется и в начале XX века. С фразы «барышня, соедините...» начинался любой разговор по телефону. «Барышни» составляли неотъемлемую часть работы телефонного коммутатора. В связи с этим данный апеллятив сохранился при обращении «к служащей бюро, канцелярии, кассиру»¹⁹. В современном речевом обиходе это шутовское обращение к девушке.

3) *Милостивый государь (мой), милостивая государыня*

В дореволюционной России в речи помещиков, дворян, чиновников использовались официальные обращения *Милостивый государь, милостивая государыня*:

Милостивый государь, Сергей Павлович!... (И.С. Тургенев «Рудин»).

¹⁹ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 37.

С данного апеллятива начинались речи, выступления, тосты. Такое обращение также встречается и в переписке литературных героев XIX века. Вот выдержка из письма племянника своей тете:

Милостивая государыня, тетушка Василиса Кашпоровна! (Н.В. Гоголь «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»).

В качестве номинации адресата в данном случае обычно употреблялось имя-отчество.

Но, следует сказать, что этикетный эпитет *милостивый* также присутствовал и в составе почтительных наименований действий, повелений высшего по положению:

– *Милостивое* писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего, что-де стыдно не исполнять господских приказаний. (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

4) Апеллятив *господин, госпожа*

Такое обращение преимущественно встречалось при обращении людей с низким социальным статусом к незнакомому представителю на вид мужчине. В России XIX века это была форма вежливого или официального обращения к представителю привилегированного сословия:

– *Господин Ашанин!* Подите взглянуть, пьет ли кто-нибудь из наказанных, – сказал капитан.

– Есть! – ответил Володя и пошел на бак (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

5) Номинация адресата речи с использованием терминов кровного и некровного родства

Термины кровного родства в качестве апеллятивов употреблялись как в городе, так и в сельской местности. Они относились как к родственникам, так и к не связанным кровными узами коммуникантам.

А) При общении между кровными родственниками: *батюшка, папаша, мама, маменька, матушка, брат, сестра, сестрица, сын, тетушка, тетенька, топ cousin.*

Часто встречается уважительное обращение к отцу, характерное для данной эпохи:

- *Батюшка*, я о женитьбе еще не думаю.
- Ты не думаешь, так я за тебя думал и передумал (А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

Апеллятив *сестрица* и обращение «на вы» в диалоге между братом и сестрой. Маша – *барышня*, а Саша – «*мальчик лет девяти*»:

- Здравствуй, Саша, – сказала она, – зачем ты меня зовешь?
- Я пришел, *сестрица*, узнать от вас, не надобно ли вам чего-нибудь (А.С. Пушкин «Дубровский»).

В ситуации обращения к младшей по возрасту, употребляется апеллятив *матушка* с оттенком упрека:

- Ты, *матушка*, так не отвечай, – сказала она. – Что я говорю, то правда. Напиши ответ.

Наташа не отвечала и пошла в свою комнату читать письмо княжны Марьи (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Основным фактором, несимметричного общения родственников является возраст.

Б) При общении родственников, но не состоящих в кровном родстве, это чаще всего: *жена, жинка*:

- *Жена!* – крикнул грозно пан Данило, – ты знаешь, я не люблю этого. Ведай свое бабье дело! (Н.В. Гоголь «Страшная месть»).

Обращение замужней женщины к своему супругу «*муж*» не встречено. Нетипично обращение к жене «*мама*»:

- Мне не везет, *мама!* – сказал он однажды за обедом. – Сегодня у меня было четыре вскрытия, и я себе сразу два пальца порезал... (А.П. Чехов «Попрыгунья»).

С помощью данного апеллятива показан переход отношений между мужчиной и женщиной в плоскость родственных отношений (кровного родства). Автор раскрывает отношения героев, когда женщина вышла

замуж без любви. И видимо, чтобы уменьшить свои страдания, Дымов предпочитает называть жену мамой, увидев в ее отношении материнскую нежность.

Номинация адресата речи при некровном родстве в данных примерах не отражает любовных отношений.

В) При общении людей не связанных родственными отношениями: *батюшка, матушка, брат, братец, отцы*.

В художественной литературе встречаются примеры, в которых наименования ближайших родственников не обозначают реальных родственных отношений.

Батюшка

Это распространенное обращение слуг к своим господам, встречающееся в речи старшего поколения:

– Да полно вам, *батюшка*, томить-то меня жалкими словами! – умолял Захар. – Ах ты, Господи! (Н.А. Гончаров «Обломов»).

Слуга намного старше своего барина, но младший по возрасту хозяин стоит на более высокой ступени социальной лестницы.

Словом *батюшка* иногда сопровождается обращение по имени-отчеству:

– Ах, *батюшка Владимир Андреевич*, – отвечал старик задыхаясь. – Суд приехал. Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!... (А.С. Пушкин «Дубровский»).

В приведенном примере амплификация обращения является средством выражения не только почтения, но и эмоции, о чем свидетельствует содержание приведенной фразы.

Также апеллятивом *батюшка* выражается доброжелательное отношение при симметричном общении:

– Здравствуйте, *батюшка*. Каково почивали? – сказала хозяйка, поднимаясь с места. Она была одета лучше нежели вчера, в темном платье, и уже не в спальном чепце, но на шее все-таки было что-то навязано (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Данный диалог представляет симметричное общение с точки зрения социального положения, и только возраст является определяющим использованием этого апеллятива.

Матушка

Данное учтливое или почтительное обращение к высшей по социальному положению женщине. Диалог с участием слуги-няни и хозяйки-графини:

- Приехал? – быстрым шепотом спросила Наташа, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить засыпавшего ребенка.
- Приехали, *матушка*, – прошептала няня (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Социальная стратификация в данном примере является главной при использовании этого апеллятива.

Иногда обращение *матушка* является почтительным обращением к старшей или равной по возрасту собеседнице:

- Хорошо, хорошо, – говорил Чичиков, садясь в кресла. – Вы как, *матушка*? (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Как видим, возраст или низкий социальный статус адресанта служит использованию данного обращения.

Отцы наши

Эта номинация адресата определяется его более высоким социальным положением. В приведенном ниже примере представлено экспрессивное обращение бурмистра к помещикам:

- Ну что, брат Софрон, каково у тебя дела идут? – спросил он ласковым голосом.
- Ах вы, *отцы наши!* – воскликнул Софрон. – Да как же им худо идти, делам-то!... (И.С. Тургенев «Бурмистр»).

Обращение к господам *отцы наши* является типичным обращением к хозяевам, как благодетелям.

Такие апеллятивы, как *матушка*, *батюшка*, *отцы наши*, в основном используются по отношению к господам, которые о слугах или крестьянах должны думать и заботиться как о своей семье.

Брат

По мнению В.Е. Гольдина: «Ни возраст, ни пол, ни степень родства, ни социальное положение и никакие собственные признаки того, кому направлена речь, словом *брат* в роли обращения не выражаются. Этим обращением мы вовсе не называем адресата речи, а выражаем фамильярное отношение к нему»²⁰. И данный пример это демонстрирует:

– Прощай, *брат!* – сказал он Аркадию, уже взобравшись на телегу, и, указав на пару галок, сидевших рядышком на конюшне, прибавил: – Вот тебе! Изучай! (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Но, в нижеприведенном диалоге помещика и слуги:

– Тележку заложить прикажете?

– Да, *брат*, тележку. Да принеси нам квасу (И.С. Тургенев «Хорь и Калиныч»).

Обращением *брат* подчеркивается более низкое социальное положение коммуниканта и встречается только в общении мужчин.

Фатическая и регулятивная функции речевого этикета ярко представлены в ситуации «*Обращение и привлечение внимания*». Апеллятивы в этой ситуации отличаются своей численностью и разнообразием.

Часто в роли обращений встречаются антропонимы. Это имена, имена-отчества и фамилии, а также прозвища. Формы имен – полные, неполные, уменьшительно-ласкательные и грубовато-фамильярные. Вежливая форма обращения по имени-отчеству была принята в кругу образованных людей к знакомым, чаще старшим по возрасту, или слуг к хозяину. В отчестве, как самостоятельной форме обращения, присутствует оттенок одновременно уважительности и фамильярности, это касается просторечия. Тогда, как и сейчас, можно встретить обычай называть человека не по имени, а только по отчеству, это в равной степени относится как к мужской, так и к женской речи.

В ситуации «*Обращение и привлечение внимания*» также встречаются несколько видов номинаций, определяющих место апеллятивов, представленных нарицательными именами. Релятивная номинация, отражает

²⁰ В.Е. Гольдин, *Речь и этикет*, Москва 1983, с. 74.

степень кровного и некровного родства *папаша, мама, маменька, матушка, брат, сестра, жена*. Аpellятивы *отцы наши, батюшка* между коммуникантами в несимметричных отношениях и не связанными родством, демонстрируют преданность и веру слуг и крестьян в предопределенность социального положения по факту рождения, и полностью полагаются на волю хозяина-родителя. К этому виду номинации относятся обращения, выражающие **степень знакомства**: *друг, мой друг*; **семейные и гендерные отношения**: *мужик, баба*; **возраст**: *дед, дитя, мальчик, старина, старинушка, хлопцы*; **географический признак**: *землячок*; **положение в обществе**: *господин, барин, барыня, бырышня, сударь, сударыня*. Функциональная номинация в исследуемом материале представляет род занятий, должность, звание и титул: *ваше превосходительство, ваше сиятельство, граф, графиня* (относящиеся к официальным), *вестовой, извозчик, купчиха, доктор*. Оценочная номинация объединяет следующие аpellятивы: *красавица, чернобровый парубок, пери, рева, сыромолотная дворянка, черноглазая шалунья; голубчик, голубушка, старина, старинушка, хлопцы; братушки, ребята*. Метонимическая и метафорическая номинации представлены следующими примерами: *борода, волк, казак, зелье, Ломоносов, Орест и Пилад, пузырь*.

Многочисленны обращения с этикетными эпитетами или существительными: милый – *милый князь, моя милая, милое дитя мое mon cher*; дорогой – *дорогой мой, My dear* в большинстве своем встречаются в речи господствующих классов, в то время, как любезный – *мой любезный, любезная моя Анна Михайловна* чаще при обращении к низшему по социальному положению. Обнаружены аpellятивы с компонентом *душа, душенька, душечка – душа моя, душенька, моя душечка*; с компонентом *свет – светик ты мой, свет ты мой*.

В речи помещиков, дворян, чиновников использовались официальные обращения – *милостивый государь, милостивая государыня: Милостивый государь, Сергей Павлович!...* (И.С. Тургенев «Рудин»). Но, следует сказать, что этот этикетный эпитет *милостивый*, присутствовал и в составе почтительных наименований действий, повелений высшего по положению:

– *Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего, что-де стыдно не исполнять господских приказаний.* (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

Также встречается и неэтикетное поведение, в речи присутствуют оскорбления, в большинстве своем обращенные к слугам: *болван, дура, мерзавка-ослушница, бесстыдница, мошенник, чушка, чурбан*.

При всем богатстве обращений XIX века, казалось бы, нет нужды в обращениях, не называющих собеседника, однако, они также присутствуют: *Здесь ли живет коллежский асессор Ковалев? Позвольте спросить. Позвольте узнать. Так чем могу служить?* По своей структуре почти не отличаются от современных за небольшим исключением устаревших форм: *Так чем могу служить?*

2. Приветствие

Приветствие является своеобразным знаком признания ценности и достоинства человека. Многообразие форм и многоцветная палитра приветствий в различных этикетах трудно поддаются всестороннему описанию и классификации.

Под приветствием понимается обращение к кому-либо при встрече или расставании. Именно фатическая или контактная функция речевого этикета относится к данной речевой ситуации.

В настоящем исследовании рассматривается ситуация «Приветствие при встрече» несмотря на то, что приветствие может употребляться и при прощании (*до свидания* – «прощальное приветствие»).

В ситуациях встречи «приветствие» выражается разными лексемами, грамматическими формами, фразеологизмами, характерными для той или иной языковой личности. В речевой практике никогда не соединяют разные приветствия типа *Приветствую Вас, здорово!* или *Мое почтение, привет!* Это было бы совершенно невозможно, потому что каждая формула приветствия имеет свое собственное употребление, выражает особые отношения, связана с определенной ситуацией²¹.

С точки зрения синтаксиса, приветствия не являются предложениями в грамматическом смысле, они лишены предикативности (соотнесенно-

²¹ В.Е. Гольдин, *Речь и этикет*, Москва 1983, с. 46.

сти с модально-временным планом); но коммуникативными единицами (коммуникатами) они, безусловно, являются. Такие релятивы служат не для передачи собеседнику какой-либо информации, не для побуждения кого-либо к действию и не для запроса информации, а являются реакцией на ситуацию или на слова собеседника.

Русский речевой этикет требует, чтобы на приветствие тоже отвечали приветствием. В прошлом вежливый человек на приветствие должен был ответить этикетной формулой. В.И. Даль приводит немало приветственных формул, которые были приняты в России в прошлом. *Свеженько тебе!* – здоровались с девушкой, черпающей воду. *Хлеб да соль! Чай да сахар!* – говорили тем, кто ест или пьет²².

А.А. Акишина и Н.И. Формановская выделяют ряд приветствий, свойственных современному русскому языку и речи²³:

Наиболее употребительное: *Здравствуй (-те)!* употребляется в значении «здравствуйте». Несколько реже употребляется приветствие при встрече в дневное, утреннее, вечернее время: *Добрый день! Доброе утро! Добрый вечер!* Широко распространенное приветствие среди молодежи: *Привет!* Редко встречается в речи старшего поколения: *Доброго здоровья!* Официальное: *(Я) приветствую (вас) (от имени...), Разрешите вас приветствовать!*

Рассмотрим некоторые ситуации реализации этих форм в русской литературе XIX века.

Здравствуй

Сегодня формула *здравствуй/те* является самой употребительной формой приветствия при встрече, знакомстве, обращении по телефону и в письме.

Это приветствие является древним, оно встречается в Остромировом Евангелие, относящимся к середине XI века: *Здрáвствуй*, «сокращение из

²² В.И. Даль, *Пословицы русскаго народа. Сборник пословицъ, поговорокъ, речений, при-словий, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, поверій и проч.*, Москва 1862.

²³ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 26.

формы 1 л. ед. ч. *здравствую* «приветствую тебя»; заимствование из церковнославянского²⁴.

Это приветствие употреблялось обычно в неофициальной обстановке между родственниками, знакомыми при общении на «ты».

В литературе исследуемого периода, как мы обнаружили, встречается со следующими компонентами, называющими собеседника:

1) + Имя

Может являться радушным приветствием человека, низшего по положению. Именно так к слуге обращается бывший член уездного суда к дворецкому:

Чугунов: *Здравствуй, Павлинушка!* (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Оно может быть также приветствием равного по положению, в среде простого народа:

– *Здравствуй, Хома!* – сказала она, увидев философа. – Ай-ай-ай! Что это с тобою? – вскричала она, всплеснув руками.

– Как что, глупая баба? (Н.В. Гоголь «Вий»).

2) + термин, выражающий кровное родство

В речи Платонова и его сестры, помещиков, по социальному положению, характерное для близких людей обращение на «ты» *брат*:

Здравствуй, брат! Ну, как же я рада, что ты приехал. А Константина нет дома; но он скоро будет (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

3) + Отчество

Приветствие с обращением только по отчеству характерно для среды простого народа в сельской местности, молодая женщина обращается к подрядчику:

– *Здравствуй, Макарыч!* – сказала Липа, увидев Костыля. – Здравствуй, голубчик!

– *Здравствуй, Лыпонька!* – обрадовался Костыль (А.П. Чехов «В враге»).

²⁴ М. Фасмер, *Этимологический словарь русского языка*, в 4-х т., изд. 2-е, Москва 1986–1987, т. 2, с. 90.

Аналогичное приветствие в городе, между простыми людьми (бутафором в театре и простой женщиной средних лет):

Домна Пантелевна: А, *Прокофьич*, *здравствуй!*

Нароков: (мрачно). *Здравствуй, Прокофьевна!* (А.Н. Островский «Таланты и поклонники»).

В данных примерах социальный статус является основным, в отличие от возрастного.

4) + титул

Приветствие с указанием на титул собеседника встречено в среде господствующего класса. Аpellятив *голубчик*, показывает отношения как близкие, радушные:

– А, *здравствуй, князь, здравствуй, голубчик*, пойдем... – устало проговорил он, оглядываясь, и тяжело вошел на скрипящее под его тяжестью крыльцо. Он растегнулся и сел на лавочку, стоявшую на крыльце... (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

5) + прозвище

Данный вид приветствия характерен для просторечия:

Лыняев: Ух! *Здравствуйте!*

Мурзавецкая: (поцеловавшись с Анфусой) *Здравствуй, телень!* Садитесь, гости будете. Где ты эту красавицу-то поддел? (А.Н. Островский «Волки и овцы»)²⁵.

6) + вопрос

Такое приветствие – начальная фраза диалога с кошевым новоприбывшего в Запорожскую Сечь казака. Выражение *обыкновенно говорил* указывает на то, что такое приветствие и последующая вопросно-ответная реакция – это элемент ритуала, характерного для замкнутого круга людей (казачества).

Пришедший являлся только к кошевому, который обыкновенно говорил:

– *Здравствуй! Что, во Христа веруешь?*

– Верую! – отвечал приходивший (Н.В. Гоголь «Тарас Бульба»).

²⁵ Этот пример будет рассмотрен подробно в 3 главе.

При современном употреблении рассматриваемого приветствия более уместен совершенно другой вопрос (обычно иллюстрирующий фатическое общение) – *Как дела?* Приветствие *здравствуй* характерно для неформального общения и в большей части среди лиц с низким социальным статусом.

Здравствуйте

Вежливый человек всегда обращает внимание на партнера, употребляя формулы вежливости, выраженные глагольной формой с местоимением 2 лица множественного числа, например: *Здравствуйте; благодарю Вас; прошу Вас*, а не в 1 лице, что было бы менее вежливо.

Это приветствие встречается с различными компонентами речевого этикета.

1) + имя (может быть по-французски)

Для XIX века характерно приветствие с обращением по имени на французском языке, что определяется широким распространением в то время французского языка в дворянской среде:

– *Здравствуйте, Alexandrine!* – заговорила она, подходя к ней, – как вы умно сделали, что приехали... *Здравствуйте, Сергей Павлыч!*

Волынец пожал Дарье Михайловне руку и подошел к Наталье Алексеевне (И.С. Тургенев «Рудин»).

2) + имя-отчество

Часто приветствие и обращение по имени-отчеству, распространенное в дворянской среде и среди разночинцев, является типичным примером светского этикета:

– *Здравствуйте, Алена Ивановна,* – начал он как можно развязнее, но голос не послушался его, прервался и задрожал... (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

3) + термины родства

Очень часто встречается такое приветствие с обращением к кровным родственникам:

- *Здравствуйте, дядюшка*, – проговорил я, задыхаясь, желая сказать что-то совсем другое, гораздо остроумнее...
- Здравствуй, здравствуй, братец, – отвечал страдавший за меня дядя... (Ф.М. Достоевский «Село Степанчиково и его обитатели»).

При приветствии лиц, не состоящих в родстве проявляются оттенки употребления этих обращений.

В диалоге Чичикова и Коробочки следует обратить внимание на гендерный характер отношений:

- *Здравствуйте, батюшка*. Каково почивали? – сказала хозяйка, поднимаясь с места. Она была одета лучше, нежели вчера, в темном платье, и уже не в спальном чепце, но на шее все-таки было что-то навязано.
- Хорошо, хорошо, – говорил Чичиков, садясь в кресла. – *Вы как, матушка?*
- Плохо, *отец мой* (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Отношения между представителями разных полов переведены в область возрастных, когда подчеркивается возраст собеседников. Автор передает своеобразную игру слов, употребляя симметричные обращения *батюшка – матушка*, а также антитезу в ответах *хорошо – плохо*.

Подобное же соединение распространенного приветствия в сочетании с обращением употребляется между собеседниками, принадлежащими к одному социальному классу:

- *Здравствуйте, батюшка!* Извините, что в халате принимаю: все лучше, чем совсем не принять, – сказал он, запахивая халатом свою толстую, складками сморщенную сзади шею. – Я не совсем здоров и не выхожу. Как это вас занесло в наше тридевятое царство? (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Как уже отмечалось выше, приветствие просителя и обращение к нему *батюшка* может свидетельствовать о снисхождении к собеседнику, хотя собеседники принадлежат к одному классу.

Интересно приветствие при встрече богатой помещицы и бывшего члена уездного суда, характерное для купеческой среды:

- Мурзавецкая: А, ты здесь уж? *Здравствуй!*
- Чугунов: *Здравствуйте, матушка* Мерепа Давыдовна! Как почивать изволили?

Мурзавецкая: (сядась). Ничего. Садись! (Чугунов садится) Гнать бы мне тебя надо было.

Чугунов: За что же, *матушка*? (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Обращение к помещице *матушка* в сочетании с именем-отчеством свидетельствует не только о почтительном обращении к высшему по социальному положению собеседнику, но и о некоторых ситуативных особенностях – зависимости Чугунова от помещицы.

Употребление в приведенном примере обращений *батюшка*, *матушка* как в гендерном, так и в социальном аспекте соответствует дефинициям этих слов в словарях.

4) + мой друг, мой дорогой, мой милый

В рассматриваемом ниже примере участники диалога находятся на одной ступени социальной лестницы. Мы наблюдаем, как княгиня хочет расположить к себе собеседника и ободряет его, начиная разговор:

– Ну, *здравствуйте, мой друг*, садитесь и рассказывайте, – сказала княгиня Софья Васильевна со своей искусной, притворной, совершенно похожей на натуральную улыбкой... (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Приветствие и обращение к собеседнику *мой друг* свидетельствует о снисхождении к собеседнику.

5) + извинение

Очень часто приветствие сопровождается извинением, что характеризует человека как воспитанного, знающего этикет дворянско-разночинской среды:

Он [Базаров] быстро приблизился к террасе и, качнув головою, промолвил: – *Здравствуйте, господа; извините, что опоздал к чаю*, сейчас вернусь; надо вот этих пленниц к месту пристроить (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

6) + пожелание

Вслед за приветствием, которое встречается среди простых людей (кузнецы и запорожцы), может идти пожелание *помогай бог вам*:

– *Здравствуйте, Панове! Помогай бог вам!* Вот где увиделись! – сказал кузнец, подошедши близко и отвесивши поклон до земли (Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»).

Приветствие с характерным для Украины обращением *панове* – единственное число *пан* – очень вежливое обращение, характерное для определенной социальной группы – казаков.

Приветствие *Здравствуйте*, сочетаясь с «вы»-формами, в официальной обстановке применялось к малознакомому, хорошо знакомому адресату или при натянутых отношениях. Могло также употребляться в неофициальной обстановке – при уважительных, дружеских отношениях к собеседнику.

Здравствуй и здравствуйте

Иногда встречаются неравноправные приветствия (на «ты» и на «вы»), которые могут появляться при несимметричном общении в следующих обстоятельствах:

1) При общении людей разного возрастного и семейного статуса

Это видно из диалога отца и сына:

– *Здравствуй, друг!* – сказал он.

– *Здравствуйте!*

– Каково почивал? Постельку хорошо ли постлали? Клопиков, блошек не чувствовал ли?

– Благодарю вас. Спал (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»).

2) Во время общения людей с разным социальным статусом

Как уже отмечалось выше, в разговоре с дворецким появляются неидентичные приветствия:

Чугунов: *Здравствуй, Павлинушка!*

Павлин: *Здравствуйте, сударь.* Немножко раненько пожаловали.

Чугунов: Так приказано. Дай-ка табачку-то!

Павлин: (подавая табакерку). Извольте, сударь (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

3) У разнополых коммуникантов

При приветствии горничной гендерные отношения преобладают над социальными: дворянин Нехлюдов видит в горничной Катюше молодую женщину и хочет ей понравиться. Он хочет быть лучше, «культурнее» и не знает, как обратиться на «ты» или на «вы», сказать *здравствуй* или *здравствуйте*:

– *С приездом вас, Дмитрий Иванович!* – с трудом выговорила она, и лицо ее залилось румянцем.

– *Здравствуй... здравствуйте*, – не знал он, как на «ты» или на «вы» говорить с ней, и покраснел так же, как и она. – *Живы, здоровы?* (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Данные примеры иллюстрируют зависимость неравноправных приветствий от социального, возрастного, семейного и гендерного статусов.

Здорóво

Как отмечают исследователи, если приветствия *Добрый день! Здравствуйте!* в русской культуре могут быть адресованы почти любому коммуниканту в любой социальной ситуации, то приветствия: *Здорóво! Привет!* воспринимаются как узуальные только при обращении равных по социальному статусу коммуникантов и, преимущественно, в неофициальной ситуации²⁶. Приветствие *здорóво* является просторечной и широко распространенной формой приветствия при встрече с родственниками, друзьями, знакомыми, к которым говорящий обычно обращается на «ты». Оно встречается в следующих позициях общения:

1) Приветствие равных по социальному статусу коммуникантов

Например, дед Максим и чумаки («чумаки», в старину на Украине крестьянин, возивший на волах в Крым и на Дон на продажу хлеб и привозивший оттуда соль и рыбу)²⁷:

²⁶ Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, *Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения*, [в:] А.А. Леонтьев (ред.), *Национально-культурная специфика речевого поведения*, Москва 1977, с. 19.

²⁷ *Толковый словарь русского языка*, Д.Н. Ушаков (ред.), Москва 1935–1940, т. 4, с. 130б.

– *Здорово*, Максим! Вот привел бог, где увидеться!

Дед прищурил глаза:

– А! *здорово, здорово!* откуда бог несет? И Болячка здесь? здорово, здорово, брат! Что за дьявол! да тут все: и Крутогрыщенко! И Печерыця! и Ковелек! и Стецько! Здорово! А, га, га! Го! Го!... – и пошли целоваться (Н.В. Гоголь «Заколдованное место»).

Повтор приветствия (если это обращение к одному и тому же человеку) обычно употребляется в ответной реплике и подчеркивает положительную эмоцию адресанта. Впрочем, пунктуация реплики не позволяет ясно представить, к кому именно обращается пожилой чумак.

2) Приветствие в общении неравных по социальному и возрастному статусу коммуникантов

В приведенном ниже диалоге здороваются вольноотпущенный старик семидесяти лет, бывший дворецкий Туман, и пятидесятилетний крепостной крестьянин на оброке:

– Эй, Влас! – вскрикнул Туман, взглядевшись в него. – *Здорово, брат*. Откуда бог принес?

– *Здорово, Михаила Савельич*, – проговорил мужик, подходя к нам. – Издалеча.

– Где пропал? – спросил его Туман.

– А в Москву ходил, к барину.

– Зачем?

– Просить его ходил (И.С. Тургенев «Малиновая вода»).

Неравноправие проявляется в сопровождающих приветствие обращениях. В данных ситуациях вслед за приветствием и обращением идут выражения *Вот привел бог где увидеться! Откуда бог несет?*, также характерные для непринужденного общения простого народа.

Приветствие *здорово* может употребляться в речи как равных, так и неравных по социальному статусу коммуникантов, но у носителей просторечия.

Мое почтение, Почтение

Это форма учтвого или шутливогo, чаще мужского приветствия. Диалог из повести иллюстрирует ответ чиновника на приветствие майора Ковалева:

– Кто здесь принимает объявления? – закричал Ковалев. – *А, здравствуйте!*
– *Мое почтение*, – сказал седой чиновник, поднявши на минуту глаза и опустивши их снова на разложенные кучи денег (Н.В. Гоголь «Нос»).

Следующий пример из пьесы А.Н. Островского также подтверждает подобный ответ на приветствие, где Чепурин – лавочник, хозяин дома, а Корпелов – учитель, снимающий у него квартиру:

Чепурин, (кланяясь): Асафу Наумычу... *почтение-с*. (Подает руку)

Корпелов: За деньгами? О тиран души моей! (А.Н. Островский «Трудовой хлеб»).

Рассматриваемое приветствие *мое почтение* и его редуцированный вариант *почтение-с* встречаются и в купеческой, и в разночинской среде коммуникантов.

Здравствуйте пожалуйста

Это приветствие выражает недоуменное недовольство по поводу чего-нибудь неожиданного и неприятного.

Но для героя Туркина это нетипичное усиление приветствия выражением вежливости – характерная речевая черта:

– *А! Здравствуйте пожалуйста!* – встретил его Иван Петрович, улыбаясь одними глазами. – *Бонжурте*²⁸.

Вера Иосифовна, уже сильно постаревшая, с белыми волосами, пожалала Старцеву руку, манерно вздохнула и сказала... (А.П. Чехов «Ионыч»).

Для Туркина характерно также и усиление прощания: *Прощайте пожалуйста!* Подобные фатические реплики сочетаются в его речевом портрете с иными фактами жеманной речи:

[...] я ему говорю, что он не имеет *никакого римского права* сидеть у себя в больнице (А.П. Чехов «Ионыч»).

²⁸ Подробнее о приветствии *бонжурте* см. с. 57.

Честь имею кланяться

В данном примере это учтивая или официальная форма приветствия при встрече, употребляющаяся преимущественно в мужской речи²⁹.

Такое приветствие мелкого чиновника в нашей иллюстрации обращено к богатой вдове:

Бедонегова: Виталий Петрович! Виталий Петрович!

Пирамидалов: *Честь имею кланяться*, Антонина Власьевна. Что вам угодно?

Бедонегова: Да подойдите поближе, не укушу я вас (А.Н. Островский «Богатые невесты»).

Эта форма приветствия полностью соответствует помете в словаре – «встречается преимущественно в мужской речи».

Здравия желаем

Это приветствие является уставной формой приветствия в армии (полиции, милиции и др. военизированных службах) младшего по званию в ответ на приветствие старшего по званию³⁰.

– *Здравствуй, брат!* Что, это вся наша рота?

– *Здравия желаем!* С приездом, ваше благородие! – отвечал фельдфебель, весело и дружелюбно глядя на Козельцова (Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года»).

На флоте это приветствие также было обычным ответом на приветствие капитана:

К фронту подходит капитан Василий Федорович и говорит своим мягким, сердечным голосом:

– *Здорово, ребята!* Поздравляю вас с праздником!

– *Здравия желаем, вашескородие!* И вас с праздником, вашескородие! – весело грянули матросы... (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

²⁹ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 515.

³⁰ Там же, с. 177.

В ситуации приветствия, в которой отец Базарова, отставной штабс-лекарь, обращается к Аркадию, отчетливо видно, как бывший военный сохранил среди штатских свою привычку здороваться:

Он заметил своего молодого гостя и, опершись на лопатку, воскликнул: «*Здравия желаем!*» (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Здравствуй и прощай!

Это странное этикетное выражение не выполняет стандартных функций, является своего рода парадоксом:

– Слушай, – поспешил Раскольников, – я пришел только сказать, что ты заклад выиграл и что действительно никто не знает, что с ним может случиться. Войти же я не могу: я так слаб, что сейчас упаду. И потому *здравствуй и прощай!* А завтра ко мне приходи... (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

Приветствия здесь нет. Раскольников произносит его только в конце реплики, а синтаксически оно связано с контекстом с помощью союза *потому*. О том, что персонаж торопится, становится ясно из предыдущего контекста, а само выражение *здравствуй и прощай* означает здесь нежелание продолжать разговор, подводит итог оправданию разрыва коммуникации.

Этикетная фраза употреблена в разночинской среде при общении людей одинакового статуса, которые могут позволить себе не придерживаться этикета (в данном случае поддержание разговора из вежливости).

Желаю здравствовать, Здравствовать желаю

Данное приветствие является пожеланием. Согласно словарному толкованию, «*желаю здравствовать*», это устаревшая форма пожелания здоровья, благополучия, многолетия, она употребляется при встрече, поздравлении и прощании³¹.

³¹ Там же, с. 178.

1) Приветствие, наблюдаемое в помещичьей среде:

– *Желаю здравствовать, милостивый государь!* – проговорил он, увидевши Ивана Федоровича.

Иван Федорович безмолвно поклонился (Н.В. Гоголь «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»).

Такое приветствие в XIX веке являлось этикетной нормой в среде помещиков. Ответом является *поклон*, т. е. неречевое коммуникативное действие, в данном случае, уместное и соответствующее этикету.

Согласно второму значению, *желаю здравствовать* является стилистически возвышенной, почтительной и преимущественно мужской формой приветствия.

2) Общение разных по социальному статусу коммуникантов

Этот пример иллюстрирует приветствие–пожелание чиновника, обращенное к портному, сопровождаемое обращением по отчеству:

Петрович прищурил на него очень пристально свой единственный глаз, и Акакий Акакиевич выговорил:

– *Здравствуй, Петрович!*

– *Здравствовать желаю, сударь*, – сказал Петрович и покосил свой глаз на руки Акакия Акакиевича, желая высмотреть, какого рода добычу тот нес (Н.В. Гоголь «Шинель»).

Ответ портного *Здравствовать желаю, сударь* заказчику на приветствие вполне соответствует словарной помете: «простонародное обращение к высшему по положению». Инвертированная форма словосочетания не является распространенной, ее семантический эффект в приведенном контексте неясен.

Помоги Бог, Бог в помощь

Перед нами приветствия–пожелания Божьей помощи.

Помоги Бог это устаревшая, областная форма приветствий, не относящаяся к распространенным. В ней присутствует обращение к Богу. Перед нами диалог из произведения Н.В. Гоголя:

– *Помоги бог!* – сказал Иван Иванович.

– А! здравствуйте, Иван Иванович! – отвечал голос из угла комнаты. Тогда только Иван Иванович заметил Ивана Никифоровича, лежащего на разостланном на полу ковре. – Извините, что я перед вами в натуре (Н.В. Гоголь «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»).

Такое приветствие, в некоторой степени, может свидетельствовать о религиозности персонажа.

Похожее приветствие, обращенное к странникам:

И по голосу можно было понять, что этот другой был старик. Липа остановилась и сказала:

– *Бог в помощь!*

Старик подошел к ней и ответил не сразу:

– Здравствуйте! (А.П. Чехов «В враге»).

В XIX веке слово странник, обозначало человека, ходящего на богомолье. Как и в первом примере, такое приветствие-пожелание тесно связано с религиозными воззрениями коммуникантов.

Ситуация «Приветствие» также представляет фатическую и регулятивную функции речевого этикета. Арсенал приветствий, отраженный в произведениях русской литературы XIX века, достаточно широк. *Здравствуйте! Здравствуй!* – наиболее распространенные и нейтральные. Встречаются с именем, терминами выражающими родство, отчеством, прозвищем или титулом – это приветствие равных по социальному статусу коммуникантов. Формулы приветствия могли сочетаться с извинениями: *Здравстуйте, господа; извините, что опоздал к чаю...* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»); пожеланиями: – *Здравстуйте, Панове! Помогай бог вам!* (Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»). Неравноправные приветствия встречаются при общении людей разного возраста: – *Здравствуй, друг!* – сказал он. – *Здравстуйте!* (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»). А также у коммуникантов, когда гендерные отношения преобладают над социальными: – *С приездом вас, Дмитрий Иванович!* – с трудом выговорила она, и лицо ее залилось румянцем. – *Здравствуй... здравстуйте,* – не знал он, как на «ты» или на «вы» говорить с ней, и покраснел так же, как и она (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Здорово, является просторечной и широко распространенной формой приветствия при встрече с родственниками, приятелями, знакомыми,

к которым говорящий обычно обращается на «ты». Учтливое, мужское приветствие: *Мое почтение. Здравствуйте пожалуйста* – эмоционально окрашенное приветствие, выражающее недовольствие. Выражение *здравствуй и прощай* означает нежелание продолжать разговор. Также встречаются приветствия-пожелания: *Желаю здравствовать, милостивый государь!* и *Помоги Бог, Бог в помощь*, распространенные в общении низших социальных слоев.

В современной коммуникации используются некоторые приветствия XIX века, но уже с дополнительным оттенком, например, иронично – форма множественного числа *Здравия желаем* (в неофициальном армейском общении), *Бонжур, Мое почтение*, а также *Здравствуйте пожалуйста* (в том числе и как прецедентное высказывание в среде образованных собеседников). Это же касается и приветствий-пожеланий – *Помоги бог, Бог в помощь*, которые без ироничного оттенка можно встретить в церковном этикете.

Что касается распространенного сегодня приветствия *привет*, то еще в материалах «Словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ» И.И. Срезневского представлено несколько значений выражения *Привѣтъ – привѣтствіе*: *Привѣтъ* поусти. *Пат. Син. XI в.* 32. Толкование иллюстрировано цитатой из Синайского Патерика XI века. Второе значение *Привѣтъ – обращеніе*. Они жъ, безумни суще, возрадовашеся о суетнемъ семь привѣте Мамаеве. *Никон. л. 6888 г.* (т. IV 91)³². Толкование иллюстрировано цитатой из Летописи, датируемой 6888 годом от сотворения мира, что соответствует 1380 году. Из этого следует, что *привет* является древним приветствием и обращением, но в анализируемых произведениях не встречено. Сегодня это выражение является разговорным, дружеским и получило распространение уже в советский период.

3. Знакомство

Знакомиться – это устанавливать связь с человеком, отношения с ним для общения. В такой ситуации всегда присутствует готовность вступить в кон-

³² И.И. Срезневский, *Материалы Словаря древне-русского языка по письменнымъ памятникамъ*, Санкт-Петербург 1890–1912, т. 2, с. 1388.

такт, независимо от того, чем это вызвано – просто добрым отношением, симпатией или деловыми соображениями³³.

В ситуации «Знакомство» Н.И. Формановская различает речевые действия между двумя коммуникантами, когда происходит самоназывание собеседников (знакомство без посредника), и речевые действия между тремя (знакомство при помощи посредника), когда происходит называние собеседников третьим лицом.

Такое знакомство при помощи посредника обычно происходит с подчеркнутой вежливостью. По правилам этикета мужчину представляют женщине; младшего по возрасту, званию и положению – старшему; гостя – хозяевам и т. д. «Посредник сначала называет имя (отчество, фамилию, звание) лица, которому представляет гостя, а затем имя и проч. представляемого лица»³⁴.

А.А. Акишиной и Н.И. Формановской³⁵ выделяются ряд формул речевого этикета, свойственных ситуации «Знакомство», в русском языке и речи:

- 1) знакомство без посредника; традиционный вопрос: *Как вас (тебя) зовут? Как ваша (твоя) фамилия? Как ваше имя и отчество? Как ваше (твое) имя?*; предложение о знакомстве: *Давайте познакомимся. Будем знакомы.* Обращение к детям: *Давай (с тобой) познакомимся.* Официальное предложение о знакомстве: *Разрешите (позвольте) познакомиться.* Самопредставление по фамилии, имени-отчеству или имени: *Меня зовут Сергей. Меня зовут Ириной Николаевной. Суриков (-а).*
- 2) знакомство при помощи посредника:
 - а) посредник предлагает познакомиться и называет имя (имя и отчество, фамилию, а иногда профессию и т. д.): *Познакомьтесь (пожалуйста)!*
 - б) те, кого знакомят, называют друг другу имя (имя-отчество, фамилию): *Познакомьтесь с тв. пад. (с моим другом), Знакомьтесь!* Официальное: *Разрешите познакомить вас с + сущ. в тв. пад. Позвольте познакомить*

³³ Н.И. Формановская, *Вы сказали: «Здравствуйте!» (речевой этикет в нашем общении)*, Москва 1989, с. 62.

³⁴ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 182.

³⁵ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 45.

вас с + сущ. в тв. пад. Разрешите (вам) представить + сущ. в род. пад.
 Употребляется за предыдущими выражениями: *Это Людмила Николаевна (о которой я вам говорил (-а); с которой вы хотели познакомиться и т. д.). Дружеское (в речи среднего и старшего поколения): Прошу любить и жаловать!*

Проиллюстрируем ситуацию «Знакомство» примерами из произведений художественной литературы XIX века.

А) ЗНАКОМСТВО БЕЗ ПОСРЕДНИКА

Как тебя зовут? Тебя как звать?

Это один из распространенных непринужденных способов знакомства без посредника. Перед нами знакомство мужика с землемером, происходящее в деревне:

- Эй, милый, – спросил землемер, – *как тебя зовут?*
- Меня-то? Клим.
- Что, Клим, как у вас здесь? Не опасно? Не шалят? (А.П. Чехов «Землемер»).

Использование формы «ты» характерно при обращении к простому народу. В следующем примере – знакомство между героями повести – стариком из простого народа и ребенком:

- Нету, это верно. *Тебя как звать?*
- Егорушка.
- Стало быть, Егорий... (А.П. Чехов «Степь»).

Формула, имеющая прямую и инвертированную форму, используется при установлении связи с собеседником из простого народа, а также с детьми.

Позвольте...

Согласно словарному толкованию, это разговорная форма вежливого или учтивого вопросительного обращения, просьбы или приглашения. Она

употребляется только в устном контактном общении в ситуациях, когда содержание вопроса, просьбы, приглашения не требует пояснения³⁶.

Существует формула знакомства с использованием глагола *позвольте*, выражающего просьбу разрешить осуществить некоторое действие:

Позвольте узнать вашу фамилию

Как и предыдущая формула, эта используется при выяснении имени собеседника. Данный пример иллюстрирует знакомство помещицы Коробочки и Чичикова:

- Однако ж мужики на вид дюжие, избенки крепкие. *А позвольте узнать фамилию вашу*. Я так растерялся... приехал в ночное время...
- Коробочка, коллежская секретарша.
- Покорнейше благодарю. *А имя и отчество?*
- Настасья Петровна (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Коробочка называет свою фамилию, а также свой социальный статус – *коллежская секретарша*. И только после второй просьбы – назвать свое имя и отчество – добавляет: *Настасья Петровна*. Это может характеризовать ее как женщину, ставящую себя на одну ступень с мужчинами в социальном плане. Она не ограничилась прямым ответом на вопрос о фамилии, а добавила обозначение своего гражданского чина. Она отвечает как женщина, имеющая власть и собственность.

Самопредставление

Формулами самопредставления являются следующие, указанные ниже. Они также могут содержать глагол *Позвольте...* и инфинитив:

1) + *представиться*

Просьба разрешить сообщить собственное имя может быть в абсолютном начале реплики. Вот как происходит знакомство разночинца Базарова

³⁶ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 331.

и Фенечки, горничной, ставшей гражданской женой отцу его друга Кирсанова:

Приблизясь к Фенечке, он скинул картуз.

– *Позвольте представиться*, – начал он с вежливым поклоном, – *Аркадию Николаевичу приятель и человек смирный*.

Фенечка приподнялась со скамейки и глядела на него молча (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Базаров обращается к Фенечке учтиво, с вежливым поклоном, хотя его самохарактеристика *человек смирный* уже предполагает какое-то вмешательство в личную жизнь Фенечки. Дальнейшее развитие событий покажет, что это именно так.

2) (Фамилия, имя, отчество) + ... *позвольте отрекомендоваться*

Следующая ситуация знакомства иллюстрирует громоздкую формулу, которая составляет определенный контраст невежливой реплике Раскольникова:

Раскольников вдруг приподнялся и сел на диване.

– Ну, говорите, чего вам надо?

– А ведь я так и знал, что вы не спите, а только вид показываете, – странно ответил незнакомый, спокойно рассмеявшись. – *Аркадий Иванович Свидригайлов, позвольте отрекомендоваться...* (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

На грубый вопрос Раскольникова незнакомец не отвечает, сначала высказывает свою точку зрения, а потом представляется подчеркнуто вежливо. Позже мы узнаем Свидригайлова как человека, считающего себя выше других, что и отразилось в речевом этикете. Заметим, что собственно формула знакомства *позвольте отрекомендоваться* чаще употребляется в препозиции к имени. Приведенный же инвертированный вариант подчеркивает вычурную вежливость Свидригайлова. Это учтивая, преимущественно мужская форма знакомства без посредников.

3) Фамилия, имя + уточнение отношений при знакомстве

Уточнение отношений при знакомстве мы уже рассматривали в примере знакомства Базарова с Фенечкой. Следующий пример показывает

симметричное общение, знакомство людей, принадлежащих к одному социальному слою – дворян:

Денисов, никем не замеченный, войдя в комнату, стоял тут же и, глядя на них, тер себе глаза.

– *Василий Денисов, дг'уз вашего сына*, – сказал он, рекомендуясь графу, вопрошительно смотревшему на него.

– Милости прошу. Знаю, знаю, – сказал граф, целуя и обнимая Денисова. – Николушка писал... Наташа, Вера, вот он, Денисов (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

При представлении себя Денисов, называя свою фамилию, указывает те отношения, в которых он находится с сыном графа Николаем – дружба. При знакомстве мужчин, когда один старше, другой младше, это естественно.

Л.Н. Толстой передает дефект речи своего героя: Денисов не произносил [p]. Поэтому [dpyk] в его речи автор передает как дг'уз. Уточнение отношений в формуле знакомства, как правило, стоит в постпозиции к имени.

4) Фамилия + социальный статус представляющегося

Перед нами пример несимметричного общения, когда у коммуникантов разный возрастной, социальный и гендерный статус. Уточнение отношений, рассмотренное в предыдущем примере, функционально подобно указанию на социальный статус представляющегося. Типичной является ситуация, например, в которой Раскольников, герой романа Ф.М. Достоевского, представляется по фамилии и называет свой социальный статус:

– *Раскольников, студент*, был у вас назад тому месяц, – поспешил пробормотать молодой человек с полупоклоном, вспомнив, что надо быть любезнее.

– Помню, батюшка, очень хорошо помню, что вы были, – отчетливо проговорила старушка, – по-прежнему не отводя своих вопрошающих глаз от его лица (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

Официальная форма представления себя старухе с указанием социального статуса была необходима из соображений маскировки в ситуации планируемого преступления (надо быть любезнее). Хотя сама по себе форма вполне нейтральна, естественна для разночинской среды XIX века и особенной учтивостью не отличается.

Б) ЗНАКОМСТВО ПРИ ПОМОЩИ ПОСРЕДНИКА

Позволь/те...

1) + *познакомить...*

Формула знакомства при помощи посредника подобна формулам знакомства без посредника тем, что имеет главный содержательный элемент, выражающий просьбу разрешить осуществить знакомство – глагол *позволь(те)*.

Рассмотрим диалог, отражающий представление отцу друга:

– *Папаша*, – сказал он, – *позволь познакомить тебя с моим добрым приятелем, Базаровым, о котором я тебе так часто писал*. Он так любезен, что согласился погостить у нас.

Николай Петрович быстро обернулся и... крепко стиснул его обнаженную красную руку, которую тот не сразу ему подал.

– *Душевно рад*, – начал он, – и благодарен за доброе намерение посетить нас; надеюсь... позвольте узнать ваше имя и отчество? (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Эта ситуация «Знакомство при помощи посредника» нам показывает, что ныне считающееся официальным представление собеседника, в XIX веке используется при знакомстве родственника с другом. Формула громоздка за счет наличия не только уточнения отношения (*моим добрым знакомым*), но и за счет отсылки к предыдущим упоминаниям.

В ситуации из пьесы А.Н. Островского женщина знакомит мужчин друг с другом:

Негина: (Великатову). *Позвольте вас познакомить! Петр Егорыч Мелузов. Иван Семеныч Великатов*.

Смельская: Ах, знаете ли, Иван Семеныч, ведь Петр Егорыч – студент; он жених Сашин.

Великатов: (подавая руку). Очень приятно с вами познакомиться.

Мелузов: Что же тут приятного для вас? Ведь это фраза. Ну, познакомились, так и будем знакомы. Вот и все.

Великатов: (почтительно). Совершенно справедливо: очень много говорится пустых фраз, я с вами согласен; но то, что я сказал, извините, не фраза. Мне приятно, что артистки выходят замуж за порядочных людей (А.Н. Островский «Таланты и поклонники»).

Интересно, что Негина называет только фамилию, имя и отчество, как бы ставя мужчин в равное положение. Однако Смельская тут же проясняет ситуацию. Очень богатому помещику Великотову она объясняет, что Мелузов – студент и жених.

В отношении реализации этикета ответы двух собеседников совершенно различны. Великотов, соблюдая нормы приличия, вежливо отвечает: *Очень приятно с вами познакомиться.* Ответ Мелузова можно определить как хамский: *Что же тут приятного для вас?* Студент воспринимает простой вежливый ответ как буквальный, обвиняя собеседника в неискренности. Великотов же почтительно произнесенной пространной репликой сумел соблюсти этикет и отстоять свою позицию.

2) + представить

Следующий диалог из рассказа И.С. Тургенева иллюстрирует характерную формулу знакомства мужчин при помощи посредника:

– *А позвольте представить вам моего лучшего друга,* – заговорил вдруг Лупихин резким голосом, схватив сладкого помещика за руку. – *Да не упирайтесь же, Кирила Селифаныч,* – прибавил он: *вас же не укусят...* (И.С. Тургенев «Гамлет Щигровского уезда»).

Замечание Лупихина *Да не упирайтесь же, Кирила Селифаныч, вас же не укусят,* следующее за речевой формулой, перечеркнуло вежливость начала диалога. Нарушение этикета, впрочем, начинается еще до продолжения реплики. Жест *схватив... за руку* не приемлем в этикетной ситуации. Причины такого поведения персонажа за пределами эпизода: Лупихин – помещик, от которого ушла жена, он обозлен на весь мир, не обращает внимания на приличия.

Кроме знакомства в присутствии собеседников и посредника существует своего рода заочное знакомство. Пример из романа М.Ю. Лермонтова иллюстрирует такую ситуацию:

– *Вот княгиня Лиговская,* – сказал Грушницкий, – *и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер.* Они здесь только три дня.
– Однако ты уж знаешь ее имя?
– Да, я случайно слышал, – отвечал он, покраснев, – признаюсь, я не желаю с ними познакомиться. Эта *гордая знать* смотрит на нас, армейцев, как на

диких. И какое им дело, есть ли ум под нумерованной фуражкой и сердце под толстой шинелью? (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

В этой ситуации отсутствия одного из участников знакомства (княжны) Грушницкий рассказывает Печорину о княгине и княжне, называет их фамилию, имя княжны, дает характеристику имени: *Мери, как она ее называет на английский манер*. И в процессе этого заочного знакомства характеризуется не столько княжна, сколько сам Грушницкий, так как передача сведений о представляемом субъекте напоминает сплетни. Грушницкий не был представлен княгине и княжне, а *случайно слышал*.

В ситуации «Знакомство» в XIX веке использовались различные речевые формулы. *Как тебя зовут? Как тебя звать?* предназначены для знакомства без помощи посредника, характерны для речи простого народа и при знакомстве с детьми.

Позвольте, являющееся разговорной формой вежливого или учтивого вопросительного обращения, встречается с вопросом: *А позвольте узнать фамилию вашу?*

Самопредставление показано формулой, содержащей глагол *Позвольте* + инфинитив: *представиться, отрекомендоваться*. Это учтивая, преимущественно мужская форма знакомства без посредников. Данный вид знакомства отражает формула: *Фамилия, имя + уточнение отношений при знакомстве*, – *Василий Денисов, дг'уг вашего сына* (Л.Н. Толстой «Война и мир»). *Фамилия + социальный статус представляющегося* – *Раскольников, студент* (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»), в данной ситуации общения коммуникантов с разным социальным и возрастным статусом. При знакомстве с посредником распространенной является формула *Позвольте + инфинитив: познакомить + представить* – *А позвольте представить вам моего лучшего друга* (И.С. Тургенев «Гамлет Щигровского уезда»).

Также встречена ситуация заочного знакомства, с названием фамилии, титула, а также имени дочери – *Вот княгиня Лиговская, – сказал Грушницкий, – и с нею дочь ее Мери, как она ее называет на английский манер. Они здесь только три дня*. (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»). В настоящее время ситуация «Знакомство» претерпела существенные изменения.

Трансформации подвергся в основном репертуар формул знакомства без помощи посредника.

4. Приглашение

Приглашение, предложение, совет по своему языковому выражению похожи на просьбу, только просьба и приглашение, ориентированы на интересы адресанта (я прошу – это мне нужно, я приглашаю – это мне приятно). Приглашающий уверен, что адресат также в нем заинтересован, что он выиграет от совершения этого действия, оно «выгодно» ему, поэтому чем более прямо оно звучит, тем более прагматический эффект имеет. В привилегированной среде XIX века широко использовались пригласительные письма и записки, которые назывались «Приглашение».

Формулы речевого этикета ситуации «Приглашение», выделяемые в современном русском языке и речи А.А. Акишиной и Н.И. Формановской³⁷:

Наиболее употребительное: *(Я) приглашаю вас (тебя)...* *(Я) хочу пригласить вас (тебя)...* Безличная форма модального глагола усиливает некатегоричность: *Мне хочется пригласить вас (тебя)...* Некатегоричное: *Могут ли я пригласить вас?* Официальное: *Позвольте (мне) пригласить вас...* Говорящий приглашает пойти туда, где будет находиться он сам: *Приходи(-те)...* Дружеское приглашение с оттенком медлительности действия: *Заходи(-те).* Приглашение войти: *Входи(-те). Заходи(-те).* Непринужденное с оттенком побуждения: *Давай(-те) пойдём...* Ненастойчивое, вежливое приглашение: *Не хотите ли... Не согласитесь ли.* Настойчивое, желательное приглашение: *Вы (ты) (не) согласитесь (согласишься) + прийти..., зайти...?* С оттенком совета: *Не хотели (хотел, -а) бы вы (ты).* С оттенком возможности: *Хорошо бы... Неплохо бы...* С оттенком необходимости: *Надо бы... Нужно бы...* С оттенком желательности: *Я хочу, чтобы вы (ты).* С оттенком совета: *Как вы (ты) смотрите (смотришь) на то...*

³⁷ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 55.

Рассмотрим формулы речевого этикета, которые использовались в русской литературе XIX века в ситуации «Приглашение».

Приглашения сами по себе не однородны, нами были обнаружены: *приглашение встретиться, прийти в гости или на обед; приглашение войти и приглашение сесть*.

А) ПРИГЛАШЕНИЕ ВСТРЕТИТЬСЯ, ПРИЙТИ В ГОСТИ ИЛИ НА ОБЕД

Приглашаю вас...

Это стилистически нейтральная и наиболее частотная формула приглашения прийти куда-либо с объявленной целью, принять участие в каком-то деле. В приведенном ниже примере описана ситуация приглашения в диалоге главных героев:

– Именно оттого, что знаю вас, и *приглашаю вас завтра*, – сказала, смеясь, девушка. – Я вас совершенно знаю. Но смотрите, *приходите с условием*; во-первых (только будьте добры, исполните, что я попрошу, – видите ли, я говорю откровенно), не влюбляйтесь в меня... Это нельзя, уверяю вас. На дружбу я готова, вот вам рука моя... А влюбиться нельзя, прошу вас! (Ф.М. Достоевский «Белые ночи»).

Перед нами вежливое *приглашение* молодой девушки, обращенное к молодому человеку. Уточнение *приходите с условием...* – проявление жеманства (неестественным выглядит сформулированное условие).

Приходите-тко...

Эта формула, в отличие от предыдущей, более конкретная. Если в семантике слова *пригласить* сема «прийти» выражена наряду с семой «просить», то в слове *приходить* сема «явиться куда-нибудь» – основная. В приведенном примере мещанин с женой приглашают Лизавету Ивановну в гости:

– Вы бы, Лизавета Ивановна, и порешили самолично, – громко говорил мещанин. – *Приходите-тко завтра*, часу в семом-с. И те придут.
– Завтра? – протяжно и задумчиво сказала Лизавета, как будто не решаясь (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

Формула используется при неофициальном приглашении, она характерна для мещанской среды. В приведенном примере употребляется форма повелительного наклонения глагола с морфемой *-тко*, определяемая как разговорная.

А вы приходите...

Это неофициальная разговорная форма приглашения, в данном случае на обед:

– Ну-с, так вот что: вы у кого? У Дюка? Ну, и там скверно. *А вы приходите обедать*, – сказал генерал, отпуская Нехлюдова, – пять часов. Вы по-английски говорите?

– Да, говорю.

– Ну, вот и прекрасно. Сюда, видите ли, приехал англичанин, путешественник. Он изучает ссылку и тюрьмы в Сибири (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

В этом диалоге из романа генерал приглашает дворянина Нехлюдова обедать, то есть в среде господствующего класса. Информация еще об одном госте – англичанине и указание времени – *пять часов* позволяют сделать вывод о предпочтении, отдаваемом этому иностранцу (*five o'clock* – для представителя английской культуры традиционное время принятия пищи).

Зайдите к нам не просясь

Герои следующего диалога демонстрируют разговорную форму приглашения:

– Да вы на сей раз Алене Ивановне ничего не говорите-с, – перебил муж, – вот мой совет-с, а *зайдите к нам не просясь*. Оно дело выгодное-с. Потом и сестрица сами могут сообразить.

– Аль зайти? (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

Такая речэтикетная формула приглашения характерна обычно при прощании со знакомыми, живущими в одном городе. В данном случае она представлена в виде совета. Данная приставка *за-* подчеркивает попутность действия и в какой-то мере необязательность.

Приезжайте...

Перед нами полилог главных героев романа И.С. Тургенева. Приглашение молодой женщины Анны Сергеевны обращено к мужчинам:

- Если вы, господа, не боитесь скуки, *приезжайте* ко мне в Никольское.
- Помилуйте, Анна Сергеевна, – воскликнул Аркадий, – я за особенное счастье почту... (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

С одной стороны, перед приглашением звучит якобы извинение (*если вы, господа, не боитесь скуки*), с другой стороны, это можно рассматривать также как ситуацию, в которой приглашающий напрашивается на комплимент.

У тебя всегда есть место...

Следующий диалог героев является примером приглашения погостить, обращенного к бывшему другу, находящемуся сейчас в трудной ситуации:

- Но помни: что бы с тобой ни случилось, *у тебя всегда есть место, есть гнездо, куда ты можешь укрыться*. Это мой дом... Слышишь, старина? У мысли тоже есть свои инвалиды: надобно, чтоб и у них был приют.

Рудин встал.

- Спасибо тебе, брат, – продолжал он, – Спасибо! Не забуду я тебе этого. Да только приюта я не стою (И.С. Тургенев «Рудин»).

Такое эмоциональное приглашение Лежнева может его характеризовать как доброго, дружелюбного, открытого человека.

Пойдем ко мне...

В отличие от предыдущих формул приглашения, в которых если не указано конкретное время, то это просто будущее время, эта формула с центральным компонентом *пойдем ко мне* используется в расчете на то, что приглашаемый может воспользоваться приглашением сразу. В приведенном примере из рассказа Л. Андреева городской приглашает в день Пасхи к себе домой простого пушкаря Гараську:

- *Пойдем ко мне разговляться.*
- Так я к тебе, пузатому черту, и пошел!
- Пойдем, говорю! (Л.Н. Андреев «Баргамот и Гараська»).

Разговорная форма *пойдем* соответствует приглашению вышестоящего к нижестоящему на социальной лестнице коммуниканту.

Б) ПРИГЛАШЕНИЕ ВОЙТИ В ПОМЕЩЕНИЕ, ПЕРЕСТУПИТЬ ПОРОГ

Voildume, Entrez

Эта и все последующие формулы применяются в ситуациях непосредственного прихода приглашаемого. Данные речевые формулы имеют семантику позволения пересечь границу, отделяющую приватное пространство приглашающего (дом, квартира, комната) от собеседника.

Следующий диалог из романа И.С. Тургенева иллюстрирует нам приглашение войти в комнату, обращенное к знакомому:

- Это вы, Victor? – раздался тонкий голос из соседней комнаты. – *Voildume...*
- Я не один, – промолвил Ситников, лихо скидывая свою венгерку, под которой оказалось нечто вроде поддевки или пальто-сака, и бросая бойкий взгляд Аркадию и Базарову.
- Все равно, – отвечал голос. – *Entrez.*
- Молодые люди вошли (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

В семантическом отношении *voildume* и *entrez* идентичны. В функциональном отношении *voildume* – нейтральное и более частотное употребление.

Приглашение же на французском языке в XIX веке является обычным для дворянско-разночинской среды. Однако в приведенном фрагменте повторение приглашения на другом языке имеет дополнительные основания: Авдотья Никитична использовала французский вариант после реплики Ситникова о наличии попутчиков. Не зная точно, кто сопровождает знакомого (или знакомых) Ситникова, хозяйка на всякий случай повышает уровень этикетной формулы. Одна из целей этого употребления – произвести благоприятное впечатление на неизвестных приглашаемых.

Милости просим

Формула вежливого приглашения, представленная фразеологизированным выражением, кроме основной семантики также выражает радушие. Эта формула является разговорным вежливым, радушным приглашением. В данном примере богатая молодая вдова из купеческого сословия употребляет ее по отношению к владетельной особе:

Мурзавецкая: Ну, вот я к тебе со всем двором оприч хором.

Купавина: *Милости просим!*

Мурзавецкая: Да уж рада ль ты, не рада ли, делать нечего, принимать надо... (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Нужно заметить, что формула *милости просим* может употребляться как при входе гостей (идентично формуле *войдите*), так и в ситуации приглашения в гости в будущем (в значении «если будете, то приходите»).

В следующем диалоге из рассказа А.П. Чехова описано приглашение, обращенное к двум разным собеседникам – ребенку и кучеру:

Увидев мальчика, оба старика изобразили на лицах удивление и радость.

– А-а! Егор Николаич! – пропел о. Христофор. – Господин Ломоносов!

– А, господа дворяне! – сказал Кузмичов. – *Милости просим* (А.П. Чехов «Степь»).

Оба предшествующие приглашению обращения к мальчику Егорушке *Егор Николаич* и *господин Ломоносов*, а также общее обращение к обоим *господа дворяне* являются шутливыми. Обращения к Егорушке связаны с предстоящим поступлением в гимназию. Именно на этом фоне следует рассматривать приглашение *Милости просим*, которое, являясь употребительным среди купечества, мещан, крестьян, в приведенном эпизоде служит своего рода этикетным преувеличением. Относительно позиции формулы в реплике следует отметить, что *милости просим* может употребляться в любой позиции, а также при наличии и при отсутствии обращения.

Добро пожаловать

Распространенная формула приглашения, синонимичная предыдущей, проиллюстрирована нами диалогом героев романа Л.Н. Толстого, бывшего

дворника Ферапонтова и слуги Алпатыча, благодаря которому Ферапонтов разбогател:

Ферапонтов в жилете, в ситцевой рубахе, стоял у лавки, выходявшей на улицу. Увидав Алпатыча, он подошел к нему.

– *Добро пожаловать*, Яков Алпатыч. Народ из города, а ты в город, – сказал хозяин.

– Что ж так, из города? – сказал Алпатыч... (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Обычный нераспространенный вариант предполагает, что место, куда приглашается собеседник, – это место произнесения приглашения. Вежливое приветствие выражает радушие, и употребляется представителями разных социальных слоев.

Просят вас пожаловать

Приглашение может выражаться и косвенной речью. Обычно это представлено в диалогах из произведений русской литературы XIX века, где приглашение произносит прислуга. В следующем примере из романа И.С. Тургенева дворецкий передает приглашение своей хозяйки гостям:

– Анна Сергеевна *просят вас* пожаловать к ним через полчаса, – доложил дворецкий. – Не будет ли от вас покамест никаких приказаний?

– Никаких приказаний не будет, почтеннейший, – ответил Базаров, – разве рюмку водочки соблаговолите поднести.

– Слушаю-с, – промолвил дворецкий не без недоумения и удивился, скрипя сапогами.

– Какой гранжанр! – заметил Базаров, – кажется, это так по-вашему называется? Герцогиня, да и полно (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Дворецкий обращается к Базарову и к Кирсанову. Автора приглашения он «обозначает» глаголом и местоимением в форме множественного числа *просят... к ним*, что требуется от прислуги правилами вежливости. Базаров о таком приеме отзывается *какой гранжанр* (высший, торжественный стиль франц. *Grandgenre*) и продолжает *герцогиня, да и полно*. В текстах художественной литературы XIX века значительно чаще встречается описание приглашения в косвенной речи (в том числе и при описании речевых действий прислуги), чем употребление формулы *добро пожаловать* в диалогах.

Прошу...

Эта формула может реализовываться по-разному. Как собственно приглашение (синонимично предыдущим формулам) данная речевая формула обычно не распространяется, так как сама ситуация обеспечивает трактовку ее как приглашения войти.

Увидев гостя, он [Собакевич] сказал отрывисто: «*Прошу!*» и повел его во внутренние жилища (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Может использоваться как при симметричном, так и несимметричном видах общения.

В) ПРИГЛАШЕНИЕ СЕСТЬ

Нераспространение глагола *прошу* возможно и не только в ситуациях приглашения войти. Обычно понимание подразумеваемого конкретного действия обеспечивается или обстоятельствами произнесения или дополнительными паралингвистическими средствами, жестами, мимикой, взглядом и другими.

Феодулия Ивановна попросила садиться, сказавши тоже: «*Прошу!*» и сделав движение головою, подобно актрисам, представляющим королев (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Просьба, имеющая оттенок приглашения, предполагает, что адресат займет указанное место в пространстве для начала диалога. Например, типичным является приглашение сесть за стол и выпить чаю, обращенное к учителю дочери Марьи Алексеевны из романа Н.Г. Чернышевского:

- *Прошу* садиться, – сказала Марья Алексеевна. – Матрена, дай еще стакан.
- Если это для меня, то благодарю вас: я не буду пить.
- Матрена, не нужно стакана (Благовоспитанный молодой человек!). Почему же не будете? Выкушали бы (Н.Г. Чернышевский «Что делать?»).

Краткое приглашение-просьба является строгим, не выражающим никаких эмоций, но вежливым речевым оборотом.

Еще более строгой является формула *Извольте садиться*. В диалоге из рассказа И.С. Тургенева ее употребляет кучер в обращении к барину:

Кучер мой бережно вложил тавлинку в карман, надвинул шляпу себе на брови, без помощи рук, одним движением головы, и задумчиво полез на облучок.

– Куда же ты? – спросил я его не без изумления.

– *Извольте садиться*, – спокойно отвечал он и подобрал вожжи.

– Да как же мы поедем?

– Уж поедем-с (И.С. Тургенев «Касьян с Красивой Мечи»).

Именно глагол *извольте* придает заметный оттенок строгости приглашению. Повествователь в ремарке как бы оправдывает кучера, характеризуя его речь только обстоятельством *спокойно*, но его вежливая фраза является нарушением субординации. Барин не придает этому значения, волнуясь по поводу непредсказуемости предстоящей поездки.

Также синонимично описанной формулой является этикетное выражение без глагола *прошу* – *присядьте*. Пример диалога главных героев романа Л.Н. Толстого Нехлюдова и Масловой демонстрирует это вежливое приглашение:

– Марья Павловна послала меня, – сказала она, останавливаясь близко подле него.

– *Да, мне нужно поговорить. Да присядьте*. Владимир Иванович говорил со мной.

Она села, сложив руки на коленях, и казалась спокойною, но, как только Нехлюдов произнес имя Симонсона, она багрово покраснела (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

В приведенном примере выражено некоторое нетерпение отправителя, обеспечивается оно, однако, не глаголом, а частицей, а также контекстом.

Приглашения, встречающиеся в анализируемых произведениях русской литературы XIX века, выполняют почти идентичную функцию как в уже рассмотренных речеэтикетных ситуациях. В отличие от, например, обращений и знакомств, являются более универсальными в отношении социальной принадлежности участников общения. Арсенал приглашений позволяет выразить смысл в официальной и неофициальной форме, а также передать различные дополнительные оттенки: *Приглашаю Вас (тебя)...* – формула вежливого приглашения пойти куда-либо с объявленной целью; *Приходи/те (обедать, на чай...), А вы приходите... Заходите к нам не просясь... Приезжайте...* – разговорная форма неофициального

приглашения, характерная и для мещанской, и для дворянской среды, выражена императивом.

Приглашение войти в помещение, переступить порог, может выражаться следующими формулами: *Добро пожаловать*, *Милости просим*, которое, характерно для крестьян и купечества. Французская синонимичная форма русского *Войдите – Entrez*. Одновременно употребляющиеся две формы встречены в дворянско-разночинской среде (для повышения своего статуса, употребляется и французский эквивалент). Приглашение, переданное через дворецкого – *Анна Сергеевна просят вас пожаловать к ним через полчаса* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»), типично для дворянской среды. Где хозяин приглашения обозначается глаголом *просят* во множественном числе.

Приглашение сесть прошу + садиться, извольте + садиться, присядьте, также выражено императивом. Именно функция воздействия на адресата проявляется в данной речевой ситуации.

В исследуемых примерах не обнаружено со стороны приглашающего большой настойчивости в виде следующих выражений: «только обязательно приходи», «ты должен непременно прийти», «отказы не принимаются», «если не придешь, я обижусь», «я буду очень ждать» или побудительных высказываний со значением совместного действия, характерных для современной речи.

5. Просьба, совет, предложение

Обращаясь к кому-либо с *просьбой*, чтобы исполнить какое-нибудь желание, человек должен быть вежливым. *Совет* же может дать только тот, кто компетентен в данном вопросе (или чувствует себя компетентным). Надо в соответствии с правилами ведения речи не «приподнимать» себя, знающего, над другими, незнающими, надо не придавать себе излишнего значения, чтобы не унижить партнера, надо быть скромным относительно собственного опыта, а значит совет надо давать тактично³⁸. Рекомендую

³⁸ Н.И. Формановская, *Речевой этикет и культура общения*, Москва 1989, с. 53.

кому-либо действовать тем или иным способом, человек высказывает предложение.

В современном русском литературном языке и речи А.А. Акишина и Н.И. Формановская³⁹ выделяют следующие речевые формулы, характеризующие ситуации «Просьба, совет, предложение»:

Наиболее употребительное: *(Я) прошу (вас, тебя)... (Я) советую (вам, тебе)...* Сослагательное наклонение подчеркивает некатегоричность просьбы: *Я просил(-а) бы... Я советовал(-а) бы...* Основная форма выражения просьбы, совета, предложения: *Сделай(-те)...* Вежливое: *Пожалуйста... Будьте добры... Вы не можете...? Вам не трудно (будет)...? Можно (мне)...? Нельзя ли...?* Официальное – употребляется людьми старшего поколения: *Сделайте (мне) одолжение... Не откажите в любезности...* Нерешительная просьба (совет, предложение): *Я хочу вас (тебя) попросить...* Ненастойчивая просьба: *Вы (ты) не хотите (хочешь)...* Официальное, категоричное: *Просьба + инфинитив*. Побуждение к действию: *Давай(-те)...* Просьба дать разрешение что-либо сделать: *Можно...? Можно ли...?* С оттенком официальности: *Вас не затруднит... Разрешите... Позвольте...* С оттенком желательности: *Хорошо (было) бы... Неплохо (было) бы... Мне бы хотелось, чтобы вы (ты)...* С оттенком необходимости: *Надо (было) бы вам (тебе).... Нужно (было) бы...* Категорический приказ: *Не разговаривать! Тихо!* Категорическое запрещение: *Не смей(-те)... Перестань(-те)...* Вежливое, с оттенком обсуждения с собеседником: *Как вы (ты) смотрите (смотришь) на то, чтобы...*

Рассмотрим, как представлены ситуации «Просьба, совет, предложение» в русской литературе XIX века. Побудительность, согласно Н.И. Формановской, – одно из ведущих целеполаганий говорящего, отражающее его волеизъявление, с одной стороны, а с другой – побуждение к действию адресата. Это приказы, требования, команды, распоряжения, предписания, наставления, запрещения, разрешения, основанные на приоритете говорящего, его высоком статусе, власти⁴⁰.

³⁹ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 69.

⁴⁰ Н.И. Формановская, *Прагматика побуждения и логика языка*, «Русский язык за рубежом» 1994, № 5–6, с. 34–40.

Другие побуждения не имеют зависимости от социальных признаков и социального положения говорящего, здесь выделяется признак пользы, выгоды результата будущего действия: *просьба, мольба, заклинание* – это действия в пользу говорящего, такие действия, как *советы, рекомендации, инструкции, рецепты, предложения, приглашения* осуществляются в пользу того, к кому обращаются.

Рассмотрим ситуацию «Просьба, совет, предложение» в следующей последовательности:

- а) просьба,
- б) уговоры, поучения,
- в) приказ,
- г) совет,
- д) предложение.

А) ПРОСЬБА

Просьба – это наименование побудительной ситуации общения, когда говорящий принуждает адресата к выполнению того, что нужно просящему; также это сумма выражений, которые составляют тематическую группу *Просьбы*; и каждое из выражений, с помощью которых осуществляется речевое действие.

Смысл просьбы состоит в том, что выполнять действие будет адресат, а результат присвоит просящий. Поэтому он должен компенсировать действия адресата демонстрацией вежливого отношения к нему. В ситуациях делового, официального общения необходимым является употребление актуализатора вежливости: *Если вас не затруднит, дайте (пожалуйста), Будь(-те) добры, передайте мне...*

Возможна удвоенная просьба: *Прошу вас (тебя), сделай(-те)...* просьба с оттенком желательности: *Я хочу попросить вас (тебя)...* / *Я хотел(-а) бы попросить вас (тебя)...* / *Мне хотелось бы попросить вас (тебя)...* / *Я хочу попросить вас (тебя), чтобы вы (ты)...* / *Мне хочется попросить вас (тебя), чтобы вы (ты)...*

В научной лингвистической литературе предложена модель речевого акта просьбы. Реализация речевого акта включает несколько

коммуникативных ходов, например: 1) начало разговора; 2) обращение; 3) просьба о просьбе; 4) мотивировка просьбы; 5) собственно просьба.

Форма императива – наиболее распространенная в ситуации просьбы, не снабженная вежливым *пожалуйста*, может расцениваться слушателем как требование, а если у говорящего нет права требовать, то требование не соответствует роли, оно – превышение прав, значит, его и необязательно исполнять, более того, ему хочется даже сопротивляться⁴¹. Более мягким способом попросить являются выражения с глаголом *хотеть*. К разговорному стилю тяготеют просьбы-вопросы.

(Я) прошу (вас, тебя)

В том случае, когда говорящий выражает настоятельную просьбу, используется перформативный глагол *просить*, а также интенсификаторы *очень*, *убедительно*, *настоятельно*: *Очень прошу вас (тебя)... / Убедительно прошу вас (тебя)...* Содержание просьбы может быть при этом самым разным. Диалог художника Рябовского и Ольги Ивановны представляет собою ссору. В ответ на упреки любовницы в плохом к ней отношении, художник без предварительных коммуникативных ходов излагает просьбу:

- Ольга, я об одном прошу вас, – сказал художник умоляюще и приложив руку к сердцу, – об одном: *не мучьте меня!* Больше мне от вас ничего не нужно!
- Но поклянитесь, что вы меня все еще любите!
- Это мучительно! – процедил сквозь зубы художник и вскочил. – Кончится тем, что я брошусь в Волгу или сойду с ума! *Оставьте меня!* (А.П. Чехов «Попрыгунья»).

Просьба не причинять страдания, которую не удовлетворяет собеседник (судя по ее ответной реплике), завершается еще более резким заявлением, которое можно рассматривать как градацию. Просьба *оставьте меня* предваряется мотивировкой, содержащей угрозу суицида.

Совершенно противоположное содержание просьбы в диалоге молодого мужчины Пьера, обращающегося к юной Наташе Ростово́й. Оба героя романа Л.Н. Толстого принадлежат к высшему свету:

⁴¹ Н.И. Формановская, *Речевой этикет и культура общения*, Москва 1989, с. 64.

– Не будем говорить, мой друг, я все скажу ему; но *об одном прошу вас* – считайте меня своим другом, и ежели вам нужна помощь, совет, просто нужно будет излить свою душу кому-нибудь – не теперь, а когда у вас ясно будет в душе, – вспомните обо мне. – Он взял и поцеловал ее руку (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Просьба *считать своим другом*, обращенная к женщине, – это явный шаг к будущему признанию в любви. Факультативный элемент формулы просьбы *об одном* в обоих случаях подчеркивает важность желания отправителя.

Основной формой выражения просьбы является императив глагола. Без специального знака вежливости такое употребление содержит лишь требование и в некоторых ситуациях выглядит грубоватым: *Сделай(-те)!* *Принеси(-те)!* *Напиши(-те)!* *Пошлите...*

В диалоге персонажей романа Л.Н. Толстого пример просьбы сына, уходящего воевать, обращенной к отцу. Действие, которое содержится в просьбе, отсроченное, касается беременной жены:

– Когда жене будет время родить, *пошлите в Москву за акушером...* Чтоб он тут был...

– Гм... гм... – проговорил про себя старый князь, продолжая дописывать. – Сделаю (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

В данных контекстах собственно просьбы содержится указание времени осуществления действия и его мотивация. Просьба сформулирована кратко и конкретно.

Благослови...

Приведенная реплика из диалога иллюстрирует просьбу мужа к жене из повести Н.В. Гоголя:

Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей.

– Теперь *благослови, мать, детей своих!* – сказал Бульба. – *Моли бога*, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь льцарскую... (Н.В. Гоголь «Тарас Бульба»).

Тарас Бульба формулирует просьбу из двух элементов: осенить крестным знаменем, выразить тем самым покровительство и согласие с тем, что

дети отправляются воевать (непосредственное действие), а также просить Бога о благодати и помощи (отсроченное действие).

Погляди-ка...

Чичиков, герой романа Н.В. Гоголя, обращается к своему слуге Селифану с просьбой выполнить обычное действие:

- Селифан! – сказал он наконец, высунувшись из брички.
- Что, барин? – отвечал Селифан.
- *Погляди-ка*, не видно ли деревни?
- Нет, барин, нигде не видно!... (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Просьба выражается глаголом с частицей *-ка*, смягчающей приказание, свидетельствует о настроении хозяина и его благосклонном отношении к слуге.

Обещай...

Перед нами диалог сестры и брата из романа Л.Н. Толстого. Княжна Марья обращается к своему брату, князю Андрею, который идет на войну, с просьбой:

- Andre, – сказала она робко после минуты молчания, – *у меня к тебе есть большая просьба*.
- Что, мой друг?
- Нет, *обещай мне, что ты не откажешь*. Это тебе не будет стоить никакого труда, и ничего недостойного тебя в этом не будет. Только ты меня утетишь. Обещай, Андрюша.
- [...]
- André, я тебя благословлю образом, *и ты обещай мне*, что никогда его не будешь снимать... *Обещаешь?* (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Просьба носить и не снимать образ содержит несколько коммуникативных элементов: обращение, мотивацию, просьбу не отказать ее исполнить, неоднократные повторы, вызывающие даже шуточный тон князя Андрея. Подобные просьбы чаще всего характерны для близких родственников: мать – дочь, сестра – брат.

Пожалуйста + глагол в повелительном наклонении

Основные выражения вежливой просьбы сопровождаются словом *пожалуйста*. Следующий диалог героев романа М.Ю. Лермонтова, Грушницкого и Печорина, представляет собою вежливую просьбу одного молодого человека, обращенную к другому:

– Послушай, – сказал Грушницкий очень важно, – *пожалуйста, не подшучивай над моей любовью*, если хочешь остаться моим приятелем... Видишь: я ее люблю до безумия... и я думаю, я надеюсь, она также меня любит... У меня есть до тебя просьба: ты будешь нынче у них вечером; обещай мне замечать все: я знаю, ты опытен в этих вещах, ты лучше меня знаешь женщин...

– Это, может быть, следствие действия вод, – отвечал я (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

Грушницкий не видит соперника в своем друге, открывает ему свои планы, просит *замечать все*. Адресант рассчитывает на опыт собеседника, перед нами двое молодых людей, однако жизненный опыт ставит одного выше другого.

В следующем диалоге Коробочка, героиня романа Н.В. Гоголя, обращаясь к Чичикову, просит:

– *Так уж пожалуйста, не позабудьте насчет подрядов*.

– Не забуду, не забуду, – говорил Чичиков, выходя в сени (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Просьба вежливая, мы наблюдаем интенсификатор вежливости *пожалуйста*, но выражение *так уж*, свидетельствует о просторечном характере просьбы.

Сделайте мне одолжение + глагол в повелительном наклонении

В следующей ситуации представлена просьба раненого офицера, обращенная к графу Ростову:

– Граф, *сделайте одолжение, позвольте мне... ради бога... где-нибудь приютиться на ваших подводах*. Здесь у меня ничего с собой нет... Мне на возу... все равно... – Еще не успел договорить офицер, как денщик с тою же просьбой для своего господина обратился к графу (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Действие разворачивается во время отступления, граф перевозит семью, свое имущество и с готовностью принимает к себе в повозку раненого. Просьба подкреплена мотивировкой, интенсификатором экспрессии *ради бога*, вызывающим к милосердию и указывающим на религиозность народа, а также выражением, усиливающим вежливую просьбу *сделайте одолжение*. В настоящее время такая вежливая просьба может исходить от интеллигентов старшего поколения.

Можно + инфинитив

Повышенная официальная вежливость содержится в выражениях, когда говорящий как будто осведомляется о своей возможности обратиться с просьбой:

– *Можно раненым у нас в доме остановиться?* – спросила она.

Майор с улыбкой приложил руку к козырьку.

– Кого вам угодно, мамзель? – сказал он, суживая глаза и улыбаясь... (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Диалог иллюстрирует вежливое обращение молодой дворянки Наташи Ростовской к военному (майору). Действие происходит во время войны, вокруг напряженная обстановка, раненые, но дворянское воспитание позволяет Наташе в непривычной ситуации быть сдержанной и вежливой.

Б) УГОВОРЫ, ПОУЧЕНИЯ

Уговоры, задачей которых является склонить к чему-либо, и **поучения** – обогащение полезными знаниями, обычно носят воспитательный характер.

Стыдно не...

Рассматриваемая ситуация – диалог дяди Матвея Ильича и племянника Аркадия из романа И.С. Тургенева:

– Он для меня его [бал] дает, – проговорил Матвей Ильич почти с сожалением. – Ты танцуешь?

- Танцюю, только плохо.
- Это напрасно. Здесь есть хорошенькие, *да и молодому человеку стыдно не танцевать*. Опять-таки я это говорю не в силу старинных понятий; я во все не полагаю, что ум должен находиться в ногах, но байронизм смешон... (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Дядя убеждает племянника в необходимости знакомиться с женским обществом, а также обогащает знаниями о пользе умения хорошо танцевать, определяя неумение танцевать молодого человека как предосудительное.

В) ПРИКАЗ

Приказы, требования, команды, распоряжения, предписания, наставления, запрещения, разрешения, принуждения. основаны на приоритете говорящего, на высоком его статусе и власти. Приказ чаще всего выражен глаголом в повелительном наклонении.

Глагол в повелительном наклонении

Принеси

Диалог иллюстрирует приказ хозяина своему крестьянину. Перед нами Федя и Полутыкин, герои рассказа И.С. Тургенева:

- Нет. Хорь в город уехал, – отвечал парень, улыбаясь и показывая ряд белых, как снег, зубов. – *Тележку заложить прикажете?*
- Да, *брат, тележку. Да принеси нам квасу* (И.С. Тургенев «Хорь и Калиныч»).

Реплика хозяина содержит два приказа, по-разному оформленных. Первый является неполным предложением, которое содержит только повтор сформулированного самим слугой приказа. Второй приказ выражен полностью. Обращение *брат* существенно смягчает строгость приказа.

Встаньте!

Диалог демонстрирует побуждение, основанное на власти отправителя. Царица обращается к казакам-запорожцам:

– *Встаньте!* – прозвучал над ними повелительный и вместе приятный голос. Некоторые из придворных засуетились и толкали запорожцев.

– Не встанем, мамо! не встанем! умрем, а не встанем! – кричали запорожцы (Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»).

Кроме приказа, выраженного глаголом в повелительном наклонении, существенной является ремарка, в которой характеризуется *голос*, принадлежащий царице.

Читай!

Реплика Раскольникова, обращенная к Соне, демонстрирует приказ-просьбу:

«Тут и сам станешь юродивым! заразительно!» – подумал он.

– *Читай!* – воскликнул он вдруг настойчиво и раздражительно (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

Формально являясь приказом, реплика персонажа вырывается у него спонтанно, в результате тяжелых размышлений и ожидания. В ремарке указано, что настойчивость и раздражительность возникли вдруг.

Надо + инфинитив

Приказ может быть оформлен словом *надо* в значении сказуемого в сочетании с инфинитивом, обозначающим требуемое действие. Однако такая форма не является универсальной. Приведем пример приказа, который выражен не совсем привычным для армии языком и адресован солдатам:

– Ребята! *Надо сходить* назад – взять офицера, что ранен там, в канаве, – сказал он не слишком громко и повелительно, чувствуя, как неприятно будет солдатам исполнять это приказанье – и действительно, так как он ни к кому именно не обращался, никто не вышел, чтобы исполнить его (Л.Н. Толстой «Севастополь в мае»).

Приказ хотя и исходит от штабс-капитана, субъекта, имеющего высокий статус относительно получателя, однако не выполняется, солдаты его игнорируют, потому что приказ выражен и не по форме, и не достаточно убедительно в интонационном отношении.

Сходите, пожалуйста,...

В армейской среде, впрочем, приказ может быть выражен и в вежливой форме в виде просьбы. Например, приказ генерала, обращенный к своему ординарцу:

– Ротмистер Праскухин! Сказал генерал. – *Сходите, пожалуйста*, в правый ложемент и *скажите* второму батальону М. полка, который там, на работе, чтоб он оставил работу, не шумя вышел оттуда и присоединился бы к своему полку, который стоит под горой в резерве. Понимаете? *Сами отведите к полку*. – *Слушаю-с* (Л.Н. Толстой «Севастополь в мае»).

Приказ, исходящий от генерала, выраженный тремя глаголами, смягчен вежливым словом *пожалуйста*, однако воспринимается как приказ, о чем свидетельствует строгий ответ, согласно уставу: *слушаю-с*.

Г) СОВЕТ

Тот, кто советует, ситуативно наделен статусом вышестоящего; тот, кому дается совет, находится в затруднительном положении; советующий выражает положительное отношение к тому, кто нуждается в совете. Тот, к кому обращен совет, вынужден примириться с ролью нижестоящего, обязан согласиться с констатирующей частью совета (то есть признать долю своей вины или неумение справиться с обстоятельствами) и должен прореагировать на рекомендательную часть совета⁴².

Следует отметить, что ситуация *совета* не имеет специфических средств выражения, по которым некоторое высказывание определяется именно как совет. Хотя является употребительным выражение, например, *я дам тебе совет, могу тебе посоветовать*, речевой акт совета в большинстве случаев осуществляется без такой лексической маркировки.

Советом может считаться ответ на просьбу посоветовать. Например, молодая помещица Анна Сергеевна Одинцова просит совета у Базарова. Совет касается Кати, ее сестры, в которую влюблен Аркадий, друг Базарова:

⁴² В.И. Карасик, *Язык социального статуса*, Москва 2002, с. 125.

– Что вы мне *посоветуете?* – спросила Анна Сергеевна, продолжая смеяться.
 – Да, я *полагаю*, – ответил Базаров тоже со смехом, хотя ему вовсе не было весело и нисколько не хотелось смеяться так же, как и ей, – я *полагаю*, следует благословить молодых людей. Партия во всех отношениях хорошая; состояние у Кирсанова изрядное, он один сын у отца, да и отец добрый малый, прекословить не будет (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

В результате обдумывания заданной ситуации Базаров дает совет, какого от него ждут, характерный для мужчины, рациональный и прямой.

Глагол в форме повелительного наклонения

Совет, который дает помещица Александра Павловна своей работнице, крестьянке Матрене, обладает всеми признаками этого речевого акта:

– Ну, прощай, Матрена! – проговорила Александра Павловна, – я к тебе еще приду, *а ты не унывай и лекарьство принимай аккуратню*.

Старуха приподняла голову и потянулась к Александре Павловне (И.С. Тургенев «Рудин»).

Крестьянка Матрена находится в затруднительном положении: она болеет. Помещица выражает положительное к ней отношение, заботится о ее здоровье.

Не лучше ли тебе... + инфинитив?

Совет может быть выражен вопросительным предложением, в составе которого формула *не лучше ли тебе* распространяется инфинитивом, обозначающим рекомендуемое действие как альтернативный вариант некоторого положения вещей.

Перед нами герои повести А.С. Пушкина. Мы видим совет, даваемый молодым дворянином Гриневым, самозванцу Пугачеву:

– То-то! – сказал я Пугачеву. – *Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?*

Пугачев горько усмехнулся. «Нет, – отвечал он, – поздно мне каяться. Для меня не будет помилования. Буду продолжать, как начал. Как знать? Авось и удастся! Гришка Отрепьев ведь поцарствовал же над Москвою» (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

Пугачев в силу определенных условий объявляет себя государем, то есть сам себя ставит на вершину социальной лестницы. Но Гринев, потомственный дворянин, не воспринимает его так и позволяет себе давать ему советы.

Надо + инфинитив

Совет может быть дан с помощью формулы, реализуемой для выражения приказа.

Реплика происходит из диалога двух друзей-помещиков, Обломова и Штольца, из романа И.С. Тургенева. Штолец, видя, как его друг «погибает» от безделья и лени, то есть находится в затруднительном положении, советует:

– Послушай, Илья, серьезно скажу тебе, что *надо переменить образ жизни*, иначе ты наживешь себе водяную или удар. Уж с надеждами на будущность – кончено: если Ольга, этот ангел, не унес тебя на своих крыльях из твоего болота, так я ничего не сделаю... (Н.А. Гончаров «Обломов»).

Совет отличает от приказа значительная его распространенность. Кроме содержательного центра *надо переменить образ жизни*, реплика содержит много элементов, существенно смягчающих категоричность высказывания: обращение, просьбу, объяснение последствий игнорирования совета, а также оправдания собственной беспомощности.

Пора бросить эту ерунду

Совет может даваться третьему лицу, не участвующему в беседе. В диалоге двух молодых людей, Базарова и Аркадия Кирсанова, считающих, что старшее поколение ничего не понимает в жизни, живет неправильно, один из собеседников дает совет:

– Третьего дня, я смотрю, он Пушкина читает, – продолжал между тем Базаров. – Растолкуй ему, пожалуйста, что это никуда не годится. Ведь он не мальчик: *пора бросить эту ерунду*. И охота же быть романтиком в нынешнее время! Дай ему что-нибудь дельное почитать.

– Что бы ему дать? – спросил Аркадий (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Форма совета допустима в диалоге между приятелями, но весьма фривольна относительно людей старшего поколения. Такой же рискованной, если не конфликтной, является также мотивировка совета (*ведь он не мальчик*).

Я вам советую...

Как было отмечено выше, употребление в речевом акте совета лексического обозначения речевого жанра не является распространенным. Однако предварение совета фразой *я вам советую* делает этот речевой акт демонстративным и подчеркивает статус советуемого лица как вышестоящего. Это передает диалог Печорина и Грушницкого, героев романа М.Ю. Лермонтова, которые раньше были приятелями, но теперь стреляются на дуэли:

- *Я вам советую перед смертью помолиться богу*, – сказал я ему тогда.
- Не заботьтесь о моей душе больше, чем о своей собственной, об одном вас прошу: стреляйте скорее (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

Как видим, несмотря на наличие указания на жанр совета, сама по себе реплика советом не является, потому что советуемый не выражает положительного отношения к получателю, собеседник вовсе не нуждается в совете, и совет выглядит иронично и только раздражает адресата. Это своего рода косвенный речевой акт.

Д) ПРЕДЛОЖЕНИЕ

Предложение, как и совет, является речевым действием, осуществляемым в пользу адресата, но в ситуации «Предложение», говорящий побуждает адресата к совершению действия, которое, с точки зрения адресанта, полезно для адресата, или объективно необходимо для исполнения. Также предложением является стандартное выражение, с помощью которого осуществляется эта ситуация. Словари толкуют предложение через слово *просьба*; по мнению Н.И. Формановской, его следует толковать через слово *побуждение*.

Глагол в форме повелительного наклонения

Распространенная форма выражения мысли о чем-либо возможном и полезном для адресата – глагол в повелительном наклонении с необходимым распространением.

Пообедайте

В приведенном диалоге бывших друзей-помещиков из романа И.С. Тургенева, долго не общавшихся друг с другом из-за ссоры. Лежнев простил товарища и предлагает ему пообедать. Рудин очень удивлен:

- Да-с, должен. Меня отправляют к себе в деревню на жительство.
- *Пообедайте со мной.*
- Рудин в первый раз взглянул прямо в глаза Лежневу.
- Вы мне предлагаете с собой обедать? – проговорил он.
- Да, Рудин, по-старинному, по-товарищески. Хотите?... (И.С. Тургенев «Рудин»).

Предложение выражено ясно, однако по причине его неожиданности собеседник переспрашивает, пытаясь выяснить смысл предложения еще и взглядом: «глаза в глаза». Отправитель подтверждает предложение посредством уточнения обстоятельств процесса.

Купите

Высказывание делается в первую очередь в пользу отправителя, хотя в высказывании может быть подробно описана польза, которую непременно извлечет получатель в результате согласия.

В примере из повести Н.В. Гоголя торговка предлагает свой товар проходящим по рынку богословам и философам:

- Другая, подняв что-то длинное, скрученное из теста, кричала:
- Ось сусулька! *Паничи, купите сусульку!*
- Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная – и нос нехороший, и руки нечистые... (Н.В. Гоголь «Вий»).

Предложение предваряется маркетинговым приемом: к неимущим бурсакам обращаются как к молодым представителям привилегированного класса.

Надо

Слово *надо* при соблюдении этикета появляется в формулах утешения с оттенком долженствования⁴³.

В разговоре двух сестер из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина используется необычное предложение одной из сестер, которая предлагает радикальное решение выхода из трудной жизненной ситуации:

– *Надо умереть*, – сказала она однажды Анниньке тем же холодно-рассудительным тоном, которым два года тому назад спрашивала ее, для кого она бережет свое сокровище.

– Зачем? – как-то испуганно возразила Аннинька.

– Я тебе серьезно говорю: надо умереть! – повторила Любинька. – Пойми! Очнись! Постарайся! (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»).

Это предложение навязывается настойчиво, *надо* нарушает этикетность ситуации.

Я...

Я могу + глагол

В реплике Ситникова, обращенной к Аркадию (герои романа И.С. Тургенева), представлен типичный пример распространенной формы выражения предложения:

– У меня очень покойная коляска, – прибавил несчастный молодой человек, обратясь к Аркадию, – *я могу вас подвезти*, а Евгений Васильич может взять ваш тарантас, так оно даже удобнее будет.

– Да помилуйте, вам совсем не по дороге, и до меня далеко (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Такое предложение формулируется в непринужденной обстановке, оно содержит мотивировку в рассматриваемых контекстах, употребляется при общении между социально равными собеседниками и не носит вежливой формы.

⁴³ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 525.

Я + глагол будущего времени

В диалоге романа Н.Г. Чернышевского Рахметов предлагает свои услуги по уходу за больной:

- Вера Павловна остается одна?
- Одна.
- *Так я зайду, посижу вместо вас*, может быть случится какая-нибудь надобность (Н.Г. Чернышевский «Что делать?»).

Приведенные предложения, с позиции трактовки их в словаре, являются нарушением этикета. Правила речевого этикета предписывают говорящему ставить в центр внимания не собственное «я», а «Вы/ты» собеседника, не навязывать ему своих мнений упорно и категорично⁴⁴. Но если учитывать, что эти предложения исходят от мужчин, они конкретны, без прикрас, то гендерная направленность этих предложений оставляет их среди этикетных формул предложений.

Хотите?

Распространенной формой выражения предложения является вопрос. Евдокия Кукшина предлагает гостям закусить:

- Евдокия свернула папироску своими побуревшими от табаку пальцами, провела по ней языком, пососала ее и закурила. Вошла прислужница с подносом.
- А, вот и завтрак! *Хотите закусить?* Виктор, *откупорьте бутылку*; это по вашей части.
 - По моей, по моей, – пробормотал Ситников и опять визгливо засмеялся (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

В диалоге представлено неофициальное приглашение эмансипированной женщины, которая ставит себя на одну ступень с мужчинами, не считает нужным приглашать их официально. Кроме того, действия, которые описаны как предшествующие приглашению, подчеркивают *моветон* хозяйки.

⁴⁴ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 525.

Не хотите ли?

В качестве варианта рассмотренной формы неофициального предложения употребительным является глагол с отрицанием и частицей. Иллюстрацией является реплика помещицы Коробочки, где она обращается к Чичикову:

- Как жаль мне, что нечего вам покушать, *не хотите ли, батюшка, выпить чаю?*
- Благодарю, матушка. Ничего не нужно кроме постели (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

В ситуации непредсказуемого приезда гостя (Чичикова) в ночное ненастное время, когда не вполне понятно, с кем имеет дело собеседник, помещица в разговоре о помещиках после ответа на вопрос о расстоянии до города делает предложение выпить чаю. Будучи хозяйкой и не имея точного представления о статусе заезжего гостя, Коробочка не использует в речи официальных формул приглашения, и кроме предложения выпить чаю, также рекомендует, чтобы гостю потерли спину и почесали на ночь пятки.

Просьба стать женой

Наряду с рассмотренными предложениями в XIX веке является употребительным предложение просьба стать женой. *Предложение руки и сердца* в разных социальных слоях представлено различными выражениями.

В ситуации, описанной в повести А.С. Пушкина, просьба исходит от князя, человека, принадлежащего высшему свету. Оформлена просьба вопросом, который передан косвенной речью:

- Подойди сюда, Маша, – сказал Кирила Петрович, – скажу тебе новость, которая, надеюсь, тебя обрадует. Вот тебе жених, князь тебя сватает.
- Маша остолбенела, смертная бледность покрыла ее лицо. Она молчала. Князь к ней подошел, взял ее руку и с видом тронутым спросил: *согласна ли она сделать его счастье*. Маша молчала (А.С. Пушкин «Дубровский»).

Предложение, которое делает князь, дважды предваряется информацией Кирилы Петровича: он называет князя женихом и затем называет

действие, которое далее осуществляет князь. Нужно отметить, что в приведенном примере предложение делается в присутствии постороннего лица.

Предложение, выраженное как просьба стать женой, может быть изложено непосредственно любимой женщине. Старцев из рассказа А.П. Чехова после эмоционального монолога делает предложение Екатерине Ивановне:

- Любовь моя безгранична... Прошу, умоляю вас, – выговорил, наконец, Старцев, – *будьте моей женой!*
- Дмитрий Ионыч, – сказала Екатерина Ивановна с очень серьезным выражением, подумав... (А.П. Чехов «Ионыч»).

Предложение, характерное для влюбленного мужчины, краткое и ясное. Оно завершает высказывание. Но предложению предшествует эмоциональная мотивировка, а также просьба, выраженная градацией *прошу, умоляю*.

Более простой вариант предложения руки и сердца распространен в народной речи:

- Ну, будет с тебя, вставай! старых людей всегда слушай! Забудем все, что было меж нами! Ну, теперь говори, чего тебе хочется?
- *Отдай, батько, за меня Оксану!*
- Добре! присылай сватов! (Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»).

Такое предложение существенно отличается от предыдущих формул, так как обращено как просьба не к будущей жене, а к ее отцу, что вполне соответствует нормам ритуала сватовства в XIX веке.

Именно функция воздействия на адресата, вызывающая разнообразную реакцию собеседника, проявляется в ситуации «Просьба, Совет, Приглашение, Предложение». Основной формой выражения *просьбы* является императив глагола. Без специального знака вежливости такое употребление содержит лишь требование и в некоторых ситуациях выглядит грубоватым: *Сделай(-те)!* *Принеси(-те)!* *Напиши(-те)!* ***Пошлите...***

Конативная функция, связанная со специальными актуализаторами вежливости *Пожалуйста*, *Будьте любезны*, *Будьте добры* и т. д. также представлена в данной ситуации общения.

Поучения призваны обогатить полезными знаниями и носят воспитательный характер. Исходят от высшего по социальной лестнице коммуниканта или старшего по возрасту:

– Это напрасно. Здесь есть хорошенькие, да и молодому человеку стыдно не танцевать (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Приказ характеризуется наличием императива: *Принеси, Встаньте, Читай* без интенсификаторов вежливости. Ситуация *совета* не имеет специфических средств выражения, по которым некоторое высказывание определяется именно как совет, но являются употребительными выражения: *я дам тебе совет, могу тебе посоветовать – Что вы мне посоветуете?* – спросила Анна Сергеевна, продолжая смеяться. – Да, я полагаю (И.С. Тургенев «Отцы и дети»). Также может присутствовать рекомендательное действие, в составе выражения *Не лучше ли тебе... + инфинитив – Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни* (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»). *Предложение*, выраженное через просьбу, как побуждение к действию. От просьбы отличается тем, что предполагает что-то возможное или полезное для адресата: *Пообедайте, Купите. – Пообедайте со мной.* (И.С. Тургенев «Рудин»). Также предложение может быть выражено личным местоимением Я + глагол – *Я могу вас подвезти* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»). А также глагол *хотите – А, вот и завтрак! Хотите закусить?* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»). В рассмотренных ситуациях встречены *Предложения руки и сердца* в разных социальных слоях, они выражены по-разному. В дворянской среде: *Спросил: согласна ли она сделать его счастье. Маша молчала* (А.С. Пушкин «Дубровский»). В среде разночинцев: *Прошу, умоляю вас, – выговорил, наконец, Старцев, – будьте моей женой!* (А.П. Чехов «Ионыч»). В народной речи: – *Отдай, батько, за меня Оксану!* (Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»).

Исследуя данные диалоги, мы обратили внимание на то, что наряду с выделенными и классифицированными Н.И. Формановской приказами, просьбами, советами, предложениями, существуют и иные речевые формулы, имевшие место в литературе XIX века. Просьбы, советы и предложения, хотя и предполагают преимущественно благо адресата,

значительно различаются в силу разнообразного содержания выражаемых мыслей. Кроме того, рассматриваемые ситуации (за исключением предложения руки и сердца) являются менее ритуализированными, чем рассмотренные ранее.

6. Согласие и отказ в ответ на просьбу и приглашение

Ответные реплики на просьбу и приглашение представляют собой согласие или отказ. Согласие, как и разрешение, вряд ли заденет собеседника, а вот отказ и запрещение требуют особого такта. Отказ с позиции этикета – более сложное речевое действие: нужно позаботиться о том, чтобы собеседник не был обижен. Речевое употребление в угоду вежливости заставляет нас избегать прямого отказа (*Я отказываюсь*), а выражать его завуалированно и, обязательно, аргументировать отказ.

А.А. Акишина и Н.И. Формановская⁴⁵ выделяют несколько формул речевого этикета, свойственных ситуации «Согласие и отказ в ответ на просьбу и приглашение», характерных для современного русского языка и речи:

Согласие в ответ на просьбу, приглашение

В ответ на приглашение: *Хорошо*. В ответ на вежливую просьбу: *Пожалуйста*. Непринужденное согласие: *Ладно*. Согласие сделать что-либо немедленно: *Сейчас*. В ответ на приглашение сделать что-либо: *Давай(-те)*. С оттенком желанья: *С радостью*. В ответ на просьбу обязательно сделать что-либо: *Обязательно* + 1 лицо буд. времени. *Не сомневайтесь(-айся)*. *Не беспокойтесь(-койся)*. На просьбу: *(Я) не возражаю*. На вопрос о желании, согласии что-либо сделать: *Конечно*. *Еще бы!* При предварительных переговорах: *Договорились!*

⁴⁵ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 84.

С оттенком нежелания что-либо сделать: *Так и быть*. Непринужденное: *Пожалуй*.

Отказ в ответ на просьбу, приглашение

Может сопровождаться извинением: *(Я) не могу*. С оттенком сожаления: *К сожалению*. *С радостью (бы)*. Отказ с оттенком официальности: *Я должен(-жна) отказать*. С оттенком удивления: *Ни в коем случае! Ни за что!*

Рассмотрим подробнее некоторые из этих ситуаций на материале произведений русской литературы XIX века.

А) СОГЛАСИЕ

Пожалуй

«*Пожалуй* – это не вполне уверенное согласие, разговорная форма выражения согласия с помощью этой частицы»⁴⁶. Оно представлено в диалоге двух мужчин, молодого офицера Печорина и доктора Вернера, персонажей романа М.Ю. Лермонтова:

– Теперь ваша очередь торжествовать! – сказал я, – только я на вас надеюсь: вы мне не измените. Я ее не видал еще, но уверен, узнаю в вашем портрете одну женщину, которую любил в старину... Не говорите ей обо мне ни слова; если она спросит, отнеситесь обо мне дурно.

– *Пожалуй!* – сказал Вернер, пожав плечами (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

Вернер неуверенно соглашается с просьбой Печорина, поскольку просьба отозваться плохо о Печорине, с которым Вернер состоит в хороших отношениях, выглядит странной. Жест *пожав плечами* может быть истолкован как «ну если Вам будет угодно».

⁴⁶ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 327.

Хорошо

Уверенное согласие обычно выражается языковым средством *хорошо*, которое может быть распространено. Приведем пример согласия выполнить просьбу Катерины Масловой, которая обращается к герою романа дворянину Нехлюдову:

– Вы, голубчик, похлопочите, – сказала она, взглядывая на него, опуская глаза и улыбаясь.

– *Хорошо, я сделаю, узнаю*, – сказал Нехлюдов, все более и более удивляясь ее развязности. – Но мне о своем деле хотелось поговорить с вами. Вы помните, что я вам говорил тот раз? – сказал он (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Просьба Катерины Масловой усиливается ласковым обращением *голубчик*, а также характерным невербальным поведением *опуская глаза*. Согласие выражено подробно, с уточнением характера хлопот.

Что ж...

Выше был приведен пример диалога двух сестер из романа М.Е. Салтыкова-Щедрина, в котором одна из них предлагает радикальное решение выхода из трудной жизненной ситуации:

– Я тебе серьезно говорю: надо умереть! – повторила Любинька, – пойми! Очнись! Постарайся!

– *Что ж... умрем!* – согласилась Аннинька, едва ли, однако же, сознавая то суровое значение, которое заключало в себе это решение (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»).

Предложение умереть находит поддержку у другой сестры. Ее ответ *что ж* лексически существенно отличается от предыдущих формул согласия. Эта форма выражает согласие с определенным усилием.

Повтор просьбы

Формой выражения согласия может быть повтор глагола из реплики просьбы. Иллюстрирует эту ситуацию диалог Ростова и капитана Тушина:

– Прикажите посадить, ради бога.

– *Посадите, посадите*, – сказал Тушин. – Подложи шинель, ты, дядя, – обратился он к своему любимому солдату. – А где офицер раненый? (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Капитан просит своих подчиненных посадить раненого, повторяя его просьбу, таким образом он выражает согласие. Дважды произнесенный глагол подчеркивает решительность этого согласия.

Просьбы могут оставаться и без конкретного ответа. В следующем диалоге просьба, обращенная к Владимиру Дубровскому, не находит поддержки и решения. Это объясняется изменением статуса собеседника, он из владельца имения превращается в нищего:

– Мы решили, – продолжал заседатель, – с вашего дозволения остаться ночевать; а то уж темно, и ваши мужики могут напасть на нас по дороге. Сделайте такую милость: прикажите постлать нам хоть сена в гостиной; чем свет, мы отправимся восвояси.

– *Делайте, что хотите*, – отвечал им сухо Дубровский, – я здесь уже не хозяин. – С этим словом он удалился в комнату отца своего и запер за собою дверь (А.С. Пушкин «Дубровский»).

Ответ Дубровского не может быть определен ни как согласие, ни как несогласие. В отношении этикета он является невежливым, однако Дубровский находит такому ответу оправдание.

Уход от конкретного ответа может быть осуществлен посредством словесной игры. Персонаж отвечает на решительную просьбу девушки:

– Мсье Лопухов, вы должны танцевать.

– *С одним условием*, – сказал он, вставая и кланяясь.

– Каким?

– Я прошу у вас первую кадрили (Н.Г. Чернышевский «Что делать?»).

Формулировка условия в вежливом ответе на просьбу «спасает» персонажа от танца.

В следующей ситуации просьба помещика, обращенная к конторщику, встречает отказ, оформленный строгим мотивированным обоснованием. Категоричный находится за пределами вежливости. Однако, как только гость предлагает заплатить, отказ *здесь не место* тут же заменяется вежливым согласием:

- Чего вам угодно? – спросил он меня.
- Обсушиться.
- *Здесь не место.*
- Я не знал, что здесь контора; а, впрочем, я готов заплатить...
- *Оно, пожалуй, можно и здесь,* – возразил толстяк... (И.С. Тургенев «Контора»).

Как видим, просьба может оставаться без ответа, не являясь отказом.

Б) ОТКАЗ

Неблагоприятное речевое действие отказа вуалируется разного рода ссылками на невозможность согласиться, сожалениями.

Уж это не мое дело

Стандартным коммуникативным средством, выражающим отказ, является слово *нет*, однако отрицательный ответ на просьбу может быть выражен и различными иными средствами. Например, просьба сына Петеньки к отцу Иудушке помочь деньгами встречает отказ отца:

- Так помогите же!
- А это... это уж другой вопрос. Что надобно как-нибудь выйти из этого положения – это так, это ты правду сказал. А как выйти – *это уж не мое дело!*
- Но почему же вы не хотите помочь? (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»).

Отказ выражен обозначением собственной непричастности к проблемной ситуации, в которой оказался сын. Форма выражения отказа является невежливой.

Что ты, что ты

Еще один способ выразить отказ – экспрессивный повтор фразы *что ты*, которая является скорее всего редуцией фразы *что ты такое говоришь!* В диалоге с внуком бабушка отказывается помочь ему деньгами:

- Я, бабушка, у вас хотел взаймы попросить... я хороший процент заплачу.
- Арина Петровна совсем испугалась.

– *Что ты, что ты!* – заметалась она, – да у меня денег только на гроб да на поминовенье осталось! И сыта я только по милости внучек, да вот чем у сына полакомлюсь! *Нет, нет, нет!* Ты уж меня оставь! Сделай милость, оставь! Знаешь что, ты бы у папеньки попросил! (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»).

Отказ выражается дважды; после первого отказа следует подробная мотивировка, а после второго – бабушка прогоняет внука и дает совет. Эмоциональность отказа подчеркивается неоднократными повторами.

Нет, не курю

Отрицательный ответ может быть не только на просьбу в пользу просящего, но и на предложение. Например, Манилов предлагает Чичикову покурить, на что Чичиков отвечает отказом:

- *Позвольте мне вас попотчевать трубочкою.*
- *Нет, не курю,* – отвечал Чичиков ласково и как бы с видом сожаления.
- Отчего? – сказал Манилов тоже ласково и с видом сожаления.
- Не сделал привычки, боюсь; говорят, трубка сушит (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Чичиков старается сделать максимально вежливым отказ от предложения, поэтому дает развернутую мотивировку, обращаясь к коллективному опыту (*говорят*).

Разумеется, отрицательный ответ может иметь и неэтикетную форму выражения. Например, в диалоге с горничной Ариной помещик Зверков грубо отказывает ей в просьбе:

«Батюшка, Александр Сильч, милости прошу». – «Какой?» – «*Позвольте выйти замуж*». Я признаюсь вам, изумился. «Да ты знаешь, дура, что у барыни другой горничной нету?» (И.С. Тургенев «Ермолай и мельничиха»).

В ответе нет прямого выражения отказа, он выражен косвенно, с помощью характеристики ситуации, которая возникнет в результате исполнения просьбы, при этом грубое обращение–оскорбление *дура* обусловлено тем, что горничная не учитывает последствий своих действий.

Ситуации «Согласие и отказ в ответ на просьбу и приглашение» представлены как формулами речевого этикета, содержащими лексику высокого стиля, присущую образованным людям XIX века, так и непосредственной аргументацией согласия или несогласия. *Согласие* может быть выражено разговорной формой *Пожалуй*, свойственной мужской речи. Уверенное согласие обычно выражается языковым средством *хорошо*:

– *Хорошо, я сделаю, узнаю*, – сказал Нехлюдов (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Формулы речевого этикета в этой ситуации отличаются в речи молодых людей и старшего поколения, людей разных полов и различных сословий. Многие формулы согласия и отказа в ответ на просьбу вполне актуальны и встречаются в современной речи.

7. Согласие и несогласие с мнением собеседника

Согласие это наименование ситуаций общения, когда дается положительный ответ на побуждение что-либо сделать; выражается солидарность с мнением собеседника; стереотипные выражения, с помощью которых осуществляется согласие.

Согласие является второй, ответной репликой диалога, поэтому выбор выражения диктуется не только социальными признаками и ролями собеседников, но и характером первой реплики.

А.А. Акишина и Н.И. Формановская выделяют ряд формул речевого этикета, характеризующих ситуации «Согласие и несогласие с мнением собеседника»⁴⁷, свойственных современному русскому языку и речи:

Согласие с чьим-либо мнением и положительный ответ на вопрос

Согласие с мнением: *Да. Конечно. Я согласен (согласна) с вами (тобой). Это так.* Подтверждение правильности мнения собеседника: *Конечно.*

⁴⁷ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 97.

Разумеется. Это само собой разумеется. Категоричность в подтверждении правильности мнения собеседника: *Вы (ты) правы (прав, -а).* Частичное согласие с мнением собеседника: *В какой-то мере...* Временная уступка чьему-либо мнению: *Допустим. Пусть будет по-вашему.*

Несогласие с чьим-либо мнением и отрицательный ответ на вопрос

Отрицательный ответ на вопрос: *Нет. Конечно, нет.* Подтверждение не-правильности мнения собеседника: *Нет, не так.* Несогласие с мнением собеседника: *Неправильно. Неверно. Вы (ты) неправы.* Категоричность в утверждении неправильности мнения собеседника: *Не может быть! Этого не может быть! (Я) не согласен(-сна).* Вежливое, официальное несогласие с мнением собеседника: *(Я) позволю себе не согласиться (с вами, с тобой). (Я) уверен(-а). (Я) думаю.* Недоверие к излагаемым фактам: *(Я) не верю этому (вам, тебе).* Сомнение в правильности излагаемых фактов: *Вряд ли. Это маловероятно.*

Рассмотрим, как формулы этой речевой ситуации представлены в произведениях русской литературы XIX века.

А) СОГЛАСИЕ С МНЕНИЕМ СОБЕСЕДНИКА

Не худо

Распространенной формой выражения согласия является **литота** – прием, основанный на отрицании противоположного: вместо *глупый* говорится *неумный*, вместо *близко* – *недалеко*. При выражении согласия вместо обычного *хорошо* употребляется *неплохо* или *не худо*.

Например, в диалоге с хозяином гость именно так выражает согласие с мнением собеседника:

- Вот мы и дома, – промолвил Николай Петрович, снимая картуз и встряхивая волосами. – Главное, надо теперь поужинать и отдохнуть.
- Поесть *действительно не худо*, – заметил, потягиваясь, Базаров и опустился на диван (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Базаров выражает согласие через употребление литоты, подкрепляя свой утвердительный ответ наречием *действительно*, тем самым подчеркивает желание поужинать.

Воля ваша

В XIX веке была распространенной учтивая форма выражения согласия с кем-либо. Данное выражение является не столько утвердительным ответом на мнение или предложение, сколько содержит указание на то, что именно собеседник является источником предложения или мнения.

В диалоге молодого дворянина Жазикова из пьесы И.С. Тургенева со своим старым слугой последний высказывает согласие:

Жазиков: Матвей, я хочу шить тебе ливрею.

Матвей: *Воля ваша-с* (И.С. Тургенев «Безденежь»).

Такой формой Матвей выражает согласие, однако показывает, что не одобряет действия, предлагаемого хозяином.

Воля ваша для меня священна

Согласно словарному толкованию, данная формула означает «как вам угодно, как хотите, поступайте по своему усмотрению»⁴⁸. Полная форма рассмотренного выше согласия имеет более определенную семантику утвердительного ответа. На предложение Дубровского молодая девушка Мария Кирилловна Троекурова отвечает требованием не выполнять намерение и объясняет причину такого требования:

– Я бы мог избавить вас от ненавистного человека.

– Ради бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите. Я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса...

– Я не трону его, *воля ваша для меня священна*. Вам обязан он жизнию. Никогда злодейство не будет совершено во имя ваше. Вы должны быть чисты даже и в моих преступлениях... (А.С. Пушкин «Дубровский»).

⁴⁸ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 84.

Владимир Дубровский выражает согласие с мнением девушки: во-первых, обозначением действия, названного в требовании *я не трону*, во-вторых, вежливой формой *воля ваша для меня священна*, которая содержит мотивировку, и, кроме того, подробным объяснением причины своего согласия.

Б) НЕСОГЛАСИЕ С МНЕНИЕМ СОБЕСЕДНИКА

Стандартным и распространенным выражением несогласия с мнением собеседника является слово нет. В художественной речи в литературе XIX века многочисленны примеры иных формул выражения несогласия.

Никак нет

Рассмотрим этикетный ответ, принятый среди военных. Это формула ответа боцманов – младших по чину военнослужащих – на вопрос старшего офицера:

- Поняли? – спросил строго старший офицер.
- *Никак нет, ваше благородие!* – отвечали разом оба... (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

Выражение несогласия является антонимом формуле выражения согласия, также более развернутого, чем обычное утверждение *да, так точно*. В реплике также использован обязательный элемент армейского этикета – обращение *ваше благородие*, стоящее в постпозиции.

Да нет

Способом выражения несогласия является усиление его частицей *да*, сочетание с которой формально выглядит как оксюморон: *да нет*. Примером использования такой формулы – диалог персонажей: портного Петровича и чиновника Акакия Акакиевича. Несогласие, которое является окончательным решением портного, существенно расстроило чиновника:

- Петрович, пожалуйста, – говорил Акакий Акакиевич умоляющим голосом, не слыша и не стараясь слышать сказанных Петровичем слов и всех его эффектов, – как-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила.

– *Да нет*, это выйдет: и работу убивать, и деньги попусту тратить, – сказал Петрович, и Акакий Акакиевич после таких слов вышел совершенно уничтоженный (Н.В. Гоголь «Шинель»).

В реплике портного несогласие, в отличие от примера из коммуникации военнослужащих, сопровождается мотивировкой, которая оказалась настолько убедительной, что не позволила чиновнику приводить какие-либо аргументы в пользу ремонта старой шинели.

Воля ваша

Говоря о репертуаре формул выражения несогласия, нужно отметить, что формула *воля ваша* может также выражать и несогласие. Мы имеем дело с явлением, которое в лексикологии называется энантиосемией: в пределах одной лексемы два разных лексико-семантических варианта выражают противоположные значения (*одолжить* – дать кому-то займы и *одолжить* – взять у кого-то займы).

Пример выражения несогласия в реплике одной из дам города N, которая обсуждает рассказанную помещицей Коробочкой странность относительно покупки Чичиковым мертвых крестьян:

– Только, *воля ваша*, здесь не мертвые души, здесь скрывается что-то другое (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Выражение *воля ваша* в данном контексте выражает смысл «вы можете рассуждать, как считаете нужным», это мягкая форма выражения несогласия посредством подчеркивания права собеседника на собственное мнение, которое будет опровергнуто последующей репликой.

Неречевое действие

Несогласие с мнением собеседника может быть выражено и несловесно. Рассмотрим диалог персонажей Гурова и Анны Сергеевны, которые впервые встретились в Ялте:

– Вы давно изволили приехать в Ялту?
– Дней пять.

– А я уже дотягиваю здесь вторую неделю.

Помолчали немного.

– Время идет быстро, а между тем здесь такая скука! – сказала она, не глядя на него.

– Это только принято говорить, что здесь скучно. Обыватель живет у себя где-нибудь в Белеве или Жиздре – и ему не скучно, а приедет сюда: «Ах, скучно! Ах, пыль!». Подумаешь, что он из Гренады приехал.

Она засмеялась (А.П. Чехов «Дама с собачкой»).

Неречевое действие *она засмеялась* в ответ на развернутый аргумент Гурова о том, что заявления о скуке в Ялте – неправда, является выражением несогласия (о чем говорит содержание предыдущих реплик Анны Сергеевны). Однако именно это действие (а не возможное вербальное выражение несогласия) позволяет не вызывать конфликтную ситуацию, а продолжить знакомство.

Отсутствие этикетной формулы

Несогласие может быть выражено без традиционных этикетных формул, непосредственно формулировкой аргумента. Так, в диалоге помещиков, обсуждающих возможность охотиться в лесу, помещица Кандурина, на возражение мужчины, отстаивающего необходимость охоты как времяпрепровождения, отвечает строго и конкретно:

– Если так рассуждать, то следует ходить босиком. Сапоги шьются из кожи убитых животных.

– *Нужно отличать необходимость от прихоти*, – глухо ответила Кандурина (А.П. Чехов «Пустой случай»).

Несогласие выражено, кроме самого содержания, также голосом *глухо ответила*. Сама по себе ситуация «Несогласие с мнением собеседника» чревата конфликтом, и потому совершенно естественно допускает нарушение этикета.

В примере из романа Л.Н. Толстого такое нарушение этикета вызвано эмоциональным состоянием женщины, которая была обольщена и покинута Нехлюдовым, теперь незаконно осуждена и находится в тюрьме. Нехлюдов делает ей предложение и получает резкий отказ:

- Что вы жениться хотите – *не будет этого никогда. Повешусь скорее! Вот вам.*
- Я все-таки буду служить тебе.
- Ну, это ваше дело. Только мне от вас ничего не нужно... (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

В реплике Катерины Масловой выражению несогласия предшествует формулировка причины, затем после отказа подчеркивается степень невозможности принять предложение Нехлюдова как наказание (*повешусь скорее*) и просторечное экспрессивное подтверждение этого наказания (*вот Вам*), в котором вежливая форма не повышает этикетного статуса несогласия.

Таким образом, ситуации «Согласие и несогласие с мнением собеседника» представлены как формулами речевого этикета, содержащими лексику высокого стиля, присущую образованным людям XIX века, так и непосредственной аргументацией согласия или несогласия. Интересным результатом исторического развития формул речевого этикета является энантиосемия одного из распространенных выражений согласия/несогласия. Также в обеих ситуациях ответы эмоционально окрашены и характеризуют коммуникантов. Именно эмотивная функция речевого этикета представлена в данной речевой ситуации.

8. Извинение

Принесение извинения осуществляется в ситуациях незначительной вины отправителя с целью предотвратить негативную оценку своей личности по причине допущенного им проступка. Австрийская исследовательница Р. Ратмайр пишет о том, что один из полюсов в континууме поводов для извинения представляет собой нарушение правил хорошего тона, соблюдение которых в определенных ситуациях соотносится с ожидаемым поведением человека в обществе. Извинения, причисляемые к этой категории, являются выражением вежливости и, таким образом, они обусловлены культурно, исторически и социально.

Допустив ошибку в этикете, с помощью таких извинений мы все же стараемся показать себя хорошо воспитанными людьми, которым известно, как

следует вести себя⁴⁹. В отличие от приказаний, которые могут быть успешно реализованы только при наличии определенной разницы в социальном положении говорящего и адресата, извинения могут быть произнесены как между равноправными партнерами, так и сверху – вниз и наоборот⁵⁰. Соглашаясь с другим исследователем ситуации «Извинения» Е. Гоффманом (Goffman), который пишет, что речевой акт извинения интересен тем, что человек, совершивший проступок и признавшийся в своей вине, как бы играет две роли одновременно: виноватого и осуждающего самого себя. Он же в речевом акте извинения выделяет пять типовых компонентов: 1) выражение огорчения; 2) признание своей вины; 3) самоосуждение; 4) обещание исправиться; 5) предложение компенсировать ущерб⁵¹.

А.А. Акишина и Н.И. Формановская выделяют ряд речевых формул ситуации «Извинение»⁵², свойственных современному русскому языку и речи.

Наиболее употребительное *Извини(-те), Прости(-те) + за + сущ. в вин. пад.* Извинение за небольшой проступок: *Извини(-те). Прости(-те)*. Употребляется людьми старшего поколения: *Прошу прощения + (за + сущ. в вин. пад. или за то, что...).* *Виноват(-а). Приношу (свои, глубокие) извинения.* С оттенком официальности: *Я должен(-на), Я хочу + извиниться (перед вами).* Вежливое, с оттенком сомнения: *Если (вы) можете (ты можешь) + глагол в повелительном наклонении.* Часто вместе со словами *извините, простите: Не сердитесь (на меня). Я не хочу (не хотел(-а)) вас (тебя) обижать (обижать).* *(Я) виноват(-а) перед вами (тобой).* Извинение, передаваемое через другое лицо: *Извинись (извинитесь) за меня перед...*

Рассмотрим, как представлена ситуация «Извинение» в русской литературе XIX века. Наиболее распространенными являются краткие однословные формулы извинения.

⁴⁹ Р. Ратмайр, *Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры*, Москва 2003, с. 14.

⁵⁰ Там же, с. 43.

⁵¹ E. Goffman, *Relations in Public: Microstudies of the Public Order*, Harmondsworth 1972, с. 144.

⁵² А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 110.

Извините

Извинение продолжает ряд этикетных формул, следуя за приветствием и обращением. Перед нами его официально-учтивая форма, представлена в диалоге главного героя романа:

Он быстро приблизился к террасе и, качнув головою, промолвил:
– Здравствуйте, господа; *извините, что опоздал к чаю*, сейчас вернусь; надо вот этих пленниц к месту пристроить (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Кроме формальной части, извинение Базарова включает и содержательную: описание вины – нарушения нормы (опоздание к чаю), а также указание на то, что она будет непременно исправлена.

Простите

Данная формула отличается от синонимичной. *Извини/те* характеризуется большей употребительностью в сфере обиходно-разговорной речи и просторечия⁵³. Извинение, которое просит Катерина Маслова у дворянина Нехлюдова:

– *Простите* меня, Дмитрий Иванович, я нехорошо говорила третьего дня.
– Не мне прощать вас... – начал было Нехлюдов... (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Встречается в ситуации необходимости попросить прощения за что-либо, с объяснением за что.

Извинение включает вежливое обращение и признание нарушения нормы при прошлой встрече.

Виноват

Эта форма извинения встречается в ситуации незначительного проступка, неловкого поведения, доставленного беспокойства, невольного или вынужденного нарушения норм этикета. В данной ситуации учтивое извинение

⁵³ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 381.

простого человека – скорняка, обращенное к Раскольникову, в самой реплике не содержит никаких разъяснений:

- Что вы? – вскричал Раскольников.
- *Виноват*, – тихо произнес человек.
- В чем?
- В злобных мыслях (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

Только после вопроса Раскольникова скорняк объясняет суть проступка, который состоит в определенном рода мыслях. Предположительно, если бы не было вопроса, извиняющийся не указывал на характер проступка, что говорит о том, что он извиняется не только перед Раскольниковым, но признает вину вообще, перед Богом. Все это может свидетельствовать о глубокой религиозности персонажа.

Рассматриваемая формула извинения может содержать формулировку вины. Например, в эпизоде из романа Н.Г. Чернышевского мужчина извиняется перед женщиной:

- Вера Павловна! я жестоко оскорбил вас, *я виноват*, достоин казни, но не могу перенести вашего отказа, – и так дальше, и так дальше.
- Нет, Михаил Иванович, довольно; перестаньте. Я не могу согласиться... (Н.Г. Чернышевский «Что делать?»).

Признание вины предшествует извинению. После признания вины Сторешников гиперболически назначает наказание, однако это все является первой частью высказывания со значением уступки. Основная же мысль – несогласие с отказом собеседника. Исследователи этикета отмечают, что данная формула в современной речи чаще употребляется людьми старшего поколения⁵⁴.

Пардон

Формула извинения – просьба о прощении, являющаяся заимствованным из французского языка соответствием русского *извините*; в современной

⁵⁴ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978.

речи маркирована как разговорная, в XIX веке употреблялась в купеческой среде:

Мурзавецкая: Что ты расселся? Не видишь! (Поднимая костыль) Встань!

Мурзавецкий: Ах, *пардон, ма тант!* Я так, что-то не в духе сегодня, не в расположении.

Мурзавецкая: А очень нужно! (Павлину) Поди, затвори двери; и не принимать никого, пока я не прикажу (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Племянник извиняется перед богатой тетей в ответ на ее грубое замечание по поводу его местоположения. Употребление формы извинения на французском языке привычно в среде, где таким образом маркируется стремление к более высокому статусу.

Извинение, как и любое иное проявление вежливости, очень чувствительно к мере. Излишнее самоосуждение может вызвать обратный эффект. В рассказе А.П. Чехова «Смерть чиновника» описана конфликтная ситуация, связанная с избыточностью при извинении. Так ее трактует в своей работе В.С. Третьякова⁵⁵. Мелкий чиновник Иван Иванович Червяков, находясь в театре, чихнул:

Он увидел, что старичок, сидевший впереди него... старательно вытирал свою лысину перчаткой и бормотал что-то. В старичке Червяков узнал статского генерала Брижжалова...

Объективная конфликтная ситуация полностью отсутствует. Между субъектами нет никакого противоречия.

– Я его обрызгал! – подумал Червяков. – Не мой начальник, чужой, но все-таки неловко. Надо извиниться.

Предпринято первое мысленное действие, не выраженное вербально, и поэтому оно не является элементом начавшегося конфликта.

– *Извините, ваше-ство, я вас обрызгал... я нечаянно...*

– Ничего, ничего...

– Ради бога, извините. Я ведь... я не желал!

– Ах, сидите, пожалуйста! Дайте слушать!

⁵⁵ В.С. Третьякова, *Конфликт глазами лингвиста*, [в:] Н.Д. Голев (ред.), *Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии*, Барнаул 2000, с. 127–140.

Возник коммуникативный контакт, Червяков ощущает напряженность, дискомфорт и начинает действовать. Возникает «ложный» конфликт.

В антракте он подошел к Бризжалову, походил возле него и, поборовши робость, пробормотал:

– Я вас обрызгал ваше-ство... *Простите...* Я ведь... не то чтобы...

– Ах, полноте... Я уже забыл, а вы все о том же! – сказал генерал и нетерпеливо шевельнул нижней губой.

«Забыл, а у самого ехидство в глазах, – подумал Червяков, подозрительно глядя на генерала...»

«Ложный» конфликт продолжает развиваться из-за неправильной интерпретации ситуации одним из участников. В результате первый начинает предпринимать оборонительные действия, а второй отвечать:

– Дайте слушать!... Бог знает что!

Создается реальная конфликтная ситуация. Когда очередной раз Червяков приходит с извинениями к генералу:

– Я вчера приходил беспокоить ваше-ство, – забормотал он, когда поднял на него вопрошающие глаза, – не для того, чтобы смеяться, как вы изволили сказать. *Я извинялся за то, что, чихая, брызнул-с...* а смеяться и не думал. Смею ли я смеяться? Ежели мы будем смеяться, так никакого тогда, значит, и уважения к персонам... не будет...

Вторая сторона начинает чувствовать и ощущать конфликт, о чем свидетельствует фраза генерала:

– *Пошел вон!* – гаркнул посиневший и затрясшийся генерал (А.П. Чехов «Смерть чиновника»).

Для восприятия ситуации как конфликтной не всегда обязательны какие-либо действия с другой стороны. Исходя из посыла о враждебных намерениях другого, сам адресант начинает вести себя агрессивно, что вызывает действительную враждебность другого. Если в первый раз на извинение (на просьбу простить) слышим ответ *Ничего, ничего*, то в очередной раз извинение вызывает негодование, грубость *Пошел вон!* Что свидетельствует о том, что во всем хороша мера, даже в извинении. Также как и в предыдущей ситуации, именно эмотивная функция проявляется в данной ситуации.

В ситуации «Извинение» представляет как официальное так и неофициальное общение. Следующие формулы речевого этикета: в официальном общении *Извините!*; при просьбе о прощении за незначительный проступок: *Простите! Виноват!*; когда нужно попросить прощение за что-либо с объяснением причины: – ***Простите меня, Дмитрий Иванович, я нехорошо говорила третьего дня. – Не мне прощать вас... – начал было Нехлюдов.*** (Л.Н. Толстой «Воскресение»); в ситуации употребления в речи сниженных или откровенных, неприятных для собеседника слов: *Твой батюшка покойный, извини уж, на что был вздорный, а хорошо сделал, что швейцара тебе нанял...* (И. Тургенев «Дворянское гнездо»); а также при вежливом обращении к незнакомцу с вопросом или просьбой: *Извините за беспокойство...*

Типичные формулы речевого этикета *извините* и *простите* встречаются наиболее часто. Заимствованное соответствие русскому извините, французское – *pardonn*, присуще в XIX веке не только представителям высшего общества, но и купечеству, которое хочет казаться образованным. *Виноват* – извинение за небольшой проступок, эта формула в современной речи чаще употребляется людьми старшего поколения.

9. Жалоба

Жалобу отличает смысловая сложность, которая предполагает наличие следующих компонентов: информативного (рассказа о событии, поступке), оценочного (негативная оценка описываемого) и императивного (просьба или намек изменить положение дел). В бытовой речи «жалоба» представлена разновидностями, которые отличаются преимущественным выдвиганием на первый план одного из смысловых компонентов: сообщения, оценки или просьбы. В связи с этим выделяются *информативные, оценочные и императивные жалобы*⁵⁶. Целью *информативной жалобы* является

⁵⁶ Т.В. Шмелева, *Жалоба*, [в:] А.П. Сковородников (ред.), *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник*, электронное издание, Красноярск 2014, с. 146–147, <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285> [дата доступа: 12.04.2019].

проинформировать адресата, не исключая печальных последствий для «героя жалобы». *Императивная* – призвана вызывать действия, направленные на изменения ситуации или наказание виновных.

А.А. Акишина и Н.И. Формановская⁵⁷ выделяют жалобы на плохое самочувствие, на здоровье, присущие современному русскому языку и речи: *Я неважно, плохо, скверно + себя чувствую. Я болен(-льна), расстроен(-а), обеспокоен(-а). Я не в настроении, не в духе. Мне нездоровится. Мне не везет. Мне плохо, скверно, больно, холодно, жарко. У меня болит голова, горло, ухо, зуб... У меня температура, насморк, недомогание, переутомление... У меня неприятности, осложнения, беда, несчастье... Меня не любит (кто-либо), не понимает (кто-либо)... Я не знаю, что делать, предпринять...*

Жалоба обычно не предполагает употребления глагола, называющего этот речевой акт, хотя вполне допустимо выражение *я сейчас буду жаловаться*. Обычно форма выражения жалобы состоит в описании ситуации, которая вызывает недовольство отправителя.

По нашим наблюдениям, эта ситуация была представлена в литературе XIX века следующим образом.

Диалог с трактирщиком, в котором Головлев жалуется на свою мать, относится к *оценочной жалобе*. Она призвана вызвать сочувствие, сострадание у адресата, именно такая его реакция считается успешной в этого вида жалобе:

Головлев с усилием грызет колбасу и наконец прожевывает один кусок.
 – *Солоненька, брат, колбаса-то!* – говорит он, – *впрочем, я неприхотлив! Мать-то ведь тоже разносолами потчевать не станет: щец тарелку да каши чашку – вот и все!*
 – Бог милостив! Может, и пирожка в праздничек пожалует!
 – *Ни чаю, ни табаку, ни водки* – это ты верно сказал (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»).

Головлев начинает свою жалобу с характеристики пищи. Упоминание о своей скромности и готовности довольствоваться самым малым (*впрочем, я неприхотлив*) противоречит как его характеристике колбасы,

⁵⁷ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 120.

так и последующей жалобе. Трактирщик вежливо пытается перевести разговор в оптимистический режим, однако упомянутое им расширение меню в праздник со стороны матери Головлев истолковывает как ограничение, продолжая выражать недовольство по поводу отсутствия удовольствий в рационе. Эту жалобу на родственников можно отнести к разряду сплетен.

Следующая жалоба также является оценочной. Перед нами жалоба на родственницу, воспитавшую Анниньку:

– А помните, дядя, – сказала она, – *как она меня с сестрой, маленьких, кислым молоком кормила?* Не в последнее время... в последнее время она отличная была... а тогда, когда она еще богата была?

– Ну-ну, что старое поминать! Кислым молоком кормили, а вишь какую, бог с тобой, выпоили! На могилку-то поедешь, что ли? (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»).

Тема плохого отношения к девочкам-близнецам не развивается, поддержки у слушающего жалоба не получает, слушающий возражает: *Кислым молоком кормили, а вишь какую, бог с тобой, выпоили!* Связь между жалобой и ответной репликой обеспечивается не только описанием предмета недовольства (*кормить кислым молоком*), но и повтором глаголов *помните – поминать*, что делает возражение более весомым. Иудушка закрывает тему жалобы предложением поехать на могилу бабушки.

В романе Л.Н. Толстого в эпизоде посещения тюрьмы разговор смотрящего тюрьмы и дворянина Нехлюдова также содержит оценочную жалобу:

– *Тяжелые, тяжелые обязанности*, – сказал он, обращаясь к Нехлюдову и доставая толстую папиросу.

– Вы, видно, устали, – сказал Нехлюдов.

[...]

– Да, я думаю, что очень тяжелые, – сказал он. – Зачем же вы исполняете эту обязанность?

– *Средств не имею, семья.*

– Но если вам тяжело...

– Ну, все-таки я вам скажу, *по мере сил приносишь пользу*, все-таки, что могу, смягчаю. Кто другой на моем месте совсем бы не так повел... (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Смотритель жалуется на тяжесть обязанностей, которые он выполняет. Диалогу предшествовали события, которые подтверждали правдивость сообщений о переживаемом страдании. На вопрос Нехлюдова о причине исполнения обязанностей, вызывающих неудовольствие, смотритель отвечает, объясняя причину – необходимость кормить семью. Следующая реплика смотрителя о приносимой им пользе прекращает речевой акт жалобы, поскольку описывает положительный результат его деятельности.

Еще одна жалоба, являющаяся оценочной. Неудовольствие, выражаемое в жалобе, далеко не всегда имеет целью вызвать искреннее сочувствие и высказывается, может быть, по суеверным соображениям. Такова жалоба помещицы Коробочки:

- У вас, матушка, блинцы очень вкусны, – сказал Чичиков, принимаясь за принесенные горячие.
- Да у меня их хорошо пекут, – сказала хозяйка, – *да вот беда, урожай плох, мука уж такая не авантажная...* (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Это типичная жалоба хозяина на неурожай, высокие цены, непогоду. Такие жалобы являются своего рода фатическими, предусмотренными в общении с участием людей, занимающихся хозяйством (подобно разговорам о погоде между обычными собеседниками, не связанными с хозяйством).

В связи с тем, что жалоба предполагает безусловно негативно оцениваемое событие или ситуацию, в формулах речевого этикета в литературе данного периода преобладают *оценочные* жалобы на родственников, на хозяйство, на тяжелую жизнь. Человек делится своим наболевшим, иначе говоря «ропщет». Эти жалобы встречаются как среди служащих, помещиков так и простого народа. Такая «традиция» идет из поколения в поколение.

10. Утешение, сочувствие

Это этикетные ситуации общения, в которых выражается солидарность с адресатом в переживании и/или оценке неблагоприятных для него обстоятельств и намерение ему помочь тем или иным способом. Формулы речевого этикета призваны утешить, проявить сочувствие, подбодрить

собеседника, создать у него лучшее настроение. Сочувствие порождает утешение, часто и само служит утешением, этикетные формулы в этих ситуациях тесно переплетены.

Сочувствие, как и утешение, является реакцией на вербальную жалобу или на какие-то несчастья в жизни адресата. В русской коммуникативной культуре принято выражать сочувствие близкому человеку и без жалобы с его стороны. Поводом для жалобы и ответного сочувствия и утешения могут быть плохое самочувствие, неприятности на работе, неудачи в любви и др. В ситуации утешения меняется оценка неприятности, надежда на улучшение обстоятельств, обещания моральной или физической поддержки⁵⁸.

А.А. Акишина и Н.И. Формановская⁵⁹ выделяют ряд формул, свойственных ситуации «Утешение, сочувствие», характерных для современного русского языка и речи:

Сочувствие с оттенком официальности: *Я вам (тебе) сочувствую. Прими(-те) мои сочувствия.* Сочувствие: *Мне жаль (жалко) вас (тебя). Я все (тебя) понимаю.* Утешение с советами: *Успокойтесь (успокойся). Не беспокойтесь (не беспокойся). Не расстраивайтесь(-ся) Потерпи(-те). Забудь(-те) + об этом (о случившемся). Не думайте о том, что случилось. Возьми(-те) себя в руки. Не падай(-те) духом. Выбрось(-те) все из головы. Не принимай(-те) это близко к сердцу. Не надо беспокоиться. Надо + взять себя в руки.* Утешение с заверением, ободрением: *Все будет хорошо (в порядке).* Утешение с сочувствием: *Все бывает. Всякое бывает (в жизни). Ничего не поделаешь. Вы (ты) тут ничего не можете(-есть) сделать. Ведь (ты) не виноваты(-ват, -а).*

Диалогами из художественной литературы XIX века мы проиллюстрируем утешение советом и сочувствием.

При утешении возможно воздействие на волевою сферу адресата. В данном диалоге Вера Павловна спрашивает Лопухова, не нашел ли он для нее работу:

⁵⁸ Н.И. Формановская, *Утешение и сочувствие*, [в:] А.П. Сковородников (ред.), *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник*, электронное издание, Красноярск 2014, с. 710–711, <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285> [дата доступа: 12.04.2019].

⁵⁹ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 126.

– Ах, но если бы вы знали, мой друг, как тяжело, тяжело мне оставаться здесь...
 – *Терпение, терпение*, Вера Павловна, найдем! (Н.Г. Чернышевский «Что делать?»).

В ответной реплике Лопухов дает Вере Павловне совет относиться к создавшейся проблеме *с терпением*. Завершается реплика обещанием найти работу.

Также утешением служит преуменьшение серьезности беды, как в реплике, обращенной к разжалованному в солдаты Гуськову, повествователь утешает его:

– *Успокойтесь*, – говорил я ему, – вы слишком чувствительны, *не принимайте все к сердцу, не анализируйте, смотрите на вещи проще...*
 – Да, – начал он, – ежели бы я слышал хоть раз с тех пор, как я в этом аду, хоть одно слово участия, совета, дружбы... (Л.Н. Толстой «Из кавказских воспоминаний»).

Перед нами двойное утешение: это и глагол в повелительном наклонении *успокойтесь* и разговорная форма утешения, в данном диалоге звучащая как *не принимайте все к сердцу; не анализируйте, смотрите на вещи проще*. Такое утешение характерно в среде простых людей при неофициальном общении. Из ответной реплики видно, что утешение действительно.

Данная ситуация отражает обещание моральной и физической поддержки мужем жены:

– *Не плачь, Катерина, тебя теперь знаю и не брошу ни за что. Грехи все лежат на отце твоём.*
 – Нет, не называй его отцом моим! Он не отец мне. Бог свидетель, я отрекаюсь от него, отрекаюсь от отца! Он антихрист, богоотступник! (Н.В. Гоголь «Страшная месть»).

Кроме утешения *не плачь*, муж выражает сочувствие *знаю, не брошу*, а также из соображений облегчения страданий объясняет причины горя Катерины: *грехи все лежат на отце твоём*. Однако в ответ слышит о новой проблеме – нежелание Катерины считать колдуна своим отцом.

Следующий диалог *состоит из оправдания адресата и стереотипного утешения*: и вам это на свой счет брать не к чему. *Перед нами* утешение старой служанкой дворянина Нехлюдова, которая помнит ту историю,

из-за которой Нехлюдов чувствует свою вину по отношению к Катерине Масловой:

– Это ваша добрая воля, *только вины вашей тут особенной нет. Со всеми бывает*, и если с рассудком, то все это заглаживается и забывается, и живут, – сказала Аграфена Петровна строго и серьезно, – *и вам это на свой счет брать не к чему*. Я и прежде слышала, что она сбилась с пути, так кто же этому виноват? (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Диалог также представляет утешение, содержащее оправдание адресата. Старуха обращается к дворянину Нехлюдову, не соблюдая правила:

– И старый же ты стал, ваше сиятельство; *то как репей хороший был, а теперь что! Тоже забота, видно*.

– Я вот что пришел спросить: помнишь ли ты Катюшу Маслову? (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Подчеркивает его прошлые достоинства, хотя и сомнительные, что выражает сравнение с репьем – сорняком.

Утешение служит напоминанием, что в жизни неизбежны неприятности. В сочувствии люди нуждаются часто, и таких фраз немало. Но, встреченные утешения очень скупы. Даже при общении мужчины и женщины: – *Терпение, терпение, Вера Павловна, найдем!* (Н.Г. Чернышевский «Что делать?»).

Они очень конкретны и прагматичны. Среди утешений встречаются утешения-советы, построенные посредством приуменьшения неудачи собеседника: – *и вам это на свой счет брать не к чему* (Л.Н. Толстой «Воскресение»), а также: *не принимайте все к сердцу, не анализируйте, смотрите на вещи проще...* (Л.Н. Толстой «Из кавказских воспоминаний»). Фразы в своей структуре отражают «присутствие» собеседника (в повелительной форме глагола).

Часто встречаются утешения-обещания: – *Не плачь, Катерина, тебя теперь знаю и не брошу ни за что. Грехи все лежат на отце твоём* (Н.В. Гоголь «Страшная месть»). Утешения и сочувствия очень разнообразны и варьируются со стилистической и социокультурной точек зрения в зависимости от ситуации общения.

11. Комплимент, одобрение

Комплиментом является наименование этикетной ситуации общения, когда выражается высокая или даже завышенная оценка адресата: его качеств и поступков, а также стереотипные выражения, с помощью которых он и реализуется. Формулы речевого этикета содержат указание на адресата – «вы», «ты» в различных формах. Косвенный смысл выражения четко прослеживается в статусно-лабильных речевых актах комплиментов. Комплимент представляет собою похвалу, выраженную, в отличие от лести, бескорыстно⁶⁰.

Основной функцией искреннего комплимента является установление контакта и поддержание добрых отношений. Стратегическая задача говорящего – вызвать симпатию, расположить к себе собеседника. В связи с этим, отличительной чертой комплимента следует считать явную демонстрацию интенции говорящего – его желание сказать нечто приятное собеседнику.

По коммуникативной цели тактика комплимента сближается с тактикой похвалы: в обоих случаях цель тесно связана с миром оценок, причем положительных. Однако между комплиментом и похвалой есть существенные отличия, несмотря на некоторую размытость границ и вполне естественные в речевой коммуникации «переходные случаи». Для похвалы положительная оценка является основной целью, а для комплимента – способом сообщить о добрых чувствах, о благорасположении. Похвала – оценка достижений. Комплимент не ограничен в этом плане⁶¹. Типы таких речевых актов принципиально различаются в зависимости от дистанции между участниками общения. Формальными признаками принятия комплимента обычно бывает улыбка, благодарность, кивок⁶².

⁶⁰ Е.С. Петелина, *Некоторые особенности речевых актов похвалы и лести*, [в:] *Синтагматический аспект коммуникативной семантики*, Сб. науч. трудов, Нальчик 1985, с. 150.

⁶¹ О.С. Иссерс, *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*, Москва 2002, с. 178.

⁶² В.И. Карасик, *Язык социального статуса*, Москва 2002, с. 123.

А.А. Акишина и Н.И. Формановская⁶³ выделяют ряд речевых формул в ситуации «Комплимент, одобрение», свойственных современному русскому языку и речи: *Вы (ты) + красивы, прекрасны, обаятельны, умны. Вы (ты) хороший + специалист, музыкант, математик, человек* и т. д. *Вы (ты) гостеприимный(-ая) хозяин (хозяйка). Вы (ты) + умный, добрый, отзывчивый, чуткий + человек. Вы (ты) + хорошо, прекрасно, молодо + выглядите(-ишь). Вы так (очень) хорошо выглядите! Вы (ты)+ не изменились (не изменился, не изменилась), не стареете(-ешь). А вы (ты) все такой(-ая) же! У вас (тебя) хороший (прекрасный, тонкий) вкус. Вам (тебе) к лицу + эта блузка (шляпка, серьги)... С вами (тобой) интересно (приятно) + общаться, разговаривать, говорить, иметь дело, встречаться. С вашим (твоим) характером легко жить. Вы (ты) хорошо (правильно) + поступили(-л, -ла), сделали(-л, ла), сказали(-л, -ла)... Молодец!*

Рассмотрим, как представлена ситуация «Комплимент, одобрение» в произведениях русской литературы XIX века.

Выражения похвалы, комплимента обычно не считаются жестко отрегулированными. Однако регламентированная армейская речь не предполагает комплиментов, но содержит строгие формулы выражения похвалы. В рассматриваемом примере капитан выражает похвалу матросам, однако участники коммуникации социально дистанцированы:

– *Молодцы, ребята!* – проговорил он. – *Постарались!* Идите переоденьтесь да выпейте за меня по чарке водки.

– Рады стараться, вашесобродие! (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

Эта похвала матросов вполне соответствует словарному описанию – вежливое или комплиментарное обращение старшего по возрасту, положению⁶⁴. Кроме того диалог содержит обязательный в этом случае и тоже формулярный ответ младших по положению матросов.

В ситуации, описанной Н.В. Гоголем, кузнец делает комплимент Государыне Императрице, касающийся внешности. Между участниками ком-

⁶³ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 133.

⁶⁴ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 260.

муникации громадная дистанция. Однако для комплимента это не является препятствием, так как это речевой акт, как отмечают исследователи, лабильный в отношении статуса участников коммуникации:

– Ваше царское величество! Что ж, когда башмаки такие на ногах и в них, чайтельно, ваше благородие, ходите и на лед ковзаться, какие ж должны быть самые ножки? думаю, *по малой мере из чистого сахара*.

Государыня, которая точно имела самые стройные и прелестные ножки, не могла не улыбнуться, слыша такой *комплимент* из уст простодушного кузнеца... (Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»).

Реплика кузнеца, конечно, рассчитана на то, чтобы сделать приятное собеседнику и вызвать симпатию. Для этого используется метафора, основным субъектом которой является наименование лакомства, представляющего значительную ценность и имеющего концептуальные признаки *сладкий, приятный*, а также *нежный*. Развернутая метафора, включающая предположительную ситуацию катания по льду, подкупает императрицу искренностью – вызывает улыбку. Кузнецу, использовавшему рискованный способ выполнения обещания, повезло – его речевой акт достиг предполагаемого перлокутивного эффекта.

Следующий диалог из романа И.С. Тургенева иллюстрирует ситуацию неявной границы между похвалой и комплиментом. Рудин, обращаясь к Вольтцеву, дважды выражает похвалу. На последнюю фразу, содержащую общую лестную характеристику собеседника *благородный человек*, собеседник реагирует как на комплимент:

– Я понимаю, что вы хотите сказать, – промолвил Рудин, садясь, – и *очень рад вашей откровенности*. Этак гораздо лучше. *Я сам приехал к вам как к благородному человеку*.

– Нельзя ли без комплиментов? – заметил Вольтцев.

– Я желаю объяснить вам, зачем я приехал (И.С. Тургенев «Рудин»).

Однако нужно обратить внимание на то, что в реплике Рудина две похвалы. Первая – это выражение радости по поводу откровенности Вольтцева. Именно похвала, а не комплимент, сделанная по первым откровенным репликам собеседника. В этом контексте и вторая оценка тоже имеет совершенно конкретное намерение: не просто сделать приятное собеседнику, а актуализировать те признаки, обеспечивающие такую реакцию

Вольнцева, которая Рудину необходима. Однако Вольнцев называет оценочную фразу Рудина комплиментом. И здесь имеет место, с одной стороны, факт пограничного положения комплимента и похвалы, а с другой стороны – разного содержания понятия комплимент в сознании собеседников. Учитывая гендерную сторону диалога (это разговор мужчин, в коммуникации которых комплименты менее распространены), можно сказать, что Вольнцев имеет все основания считать похвалы Рудина комплиментами и заявляет ему об этом, чтобы «обнулить» условия предстоящего неприятного объяснения.

То, что комплимент по-разному может пониматься собеседниками, показывает следующий пример:

- Ну нет! – проговорил с улыбкой Лежнев... – *А что до характера – у вас, слава богу, характера нет вовсе.*
- Это еще что за дерзость?
- Это? Это величайший *комплимент*, помилуйте... (И.С. Тургенев «Рудин»).

В разговоре помещиков Лежнева и Александры Павловны Вольнцевой при обсуждении характера третьего лица, Натальи, собеседница провоцирует определение своего характера в сравнении с характером Натальи, чем и вызывает оценочное суждение Лежнева о том, что у Александры Павловны характера нет. Такое суждение расценивается собеседницей как грубость, вызывает строгое замечание. На что Лежнев делает коммуникативный комментарий с вежливым возражением *помилуйте*. Определить высказывание как комплимент было необходимым, так как его парадоксальное содержание не позволяло этого. Для понимания содержания эпизода и содержания комплимента необходимо учитывать, что Александра Павловна небезразлична Лежневу и что через некоторое время она примет предложение Лежнева выйти за него замуж.

Впрочем, до этого диалога ситуация произнесения комплиментов повторялась, он касается внешности:

- Хорош вопрос! *Как будто не всегда приятно вас встретить! Сегодня вы так же свежи и милы; как это утро.*
- Александра Павловна опять засмеялась.
- Чему же вы смеетесь?

– Как чему? Если б вы могли видеть, с какой вялой и холодной миной вы произнесли ваш комплимент! Удивляюсь, как вы не зевнули на последнем слове (И.С. Тургенев «Рудин»).

О том, что оба персонажа явно небезразличны друг другу, свидетельствует то, что, как и в предыдущем диалоге, собственно комплимент становится предметом обсуждения.

Обычные любезности, как комплименты, демонстрирует пример диалога Базарова и горничной Фенечки:

– Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеек журчит.

Фенечка отвортила голову.

– Какой вы! – промолвила она, перебирая пальцами по цветам. – И что вам меня слушать? Вы с такими умными дамами разговор имели.

– Эх, Федосья Николаевна! поверьте мне: *все умные дамы на свете не стоят вашего локотка*.

– Ну, вот еще что выдумали! – шепнула Фенечка и поджала руки (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Обе реплики Базарова содержат оценку разных свойств собеседницы, причем эти оценки имеют целью не столько выделить те или иные стороны Фенечки, сколько выразить свое благорасположение и тем самым вызвать интерес собеседника к себе. Оба комплимента содержат выразительные средства: сравнение с ручейком для выражения свойств речи, мейозис (*все умные дамы на свете не стоят локотка*) для обозначения низкой ценности умных дам для персонажа.

Также посредством косвенной оценки речи собеседницы Вареньки Беликов делает ей комплимент в рассказе А.П. Чехова после исполнения Варенькой украинской песни:

Он подсел к ней и сказал, сладко улыбаясь:

– *Малороссийский язык своею нежностью и приятною звучностью напоминает древнегреческий*.

Это польстило ей... (А.П. Чехов «Человек в футляре»).

Факт достижения перлокутивного эффекта комплиментом подробно описывается повествователем как основание мысли работников гимназии поженить Беликова и Вареньку.

В разговоре двух помещиков, Чичикова и Костанжогло, комплимент произносит Чичиков, для речи которого в первом томе поэмы была характерна неискренность, и все его оценочные суждения относительно качеств собеседников содержали значительную долю лести. Здесь же мы имеем дело с совершенно искренней похвалой качества собеседника:

– Сладки мне ваши речи, досточтимый мною Константин Федорович, – произнес Чичиков. – Могу сказать, что не встречал во всей России человека, подобного вам по уму.

Он улыбнулся. Он сам чувствовал, что не несправедливы были эти слова (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Характерной особенностью этого диалога является то, что получатель соглашается с довольно высокой оценкой своих умственных способностей, чего не наблюдалось ни в одном из приведенных ранее примеров. Обычно несогласие с выражаемой в комплименте оценкой говорит о скромности получателя.

В диалоге князя Ипполита и Лизы, жены князя Андрея из романа Л.Н. Толстого, мы имеем дело с комплиментом, который является выходом из положения на явное сожаление молодой княгини о невозможности своего присутствия на светском мероприятии:

– Я очень рад, что не поехал к посланнику, – говорил князь Ипполит, – скука... Прекрасный вечер... не правда ли, прекрасный?

– Говорят, что бал будет очень хорош, – отвечала княгиня, вздергивая с усиками губку. – Все красивые женщины общества будут там.

– *Не все, потому что вас там не будет; не все,* – сказал князь Ипполит, радостно смеясь... (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Князь хвалит вечер и противопоставляет эту радость возможному присутствию у посланника. Однако молодая женщина показывает, что ей очень хотелось бы поехать на бал. Последнее предложение дает повод князю Ипполиту сделать комплимент, который имплицитно выражает мысль: *вы красивая* женщина, чем в какой-то степени, как он полагает, утешает княгиню и скрашивает неприятность ситуации.

Как в утешении, сочувствии, так и в комплименте, одобрении все внимание собеседнику, во фразах нет «я». Комплимент женщине одинаков, будь она горничная, будь помещица или дворянка, только в дворянском обществе

он более уточненный, скрытый и иногда нуждается в разъяснениях. Он, как правило, касается внешности, возраста, одежды, внутренних качеств.

В комплименте, сделанном мужчине, подчеркивается не внешний вид, а дается оценка положительным качествам и уму, а также лицам и предметам, входящим в личную сферу адресата. Рассмотренные комплименты, в большинстве представляют собой сравнения, выраженные с помощью подсобных слов – *точно, как, словно: Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеек журчит; Малороссийский язык своею нежностью и приятною звучностью напоминает, древнегреческий; Сегодня вы так же свежи и милы; как это утро.* Это служит для создания ярких зрительных образов в литературе.

12. Неодобрение, упрек

В речевых актах неодобрения, упрека говорящий считает, что собеседник намеренно нарушил существующее между ними соглашение о соблюдении каких-либо норм или осознанно не учел в своем поведении имеющиеся у него представления об образцах поведения, которые существуют в социуме. В связи с этим, испытывает к адресату отрицательно-эмотивное оценочное отношение. Цель этого жанра – дать отрицательную оценку поведения адресата и стимулировать изменение его поведения в положительную сторону. Существуют различия между упреком, когда говорящий выше адресана по социальному положению, и упреком, когда говорящий ниже адресата. В первом случае, это невыполнение адресатом каких-либо требований, рекомендаций. Во втором – невыполнение адресатом обещаний, обязательств, наложенных им на самого себя⁶⁵.

В ситуациях «Неодобрение, упрек» А.А. Акишина и Н.И. Формановская⁶⁶ выделяют ряд формул речевого этикета, свойственных современному русскому языку и речи: *Ты (вы) + Не совсем хорошо + выглядишь(-ите). Ты (вы)*

⁶⁵ Т.И. Стеклова, *Упрек*, [в:] А.П. Сковородников (ред.), *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник*, электронное издание, Красноярск 2014, с. 707–708, <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285> [дата доступа: 12.04.2019].

⁶⁶ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 144.

немного (сильно) + постарел(-а,-и). Как ты изменился! Ты (вы) слишком много + говоришь(-ите). Ты такой(-ая) (очень) невоспитанный(-ая)! У тебя (вас) неважный + цвет лица. У тебя (вас) + неуживчивый + характер. Тебе (вам) не идет + это платье. С твоим (вашим) характером нелегко (трудно) жить! Ты (вы) + неправильно + сделал(-а,-и). Нехорошо поступаешь(-ете). Ты (вы) + обидел(-а,-и) меня. Я + сердит(-а) на тебя (вас). Я хочу + сделать замечание тебе (вам). Как ты (вы) + мог(-ла, -ли) поступать. Как тебе (вам) не стыдно! Зачем ты + сказал(-а) так.

Рассмотрим примеры ситуаций «Неодобрение, упрек» в диалогах из текстов русской литературы XIX века.

В данном эпизоде общение знакомых (крестьянки и дворянина Нехлюдова). Только знакомых можно упрекнуть за что-то, так как существует совместное прошлое. В этой ситуации говорящий ниже по социальному положению, что является в данном случае нарушением этикета:

Нехлюдов сел, старуха стала перед ним, подперла правой рукой щеку, подхватив левой рукой острый локоть правой, и заговорила певучим голосом:
– *И старый же ты стал, ваше сиятельство; то как репей хороший был, а теперь что!* Тоже забота, видно (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Основательная поза и особенный голос контрастируют с высказыванием старухи. Вежливое обращение *ваше сиятельство* сочетается с «ты»-обращением, что является грубым проявлением неприличия. Сравнивая Нехлюдова с *реем*, старуха имела в виду, вероятно, это значение: «Сорное растение с цепкими, колючими соцветиями или плодами»⁶⁷ – что подчеркивает его неприхотливость, неразборчивость в связях, приспособляемость к обстоятельствам, известные старухе с давних времен. Продолжение выражения неодобрения в старости, хотя и не конкретизировано (прием умолчания *а теперь что!*), однако не смягчает общего неодобрения. Только последняя фраза, в которой старуха высказывает предположение о причине такого положения, снижает этикетное напряжение.

В следующем примере в диалоге упрек, который Максим Максимыч высказывает Печорину. Снова упрек низшего по социальному положению,

⁶⁷ С.И. Ожегов, *Словарь русского языка*, Н.Ю. Шведова (ред.), изд. 15-е, Москва 1984, с. 603.

обращенный к вышестоящему. Это упрек ко всей молодежи от имени военных стариков. Эту ситуацию нарушения этикета можно рассматривать в возрастном аспекте как конфликт поколений. Особенностью формы выражения является применение фразеологического оборота *протянуть руку*:

- Где нам, необразованным старикам, за вами гоняться!... Вы молодежь светская, гордая: еще пока здесь, под черкесскими пулями, так вы туда-сюда... а после встретишься, *так стыдитесь и руку протянуть нашему брату*.
- Я не заслужил этих упреков, Максим Максимыч (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

Старик выражает недовольство по поводу собственной необразованности, подкрепляя аргумент обобщением, выраженным в форме множественного числа. Недовольство гордыней собеседника тоже выражено в форме обобщения, что несколько смягчает сам упрек, хотя завершение высказывания явным обвинением повышает уровень напряжения ситуации.

Печорин в своем возражении точно определяет характер речевого акта Максима Максимыча, причем возражение построено так, что не отрицается возможность упрека в свой адрес, однако Печорин не согласен именно с упреками в гордыне и невежливости. При этом обобщенно личный характер носителя неодобряемого признака, заданный Максимом Максимычем, в ответной реплике не поддерживается.

Неодобрение может быть выражено косвенным речевым актом. Обычная форма выражения упрека с помощью вопроса употребляется взрослыми в адрес детей. В следующем диалоге отец одного из друзей-гимназистов высказывает неодобрение по поводу их поступка, а также берет на себя ответственность воспитывать, поучать чужого ребенка:

- *Разве так можно?* – убеждал папаша. – Не дай бог, узнают в гимназии, вас исключат. *А вам стыдно*, господин Чечевицын! *Нехорошо-с!* Вы зачинщик, и надеюсь, вы будете наказаны вашими родителями. *Разве так можно?* Вы где ночевали?
- На вокзале! – гордо ответил Чечевицын (А.П. Чехов «Мальчики»).

Реплика отца содержит несколько элементов, выражающих недовольство. Дважды произнесенный вопрос *Разве так можно?* является

разновидностью риторического, поскольку не предполагает ответа, а означает буквально «так нельзя». Выражение *А вам стыдно...*, произнесенное, судя по пунктуации, восклицательно, тоже является «этимологически» вопросительным. Следующее за ним наречие *нехорошо-с* – прямое выражение недовольства. Далее в реплике *папаша* следует обвинение *Вы зачинщик*, за которым формулируется обещание наказания со стороны родителей.

Следующую ситуацию, которую так же, как и предыдущую, можно характеризовать как упрек в возрастном аспекте. Дочь упрекает мать – старшую по возрасту, что в ситуации с незнакомыми собеседниками можно было бы рассматривать как нарушение этикета. Между родственниками общение менее строгое в этикетном плане:

- *И зачем ты отдала меня сюда, маменька!* – проговорила Липа.
- Замуж идти нужно, дочка. Так уж не нами положено (А.П. Чехов «В овраге»).

Недовольство формально выражено восклицательным предложением (которое «этимологически» является вопросительным, то есть возникшим как косвенный речевой акт), которое завершается вежливым этикетным обращением к матери. Однако такая форма не может быть расценена как обвинение. Она выражает покорность дочери обстоятельствам, которые описаны в ответной реплике матери со ссылкой на традицию и опыт.

В устной деловой коммуникации XIX века, богато и разнообразно описанной в произведениях Н.В. Гоголя, А.Н. Островского, А.П. Чехова, присутствует множество примеров выражения разного рода недовольства. Вот упрек Чичикову от служащего после оформления сделки:

Когда проходили они канцелярию, Иван Антонович кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказал потихоньку Чичикову: *«Крестьян накупили на сто тысяч, а за труды дали только одну беленькую»* (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Неофициальная характеристика ситуации не определяет служащего как взяточника, об этом становится известно при первой встрече Чичикова с Иваном Антоновичем. В упреке *за труды дали только одну беленькую* частица четко указывает на недостаточный размер взятки, что говорит о налаженной системе взяток с существующим прејскурантом. Таким образом,

в упреке чиновника не просто выражение неудовольствия и обвинения в скупости, но и очевидное предположение перлокутивного эффекта – получения дополнительных средств.

Упрек в диалоге может быть выражен и без употребления речевых формул. В приведенном ниже примере описан диалог дворянина Нехлюдова и приказчика. Социальные различия не позволяют приказчику прямо выражать свое неодобрение хозяином, поэтому оно представлено невербальными средствами:

- Так ведь дохода вам уже не будет? – спросил, перестав улыбаться, приказчик.
- Да я и отказываюсь.

Приказчик тяжело вздохнул и потом опять стал улыбаться. Теперь он понял. Он понял, что Нехлюдов человек не вполне здравый... (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Первоначальная улыбчивость приказчика, судя по тому, что он начал улыбаться в конце диалога, является служебной, обусловленной этикетом. Явное неудовольствие испытывает приказчик, когда понимает, что Нехлюдов (а стало быть, и он) лишается дохода, однако его служебное положение не позволяет выразить свое отношение вербально. Поэтому служащий только тяжело вздыхает, что позволяет передать неодобрение предстоящим положением дел. Последующая улыбка существенно контрастирует с мыслями о Нехлюдове и подчеркивает ее неестественность. Его тяжелый вздох выражает намного больше скорби, чем какое-нибудь допустимое этикетом высказывание.

Приведенные примеры, иллюстрирующие ситуацию «Неодобрение, упрек», ярко характеризуют как социальный, так и возрастной характер формул речевого этикета. Неодобрение нижестоящего, младшего, выраженное по поводу вышестоящего, старшего обычно осуществляется в пределах этикета. Очень интересно выглядят формы выражения неодобрения вне пределов этикета, поскольку производят существенный контекстуальный эффект: читатель ищет обоснования такого речевого поведения в предыдущем повествовании, в совершенных персонажем поступках. Аналогичные формулы речевого этикета можно вполне встретить и в современной речи.

13. Поздравление, пожелание, тосты

А) ПОЗДРАВЛЕНИЕ

Поздравление является яркой этикетной ситуацией. Само слово *поздравить* имеет церковнославянское происхождение, является префиксальным образованием от *здравити* (*здравъ* – здоровый). Буквально обозначает «пожелать здоровья».

Специфика поздравления состоит в том, что оно представляет собой перформативное высказывание, т. е. способно одновременно выражать акт речи и действие. В поздравлении могут использоваться особые языковые средства – шутки и различные риторические приемы. Поздравление может быть по определенному случаю, поводу и событию. Формулы поздравления могут быть различными. Повод, который служит основанием для поздравления, превращается в самостоятельную поздравительную формулу: *С днем рождения! С новосельем! С Новым годом!* Далее создаются и добавляются различные словосочетания, предложения и выстраивается поздравительный текст.

Успешное завершение какого-либо важного дела также сопровождается поздравлением: *С поступлением в институт!*

Формулой поздравления является скелет выражения, а словесное наполнение достаточно свободно меняется. Например, формуле «предлог с + название события в творительном падеже» могут соответствовать фразы: *С успехом! С праздником!* И многие, многие другие⁶⁸.

А.А. Акишина и Н.И. Формановская⁶⁹ выделяют ряд поздравлений, пожеланий, тостов, свойственных современному русскому языку и речи.

Наиболее употребительные поздравления: *(От всей души, от всего сердца) поздравляю(-ем) + с + суц. в твор. пад. С праздником!* С оттенком официальности: *Примите мои поздравления + с + суц. в твор. пад.* Часто в выступлениях: *Приветствую и поздравляю вас.* С оттенком официальности:

⁶⁸ В.Е. Гольдин, *Речь и этикет*, Москва 1983, с. 46.

⁶⁹ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 155.

Разрешите поздравить вас. Позвольте поздравить вас. Поздравления третьему лицу: *Передайте мои поздравления + сущ. в дат. пад.*

Рассмотрим ситуации «Поздравление, пожелание, тосты» на примерах из художественной литературы XIX века.

Поздравляю тебя с женишком

Поздравление типично для XIX века, когда для женщины очень важно было сделать «хорошую партию», то есть выгодно жениться или выйти замуж:

Вернувшись она выгнала всех кроме Наташи из комнаты и подозвала свою любимицу к своему креслу. – Ну теперь поговорим. *Поздравляю тебя с женишком.* Подцепила молодца! Я рада за тебя; и его с таких лет знаю (она указала на аршин от земли) (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

В данном случае это не стереотипная формула, в ней *дело* или *повод* поздравления заменяется номинативом. Сам предмет поздравления, называемый «женишком», в данном случае употребляется с ласкательным оттенком, что связывается с радостным и ожидаемым событием – свадьбой.

Б) ПОЖЕЛАНИЕ

В ситуации «Пожелание» выражается мнение о желательности чего-либо. Пожелания – это полифункциональные этикетные высказывания, способные передавать не только значение пожелания, но и совмещать собственное значение с другими (прощанием, благодарностью, советом, комплиментом и приветствием).

Они представляют собой перформативные высказывания, которые могут быть синонимичны глаголу, который выражает одновременно акт речи и действие (пожелание счастливого пути)⁷⁰.

Основной моделью ситуации «Пожелание» является модель: *желать + Р. пад. / инфинитив.*

⁷⁰ Н.Н. Акулова, *Пожелание*, [в:] А.П. Сковородников (ред.), *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник*, электронное издание, Красноярск 2014, с. 448–449, <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285> [дата доступа: 12.04.2019].

В зависимости от ситуации общения «Пожелания» могут быть: стилистически нейтральными (*Долгих лет жизни!*); с побудительным оттенком (*Будьте здоровы!*); с эмоционально-экспрессивной окраской (*От всей души делаю вам...*); с оттенком желательности (*Мне хочется + инфинитив*).

Наиболее употребительное: (*От всей души, от всего сердца желаю(-ем) + с + сущ. в род. пад. Успехов вам (тебе)! Счастья! Удачи!* Пожелание при отъезде: *Счастливого пути!* Чаще пожилым людям: *Долгих лет жизни!* Больному: *Не болей(-те). Выздоровливай(-те)*. С оттенком официальности: *Примите мои (теплые, горячие, искренние) пожелания + сущ. в род. пад. Разрешите (позвольте) пожелать (вам + сущ. в род. пад.) или инф.* Пожелания на ночь: *Спокойной ночи!* Пожелания перед едой: *Приятного аппетита!*

Желаю

В диалогах произведений русской литературы XIX века формула с глаголом *желаю* встречается часто. Перед нами типичное пожелание при расставании отправляющемуся в путь, в диалоге военных, имеющих так называемые обер-офицерские чины (Максим Максимыч – штабс-капитан, Печорин – прапорщик):

- Я не заслужил этих упреков, Максим Максимыч.
- Да я, знаете, так, к слову говорю; а впрочем, *желаю вам всякого счастья* и веселой *дороги* (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

Максим Максимыч после упреков, которые мы рассматривали выше, в одном высказывании и объясняет несущественность выражения своего недовольства и выражает пожелания: общее (*всякого счастья*) и частное (*веселой дороги*). Это сочетание нейтрализует как прежние упреки, так и пожелания, делая их формальными.

В иной последовательности от частного (*счастливого пути*) к общему (*успеха*) делаются пожелания Баздеевым Пьеру Безухову. Это пожелание дворянина дворянину принципиально не отличается от пожеланий офицера офицеру, где только Печерин – дворянин:

- Затем *желаю вам счастливого пути*, государь мой – сказал он, заметив, что слуга его вошел в комнату, – и *успеха...* (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Возможно, пожелание имело бы иную и форму, и содержание, и включало бы неформальные элементы, однако присутствие слуги ограничивает Баздеева: обстоятельства требуют соблюдения формальных требований этикета.

В) ПОЖЕЛАНИЯ-ТОСТЫ

Поздравления тесно связаны с ситуацией застолья и произнесением тостов. Тост (от англ. *toast*, одно из значений – «предложение пить за чье-л. здоровье») – по замечанию Н.С. Цветова, фольклорный речевой жанр, короткая торжественная застольная здравица в честь кого-л. или чего-л. Тост помогает снять напряженность, установить контакт между присутствующими на торжестве. Его успешность зависит от готовности аудитории слушать, его уместности, наличия в речи оригинальной идеи (касающейся оценки застолья, виновников торжества, пожеланий присутствующим), а также от искренности говорящего⁷¹. Общеизвестно, что существуют различные обычаи и общественные установки, для которых есть обозначение в каком-то одном языке и нет его в других языках. К ним относятся тосты – краткие речи или выражения, провозглашаемые перед распитием спиртных напитков. Немецкое слово «брудершафт» означает «братство». Такой застольный обряд присутствует и в русской культуре. Но кроме ритуала «на брудершафт» встречается много других, характеризующих русскую языковую личность. Нельзя не согласиться с Ю.Н. Карауловым в том, что «очень важно, что то, что относится к материальной культуре и общественным ритуалам и установлениям, относится также и к ценностям, идеалам и установкам людей к тому, как они думают о мире и о своей жизни в этом мире»⁷². В тостах, обнаруживаются установки и ценности, свойственные культуре провозглашающего. Тост начинается с обращения к аудитории, виновнику торжества, специфики торжественного момента. Далее обычно

⁷¹ Н.С. Цветова, *Тост*, [в:] А.П. Сковородников (ред.), *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник*, электронное издание, Красноярск 2014, с. 696–697, <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285> [дата доступа: 12.04.2019].

⁷² Ю.Н. Караулов, *Русская языковая личность и задачи ее изучения*, [в:] Д.Н. Шмелев (ред.), *Язык и личность*, Москва 1989, с. 14.

говорят о тех чувствах, которые испытывает адресант к адресату и/или излагают краткую историю их взаимоотношений. Кульминацией тоста является пожелания адресату будущих успехов и удачи. Заключительной частью тоста является предложение поднять бокал.

Часто употребляемые тосты: *За (ваше, твое) здоровье! За (ваши, твои) успехи! За счастье! За праздник! За хозяйку дома! Я предлагаю тост за..., Давайте выпьем за...+ сущ. в вин. пад.*

Выпьем на «ты»

В эпизоде встречи старых друзей Лежнева и Рудина звучит неожиданно возникший тост и предложение выпить на «ты»:

– Послушайте, – перебил его Лежнев, – мы когда-то говорили «ты» друг другу... Хочешь? Возобновим старину... *Выпьем на ты!*

Рудин встрепенулся, приподнялся, а в глазах его промелькнуло что-то, чего слово выразить не может.

– Выпьем, – сказал он, – спасибо тебе, брат, выпьем (И.С. Тургенев «Рудин»).

Уже в самом высказывании Лежнева, содержащем тост, есть разные обращения на «ты» и на «вы»: *послушайте, говорили, хочешь, выпьем*. Форма «на ты» у Лежнева опережает тост, и удивленный и взволнованный Рудин употребляет эту форму (*выпьем, спасибо тебе, выпьем*). Повтор глагола создает впечатление, что Рудин как бы пробует давно забытую и непривычную форму обращения.

За здоровье

Рассмотрим тост, произносимый доктором, за здоровье своего пациента:

Доктор наливает рюмку, высматривает ее на свет и щелкает языком.

– *За ваше здоровье, маменька!* – говорит он, обращаясь к старухе барыне и проглатывая водку.

– На здоровье, батюшка! (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»).

Обратим внимание на тост типичных негодяев, Тарантьева и Ивана Матвеевича из романа Н.А. Гончарова. В диалоге описывается ситуация,

которая объясняет содержание необычного для приличного общества тоста:

- Совестно будет этакому барину сознаваться, что подписал в нетрезвом виде; законное дело!
- Законное дело! – повторил Тарантьев.
- Пусть тогда Обломовка достается наследникам.
- Пусть достается! Выпьем, кум.
- *За здоровье олухов!* – сказал Иван Матвеевич. Они выпили (Н.А. Гончаров «Обломов»).

Герои романа подробно обсуждают возможность обмана, радуются, даже пьют за то, что могут обмануть человека, называя таких *олухами*. Содержание тоста – пожелание здоровья глупым, непонятливым людям не является шуткой, потому что их, олухов, жизнь – условие существования и обогащения мошенников.

За веру

Очень характерен для сообщества единомышленников, единоверцев, тост казаков: *За веру!* Так Тарас Бульба обращается к казакам в объявленном им торжественном возлиянии, которое он организовал, чтобы преодолеть уныние в казацких рядах:

- Да уже вместе *выпьем и за нашу собственную славу*, чтобы сказали внуки и сыны тех внуков, что были когда-то такие, которые не постыдили товарищества и не выдали своих. Так *за веру*; пане-братове, *за веру!*
- *За веру!* – загомонели все, стоявшие в ближних рядах, густыми голосами.
- *За веру!* – подхватили дальние; и все что было, и старое и молодое, выпило за веру.
- *За Сичь!* – сказал Тарас и высоко поднял над головою руку (Н.В. Гоголь «Тарас Бульба»).

Тарас Бульба в продолжительной торжественной речи постепенно приближается к основному краткому высказыванию, которое и является кульминацией тоста, о чем свидетельствуют многочисленные повторы участвующих в событии казаков. Указывается вначале цель – *слава*, затем конкретизируются *заслуги*, которые обеспечивают почетную известность,

и завершается тост указанием главного условия достижения славы – это *вера*. А затем, еще одна кульминация, более конкретная – за *Сичь* (тост эквивалентен распространенному тосту *За родину!*), которая тоже подхватывается участвующими казаками.

Ситуация «Поздравление, пожелание», на наш взгляд, позволяет раскрыть лучшие человеческие качества и воплотиться в слове в форме неожиданных пожеланий и тостов. В этой ситуации, как ни в какой другой, нельзя скрыть свое отношение к человеку. В ситуации «Поздравление» нами встречена формула: *Поздравляю тебя с женишником*, редко встречающаяся с одушевленным героем, в наше время встречается подобная – *Поздравляем с новорожденным!*

Из двух существующих типов вежливости, негативной и позитивной, эта вежливость позитивная, свойственная русской культуре.

14. Благодарность

Благодарность – высказывание, выражающее чувство признательности кому-либо, а также речевая ситуация. Как отмечает Н.И. Формановская, «в речевой ситуации благодарности проявляется доброжелательность и уважение к адресату, признательность за оказанную им услугу, а речевое поведение говорящего оценивается как вежливое и добропорядочное»⁷³.

При оказании незначительных услуг, благодарности являются автоматической репликой и воспринимаются автоматически. Но при отсутствии благодарности автоматизм нормального общения нарушается, отсутствие конвенционального акта освежает его прямое значение, и оказавшему услугу становится неприятно, что его услуга не оценена, как бы низко он сам ее ни ценил⁷⁴.

⁷³ Н.И. Формановская, *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002, с. 118.

⁷⁴ М.Я. Гловинская, *Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов*, [в:] Е.А. Земская (ред.), *Русский язык и его функционирование. Коммуникативно-прагматический аспект*, Москва 1993, с. 208–209.

А.Г. Бердникова представила типологию высказываний с семантикой благодарности, которая включает в себя: а) прямую/косвенную благодарность; б) ритуальную/эмоциональную, лично значимую благодарность; в) мотивированную/немотивированную благодарность; г) вербальную/невербальную благодарность; д) благодарность реальному адресату / благодарность высшим силам». Все выделенные типы не являются изолированными, а пересекаются и взаимодействуют друг с другом, следовательно, одно и то же высказывание может быть охарактеризовано по нескольким параметрам⁷⁵.

Благодарность может быть представлена набором лексических, грамматических, а также невербальных средств. С одной стороны, есть благодарности, выражающиеся одним жестом (согласие – кивок), с другой – такие, в которых используются дублирующие друг друга вербальные и невербальные средства: *Спасибо, спасибо, я Вам чрезвычайно обязан! + рукопожатие*.

Благодарности принято делить на конвенциональные, которые не требуют дифференцированной реакции адресата (они выражаются стереотипными формулами) и благодарности по существу, требующие характерной дополнительной реплики, и вынуждающие адресата определенным образом реагировать на речевое поведение автора благодарности.

Часто слова благодарности сопровождаются интенсификатором вежливости «очень». Это часто употребляемое слово, обладающее высокой степенью выражения благодарности.

Иногда встречаются и такие благодарности, в которых при глаголе стоит частица *бы*: *Я хотел(а) бы поблагодарить вас!*, но она не переводит действие в нереальное, а повышает степень вежливости наших речевых действий, а также снижает степень категоричности этих действий.

Формулы с глаголом *хочу* содержат мысль не о желании совершить действие, а выполняют роль самого действия «здесь» и «сейчас».

Также благодарность можно классифицировать на существенную (искреннюю), формальную и ложную.

⁷⁵ А.Г. Бердникова, *Речевой жанр благодарности: когнитивный и семантико-фрагментический аспекты*, Автореф. дис. канд. филол. наук, Новосибирск 2005.

А.А. Акишина и Н.И. Формановская⁷⁶ выделяют следующие речеэтикетные формулы ситуации «Благодарность», свойственные современному русскому языку и речи:

Наиболее употребительное: *Спасибо. Большое спасибо. Спасибо (вам, тебе) + за + сущ. в вин. пад. Благодарю (вас, тебя) + за + сущ. в вин. пад. Я вам (тебе) (очень) благодарен(-рна) + за + сущ. в вин. пад.* Чаше люди старшего поколения: *Я вам (очень, крайне, глубоко, чрезвычайно) признателен(-льна) + за + сущ. в вин. пад. Примите мою благодарность (признательность) + за + сущ. в вин. пад. + за то, что...* Благодарность за значительные услуги: *Я вам многим обязан(-а) за + сущ. в вин. пад.* Сильная степень выражения благодарности: *У меня нет слов, чтобы отблагодарить вас...* Высокая степень выражения благодарности: *Вы не представляете (ты не представляешь) как я вам (тебе)...* Эмоциональное, возвышенное: *Моя благодарность (признательность) не знает границ.* С оттенком официальности: *Я хочу... Мне хочется + поблагодарить вас + за +... Разрешите, Позвольте + выразить вам благодарность + за + сущ. в вин. пад.* Благодарность с комплиментами: *Вы очень (так) внимательны. Я тронут(-а) вашим вниманием (вашей любезностью). Это очень мило с вашей (твоей) стороны.* Благодарность за оказанную услугу: *Вы меня выручили (так выручил).* Благодарность за будущую услугу: *Заранее благодарю вас (тебя)...* Передача благодарности через другое лицо: *Поблагодари(-те) за меня...*

Спасибо

Эта самая распространенная десимантизированная формула употребляется для выражения благодарности во многих ситуациях. Она пришла в русский язык в древности, как выражение «спаси бог» и в результате развития языковых процессов «спасибо». «Спаси бог» – это выражение носило весомую смысловую нагрузку в древности.

Рассмотрим диалог, где Вера Ефремовна, осужденная по политической статье, благодарит дворянина-благотетеля Нехлюдова за приход:

⁷⁶ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 162.

- Ну, *спасибо*, что пришли, – сказала она, пожимая руку Нехлюдова.
- Вспомнили меня? Сядемте.
- Не думал вас найти так... (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Благодарность за приход предваряется междометием *ну*, которое здесь выражает удивление. В формуле благодарности междометие отсылает к эпизоду, в котором Нехлюдову передали о желании Веры Ефремовны по-видаться с ним, чтобы попросить его о помощи. Удивление, выраженное междометием, показывает, что женщина не была уверена в приходе Нехлюдова. Заметим, что причина благодарности конкретизирована: *что пришли*. Выразить благодарность только словом *спасибо* в рассматриваемой ситуации невозможно, поскольку не будет ясно, что именно отправитель считает «добром», которое явилось причиной выражения чувства признательности.

Благодарю

В группу благодарить в русском языке входят слова и словосочетания: благодарить, благодарен, благодарность (последнее – в сочетаниях: принести / выразить / объявить / засвидетельствовать и др. под. + благодарность); признательность (в сочетании выразить признательность), признателен.

Благодарность посредством формул со словом благодарю может быть выражена с конкретизацией (быть по существу) и без нее.

Например, благодарность Нехлюдова за предложение присесть, адресованная доктору в тюремной больнице, является автоматической, формальной:

- Не хотите ли присесть, хоть пройти в приемную?
- *Благодарю вас*, – сказал Нехлюдов и, пользуясь благоприятной для себя переменой в докторе, спросил его о том, как довольны Масловой в больнице (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Рассмотрим пример благодарности по существу (за спасенную честь девушки) в диалоге Грушницкого и Печорина. Благодарность с косвенным указанием на ее важность:

- Он крепко пожал мне руку и сказал трагическим голосом:
- *Благодарю тебя, Печорин...* Ты понимаешь меня?...

- Нет; но, во всяком случае, *не стоит благодарности*, – отвечал я, не имея точно на совести никакого благодеяния.
 – Как? А вчера? Ты разве забыл?.. Мери мне все рассказала...
 – А что? Разве у вас уж нынче все общее? *И благодарность?*... (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

Грушницкий предваряет вербальную благодарность крепким рукопожатием. Особенностью описания благодарности является то, что форма повествования (от первого лица) позволяет выразить отношение к процессу выражения признательности. Здесь оно ироничное (сказал трагическим голосом, не имея на совести никакого благодеяния). Кроме того, издевательский ответ Печорина говорит о том, что благодарность он не принимает всерьез: *А что? Разве у вас уж нынче все общее? И благодарность?*

Благодарности могут быть взаимными, как, например, в диалоге двух ловкачей-помещиков – Мурзавецкой и Беркутова:

Беркутов: Мерепа Давыдовна, *благодарю вас за радушный прием и за участие, которое вы во мне приняли!* Позвольте предложить вам этот маленький подарок. (Подает Мурзавецкой коробочку). Это аквамариновые четки!...

Мурзавецкая: *Благодарю*, Василий Иванович, *благодарю!* (Целует Беркутова в голову). Ну, батюшка, видала я на своем веку всяких людей, а таких, как ты, не приводилось... (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Благодарность Беркутова, как и Мурзавецкой, являются благодарностями по существу. Однако, Мурзавецкая, нераспространенностью вербальной благодарности, сочетающейся с невербальной (поцелуй в голову), подчеркивает свое более высокое положение по отношению к собеседнику.

Я вам очень благодарен

В следующем диалоге помещик Обломов благодарит человека, согласившегося решать его дела, за которые самому герою взяться лень:

– *Я вам очень благодарен*: вы меня от больших хлопот избавите, – сказал Обломов, подавая ему руку. – Как его?...

– Исай Фомич Затертый, – повторил Иван Матвеевич, отирая наскоро руку обшлагом другого рукава, и, взяв на минуту руку Обломова, тотчас спрятал свою в рукав. – Я завтра поговорю с ним-с и приведу.

– Да приходите обедать, мы и потолкуем. *Очень, очень благодарен вам!* – говорил Обломов, провожая Ивана Матвеевича до дверей (Н.А. Гончаров «Обломов»).

Важность услуги, которую собирается оказать Обломову махинатор Иван Матвеевич Мухояров, подчеркивается не только полнотой формулы и наречием *очень*, но и повтором благодарности в инвертированной форме. Эта благодарность по существу, за услугу.

Merci

К заимствованным соответствиям *спасибо*, относится французское *merci*, оно было достаточно распространено в русском языке XIX века. В Национальном корпусе русского языка засвидетельствовано более 400 примеров, большая часть которых относится именно к указанному периоду. Это характерно для интеллигентной среды.

Следующий диалог отражает вежливую благодарность хозяину. Гувернантка его детей благодарит своего хозяина на французском языке:

Она взяла и дрожащими пальчиками сунула их в карман.

– *Merci*, – прошептала она...

– За что же *merci*?

– За деньги (А.П. Чехов «Размазня»).

Она образованная женщина, знающая иностранный язык, хоть и не принадлежащая к высшему обществу.

Никогда не забуду (не забудет)

Экспрессивная форма благодарности обусловлена, с одной стороны, осознанием важности оказанной услуги, а с другой – тем, что обращена к князю-благодетелю, стоящему на более высокой ступени социальной лестницы:

– Верьте, князь, что *сердце матери никогда не забудет того, что вы сделали для нас*.

– Я рад, что мог сделать вам приятное, любезная моя Анна Михайловна, – сказал князь Василий, оправляя жабо и в жесте и голосе проявляя здесь,

в Москве, перед покровительствуемой Анною Михайловной еще гораздо большую важность, чем в Петербурге, на вечере у Annette Шерер (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Князь и жестом и голосом подчеркивает свое положение.

Иногда ситуация «Благодарность» связана с другими этикетными ситуациями: «Пожелание», «Прощание» и др.: — *Прощайте, братцы!* — крикнул он, когда обоз тронулся. — *Спасибо вам за хлеб-соль!* (А. Чехов «Степь») (*благодарность + прощание*), что представляет трудность для ее вычленения. Данная ситуация является формой реализации этикетного действия, заданного правилами социального поведения. Автор этого высказывания проявляет себе как вежливый, воспитанный человек. Высказывания, выражающие благодарность, часто кратки и представляют собой десемантизированные формулы: *Спасибо! Благодарю!* Однако нередки и развернутые благодарности (по существу), конкретизирующие причину благодарности. Они состоят из нескольких высказываний: *Благодарю за... Спасибо за...*

Конструкции выражения благодарности могут сопровождаться невербальными формами (жестами, подарками), а также быть более или менее эмоциональными. Такие же речэтикетные формулы благодарности можно встретить и в современной речи, однако, например, *merci* теперь употребляется чаще в ироничном смысле.

15. Прощание

Формула прощания не произносится неожиданно для собеседника, она соответствует ситуации окончания беседы. Обычно ей предшествуют какие-то указания на завершение общения, иначе коммуникант может подумать, что чем-то сильно расстроил или даже обидел уходящего. Эти формулы не столь стандартны, но достаточно устойчивы.

В разных ситуациях, с разнообразными собеседниками, формулы прощания разные. Многое зависит от того, кто ее произносит и в какой форме (ты- и Вы-общение), а также от времени суток ее произнесения.

Большое количество прощаний образуется с помощью предлога *до* и словами, обозначающими встречу: *До свидания! До скорого свидания!*

До встречи! До завтра! До вечера! До воскресенья! До лета! Таким образом, можно обозначить любое прощание, которое фактически не что иное, как назначение нового свидания. Это прощание с заверением, что собеседник ищет с нами новых встреч.

Выделяется ряд этикетных формул ситуации «Прощание», свойственных современному русскому языку и речи⁷⁷.

Наиболее употребительное: *До свиданья(-ия)!* Может употребляться и со значением прощания на длительный срок: *Прощай(-те)!* С оттенком пожелания: *Всего хорошего!* Могут употребляться вместо «до свидания»: *До встречи! До завтра!* Дружеское: *Счастливо!* Употребляется близкими людьми, чаще среди молодежи: *Пока!* Если в течение дня еще предполагается встреча: *Я не прощаюсь (с вами, с тобой).* Официальное: *Разрешите попрощаться.*

Рассмотрим, как речевые этикетные формулы ситуации «Прощание» представлены в произведениях русской литературы XIX века.

До свиданья(-ия)

В диалоге гостеприимной Дарьей Михайловной и гостившего у нее Рудина прощание, распространенное в дворянской среде, предваряется указанием на то, что время, названное Рудиным, требует подготовки к отъезду:

- Два часа и тридцать три минуты, – промолвил он.
- Пора одеваться, – заметила Дарья Михайловна. – *До свиданья, Дмитрий Николаич!* (И.С. Тургенев «Рудин»).

Эта фраза является универсальной этикетной формулой, может быть произнесена кем угодно и в любое время.

До завтра

Данная распространенная формула прощания употребляется также в разных ситуациях между различными собеседниками. Например, в романе

⁷⁷ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978, с. 172.

Ф.М. Достоевского в завершении диалога девушки и молодого человека. Девушка использует две формулы прощания, определяя срок следующей встречи:

– Да, – прибавила она, развеселившись, – я сама теперь вижу, что он придет только завтра. *Ну, так до свидания! до завтра!* Если будет дождь, я, может быть, не приду. Но послезавтра я приду, непременно приду, что бы со мной ни было; будьте здесь непременно; я хочу вас видеть, я вам все расскажу (Ф.М. Достоевский «Белые ночи»).

Как видим, после формулы прощания в случае указания срока могут приводиться разного рода уточнения, которые делают формулу прощания не финальным высказыванием.

Прощай/те. Прощайте-с...

Прощай! в словаре определяется как привет расстающихся. В настоящее время употребляется как свидетельство расставания надолго или даже навсегда.

Рассмотрим пример прощания актрисы Анны Негиной со своими друзьями в надежде, что навсегда:

Негина: *Ну, прощайте*, господа, *прощайте!* (посылает рукой поцелуй).

Трагик: Офелия! О нимфа! Помяни меня в своих молитвах! (А.Н. Островский «Таланты и поклонники»).

В ответ на прощание и пожелание Базарова, высказанное после возражения, Анна Сергеевна использует нестандартную формулу прощания:

– Нет! – сказал он и отступил на шаг назад. – Человек я бедный, но милостыни еще до сих пор не принимал. *Прощайте-с и будьте здоровы.*

– *Я убеждена, что мы не в последний раз видимся,* – произнесла Анна Сергеевна с невольным движением.

– Чего на свете не бывает! – ответил Базаров, поклонился и вышел (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Примененные формулы прощания показывают, что персонажи по-разному видят будущее и дальнейшую жизнь.

В следующей ситуации – стандартная вежливая формула прощания – *прощайте-с* в разговоре между мещанкой и разночинцем:

– *Прощайте-с...* А вы все дома одни сидите, сестрицы-то нет? – спросил он как можно развязнее, выходя в переднюю.

– А вам какое до нее, батюшка, дело?

– Да ничего особенного. Я так спросил. Уж вы сейчас... *Прощайте*, Алена Ивановна! (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

И здесь же развязно (по словам автора) заданный вопрос о сестрице и подозрительный ответ на него – вопросом требуют от Раскольникова оправдания (*я так спросил*) и дополнительного прощания.

В литературе XIX века много примеров *прощания с извинениями*. Перед нами диалог помещицы Кандуриной и просителя. Кандурина отказывает в просьбе:

– *Честь имею кланяться*, – сказал я, – и *прошу извинить за беспокойство...*

Кандурина хотела было повернуться ко мне лицом и уже сделала четверть оборота, но тотчас же спрятала лицо за драпировку, как будто почувствовала на глазах слезы, которые хотела скрыть...

– *Прощайте... Извините...* – тихо сказала она (А.П. Чехов «Пустой случай»).

В данном диалоге приведены две формулы прощания, сопровождающиеся извинениями. Обращает на себя внимание различие формул: развернутой формуле прощания и развернутому же извинению противопоставлены краткое прощание и извинение. Краткость вербальных действий соотносится с описанными телодвижениями и жестами Кандуриной.

Прощание может сопровождаться также просьбами:

– О! это была бы райская жизнь! – сказал Чичиков вздохнувши. – *Прощайте, сударыня!* – продолжал он, подходя к ручке Маниловой.

– *Прощайте, почтеннейший друг! Не позабудьте просьбы!*

– О, будьте уверены! – отвечал Манилов, – Я с вами расстаюсь не долее как на два дни (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Напоминание Чичикова о просьбе является важным элементом сюжета.

Прощай

Формула *прощай* используется при общении близких людей, например, в эпизоде из романа Ф.М. Достоевского ситуация прощания брата и сестры:

– Он человек деловой, трудолюбивый, честный и способный сильно любить...

Прощай, Дуня.

Дуня вся вспыхнула, потом вдруг встревожилась:

– Да что это, брат, разве мы в самом деле навеки расстаемся; что ты мне... такие завещания даешь?

– Все равно... *прощай* (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»).

Как видим, резкий и потому неожиданный переход от характеристики Разумихина к прощанию вызывает тревогу у сестры.

В ситуации прощания барыни и крестьянки формулу *прощай* употребляет Александра Павловна:

– Ну, *прощай*, Матрена! – проговорила Александра Павловна, – я к тебе еще приду, а ты не унывай и лекарство принимай аккуратно...

Старуха приподняла голову и потянулась к Александре Павловне.

– Дай, барыня, ручку, – пролепетала она. Александра Павловна не дала ей руки, нагнулась и поцеловала ее в лоб (И.С. Тургенев «Рудин»).

За прощанием следует обозначение будущей встречи и рекомендации лечения.

При прощании двух мужчин-друзей, один из которых младше по возрасту, обращение *брат*, соседствующее с формулой прощания, отражает степень знакомства коммуникантов:

– *Прощай, брат!* – сказал он Аркадию, уже взобравшись на телегу, и, указав на пару галок, сидевших рядышком на крыше конюшни, прибавил: – Вот тебе! изучай!

– Это что значит? – спросил Аркадий (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Дружеское обращение *брат* создает своего рода переход к рекомендации изучать природу.

В добрый час

Эта формула прощания содержит пожелание удачи. В эпизоде из рассказа А.П. Чехова бабушка прощается со своим воспитанником:

– *В добрый час! Господь благословит!* – кричала с крыльца бабушка. – Ты же, Саша, пиши нам из Москвы!

- Ладно. Прощайте, бабуля!
- *Сохрани тебя царица небесная!* (А.П. Чехов «Невеста»).

Прощание и напутствие усиливается просьбой помощи и благодати у Бога и Божьей матери.

Адье

Заемствованным соответствием русского *до свидания*, является французское – *adieu*, являющееся сращением *a* и *dieu* «Бог». Употреблялось преимущественно в дворянской среде:

- Нароков: Ну, так я уйду тут, через кухню. *Адье, мадам.*
- Домна Пантелевна: *Адье, мусье!* (А.Н. Островский «Таланты и поклонники»).

В данной ситуации простая женщина обращается к помощнику режиссера, желая казаться образованной.

Мне пора

Для собеседника эта формула звучит неожиданно. Данную фразу обычно произносит гость перед тем, как попрощаться с хозяевами. Употребление формулы *мне пора* обозначает момент расставания причинами нехватки времени, желанием закончить разговор либо соблюдением норм этикета. Например, подобную фразу произносит Чичиков, прекращая переговоры с Плюшкиным:

- *Да, мне пора!* – произнес он, взявшись за шляпу.
- А чайку?
- Нет, уж чайку пусть лучше когда-нибудь в другое время.
- [...] *Прощайте, батюшка, да благословит вас бог*, а письмо-то председателю вы отдайте (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Плюшкин в ответ использует стандартную вежливую форму прощания с обращением и пожеланием помощи божьей.

Желание прекратить разговор, прекратить поток воспоминаний, заставляет Печорина обозначить момент расставания этой разговорной фразой:

- Неужто сейчас?... Да подождите, дражайший!... Неужто сейчас расстанемся?.. Столько времени не видались...
- *Мне пора, Максим Максимыч*, – был ответ.
- Боже мой, боже мой! да куда это так спешите?... (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

Как видим, фраза *мне пора*, употребляется в сочетании с именем и отчеством, что делает ее более вежливой.

Спасибо этому дому, поедем к другому!

Эта просторечная и шутливая форма прощания встречается в помещицкой среде и не требует соблюдения коммуникантами соответствующего церемониала:

Мурзавецкая: *Спасибо этому дому, поедем к другому! Прощайте, крало!* Уж не знаю, скоро ли попаду к тебе.

[...]

Мурзавецкая: Ну и ладно. (Купавиной) А ты его принимай хорошенько! Вот я и узнаю твое расположение ко мне: коли ласково его принимать будешь, значит, меня любишь; коли его обидишь, значит, меня хотела обидеть. *Прощайте!* Всего не переговоришь (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Эта формула стала началом церемонии прощания, однако после того, как были сделаны комментарии к будущим встречам, была употреблена традиционная формула: *Прощайте!* Она является самой распространенной в этой речезыкетной ситуации.

В прощаниях, которые характерны для XIX века, кроме употребления собственно слов приветствия при расставании *До свиданья(-ия)*, *До завтра*, *Прощай/те*, *Прощайте-с...* *Прощай*, могут содержаться извинения, просьбы, напоминания и иные дополнительные сведения.

Неэмоциональным обозначением окончания встречи является выражение *мне пора*. Формулы прощания могут повторяться, создавая как бы начало и завершение процедуры прощания. В том случае, если после формулы прощания приводятся еще какие-то сведения, то они тем самым выносятся в сильную позицию, выделяются как особенно важные в конкретной ситуации.

Фатическая и регулятивная функции речевого этикета ярко представлены в ситуации «Обращение и привлечение внимания». Апеллятивы в этой ситуации отличаются своей численностью и разнообразием.

Значительная их часть – это антропонимы (имена, имена-отчества, фамилии и прозвища). Обращение по имени-отчеству было принято в кругу образованных людей к знакомым, чаще старшим по возрасту, также так обращались лица с низшим социальным статусом к хозяевам. Форма обращения только по отчеству встречается в мужской и женской речи в разных слоях общества. В ней всегда присутствует оттенок одновременно уважительности и фамильярности.

Большинство апеллятивов – нарицательные имена. Их номинация представлена следующим образом. Релятивная номинация, отражающая степень кровного и некровного родства: *папаша, мама, маменька, матушка, брат, сестра, жена*. Между коммуникантами в несимметричных отношениях и не связанными родством встречены апеллятивы: *отцы наши, батюшка*, обозначающие преданность и веру слуг. К этому виду номинации относятся также обращения, выражающие степень знакомства: *друг, мой друг*; семейные и гендерные отношения: *мужик, баба*; возраст: *дед, дитя, мальчик, старина, старинушка, хлопцы*; географический признак: *землячок*; положение в обществе: *господин, барин, барыня, бырышня, сударь, сударыня*. Функциональная номинация представляет род занятий, должность, звание и титул: *ваше превосходительство, ваше сиятельство, граф, графиня* (относящиеся к официальным) *вестовой, извозчик, купчиха, доктор*. Оценочная номинация объединяет следующие апеллятивы: *красавица, чернобровый парубок, пери, рева, сыромолотная дворянка, черноглазая шалунья; голубчик, голубушка, старина, старинушка, хлопцы; братушки, ребята*. Метонимическую и метафорическую номинации демонстрируют следующие примеры: *борода, волк, казак, зелье, Ломоносов, Орест и Пилад, пузырь*.

В исследуемом материале присутствуют апеллятивы с этикетными эпитетами или сущ.: милый – *милый князь, моя милая, милое дитя мое топ cher*; дорогой *дорогой мой, My dear* в большинстве своем встречаются в речи господствующих классов, в то время как любезный – *мой любезный, любезная моя Анна Михайловна*, чаще при обращении к низшему по социальному

положению коммуниканту. Отмечены апеллятивы с компонентом *душа*, *душенька*, *душечка* – *душа моя*, *душенька*, *моя душечка*; компонентом *свет* – *светик ты мой*, *свет ты мой*.

Этикетный эпитет *милостивый*, присутствовал в данный период в составе почтительных наименований действий, повелений высшего по положению:

– Милостивое писание ваше я получил, в котором изволишь гневаться на меня, раба вашего, что-де стыдно не исполнять господских приказаний. (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

Также были встречены обращения, не называющие собеседника: *Здесь ли живет коллежский ассессор Ковалев? Позвольте спросить. Позвольте узнать. Так чем могу служить?*

Как и ситуация «Обращение и привлечение внимания», «Приветствие», представляет фатическую и регулятивную функции речевого этикета. С точки зрения синтаксиса, приветствия не являются предложениями в грамматическом смысле, лишены предикативности, но являются коммуникативными единицами. Такие релятивы служат не для передачи собеседнику какой-либо информации, не для побуждения кого-либо к действию и не для запроса информации, а являются реакцией на ситуацию или на слова собеседника. *Здравствуйте! Здравствуй!* – наиболее распространенные и нейтральные. Встречаются с именем, терминами выражающими родство, отчеством, прозвищем или титулом, это приветствие равных по социальному статусу коммуникантов. Формулы приветствия могли сочетаться с извинениями: *Здравствуйте, господа; извините, что опоздал к чаю...* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»); пожеланиями: *Здравствуйте, Панове! Помогай бог вам!* (Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»).

Неравноправные приветствия встречаются при несимметричном общении. При диалоге людей разного возраста: *Здравствуй, друг!* – сказал он. – *Здравствуйте!* (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»). У лиц с разным социальным и гендерным статусом: *С приездом вас, Дмитрий Иванович!* – с трудом выговорила она, и лицо ее залилось румянцем. – *Здравствуй... здравствуйте, – не знал он, как на «ты» или на «вы» говорить с ней, и покраснел так же, как и она* (Л.Н. Толстой «Воскресение»). *Здорово* явля-

ется просторечной и широко распространенной формой приветствия при встрече с родственниками, приятелями, знакомыми, к которым говорящий обычно обращается на «ты». Также встречаются приветствия-пожелания: *Желаю здравствовать, милостивый государь!* и *Помоги Бог, Бог в помощь*, распространенные в общении низших социальных слоев. *Помоги Бог!* – форма приветствия, которая может свидетельствовать о религиозности коммуниканта.

В современной коммуникации используются некоторые приветствия XIX века, но уже с дополнительным оттенком, например, иронично – форма множественного числа *Здравия желаем* (в неофициальном армейском общении), *Бонжур, Мое почтение*, а также *Здравствуйте пожалуйста* (в том числе и как прецедентное высказывание в среде образованных собеседников). Это же касается и приветствий-пожеланий – *Помоги бог, Бог в помощь*, которые без ироничного оттенка сегодня можно встретить в церковном этикете. Не смотря на то, что *Привет* является древним приветствием и обращением, в данных ситуациях не выявлено.

В ситуации «Знакомство» в XIX веке использовались различные речевые формулы. *Как тебя зовут? Как тебя звать?* предназначены для знакомства без помощи посредника, характерны для речи простого народа и при знакомстве с детьми. *Позвольте*, являющееся разговорной формой вежливого или учтвого вопросительного обращения, встречается с вопросом: *А позвольте узнать фамилию вашу?*

Самопредставление выражается формулой, содержащей глагол *Позвольте + инфинитив: представиться, отрекомендоваться*. Это учтивая, преимущественно мужская форма знакомства без посредников. Данный вид знакомства может быть отражен формулой: *Фамилия, имя + уточнение отношений при знакомстве – Василий Денисов, дг'уг вашего сына* (Л.Н. Толстой «Война и мир»). *Фамилия + социальный статус представляющегося – Раскольников, студент* (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»), в данной ситуации общения коммуникантов с разным социальным и возрастным статусом. При знакомстве с посредником распространенной является формула *Позвольте + инфинитив: познакомить + представить – А позвольте представить вам моего лучшего приятеля* (И.С. Тургенев «Гамлет Шигровского уезда»).

В настоящее время ситуация «Знакомство» протерпела существенные изменения. Трансформации подвергся в основном репертуар формул знакомства без помощи посредника.

Формулы речевого этикета, относящиеся к ситуации «Приглашение», в отличие от, например, принадлежащих к «Обращению и привлечению внимания» или «Знакомству», являются более универсальными в отношении социальной принадлежности участников общения. Арсенал приглашений позволяет выразить смысл в официальной и неофициальной форме, а также передать различные дополнительные оттенки: *Приглашаю Вас (тебя)...* – формула вежливого приглашения пойти куда-либо с объявленной целью; *Приходи/те (обедать, на чай...), А вы приходите... Заходите к нам не просясь... Приезжайте...* – разговорная форма неофициального приглашения, характерная и для мещанской, и для дворянской среды, выраженная императивом.

Приглашение войти в помещение, переступить порог, может выражаться следующими формулами: *Добро пожаловать, Милости просим*, которое, характерно для крестьян и купечества. Французская синонимичная форма русского *Войдите – Entrez*, одновременно употребляющиеся две формы встречены в дворянско-разночинской среде (для повышения своего статуса, употребляется и французский эквивалент). Приглашение, переданное через дворецкого – *Анна Сергеевна просят вас пожаловать к ним через полчаса* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»), типично для дворянской среды. Где хозяин приглашения обозначается глаголом *просят* во множественном числе.

Приглашение сесть прошу + садиться, извольте + садиться, присядьте, также выражено императивом.

Не обнаружено большой настойчивости в приглашении в виде следующих выражений: *только обязательно приходи; ты должен непременно прийти; отказы не принимаются*, или побудительных высказываний со значением совместного действия, характерных для современной речи.

Функция воздействия на адресата, вызывающая разнообразную реакцию собеседника, проявляется в ситуации «Просьба, совет, предложение». Основной формой выражения *просьбы* является императив глагола. Конативная функция, связанная со специальными актуализаторами

вежливости: *Пожалуйста, Будьте любезны, Будьте добры* и т. д., также представлена в данной ситуации общения. Поучения призваны обогатить полезными знаниями и несут воспитательный характер. Исходят от высшего по социальной лестнице коммуниканта или старшего по возрасту: – *Это напрасно. Здесь есть хорошенькие, да и молодому человеку стыдно не танцевать* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Приказ характеризуется наличием императива: *Принеси, Встаньте, Читай* без интенсификаторов вежливости. Непосредственно совет не имеет специфических средств выражения, по которым некоторое высказывание можно к нему отнести. В этом случае употребляются выражения: *я дам тебе совет, могу тебе посоветовать – Что вы мне посоветуете? – спросила Анна Сергеевна, продолжая смеяться. – Да, я полагаю* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»). Также может присутствовать рекомендательное действие, в составе выражения *Не лучше ли тебе... + инфинитив – Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни* (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»). Предложение предполагает что-то возможное или полезное для адресата: *Пообедайте, Купите... – Пообедайте со мной* (И.С. Тургенев «Рудин»). Также предложение выражается личным местоимением я + глагол – *Я могу вас подвезти* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»). А также глагол *хотите – А, вот и завтрак! Хотите закупить?* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»). В рассмотренных ситуациях встречины *Предложения руки и сердца* в разных социальных слоях, они выражены различными формами. В дворянской среде: *Спросил: согласна ли она сделать его счастье. Маша молчала* (А.С. Пушкин «Дубровский»). В среде разночинцев: *Прошу, умоляю вас, – выговорил, наконец, Старцев, – будьте моей женой!* (А.П. Чехов «Ионыч»). В народной речи: – *Отдай, батько, за меня Оксану!* (Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством»). Данное предложение – просьба не к будущей жене, а к ее отцу, что вполне соответствует нормам ритуала сватовства в XIX веке.

Исследуя данные диалоги, мы обратили внимание на то, что наряду с выделенными и классифицированными Н.И. Формановской приказами, просьбами, советами, предложениями, существуют и иные речевые формулы, имевшие место в литературе XIX века. Просьбы, советы и предложения, хотя и предполагают преимущественно благо адресата, значительно

различаются в силу разнообразного содержания выражаемых мыслей. Кроме того, рассматриваемые ситуации (за исключением предложения руки и сердца) являются менее ритуализированными, чем рассмотренные ранее.

Ситуация «Согласие и несогласие с мнением собеседника» представлена как формулами речевого этикета, содержащими лексику высокого стиля, так и непосредственной аргументацией согласия или несогласия. Также в обеих ситуациях ответы эмоционально окрашены и характеризуют коммуникантов. Именно эмотивная функция речевого этикета представлена в данной речевой ситуации.

В формулах речевого этикета, представляющих «Жалобу», в литературе данного периода превалируют *оценочные* жалобы на родственников, на хозяйство, на тяжелую жизнь. Они встречаются как среди служащих, помещиков, так и простого народа.

В ситуации «Утешение, сочувствие и соболезнование» формулы варьируются в зависимости от того, кто и к кому обращается с речью. Встречаются утешение, посредством приуменьшения неудачи: *Ничего страшного!* Утешения – это напоминания, что в жизни неизбежны неприятности: *Ничего не поделаешь! Все пройдет.* Фразы в своей структуре отражают «присутствие» собеседника (в повелительной форме глагола): *Забудьте об этом!*

Именно в этикетной ситуации «Комплимент», на первый план выходит гендерный аспект. Комплимент женщине одинаков, будь она горничная, помещица или дворянка. В дворянском обществе он более утонченный, скрытый и иногда нуждается в разъяснениях. Он, как правило, касается внешности, возраста, одежды, внутренних качеств. Рассмотренные комплименты, в большинстве своем представляют собой сравнения, выраженные с помощью слов – точно, как, словно: *Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеек журчит.* Как в утешении, сочувствии, так и в комплименте, одобрении все внимание собеседнику, во фразах нет «я».

«Неодобрение, упрек» ярко характеризуют как социальный, так и возрастной характер формул речевого этикета. Неодобрение нижестоящего, младшего, выраженное по поводу вышестоящего, старшего обычно осуществляется в пределах этикета.

Через ситуацию «Поздравление, пожелание» раскрываются лучшие человеческие качества. В этой ситуации, как ни в какой другой, нельзя скрыть свое отношение к человеку. Нами встречена формула: *Поздравляю тебя с женишком*, редко встречающаяся с одушевленным героем, в наше время встречается подобная – *Поздравляем с новорожденным!*

Высказывания, выражающие *благодарность*, кратки и представляют собой десемантизированные формулы: *Спасибо! Благодарю!* Однако нередки и благодарности, конкретизирующие ее причину. Они состоят из нескольких высказываний: *Благодарю за... Спасибо за...*

В *прощаниях*, которые характерны для XIX века, кроме употребления собственно слов приветствия при расставании *До свиданья(-ия)*, *До завтра*, *Прощай/те*, *Прощайте-с...* *Прощай*, могут содержаться извинения, просьбы, напоминания и иные дополнительные сведения. Формулы, относящиеся к ситуации «Прощание», могут повторяться, создавая как бы начало и завершение процедуры прощания. В том случае, если после формулы прощания приводятся еще какие-то сведения, то они тем самым выносятся в сильную позицию, выделяются как особенно важные в конкретной ситуации. В современной коммуникации используются некоторые приветствия XIX века, но уже с дополнительным оттенком, например, иронично – форма множественного числа *Здравия желаем* (в неофициальном армейском общении), *Бонжур*, *Мое почтение*, а также *Здравствуйте пожалуйста* (в том числе и как прецедентное высказывание в среде образованных собеседников).

Более полный список всех речевых формул, выявленных нами в произведениях русской литературы XIX века, помещен в «Приложении». Все формулы для удобства ознакомления с ними классифицированы в соответствии с обозначаемой ситуацией речевого этикета.

По сравнению со списком формул, представленным А.А. Акишиной и Н.И. Формановской в пособии «Русский речевой этикет», в анализированных произведениях русской литературы XIX века их нашлось немного. Мы это связываем с тем, что нами были рассмотрены не все произведения русской литературы XIX века. И еще, надо отметить, что язык, а особенно речь, постоянно развиваются и пополняются новыми формами и выражениями. Мы видим, что к концу XX века формулы речевого этикета,

описанные А.А. Акишиной и Н.И. Формановской, приобрели такие невиданные формы и варианты, что о некоторых из них нельзя было и подумать в XIX веке. Стоит отметить, что, в количественном отношении, среди анализируемых формул речевого этикета больше всего оказалось *обращений и просьб, советов и предложений*. Это объясняется только особенностями речи коммуникантов и характером персонажа.

ГЛАВА III

РЕЧЕВОЙ ЭТИКЕТ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС КОММУНИКАНТОВ (НА МАТЕРИАЛЕ ТЕКСТОВ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ XIX ВЕКА)

1. Социальный статус человека

Вопрос об употреблении формул речевого этикета традиционно решается на материале художественных произведений, что «позволяет составить представление о языке исследуемой эпохи. Однако не дает объективной картины функционирования формул речевого этикета в речи различных социальных групп»¹.

Соотносительное положение человека в социальной системе, включающее права и обязанности и вытекающие отсюда взаимные ожидания поведения, В.И. Карасик обозначил термином социальный статус человека. При этом личностные характеристики человека отступают на второй план².

Известный исследователь в области социолингвистики Л.П. Крысин пишет о том, что каждый человек, в зависимости от своего социального статуса, исполняет определенные социальные роли. Они могут быть обусловлены как постоянными или долговременными характеристиками

¹ А.А. Зубарева, *Формулы русского речевого этикета: социолингвистическое исследование*, Автореф. дис. канд. филол. наук, Пермь 2007, с. 3.

² В.И. Карасик, *Язык социального статуса*, Москва 2002, с. 3.

человека: его полом, возрастом, положением в семье и социальным положением, профессией (таковы, например, роли мужа, отца, начальника, сослуживца и др.), так и переменными, которые определяются свойствами ситуации (таковы, например, роли пассажира, покупателя, пациента и др.)³.

С ним соглашается В.Е. Гольдин, который указывает, что «человеческое общество – коллектив, оно имеет свою внутреннюю организацию. И каждый из нас выполняет ту или иную социальную роль, которая соответствует его положению в коллективе. В обществе всегда существуют представления о том, каким должно быть поведение человека в той или иной роли: взрослого и ребенка, юноши и девушки, учителя и ученика, штатского и военного, отца и сына, начальника и подчиненного, брата; друга, приятеля, знакомого»⁴.

Социальная роль – это нормативное сочетание позиции и функции, та или иная роль в сознании людей, связанная с образцом поведения, с ожиданиями того, что человек в данной роли обязан делать и на что имеет право. Из каких характеристик человека складываются его роли? Здесь важно учитывать постоянные признаки: пол, возраст, место жительства, степень образованности, профессию, положение на работе и в семье⁵.

Таким образом, о социальной роли можно сказать, что это форма общественного поведения человека, обусловленная его положением в некоторой ситуации общения⁶.

Речевое поведение человека – сложное явление, оно связано с особенностями воспитания субъекта, местом рождения и обучения, со средой, в которой он привычно общается, со всеми свойственными ему как личности и как представителю социальной группы, а также и национальной общности особенностями. Есть речевое поведение, присущее горожанам и жителям деревни, высокообразованным людям, молодым и старым.

³ Л.П. Крысин, *Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка*, Москва 1989, с. 134.

⁴ В.Е. Гольдин, *Речь и этикет*, Москва 1983, с. 32.

⁵ Н.И. Формановская, *Речевой этикет и культура общения*, Москва 1989, с. 35.

⁶ Л.П. Крысин, *Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка*, Москва 1989, с. 136.

Речевое поведение будем рассматривать как разновидность и составную часть социального поведения человека⁷.

Одним из самых ярких признаков принадлежности к коллективу является речь и ее особенности. Родной язык связывает нас со всеми, для кого он тоже родной. И неродные языки (ими мы овладеваем позже родного, изучая их специально) могут быть заметным социальным признаком. В XIX веке умение свободно говорить по-французски было признаком аристократизма, французский язык нередко ценился не только как средство общения, открывающее доступ к богатой западной культуре, но не в меньшей мере и как социальный знак, а в некоторых случаях его роль социального символа оказывалась самой главной.

Особое значение среди задач социолингвистики занимает изучение языковой ситуации в зависимости от изменений в обществе. Существует множество стратификационных критериев, по которым можно делить любое общество. Но основными, на наш взгляд, признаками стратификационного расслоения являются:

- 1) Признаки, которыми люди обладают от рождения, – пол, этническая принадлежность.
- 2) Признаки, связанные с исполнением определенной роли. Этот критерий является основой социально-профессиональной стратификации.
- 3) Характер и размеры собственности⁸.

Следует сказать, что социально-профессиональный критерий в данном исследовании не нашел своего развития, так как не рассматривался речевой этикет рабочего класса. Но был рассмотрен речевой этикет в армии и на флоте. Еще была выделена стратификация по возрастному признаку, описаны формулы речевого этикета, характерные для нее.

Не остались без внимания и так называемые «социолингвистические переменные», языковые корреляты стратификационной и ситуативной

⁷ Н.И. Формановская, *Речевой этикет и культура общения*, Москва 1989, с. 29.

⁸ Р.Н. Тукаева, *Социальная стратификация как фактор оптимизации языкового поведения в полиэтническом обществе: на материалах республики Татарстан*, Дис. канд. соц. наук, Казань 2003.

вариативности языка. Речь идет о личных местоимениях «ТЫ» и «ВЫ», которые, будучи различными языковыми единицами, являются в то же время вариантами одной и той же социолингвистической переменной, социального маркера стратификационной и ситуативной вариативности⁹.

Были рассмотрены значимые формулы речевого этикета, существовавшие в русском языке в XIX веке. Показан речевой этикет в социальном и гендерном аспектах, а также с учетом возрастного статуса коммуникантов. Хочется отметить, что в некоторых случаях социальные, гендерные, возрастные отношения так переплетены, что выделение ведущего фактора вызывало определенную трудность.

2. Социальные слои в России XIX века. Этикет в сословном обществе

В классовом обществе язык, как и всякое общественное явление, связан с процессами классовой дифференциации. Изменения, происходящие в социальной жизни общества (создание новой государственности, изменение круга носителей языка, развитие просвещения и др.), находят отклик и в языке.

В межсословных контактах, подчеркивая различные ранги значимости свободных людей, этикет поддерживает расслоение общества и тем самым приобретает политическое содержание. Для власти *этикет* – та обязательная форма, при помощи которой контролируется, как общество принимает установленные привилегии, ранги, титулы, звания¹⁰.

Уже во времена царствования императрицы Анны доминирующим стало французское влияние. Признаком хорошего воспитания считалось безупречное владение французским языком, поэтому для воспитания своих детей приглашали французских гувернеров. Все истинно русское, наци-

⁹ А.Д. Швейцер, *К проблеме социальной дифференциации языка*, „Вопросы языкознания” 1982, № 5, с. 43.

¹⁰ К. Стошкус, *Этикет в развитии общества*, [в:] А.А. Гусейнов (ред.), *Этическая мысль: научно-публицистические чтения*, Москва 1988, с. 240–255.

ональное стало восприниматься как крепостное, рабское. Такое влияние было достаточно сильным вплоть до Отечественной войны 1812 года, когда сильны стали патриотические настроения. После отмены крепостного права в 1861 году многие сословные различия отошли на второй план. В это время этикет становится достоянием широкого круга людей. Крестьяне в своей повседневной жизни тоже руководствовались особыми правилами, которые имели в своей основе сильные патриархальные традиции.

Поведение людей определяется, прежде всего, социальными нормами общества, в котором осуществляется коммуникация; этикет вообще, в том числе и речевой, складывается веками. Изменение общественных, социально-экономических и культурных отношений – все это находит отражение в этикете.

Социальные слои в России XIX века – это дворянство, купечество, разночинство, крестьянство:

- *дворянство* – высшее привилегированное сословие (существовавшее в России до революции и состоявшее из помещиков, их потомства и выслужившихся чиновников)¹¹;
- *купец* – лицо, владеющее торговым предприятием, ведущее торговлю || Лицо, принадлежащее к купеческому сословию¹²;
- *крестьянин* – лицо, принадлежащее к низшему податному сословию землевладельцев (дореволюц.)¹³;
- *разночинец* – в XIX веке в России – интеллигент из либеральной и демократической буржуазии, не принадлежавший к дворянству, выходец из духовенства, чиновничества или крестьянства¹⁴.

Наибольшего развития в XIX веке достиг придворный этикет. Он выработал культуру поведения, ставшего образцом для всех господствующих слоев общества. Этикет настолько регламентировал действия придворных, приобрел такой сложный характер, что возникли знатоки этикета –

¹¹ *Толковый словарь русского языка*, Д.Н. Ушаков (ред.), т. 1, Москва 1935–1940, с. 661.

¹² Там же, с. 1549.

¹³ Там же, с. 1512.

¹⁴ *Толковый словарь русского языка*, Д.Н. Ушаков (ред.), т. 3, Москва 1935–1940, с. 1182.

церемониалмейстеры, появились пособия по этикету и церемониям, а обучение этикету стало основной частью воспитания знатного человека, аристократа. Воспитанность, культурность и аристократизм отождествлялись с хорошими манерами, учтивостью, умением вести себя в обществе. Иначе говоря, усвоение этикета стало еще одним отличительным признаком аристократа, светского человека, как бы олицетворяя его высокое происхождение, благородство, просвещенность и противопоставляя его грубому, вульгарному, темному простому человеку.

В настоящем исследовании будет рассмотрен речевой этикет в среде дворянства, принадлежащего к высшему свету, а также поместного дворянства. Нельзя оставить без внимания и этикет обедневших дворян, так как воспитание они получили дворянское, а безденежье, в котором они пребывают, накладывает свой отпечаток на личность, ее окружение, на ее речь. Предметом внимания является также речевой этикет купечества, крестьянства, речевой этикет офицеров и солдат в армии, офицеров и матросов на флоте. Представлены формулы речевого этикета, выявленные в речи хозяев и слуг, начальников и подчиненных, а также в речи равных по социальному статусу коммуникантов.

В данном разделе, в первую очередь, будет рассмотрен речевой этикет в дворянской, купеческой среде и среди разночинцев, а затем речевой этикет на флоте и в армии.

2.1. Речевой этикет в дворянской, купеческой среде и среди разночинцев

Классовая стратификация общества ярко выражена, прежде всего, в ситуации «Обращение и привлечение внимания». В социальном аспекте следует обратить внимание на местоимения «ты» и «вы». Социально «ты» и «вы» в XIX веке были распределены следующим образом: крестьяне, «простой народ», в своей среде употреблял только «ты», а к человеку городскому, «из господ», обращались на «вы». Господа же отвечали им «тыканьем».

Но многие культурные люди и к низшим по социальному положению относились почтительно и с уважением. Примером может служить

диалог, происходивший между матерью гардемарина и вестовым из книги К.М. Станюковича:

- Уж *вы*, пожалуйста, хорошенько ходите за сыном... Вещи его берегите, а то он у меня растеряха.
- Все будет сохранно у барина... (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

По мнению матери, человек, от которого, по большому счету, зависит здоровье и жизнь ее сына, заслуживает уважительного обращения.

Рассмотрим ситуацию «Просьба, совет, предложение», в которой мы видим беззвучную просьбу графа Безухова, обращенную к слуге:

- Он сделал усилие, чтобы взглянуть на слугу, который безотказно стоял у изголовия постели.
- На другой бочок перевернуться *хотят*, – прошептал слуга и поднялся, чтобы перевернуть лицом к стене тяжелое тело графа (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Слуга объясняет просьбу хозяина, используя глагол *хотеть* в форме 3 лица множественного числа (*они хотят*). Такое обращение почтительно или подобострастно о третьем лице, высшем по положению¹⁵.

Аналогичное обращение горничной к барину представлено в устаревшей форме местоимения 3 лица – *оне*:

- Михайло Михайлыч! – раздался за ним голос горничной, – пожалуйста к барыне. *Оне* вас велели позвать (И.С. Тургенев «Рудин»).

Именование барыни в форме множественного числа *оне* является очень вежливой формой, употребляемой слугами.

В современном русском этикете, когда разговор ведут несколько человек, при упоминании о присутствующем говорится таким образом, чтобы не сказать «он», а называется имя или имя и отчество человека.

Встречаются и другие типы обращения. В русской деревне XIX века широко распространено взаимное обращение на «ты». Как замечает известная исследовательница А. Вежицкая, обращение на «ты», в определенных ситуациях, может восприниматься как предосудительное, «тыкать»

¹⁵ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 304.

предполагает, что говорящий отрицательно оценивает соответствующее действие, считает его оскорбительным)¹⁶.

С современных позиций это «тыканье» рассматривается как выражение протеста, нарушение этикета, но для крестьян XIX века это было естественное обращение. Такое обращение отражено в ситуации «Просьба» в диалоге помещика и крестьянской девушки:

Константин Диомидич осторожно, как кот, подошел к девушке и заговорил с ней. Та сперва молчала, краснела и посмеивалась, наконец закрыла губы рукавом, отворотилась и промолвила:

– *Ступай*, барин, право...

Константин Диомидич погрозил ей пальцем и велел принести себе васильков.

– На что тебе васильков? Венки, что ли плеть? – возразила девушка, – да ну, *ступай же*, право... (И.С. Тургенев «Рудин»).

Переход с «ты» на «вы» возможен при сильном волнении и раздражении. Может сигнализировать о деградации отношений, обусловленной желанием дистанцироваться от собеседника, что ярко представлено в диалоге графини и горничной из романа Л.Н. Толстого:

– Что *вы*, милая, – сказала она сердито девушке, которая заставила себя ждать несколько минут. Не хотите служить, что ли? Так я вам найду место.

Графиня была расстроена горем и унижительной бедностью своей подруги и поэтому была не в духе, что выражалось у нее всегда наименованием горничной «милая» и «вы» (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Графиня обращается к низшей по социальному положению, к горничной, на «вы». Повествователь поясняет причины такого неестественного обращения: у графини такая форма является признаком плохого расположения духа. В этом случае мы имеем дело с этикетной энантиосемией: здесь и прилагательное *милая* с пейоративной семантикой, и вежливая форма местоимения выражают отрицательное отношение адресанта к собеседнику.

¹⁶ А. Вежбицкая, *Понимание культур через посредство ключевых слов*, Москва 2001, с. 8.

Еще один характерный пример того, как адмирал в разговоре с племянником переходит с «ты»-обращения на «вы» по причине сильного недовольствия:

– Что еще говорить больше? Уж *ты* довольно разодолжил. Срам! Покорно благодарю!... А я-то, старый дурак, думал, что у моего племянника в голове кое-что есть, что он, как следует, молодчина, на своего отца будет похож, а он... скажите пожалуйста! «Совсем даже не рад!». Чему ж *вы* были бы рады-с? Что вы молчите-с?... Извольте объяснить-с, почему *вы* не рады-с? – горячился и кричал старик, переходя на «вы» и уснащая свою речь частицами «с», что было признаком его недовольствия (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

В приведенном примере повествователь тоже комментирует особенности речи, объясняя их недовольством говорящего. Свою речь адмирал переводит в более официальный режим, в котором он разговаривает с посторонними, посредством замены формы местоимения и употребления *словоерсов*. Согласно словарю, *словоерс* (*словоер*, *словоерик*) – название звука *с*, прибавлявшегося в старину к концу слова, в знак почтения к собеседнику¹⁷.

Кроме обращений на «ты» и «вы» рассмотрим иные речевые формулы, показывающие социальную дифференциацию общества.

Отношения хозяин – слуга характерны для начала XIX века, когда при Александре I положение крепостных крестьян воспринималось как данное и неизблемое. Из разговора Николая и Илагина, персонажей романа Л.Н. Толстого, мы знаем цену крепостным крестьянам – за собаку отдают три семьи крестьян:

– Да, это добрая собака, – равнодушным голосом сказал Ипполит про свою красно-пегую Ерзу, за которую он год тому назад отдал соседу три семьи дворовых... (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Слова, которые употреблялись в дворянской среде, часто были непонятны для слуг. Такие слова, как точно заметил В.А. Карасик, являются индексами принадлежности говорящего к кругу образованных людей¹⁸. Слуги

¹⁷ *Толковый словарь русского языка*, Д.Н. Ушаков (ред.), т. 3, Москва 1935–1940, с. 272.

¹⁸ В.И. Карасик, *Язык социального статуса*, Москва 2002, с. 62.

старались по мере сил освоить необычную лексику. Рассмотрим ситуацию, иллюстрирующую подобную осведомленность слуги:

– Кафтаны шитые, парики, трости, духи, *ладеколон* первого сорта, *табатерки*, картины этикие большущие, из самого Парижа выписывал. Задаст банкет, – господи, владыко живота моего! *фейвирки* пойдут, катанья! (И.С. Тургенев «Малиновая вода»).

Крестьянин употребляет слова из лексикона господ, переиначивая их на свой манер с дистантной ассимиляцией: *табатерки* (табакерки), протезой – *ладеколон* (одеколон). Как известно, в дореволюционной России индексом принадлежности к высшему обществу был французский язык, который включал множество характерных слов, называющих подобные барские понятия и предметы, и слуга, употребляя эти слова, так или иначе, индексирует свою, конечно, не принадлежность, но близость к этому обществу.

Рассматривая речевой этикет в классовом обществе, мы сталкиваемся как с симметричным, так и с несимметричным общением, где социальный параметр является определяющим. Классификация ситуаций общения следующим образом, позволит более подробно осветить данный вопрос:

- 1) общение между представителями разных социальных классов:
 - а) «высшего социального класса и низшего»,
 - б) «низшего социального класса и высшего»,
- 2) общение между представителями одного социального класса:
 - а) «высшего социального класса»,
 - б) «низшего социального класса».

Общение между представителями «высшего социального класса и низшего»

Данную позицию общения начнем рассматривать с речевой ситуации «Обращение и привлечение внимания». Вместо общепринятых вокативов очень часто хозяева употребляют слова с оценочным или качественно-характеризующим значением: *дурак*, *скотина*, *болван*, *дура*, *хрыч*, *чурбан*, *каналья*.

Перед нами диалог Пьера Безухова, героя романа Л.Н. Толстого, и его кучера, иллюстрирующий такие обращения:

– *Дурак! Скотина!* – закричал Пьер, что редко с ним случалось, ругая своего кучера. – Домой я велел; и скорее ступай, *болван*. Еще нынче надо выехать, – про себя проговорил Пьер (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Подобные эмоциональные обращения выполняют две функции: собственно обращения и оценки. В приведенном примере мы видим, что функция выражения оценки является доминирующей, чему свидетельство – три оценочных наименования (*дурак, скотина, болван*), подчеркивающие разные признаки собеседника, связанные в основном с неудовлетворительным уровнем мышления.

Часто встречается простое и грубое обращение к слугам – *эй*. Перед нами диалог слуги и дворянина Карагина из романа Л.Н. Толстого:

– А шуба где? – сказал Долохов. – *Эй, Игнашка!* Поди к Матрене Матвеевне, спроси шубу, салоп соболей... – *Дурак*, я тебе сказал соболей. *Эй, Матрешка*, соболей! – крикнул он так, что далеко по комнатам раздался его голос (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Таким возгласом *эй* в XIX веке часто призывали прислугу. Такое обращение с использованием междометия демонстрирует полное неуважение к слугам. Кроме того, это отношение подчеркивается и бранным словом *дурак*, употребленным по отношению к слуге по результатам выполненного им поручения. В форме онима *Игнашка* (и затем *Матрешка*) суффикс *-к-*, который в лингвистической научной литературе определяется как пейоративный, обеспечивает выражение отношения (здесь – неуважение). Этот суффикс сохранил до сегодняшних дней исконные черты и обозначает высокомерное отношение к адресату, принижение его статуса.

Нужно заметить, что в реплике Долохова есть еще одно именование персонажа, однако в форме описания, а не обращения: формулируя инструкцию Игнатию, Долохов называет прислугу по имени-отчеству – *Матрена Матвеевна*, что является одновременно и указанием, как следует обращаться к ней Игнатию. То есть полным именем регулируются отношения между субъектами прислуги. Однако последующее обращение *Эй, Матрешка* показывает нерелевантность различий субъектов – прислуга относительно барина.

Рассмотрим характерное обращение хозяев к своим слугам с использованием *онима*. В реплике доктора Рагина, героя рассказа А.П. Чехова, обращение предшествует просьбе:

– *Дарьюшка*, как бы мне пообедать... (А.П. Чехов «Палата № 6»).

Обращение к служанке выражено уменьшительно-ласкательной формой имени *Дарья*. Оно в большей степени характеризует доктора, который не умеет «приказывать, запрещать и настаивать».

В XIX веке распространено доброе, фамильярное обращение к пожилому человеку¹⁹. Следующий диалог из романа И.С. Тургенева отражает теплые отношения разночинца Базарова к своему слуге:

– А, *старина*, здравствуй! – воскликнул Базаров.

– Здравствуйте, батюшка Евгений Васильевич, – начал старичок и радостно улыбнулся, отчего все лицо его вдруг покрылось морщинами (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Надо отметить, что слово *старина* используется и в современной речи как дружеское обращение к приятелю и обозначает не только преклонный возраст собеседника, а и долготу отношений²⁰. Хотя Тимофеич уже старик, здесь Базаров таким обращением выражает именно доброе отношение как к давнему знакомому, близкому человеку: приказчик был в свое время дядькой молодого барина.

Приветливое обращение господ к крестьянам тоже описано в литературе XIX века. Героиня повести А.С. Пушкина, дворянка Лиза, переодевшись крестьянкой, отправляется на встречу с Алексеем Берестовым. Нужно сказать, что сам Берестов об этом не догадывается, а обращается к девушке как к крестьянке:

– Небось, *милая*, – сказал он Лизе, – собака моя не кусается.

Лиза успела уже оправиться от испугу и умела тотчас воспользоваться обстоятельствами.

– Да нет, барин, – сказала она, притворяясь полуиспуганной, полузастенчивой, – боюсь: она вишь, такая злая; опять кинется (А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

¹⁹ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 450.

²⁰ Там же.

Такое обращение к крестьянке соответствует словарному толкованию: просторечное, ласковое обращение к незнакомому, младшему по возрасту или положению²¹. Обращение является ласковым, что может определяться как характером говорящего, так и обстоятельствами: причиной испуга собеседницы является сам барин.

В следующем диалоге – пример дружеского обращения с оттенком фамильярности помещика к буфетчику:

- Что, *брат*, тебя сегодня наказали? – спросил я его.
- А вы почему знаете? – отвечал Вася (И.С. Тургенев «Два помещика»).

Такое обращение к слуге вполне соответствует словарному толкованию: дружеское или фамильярное обращение к младшему по возрасту, положению²².

Следующий диалог демонстрирует еще одно обращение к слуге. Перед нами лакей и Максим Максимыч, герои романа М.Ю. Лермонтова. Лакей не является прямым слугой офицера:

- Послушай, *братец*, – спросил у него штабс-капитан, – чья эта чудесная коляска? а?... Прекрасная коляска!... – Лакей, не оборачиваясь, бормотал что-то про себя, развязывая чемодан. Максим Максимыч рассердился; он тронул неучтивца по плечу и сказал: – Я тебе говорю, *любезный*...
- Чья коляска? Моего господина... (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

Обращение *любезный* (как и *милая*) является специфическим обращением высших к низшим определенного рода – тем людям, в обязанности которых входит быть учтивым, обходительным, предупредительным. Обычно это прислуга. Функция такого обращения определяется его семантикой: обращаясь к лакею *любезный*, отправитель напоминает ему о том, какие качества следует ему, как лакею, проявлять: в первую очередь быть любезным, то есть учтивым и предупредительным. Первое вежливое фамильярное обращение *братец* оказалось неэффективным. Лакей повел себя хамски: не оборачивался, бормотал и не отвечал на вопрос, что вызвало недовольство офицера, и только повторное, более строгое обращение, сопровождаемое

²¹ Там же, с. 248.

²² А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 63.

тактильным контактом, привело к общению. Следует сказать, что обращения хозяев к слугам являются разнородными, и, в большей степени, зависят от либеральности представителей правящего класса.

Ситуация «Просьба, совет, предложение» также ярко отражает социальные отношения хозяин – слуга. Обычно к слугам обращаются не с просьбами, а с приказами, которые нужно выполнять, не обсуждая. В диалоге из рассказа А.П. Чехова мы видим типичный приказ, обращенный к слуге – няньке. Отдает приказ четырехлетний ребенок, что является свидетельством понимания неравноправия в обществе с младых лет:

– Чаю! *Нянька*, ча-аю! (А.П. Чехов «Событие»).

В ситуации «Согласие и несогласие» в романе Н.А. Гончарова слуга показывает, что он в курсе всех дел барина, и это вызывает бурю негодования у хозяина. Несогласие с мнением слуги представлено нарушением этикета со стороны хозяина. Обломов ругается:

На другой день Захар, убирая комнату, нашел на письменном столе маленькую перчатку, долго разглядывал ее, усмехнулся, потом подал Обломову.

– *Должно быть, Ильинская барышня забыла*, – сказал он.

– *Дьявол!* – грянул Илья Ильич, вырывая у него перчатку из рук. – Врешь! Какая Ильинская барышня! Это портниха приезжала из магазина рубашки примерять. Как ты смеешь выдумывать! (Н.А. Гончаров «Обломов»).

Рассматривая эту ситуацию можно сказать, что ярче всего в ней проявляется воспитание человека: здесь не имеет значения, относится ли коммуникант к классу господ или слуг.

Аналогичным образом поступает и главный герой романа Н.А. Гончарова, кричащий на своего слугу:

Захар по обыкновению взял гребенку, щетку, полотенце и подошел было причесывать Илью Ильича.

– *Поди ты к черту!* – сердито сказал Обломов и вышиб из рук щетку, а Захар сам уже уронил и гребенку на пол (Н.А. Гончаров «Обломов»).

В следующей ситуации описаны типичные отношения между барышней и служанкой, никакой дружбы, теплоты, заботы. Перед нами Ольга, героиня романа Н.А. Гончарова, и ее горничная:

– Не знаю, барышня; нынче не видала ни кучера, ни дворника, а Никита не знает.

– *Ты никогда не знаешь, что мне нужно!* – с неудовольствием сказала Ольга, лежа в постели и рассматривая цепочку на шее.

– Я сейчас узнаю, барышня...

– Наведены, наведены сегодня в ночь!... *Ольга проворно отворила ящик, вынула что-то оттуда и опустила в руку Кате, а Катя поцеловала у ней руку* (Н.А. Гончаров «Обломов»).

Все мелкие услуги со стороны служанки оплачиваются, поэтому и Ольга может выражать неудовольствие своей служанкой, ведь она платит деньги.

Но в литературе обнаружены и просьбы (а не приказы), обращенные к слугам, что свидетельствует об изменении отношений между ними, некоторые господа воспринимают слуг как равных. Пример этому – диалог героев пьесы А.Н. Островского:

Чугунов: Так приказано. *Дай-ка табачку-то!*

Павлин: (подавая табакерку). Извольте, сударь (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Просьба *Дай-ка табачку-то* указывает на обращения «ТЫ» – «ВЫ» и отсутствие интенсификаторов вежливости.

Следующая просьба обращена к слуге из романа Н.В. Гоголя. Здесь частица *-ка* подчеркивает вышестоящий статус говорящего:

– Селифан! – сказал он наконец, высунувшись из брочки.

– Что, барин? – отвечал Селифан.

– Погляди-ка, не видно ли деревни?

– Нет, барин, нигде не видно! (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Частица *-ка* употребляется для придания оттенка увещевания, для смягчения приказа²³.

Бывают ситуации, когда хозяин зависим от слуги, и только добрая воля слуги может разрешить эту ситуацию. Перед нами Гринев, герой повести А.С. Пушкина, обращается с просьбой к своему слуге с надеждой, чтобы тот согласился. Гринев просит Савельича сопроводить его невесту:

²³ *Толковый словарь русского языка*, Д.Н. Ушаков (ред.), Москва 1935–1940, т. 1, с. 1272.

– *Друг ты мой*, Архип Савельич! – сказал я ему. – *Не откажи, будь мне благодарителем*; в прислуге здесь я нуждаться не стану, а не буду спокоен, если Марья Ивановна поедет в дорогу без тебя. Служа ей, служишь ты и мне, потому, что я твердо решился, как скоро обстоятельства дозволят, жениться на ней... Я надеюсь и на тебя. Батюшка и матушка тебе верят: ты будешь за нас *ходатаем*, не так ли?... Старик был тронут (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

Гринев его называет *друг ты мой*, что является приветливым обращением к близкому знакомому, приятелю или родственнику²⁴, и по имени-отчеству *Архип Савельич*, просит его быть *ходатаем* перед родителями – и это смягчает сердце старика.

Именно в ситуации «Согласие и отказ» можно наблюдать, как слуги отказывают своим господам в просьбах.

Рассмотрим отрывок из романа Н.А. Гончарова, где Захар отказывает своему хозяину, так как, по его мнению, это нормально, ведь он сохраняет хозяйское добро:

– Да, вот этого еще недоставало: старика в смирительный дом! – сказал Обломов. – *Дай*, Захар, фрак, не упрямясь!
– Не дам! – холодно отвечал Захар. – *Пусть прежде они принесут назад жилет да нашу рубашку: пятый месяц гостит там...* (Н.А. Гончаров «Обломов»).

В следующей ситуации также представлен отказ слуги на просьбу хозяина:

– *Воля твоя, сударь, а денег я не выдам.*

Я подумал, что если в сию решительную минуту не переспорю упрямого старика, то уж впоследствии времени трудно мне будет освободиться от его опеки, и, взглянув на него гордо, сказал:

– Я твой *господин*, а ты мой слуга. Деньги мои. Я их проиграл, потому что так мне вздумалось. А тебе советую не умничать и делать то, что тебе *приказываю* (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

Савельич спорит с хозяином, отказывается выполнять приказ. Согласно словарному толкованию, *воля ваша* – форма вежливого возражения²⁵. Савельич любит своего хозяина как сына, поэтому и обращается к нему на

²⁴ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 149.

²⁵ Там же, с. 84.

«ты». Слуга печется о его деньгах. Гринев же, не зная, как заставить Савельича выполнить его просьбу, напоминает ему, что тот слуга: *Я твой господин.*

В этих двух ситуациях слуги, руководствуясь своими соображениями, что они берегут хозяйское добро, спорят со своими хозяевами, отказывают им в просьбе, что отражено в речевом этикете.

Следующий диалог раскрывает ситуацию приветствия купца Чугунова из пьесы А.Н. Островского:

Чугунов: *Здравствуй, Павлинушка!*

Павлин: *Здравствуйте, сударь. Немножко раненько пожаловали (А.Н. Островский «Волки и овцы»).*

Отношения слуга – помещик представлены приветствиями *здравствуй – здравствуйте*, отражающими социальное неравенство коммуникантов. Но ласковое обращение *Павлинушка* выходит за рамки таких интерпретаций и может указывать на теплые отношения к слуге.

Следующий диалог представляет приглашение городского, обращенное к простому пушкарю, в произведении Л. Андреева. Мы видим, как церковный праздник стирает социальное неравенство:

– *Пойдем ко мне разговляться.*

– Так я к тебе, пузатому черту, и пошел!

– Пойдем, говорю! (Л.Н. Андреев «Баргамот и Гараська»).

Ситуация «Приглашение» позволяет увидеть доброжелательное отношение к собеседнику и отражение его в формулах речевого этикета.

Фирс, герой пьесы А.П. Чехова «Вишневый сад», живет еще тем временем, когда его хозяева нуждались в нем, были маленькими детьми. Он позволяет себе упрекать хозяина: *Бога вы не боитесь! Когда же спать?* На что хозяин спокойно отвечает: *Ты уходи, Фирс. Я уж, так и быть, сам разденусь...*

Перед нами еще одна ситуация из повести А.С. Пушкина. Переодевшись крестьянкой, барыня тайно встречается с дворянином Алексеем Берестовым. Один раз Лиза выдала свое происхождение, выразив свое неодобрение поведением собеседника в форме, свойственной хозяевам:

Он было хотел обнять ее...

– Если вы хотите, чтобы мы были вперед приятелями, – сказала она с важностью, – *то не извольте забываться.*

– Кто научил тебя этой премудрости? – спросил Алексей, расхохотавшись. – Уж не Настенька ли, моя знакомая, не девушка ли барышни вашей? Вот какими путями распространяется просвещение!

Лиза почувствовала, что вышла из своей роли, и тотчас поправилась.

– А что думаешь? – сказала она, – разве я и на барском дворе никогда не бываю? Небось: всего наслышалась и нагладелась... (А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

Крестьянка так не ответила бы барину. *Не извольте забываться* – типичный ответ дворянки.

Следующий диалог из повести А.С. Пушкина показывает скрытый комплимент, который дворянин говорит крестьянской девушке, не зная, что она является той самой переодетой дворянкой, с которой он ее и сравнивает:

– Правда ли, говорят, будто бы я на барышню похожа?

– Какой вздор! *Она перед тобой урод уродом!*

– Ах, барин, грех тебе это говорить; барышня наша такая беленькая, такая щеголиха! Куда мне с нею равняться! (А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

Алексей не говорит прямо – ты красивая и тому подобное, а через сравнение с барышней *она перед тобой урод уродом*. Типичный для мужчин комплимент – имплицитный, то есть скрытый.

Также можем наблюдать вежливое извинение перед слугой, не характерное для таких отношений. Гринев, герой повести А.С. Пушкина, извиняется перед своим слугой, чувствуя свою вину. Он не только извиняется, но и дает обещание своему слуге:

– Ну, ну, Савельич! Полно, *помиримся, виноват*; вижу сам, что виноват. Я вчера напроказил, а тебя напрасно обидел. *Обещаюсь вперед вести себя умнее и слушаться тебя. Ну, не сердись, помиримся.*

– Эх, батюшка Петр Андреич! – отвечал он с глубоким вздохом. – Сержусь-то я на самого себя; сам я кругом виноват. Как мне было оставлять тебя одного в трактире! (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

В отношениях *хозяин–слуга*, в большинстве случаев, неуважительное отношение со стороны хозяев отражается в речевом этикете (это ругательства по отношению к слугам). Вежливое обращение к слугам зависит от положительных качеств личности хозяина.

Общение между представителями «низшего социального класса и высшего»

В данной позиции общения обратим внимание на обращения, так как именно в них отражается зависимое положение слуг и крестьян от своих господ. Так, перед нами диалог, в котором Штольц при встрече через много лет не узнает в нищем старике слугу своего друга Обломова – Захара:

– Эй, старик! Поди сюда!

Старик обернулся на зов, снял шапку и подошел к ним.

– *Милосердные господа!* – захрипел он. – Помогите бедному, увечному в тридцати сражениях, престарелому воину... (Н.А. Гончаров «Обломов»).

Штольц обращается к нищенствующему Захару, используя обычное в этой ситуации междометие *эй*. Захар же с учетом своего положения обращается к Штольцу и его спутнику, называя их *милосердными господами* (*милосердный* – этикетный эпитет, употребляемый в составе учтливового обращения к высшему по положению²⁶ предворяя самохарактеристику, полную неправды. Такое обращение, как и обращение *любезный*, является намеком на то, чего ждет отправитель – милосердия, в данном конкретном случае – милостыни.

В следующей ситуации показано обращение к дворянину героя рассказа И.С. Тургенева:

– Ну, так отчего же ты не откупаешься?

Хорь покрутил головой:

– Чем, *батюшка*, откупиться *прикажешь*?

– Ну, полно, старина... (И.С. Тургенев «Хорь и Калиныч»).

Крестьянин доброжелательно настроен по отношению к охотнику-дворянину. Вежливая форма обеспечивается обращением *батюшка*. Обращение на «ты» в данном случае не является показателем фамильярности, оно было характерно для русской деревни, в речи жителей которой форма множественного числа не была средством вежливого обращения.

²⁶ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 241.

В крестьянском речевом обхождении «ты» как единственная форма обращения к равному, старшему и младшему²⁷.

Следующий пример из повести А.С. Пушкина иллюстрирует нам иное обращение слуги к своему господину:

Савельич встретил нас на крыльце. Он ахнул, увидя несомненные признаки моего усердия к службе. «Что это, *сударь*, с *тобою* сделалось? – сказал он жалким голосом. – Что *ты* это нагурился? Ахти, господи! Отроду такого греха не бывало!» – «Молчи, *хрыч!* – ответил я ему запинаясь. – Ты, верно пьян, пошел спать... и уложи меня» (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

Обращение слуги к хозяину *сударь* и на «ты» вполне соответствует словарным толкованиям: *сударь* – обиходно-бытовое, вежливое обращение к мужчине, употребляется в речи лиц средних и низших сословий²⁸. Пьяный хозяин использует глагол в повелительном наклонении с обращением *хрыч*. Такое общение не характерно для героя, но свидетельствует о нежелании признать правоту слуги.

Рассмотрим обращение *сударыня*, которое произносит извозчик, обращаясь к Верочке, девушке из «благородных». Перед нами героиня романа Н.Г. Чернышевского:

- Поезжай в Караванную, извозчик.
- Четвертачок, *сударыня*.
- Хорошо, поезжай поскорее. Он к вам нынче вечером зайдет, маменька. А вы не сердитесь на меня, маменька (Н.Г. Чернышевский «Что делать?»).

Это распространенное вежливое обращение к женщине лиц низших сословий²⁹. Представителем этого сословия в нашем примере является извозчик, который сопровождает этим обращением предупреждение о цене поездки. Такое обозначение делается в случаях, если цена может вызвать возражения получателя услуги.

В диалоге графа Ростова и денщика из романа Л.Н. Толстого используется обращение *ваше сиятельство*:

²⁷ Там же, с. 474.

²⁸ Там же, с. 454.

²⁹ Там же, с. 456.

– Ну, что, все готово, Васильич? – сказал граф, потирая свою лысину и добродушно глядя на офицера и денщика и кивая им головой (Граф любил новые лица).

– Хоть сейчас запрягать, *ваше сиятельство* (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Данное вежливое обращение полностью соответствует словарному толкованию: официально-почтительное обращение к князьям и графам³⁰. Оно стоит в постпозиции и образует своего рода параллелизм с репликой графа.

Рассмотрим еще одно обращение к представителю господствующего класса на примере диалога старухи и Чичикова:

– *Барин!* Ничего не хотите закусить? – сказала в это время, подходя к нему, старуха.

– Ничего. Эх, брат, как покутили! Впрочем, давай рюмку водки, какая у тебя есть? (Н.В. Гоголь «Мертвые души»).

Этот пример наглядно демонстрирует зафиксированную в словаре семантику: обращение лиц из простонародья к дворянину, помещику, господину или богато одетому, важному на вид мужчине³¹.

Следующий диалог из рассказа А.П. Чехова иллюстрирует обращение крестьянина к доктору. Доктор обычно является уважаемым человеком у крестьян, и это отражается в форме обращения:

– Ну, что? Что ты это вздумал? – говорит доктор, нагибаясь к нему. – Эге! Давно ли это у тебя?

– Чего-с? Помирать, *ваше благородие*, пришло время... Не быть мне в живых... (А.П. Чехов «Спать хочется»).

Обращение употреблено в полном соответствии с требуемым от крестьян этикетом: *ваше благородие* – это почтительная форма обращения к барину, независимо от чина, или, как определяет словарь, почтительное обращение к человеку благородного происхождения³².

Выразить особое отношение к барину или польстить слуги могли употреблением обращения «на ступень выше», как это сделал Никита по отношению к доктору Рагину:

³⁰ Там же, с. 422.

³¹ Там же, с. 35.

³² Там же, с. 53.

- Здравствуй, Никита, – сказал мягко Андрей Ефимыч. – Как бы этому еврею выдать сапоги, что ли, а то простудится.
- Слушаю, *ваше высокоблагородие*. Я доложу смотрителю (А.П. Чехов «Палата № 6»).

Употребление обращения *ваше высокоблагородие* вместо *ваше благородие* своего рода «поощрительное» обращение за отношение доктора, беспокоящегося о здоровье «незначительного» больного.

Пример эмоционального обращения разночинца к дворянину в реплике Шустовой, тетки и сестры «политических», которым помог дворянин Нехлодов:

- *Ах, князь! Благодетель вы наш! Спаситель вы наш!* – обтирая руки о фартук, вскрикнула женщина. – Да зачем вы с черной лестницы? *Благодетель вы наш!*... (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Обращение состоит из нескольких элементов, которые образуют своего рода градацию: первое *Ах, князь!* соответствует княжескому титулу, который носит Нехлодов, второе *Благодетель вы наш!* подчеркивает поступок князя, он помог людям, его считают благодетелем. (*Благодетель*, почтит. (нередко с оттенком самоуничижения) обращение к мужчине, высшему по положению, который оказал или оказывает помощь)³³. Третье обращение конкретизирует поступок: *спасти* – избавить от опасности. Повторы обращений в последующих репликах подчеркивают не только почтительное, но и благодарное отношение к высокопоставленному собеседнику.

Таким образом, в рассмотренных ситуациях не обнаружены нарушения этикета со стороны крестьян и слуг. Обращения к господам *барин, сударь, сударыня* и другие соответствуют обращениям лиц из простонародья. Иногда эти формулы эмоционально окрашенные: *Благодетель вы наш! Спаситель вы наш!*

Рассмотрим другие ситуации «Согласие и несогласие в ответ на просьбу, совет, предложение», «Приветствие», «Жалоба», «Прощание» при общении *слуга–хозяин*. Эти ситуации также демонстрируют социальное неравенство, отраженное в речевом этикете. Такие слова, как *приказать*;

³³ Там же, с. 51.

слушаюсь; изволите, очень часто встречаются в речи слуг в ответ на приказ, в ситуации «Согласие в ответ на просьбу». Иногда в речи слуг используется словоерс, который, как элемент вежливости, был широко распространен в XIX веке.

В приведенном ниже примере показан диалог Герасима и Пьера (слуги и господина из романа Л.Н. Толстого):

- Извозчика отпустить *прикажете*?
- Ах, да, – очнувшись, сказал Пьер, поспешно вставая. – Послушай, – сказал он, взяв Герасима за пуговицу сюртука и сверху вниз блестящими, влажными настороженными глазами глядя на старичка. – Послушай, ты знаешь, что завтра будет сражение?...
- Сказывали, – отвечал Герасим.
- Я прошу тебя никому не говорить, кто я. И сделай, что я скажу...
- *Слушаю-с*, – подумав, сказал Герасим (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

В первой реплике Герасима обращения нет, оно имплицировано формой глагола *прикажете*. Последняя реплика, произнесенная после размышления над просьбой хозяина, является вежливым ответом слуги господину (словарное толкование: вежливый покорный ответ того, кому отдает приказание высший по положению³⁴), в котором словоерс придает ответу основательности.

Более простую форму (без словоерса) вежливого ответа слуги Захара своему хозяину демонстрирует диалог из романа Н.А. Гончарова:

- Захар! – сказал он. – Когда придет человек, отдай ему это письмо к барышне.
- *Слушаю*, – сказал Захар (Н.А. Гончаров «Обломов»).

В другом диалоге из этого романа тот же слуга Захар вежливо отвечает своему хозяину на его паническое обращение:

- Захар, Захар!
- *Чего изволите*?
- Куда это у нас все деньги вышли? Ведь денег-то нет у нас!
- Захар начал шарить в карманах, вынул полтинник, гривенник и положил на стол (Н.А. Гончаров «Обломов»).

³⁴ Там же, с. 431.

Такой ответ соответствует словарному толкованию: почтительное обращение к высшему по положению³⁵. Но в широком контексте обсуждения отсутствия денег можно определить, что слуга отвечает с известной долей насмешки.

Следующая ситуация иллюстрирует нарушение этикета со стороны служанки, выраженное невербальными средствами. Перед нами горничная Дуняша и графиня Ростова:

[...] два гайдука стояли с обеих сторон отворенной дверцы и ступенек кареты, готовясь посадить графиню, в то время, как бегали девушки с подушками, узелками из дому в кареты, и коляску, и бричку, и обратно.

– Век свой все пере забудут! – говорила графиня. – Ведь ты знаешь, что я не могу так сидеть. – И Дуняша, *стиснув зубы и не отвечая*, с выражением упрека на лице, бросилась в карету переделывать сиденье (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Горничная ничего не отвечает хозяйке, а молчит. Молчание многозначно, оно может обозначать и согласие с репликой, и нерешительность собеседника, и нежелание говорить. В нашем примере это, скорее всего, нежелание говорить. Таким образом, перед нами сдерживаемое недовольство, представленное как нарушение речевого этикета.

В некоторых ситуациях между хозяином и слугой устанавливаются дружеские отношения, что находит свое отражение в речевом этикете. Следующий диалог из повести А.С. Пушкина демонстрирует просьбу, обращенную к хозяйке. Мы видим, как просьба служанки удовлетворяется и сопровождается ответной просьбой хозяйки:

– *Позвольте мне сегодня пойти в гости*, – сказала однажды Настя, одевая барышню.

– *Изволь, а куда?* – *Постарайся, Настя, увидеть Алексея Берестова да Расскажи мне хорошенько, каков он собою и что он за человек* (А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

Хозяйка доверяет служанке свои помыслы, надежды, что и отражается в просьбах.

³⁵ Там же, с. 191.

Еще одна ситуация, в которой мы встречаем согласие с собеседником в его просьбе. Перед нами героиня повести А.С. Пушкина – дворянка Лиза, переодетая в крестьянку, дает обещание молодому дворянину, по ее мнению, характерное для речи крестьян:

- *И ты не обманешь меня?*
- Не обману.
- Побожись.
- *Ну вот те святая пятница, приду* (А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

Девушка дает обещание, клянется святой пятницей, видимо святой Параскевой – Пятницей. На Руси святую Пятницу (греч. Параскева) почитали как хранительницу семейного благополучия и счастья, целительницу. Перед нами яркий пример религиозности русского народа.

В следующем диалоге героиня не так осторожно разговаривает с господином. Алексей, желая уравнять свое положение и положение «крестьянской» девушки, представляется камердинером барина:

- *А лжешь*, – сказала она, – не на дуру напал. Вижу, что ты сам барин.
- Почему же ты так думаешь?
- Да по всему.
- Однако ж?
- Да как же барина со слугой не распознать? И одет-то не так, и баишь иначе, и собаку-то кличешь не по-нашему (А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

И в этой ситуации Лиза приводит те отличительные черты, по которым можно определить принадлежность к той или иной социальной среде: и одежда не такая, и разговор, даже собаку не так зовешь, а по-французски.

В следующем диалоге служанка не соглашается со своим хозяином, дворянином Нехлюдовым, героем романа Л.Н. Толстого:

- Скажите, пожалуйста, и Корнею, что жалованье я ему отдам вперед за два месяца, но что мне не нужно его.
- *Напрасно, Дмитрий Иванович, вы так делаете*, – выговорила она. – Ну, за границу поедете, все-таки понадобится помещение (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Она очень осторожно говорит Нехлюдову, что тот не прав.

Слуги обращаются к господам с различными просьбами, часто формулы речевого этикета в них отсутствуют, что говорит о малообразованности.

Рассмотрим ситуацию «Просьба, совет, предложение», которую мы наблюдаем в романе Н.А. Гончарова:

Захар заглянул в щель – что ж? Илья Ильич лежал себе на диване, опершись головой на ладонь; перед ним лежала книга. Захар отворил дверь.
 – Вы чего *лежите-то* опять? – спросил он.
 – Не мешай; видишь, читаю! – отрывисто сказал Обломов.
 – *Пора умываться да писать*, – говорил неотвязчивый Захар.
 – Да, в самом деле, пора, – очнулся Илья Ильич. – Сейчас: ты поди. Я подумаю.
 – И когда это он успел опять лечь-то! – ворчал Захар, прыгая на печку. – Проворен! (Н.А. Гончаров «Обломов»).

В своем вопросе Захар использует глагол с частицей *-то*, которая, соответствует словарному толкованию и придает фразе фамильярный характер³⁶. Перед нами неуважительное отношение к господину со стороны слуги.

Еще один слуга Фирс, герой пьесы А.П. Чехова, как и Захар, с удовольствием дает советы, хотя его об этом не просят. Перед нами очередной совет Фирса, который вызывает неудовольствие у хозяина:

Фирс: (Гаеву) *Извольте, государь, надеть, а то сыро.*

Гаев: (надевает пальто) *Надоел ты брат.*

Фирс: Ничего там... Утром уехали, не сказавшись (Оглядывает его) (А.П. Чехов «Вишневый сад»).

Слуги не всегда знают, как вежливо обратиться, попросить. В следующем диалоге из произведения М.Е. Салтыкова-Щедрина отсутствуют выражения речевого этикета, характерные для ситуации просьбы: *Я прошу... Пожалуйста... Будьте любезны...* Здесь мы встречаем только частицу *бы*:

– Я так, Порфирий Владимырьч, мекаю, что прежде, при помещиках, не в пример лучше было! – *льстит* Фока.

– Да, брат, было и ваше времечко! Попраздновали, пожили! Всего было у вас: и ржицы, и сенца, и картофельцу! Ну, да, что уж старое поминать я не злопамятен; я, брат, давно об жнеях позабыл, только так, к слову вспомнилось! Так как же ты говоришь, ржицы тебе понадобилось?

– *Да, ржицы бы...*

– Купить, что ли, собрался?

³⁶ *Толковый словарь русского языка*, Д.Н. Ушаков (ред.), Москва 1935–1940, т. 4, с. 719.

- Где купить! В одолжение, значит, до новой!
- Ахти-хти! Ржица-то, друг, нынче кусается! Не знаю уж, как и быть мне с тобой... (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»).

Природная смекалка толкает крестьянина на то, чтобы вовремя польстить хозяину: *Прежде, при помещиках, не в пример лучше было*. И далее мы наблюдаем выражение просьбы *ржицы бы* при отсутствии глагола, где частица *бы* выражает смягченную просьбу³⁷.

В современном толковании *дайте ржи* глагол стоит в повелительном наклонении, которое выражает побуждение к совершению какого-либо действия и может иметь значение приказания, просьбы, предостережения, наказа, совета, пожелания. Глагол совершенного вида обычно употребляется для выражения просьбы совершить какое-либо однократное действие. Употребление глагола несовершенного вида делает фразу невежливой, грубой: *давайте рожь*. Можно сказать, что природная мудрость, хитрость позволяют крестьянину мягко сказать о своей просьбе.

Такое же прощание *До свидания* мы встречаем и не в дворянской среде, например, прощание капитана Тушина из романа Л.Н. Толстого:

- *До свидания*, голубчик, – сказал Тушин, – милая душа! Прощайте, голубчик, – сказал Тушин со слезами, которые неизвестно почему вдруг выступили ему на глаза (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Следующий же диалог отражает наиболее часто встречающееся в дворянской среде прощание. Так прощается дворянин Нехлюдов, герой романа Л.Н. Толстого:

- *Прощайте*, мне еще многое нужно сказать вам, но, как видите, теперь нельзя, – сказал Нехлюдов и протянул руку. – Я приду еще.
- Кажется, все сказали... (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Ситуация «Приглашение» также позволяет увидеть речевой этикет разных социальных слоев. Перед нами диалог между гостями хозяйки и дворецким из романа И.С. Тургенева. Этот диалог показывает, как дворецкий отзывается о своей отсутствующей хозяйке, используя форму 3 лица множественного числа. Такое обращение очень часто встречается среди слуг:

³⁷ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 69.

- Анна Сергеевна *просят вас пожаловать* к ним через полчаса, – доложил дворецкий. – Не будет ли от вас покамест никаких приказаний?
- Никаких приказаний не будет, почтеннейший, – ответил Базаров, – разве рюмку водочки соблаговолите поднести.
- *Слушаю-с*, – промолвил дворецкий не без недоумения и удалился, скрипя сапогами (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Мы видим очень вежливое приглашение слуги.

Следующая ситуация «Согласие и несогласие...» представлена в диалоге Алексея и Лизы, героев повести А.С. Пушкина. Речь Лизы отражает характерные для крестьян обороты, формулы речевого этикета. Лиза подчеркивает, как ответила бы крестьянская девушка, прося, умоляя:

- Ну мой друг Акулина, непременно буду в гости к твоему батюшке, к Василью-кузнецу.
- Что ты? – возразила с живостью Лиза, – *ради Христа, не приходи*. Коли дома узнают, что я с бариним в роще болтала наедине, то мне беда будет; отец мой, Василий-кузнец, прибьет меня до смерти (А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

В просьбе присутствует просторечный интенсификатор мольбы *ради Христа*, свойственный для низших социальных слоев.

Следующая просьба, обращенная к хозяину, также содержит интенсификатор экспрессии *ради бога*, характерный для разговорного стиля речи, свойственный слугам. Слуга Савельич обращается к своему хозяину, дворянину Гриневу:

Я ехал крупной рысью. Савельич едва мог следовать за мною издали и кричал мне поминутно: «Потише, сударь, *ради бога* потише! Проклятая клячонка моя не успевает за твоим долгоногим бесом. Уда спешить? Добро бы на пир, а то под обух, того и гляди... Петр Андреич... батюшка Петр Андреич!... Не погуби!... Господи владыко, пропадет барское дитя!» (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

В следующей ситуации «Жалоба» представлено уважительное, подобо-бострастное отношение слуги к своему барину. Перед нами диалог кучера и дворянина Дубровского, героев повести А.С. Пушкина. Кучер жалуется на то, что они, крепостные, уже будут принадлежать другому хозяину:

- Ах, батюшка Владимир Андреевич, – отвечал старик задыхаясь. – Суд приехал. Отдают нас Троекурову, *отымают нас от твоей милости!*...

Владимир потупил голову, люди его окружили несчастного своего господина. «Отец ты наш, – кричали они, целуя ему руки, – не хотим другого барина, кроме тебя, прикажи, осударь, с судом мы управимся. Умрем, а не выдадим» (А.С. Пушкин «Дубровский»).

Обращения к барину *батюшка Владимир Андреевич, отец ты наш, твоя милость* демонстрируют уважение и почтение. Сама жалоба *Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!*... свидетельствует о хорошем отношении хозяина и желании слуг: они ничего не хотят менять. Что невозможно было при крепостном праве.

В следующем диалоге на свои тяжелые обязанности жалуется смотритель тюрьмы:

- Вы, видно, устали, – сказал Нехлюдов.
- Устал от всей службы, очень трудные обязанности. Хочешь облегчить участь, а выходит хуже; только и думаю, как уйти: *тяжелые, тяжелые обязанности*.
- Да, я думаю, что очень тяжелые, – сказал он. – Зачем же вы исполняете эту обязанность?
- Средств не имею, семья.
- Но если вам тяжело... (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Как мы видим, в ситуации «Жалоба» совсем не обязательно, чтобы собеседник относился к тому же классу, главное, чтобы человек мог выслушать жалобу, что-либо посоветовать.

Постепенно на смену простым, невоспитанным, преданным своим хозяевам, приходят такие слуги, как Яша, которые во всем ищут выгоду. Перед нами диалог из пьесы А.П. Чехова:

Яша: Любовь Андреевна! Позвольте обратиться к вам с просьбой, *будьте так добры!* Если опять поедете в Париж, то возьмите меня с собой, *сделайте милость*. Здесь мне оставаться положительно невозможно. Что ж там говорить, вы сами видите, страна необразованная, народ безнравственный, притом скука, на кухне кормят безобразно, а тут еще Фирс этот ходит, бормочет разные неподходящие слова. *Возьмите меня с собой, будьте так добры!* (А.П. Чехов «Вишневый сад»).

Просьба Яши очень вежливо представлена, она снабжена интенсификаторами вежливости *будьте так добры! сделайте милость*. Такие слуги,

живущие при господах, очень многому у них научились и впоследствии этим пользуются.

Ситуация «Неодобрение, упрек» показывает нам как упреки со стороны слуг, так и упреки со стороны господ. Слуги также упрекают своих господ, но иными словами, более мягко.

Перед нами бывший конюх Савельич из повести А.С. Пушкина за хорошую службу был пожалован в дядьки. Он, по своему соображению, берет на себя обязанности родителя по отношению к своему хозяину. В следующем диалоге Савельич упрекает своего господина за то, что тот напился и проиграл деньги:

– Рано, Петр Андреевич, – сказал он мне, качая головою, – *рано начинаешь гулять. И в кого ты пошел?*...

Мне было стыдно. Я отвернулся и сказал ему: «Поди вон, Савельич; я чаю не хочу» (А.С. Пушкин «Капитанская дочка»).

От стыда, может быть, хозяин Гринев отвечает так грубо: *Поди вон, Савельич, я чаю не хочу.*

В следующем диалоге из произведения М.Ю. Лермонтова Максим Максимыч офицер – служака, уступающий Печорину в образованности, уме, но являющийся добрым и открытым человеком, выражает свое пожелание при расставании:

– Я не заслужил этих упреков, Максим Максимыч.

– Да я, знаете, так, к слову говорю; а впрочем, *желаю вам всякого счастья и веселой дороги* (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

Ситуация «Благодарность» также позволяет нам рассмотреть этикетные формулы, присущие разным социальным слоям. Рассмотрим диалог дворянина Нехлюдова и бывшей горничной Масловой, обвиненной в убийстве:

– И жарко же, – сказала она, радостно улыбаясь.

– Получили вещи?

– *Получила, благодарю.*

– Не нужно ли чего? – спросил Нехлюдов, чувствуя, как, точно из каменки, несет жаром из раскаленного вагона.

– Ничего не нужно, *благодарю* (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Благодарность необразованной женщины показывает нам знание ею этикетных норм.

Ситуация «Приглашение» демонстрирует презрение некоторых слуг к господам. Это выражается в их отзывах о господах за их спиной. Слуги считают своих господ недотепами. Перед приглашением, которое звучит из уст слуги, героя рассказа И.С. Тургенева, мы слышим неодобрительное, просторечное – *пусть дрыхнет* («Дрыхнуть, спать слишком много»³⁸):

– Вы бы лучше барина разбудили, Ермолай Петрович: видите, картофель испекся.

– А *пусть дрыхнет*, – равнодушно заметил мой верный слуга, – набегался, так и спит.

Я заворочался на сене. Ермолай встал и подошел ко мне.

– *Картофель готов-с, извольте кушать*. Я вышел из-под навеса; мельничиха поднялась с кадки и хотела уйти. Я заговорил с ней (И.С. Тургенев «Ермолай и мельничиха»).

Позже, когда хозяин просыпается, слуга обращается к нему очень вежливо.

Рассмотрим ласковое обращение княжны (к слугам она использует обращение *голубчик*, по-русски, которое в словаре определяется как «ласковое обращение к незнакомому, низшему по возрасту, положению»³⁹):

– *Голубчик*, – нежным голоском сказала Анна Михайловна, обращаясь к швейцару, – я знаю, что граф Кирилл Владимирович очень болен... я затем и приехала... я родственница... Я не буду беспокоить, *голубчик*... А мне бы только надо увидеть князя Василия Сергеевича: ведь он здесь стоит. Доложи, пожалуйста.

Швейцар угрюмо дернул шнурок наверх и отвернулся (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Швейцар невежливо к ней относится: отворачивается, не отвечает, но Анна Михайловна делает вид, что этого не замечает. Слуги, повторяя поведение своих господ, также с презрением относятся к тем, кто, по их мнению, «недостаточно знатен и богат».

³⁸ *Толковый словарь русского языка*, Д.Н. Ушаков (ред.), Москва 1935–1940, т. 1, с. 806.

³⁹ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 101.

Как видно из проанализированного материала, обращения представителей низших социальных слоев не отражают нарушения этикета, в то время как следующие ситуации, включающие просьбы, советы, упреки содержат негативное отношение к господам.

Общение между представителями «высшего социального класса»

Речевой этикет в речи представителей дворянства, купечества и разночинцев имеет свои специфические черты, подтверждающие их господствующее положение, преимущественно это обращения, приветствия, знакомства и просьбы. Наиболее ярко эти черты отражает ситуация «Обращение и привлечение внимания».

Диалог из романа Л.Н. Толстого иллюстрирует обращение дворянки Наташи Ростовой к графу Пьеру Безухову:

- *Граф*, что это, дурно, что я пою? – сказала она, покраснев, но, не спуская глаз, вопросительно глядя на Пьера.
- Нет... Отчего же? Напротив... Но отчего вы меня спрашиваете? (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

На наш взгляд, при неофициальной встрече, дома у Наташи Ростовой, такое обращение к человеку, носящему графский титул, соответствует ситуации.

Следующий диалог отражает обращение Верочки к ее учителю Лопухову:

- *Мсье Лопухов*, я никак не ожидала видеть вас танцующим, – начала она.
- Почему же? Разве это так трудно, танцевать? (Н.Г. Чернышевский «Что делать?»).

Перед нами светское обращение к мужчине на французский манер⁴⁰. Как и предыдущее обращение Наташи к Пьеру *граф*, так и обращение *мсье* с указанием фамилии можно назвать сдержанным, потому что говорящий (в обоих случаях молодая дама) находится в таких отношениях с собеседником, что располагает возможностью и хотел бы употребить

⁴⁰ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 265.

более интимное обращение, употребление которого сдерживает знание правил этикета.

Возможно также и обращение равного к равному, подчеркивающее профессию собеседника. Перед нами диалог из романа М.Ю. Лермонтова:

– Заметьте, *любезный доктор*, – сказал я, – что без дураков было бы на свете очень скучно... (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

Печорин обращается к доктору Вернеру. Это единственный вокатив, указывающий на профессию. В исследуемом материале не обнаружено других обращений по профессии. Обращение *любезный* принято по отношению к равному или низшему по положению⁴¹. Может быть употреблено с эксплицированным наименованием субъекта: *любезный доктор*, *любезный профессор*, *любезный Николай Павлович*.

Следующий диалог героев романа И.С. Тургенева наглядно показывает характерное обращение в дворянской среде на французском языке:

– Здравствуйте, *Alexandrine!* – заговорила она, подходя к ней, – как вы умно сделали, что приехали... Здравствуйте, Сергей Павлыч! (И.С. Тургенев «Рудин»).

В привилегированном обществе, в неофициальной обстановке, в зависимости от отношения к Западу и его культуре русские имена могли употребляться на иностранный лад: соответствующая фонетика передается графически.

Обращение к собеседнику в купеческой среде мы рассмотрим в различных ситуациях, из которых ситуация «Приветствие» и ситуация «Извинение» содержат наиболее характерные обращения.

Диалог, представленный ниже, демонстрирует обращения героев разных социальных классов. Перед нами мелкий чиновник Пирамидалов и богатая вдова Бедонегова:

Бедонегова: *Виталий Петрович! Виталий Петрович!*

Пирамидалов: Честь имею кланяться, Антонина Власьевна. Что вам угодно? (А.Н. Островский «Богатые невесты»).

⁴¹ Там же, с. 224.

Бедонегова вежливо, по имени-отчеству, обращается к небогатому человеку. Повтор связан не только с расстоянием (Пирамидалов находится в отдалении и Беонегова делает повтор для надежности передачи информации), именно повтор делает обращение несколько фамильярным, допустимым по отношению к низшему или равному, но никак не высшему по положению собеседнику. Обращение чиновника более официально, оно сопровождает этикетное приветствие и вместе с ним предшествует вопросу, который делается не столько из интереса, сколько является обусловленным положением чиновника относительно купчихи.

В следующем диалоге мы видим Чугунова, который в прошлом являлся членом уездного суда, и богатую помещицу Мурзавецкую:

Мурзавецкая: А, ты здесь уж? Здравствуй!

Чугунов: Здравствуйте, *матушка Меропа Давыдовна!* Как почивать изволили?

Мурзавецкая: (садясь) Ничего. Садись! (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Ласковое к ней обращение *матушка* и по имени-отчеству раскрывает заискивающий характер обращения, который очевиден не только из самой его формы, но и из контекста: реплики Мурзавецкой краткие, относительно сухие и невежливые.

Следующий диалог отражает ситуацию «Обращение..» коммуникантов, принадлежащих одному классу, они одинакового возраста, богаты. Героиня пьесы обращается к пожилому мужчине *теленю*:

Лыняев: Ух! Здравствуйте!

Мурзавецкая: (поцеловавшись с Анфусой). Здравствуй, *теленю!* Садитесь, гости будете. Где ты эту красавицу-то поддел? (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Обращение *теленю* – *повеса*, оценочное и фамильярное, оправдано, если мы будем знать отношение Мурзавецкой к Лыняеву и к старухе Анфусе. Важно также упрощенное обращение судьи к Мурзавецкой. Обращение предваряется междометием, что также свидетельствует о коротком знакомстве с собеседницей. Упоминание о второй гостье *Где ты эту красавицу-то поддел?* является иронией, потому что оба знаменательных слова следует воспринимать в противоположном смысле: Лыняев избегает женщин из боязни женитьбы, а Анфуса явно стара даже для пятидесятилетнего судьи.

Следующий диалог из этого же произведения нам показывает обращение влиятельной особы к молодой вдове:

Мурзавецкая: Здравствуйте, *богатая барыня!* Благодарю, что удостоили своим посещением!

Купавина: Я не редко бываю у вас. Мерепа Давыдовна.

Мурзавецкая: (сажает Купавину на свое кресло). Сюда, сюда, на почетное место!

Купавина: Благодарю вас (садится) (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

В таком обращении подчеркивается отношение отправителя к величине состояния собеседницы – *богатая*, и потому в какой-то мере заискивающее обращение к ней *барыня*. Даже с учетом того, что Мурзавецкая хочет женить своего племянника на Купавиной, и у нее есть основания заискивать перед барыней, в контексте благодарности в продолжение реплики, а также приглашения занять свое – почетное место, обращение *богатая барыня* является ироничным (следует также учитывать оттенок упрека в благодарности).

В следующем диалоге представлено обращение племянника, к тетке:

Мурзавецкая: Что ты расселся? Не видишь! (Поднимая костью) Встань!

Мурзавецкий: Ах, пардон, *ма танти!* Я так, что-то не в духе сегодня, не в расположении (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Примитивное графическое изображение французского обращения может свидетельствовать о плохом французском языке персонажа (в пьесе все его французские фразы передаются кириллицей). Обращение племянника – это ответ на грубую реплику Мурзавецкой. Вежливость обращения свидетельствует о том, что племянник – зависимый человек – и вполне примирился к такому отношению.

Обращения среди представителей господствующего класса неоднородны, чем образованней, воспитанней коммуникант, тем и обращения ближе к этикетным.

Приветствия, просьбы и жалобы среди представителей дворянства, купечества и разночинцев также позволяют сделать выводы об однородности/неоднородности формул речевого этикета в этой среде.

Типичное приветствие демонстрируется разночинцем Базаровым:

– Здравствуйте, *господа*; извините, что опоздал к чаю, сейчас вернусь; надо вот этих пленниц к месту пристроить (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Мы уже отмечали выше, что приветствие и обращение содержат основания, которые Базаров приводит в свое оправдание. Такое распространенное объяснение наряду с нейтральным обращением и приветствием показывает нерелевантность для отправителя социальных различий между ним и собеседниками.

Для дворянской среды характерно также приветствие на французском языке. Его мы встречаем в рассказе Л.Н. Толстого, когда генерал обращается к графине:

– *Bonsoir, madame la comtesse*⁴², – сказал он, подавая руку в окно кареты (Л.Н. Толстой «Набег»).

Такое приветствие имеет некоторые ограничения, если сопровождается обращением, тем более конкретизированным, на французском языке (однословное приветствие в меньшей степени ограничено).

В художественной литературе описаны и приветствия, отражающие отношения между людьми, находящимися на разных ступенях социальной лестницы, как в диалоге дворянина Обломова и недворянина Тарантьева:

– Здорово, земляк! – злобно сказал Тарантьев, *не протягивая руки*.
– Здравствуй! – холодно отвечал Обломов, глядя в окно (Н.А. Гончаров «Обломов»).

Мошенник Тарантьев, который решил очередной раз обмануть Обломова, придя к нему, игнорирует разницу в социальных статусах, обращаясь как к равному, обычным приветствием и обращением, однако содержание ремарки показывает, что доброжелательность в приветствии отсутствует, кроме того жест *не протягивая руки* показывает его недобрые намерения.

Е.Ф. Тарасов и Ю.А. Сорокин, комментируя подобные случаи, пишут о том, что такие приветствия приобретают несколько иной смысл. Они означают уже не приветствия, а свидетельствуют о том, что 1) владельца более высокого социального статуса хотят оскорбить; 2) что приветствующий игнорирует разницу в положении социальных статусов⁴³.

⁴² *Добрый вечер, графиня* (франц.).

⁴³ Е.Ф. Тарасов, Ю.А. Сорокин, *Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения*, [в:] А.А. Леонтьев (ред.), *Национально-культурная специфика речевого поведения*, Москва 1977, с. 9.

Несмотря на вежливый вербальный компонент, ответ Обломова является адекватно невежливым, что описано в ремарке: тембр речи (*холодно*) и жест (*глядя в окно*).

Следующий диалог из этого же произведения показывает нам купца Чугунова и его ответ на приветствие Беркутову, помещику, приехавшему из Петербурга: *Мое почтение!*

Беркутов: Здравствуйте, Вукол Наумыч! (Подает руку)

Чугунов: *Мое почтение*, Василий Иваныч! Давно ли пожаловать изволили-с?

Беркутов: Только что приехал. Очень приятно вас видеть. Как поживаете, Вукол Наумыч?

Чугунов: Благодарение создателю, Василий Иваныч, не жалуясь (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Согласно словарному толкованию, *мое почтение* – форма учтливового, мужского приветствия⁴⁴. Такое приветствие Чугунова характеризует его как очень обходительного культурного человека.

Чепурин, молодой купец, приветствует учителя, уже пожилого человека, снимающего у него жилье:

Чепурин: (кланяясь) Асафу Наумычу... *почтение-с*. (Подает руку)

Корпелов: За деньгами? О тиран души моей! (А.Н. Островский «Трудовой хлеб»).

Из словарного толкования мы узнаем, что это форма приветствия старшего по возрасту или положению⁴⁵. Словоерс здесь придает приветствию учтливость и почтительность. Таким образом, это приветствие характеризует Чепурина как воспитанного человека.

Следующий диалог показывает нам приветствие, характерное для XIX века:

Бедонегова: Виталий Петрович! Виталий Петрович!

Пирамидалов: *Честь имею кланяться*, Антонина Власьевна. Что вам угодно? (А.Н. Островский «Богатые невесты»).

⁴⁴ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 351.

⁴⁵ Там же.

Используемая формула в словаре описывается как мужская учтивая форма приветствия⁴⁶. Мелкий чиновник Пирамидалов деликатно приветствует богатую вдову, купчиху, называя ее по имени-отчеству.

Следующее приветствие обращено к влиятельной особе. Перед нами богатая помещица и бывший член уездного суда:

Мурзавецкая: А, ты здесь уж? Здравствуй!

Чугунов: *Здравствуйте*, матушка Меропа Давыдовна! Как почивать изволили?

Мурзавецкая: (садясь) Ничего. Садись! (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Из вышеприведенных примеров видно, что приветствия в купеческой среде очень этикетны и вежливы.

Следующее приветствие богатого помещика Троекурова и государственного служащего из повести А.С. Пушкина отражает социальное неравенство коммуникантов:

– *Здорово*, как бишь тебя зовут, – сказал ему Троекуров, – зачем пожаловал?

– Я ехал в город, ваше превосходительство, – отвечал Шабашкин, – и зашел к Ивану Демьянову узнать, не будет ли какого приказания от вашего превосходительства (А.С. Пушкин «Дубровский»).

Троекуров свысока относится к Шабашкину, что находит отражение в речевом этикете. Вот как приветствие *здорово* представлено в словаре: «Фамильярное приветствие низшему по положению»⁴⁷.

Таким образом, и ситуация «Приветствие» отражает социальный статус коммуникантов.

Рассмотрим ситуацию знакомства при помощи посредника:

Негина: (Великатову) *Позвольте вас познакомить!* Петр Егорыч Мелузов. Иван Семеныч Великатов.

Смельская: Ах, знаете ли, Иван Семеныч, ведь Петр Егорыч – студент; он жених Сашин.

Великатов: (подавая руку) Очень приятно с вами познакомиться.

Мелузов: Что же тут приятного для вас? Ведь это фраза. Ну, познакомились, так и будем знакомы. Вот и все (А.Н. Островский «Таланты и поклонники»).

⁴⁶ Там же, с. 514.

⁴⁷ Там же, с. 173.

Актриса Негина представляет богатому купцу своего жениха, не говоря при этом, что Саша ее жених. Таким образом она ставит на первое место Великатова и скрывает перед ним свои отношения с Мелузовым, что позже получит свое развитие в пьесе. Благодаря знакомствам при помощи посредника легко определить более значимого человека для коммуниканта.

В ситуации «Приглашение» молодая богатая вдова принимает у себя влиятельную помещицу:

Мурзавецкая: Ну, вот я к тебе со всем двором оприч хором.

Купавина: *Милости просим!*

Мурзавецкая: Да уж рада ль ты, не рада ли, делать нечего, принимать надо... (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Милости просим – это радушное приглашение пришедшему гостю⁴⁸, и в данной ситуации оно соответствует словарному толкованию. Но комментарий Мурзавецкой *Да уж рада ль ты, не рада ли, делать нечего* характеризует ее как двуличную особу (о чем мы и узнаем из пьесы).

Интересна ситуация совета в среде обедневших дворян. Рассмотрим этот вариант этикета на примере нескольких реплик Анны Михайловны, которая учит этикету своего сына, находящегося в таком же, как и мать, положении:

– *Mon cher* Boris, – сказала мать, выпрастывая руку из-под старого салопы и робким и ласковым движением кладя ее на руку сына, – *будь ласков, будь внимателен*. Граф Кирилл Владимирович все-таки тебе крестный отец, и от него зависит твоя будущая судьба. Помни это *moncher*, будь мил, как ты умеешь быть...

– Ежели бы я знал, что из этого выйдет что-нибудь, кроме унижения... – отвечал сын холодно. – Но я обещал вам и сделаю это для вас (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Княгиня усвоила общее правило, которое эффективно работает в ее зависимом положении без средств – нужно быть со всеми милой. Сын же осознает оскорбительный для собственного достоинства характер такого поведения, однако покорно прислушивается к совету.

⁴⁸ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 244.

Она также позволяет себе давать советы незаконнорожденному Пьеру Безухову, оказавшись в более выгодном положении, чем он:

Анна Михайловна вышла последняя. Она подошла к Пьеру тихими, медленными шагами.

– *Il n'est plus*⁴⁹...

– Пьер смотрел на нее через очи.

– *Allons, je vous reconduirai. Tâchez de pleurer. Rien ne soulage, comme les larmes*⁵⁰ (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Княгиня советует плакать.

Мы видим, что советы ставят адресата, по мнению самого адресата, в более низкое положение. Иногда адресат этому может сопротивляться, но не в данных примерах.

Рассмотрим диалог дворян. Перед нами Пьер и его кузина, которая извиняется за приход:

– *Простите, mon cousine*, что я пришла к вам, – сказала она укоризненно-взволнованным голосом. – Ведь надо, наконец, на что-нибудь решиться! Что ж это будет такое? Все выехали из Москвы, и народ бунтует. Что ж мы остаемся?

– Напротив, все, кажется, благополучно, *ma cousine*, – сказал Пьер... (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Очень вежливое обращение на «вы» и по-французски. Такое извинение характерно для высшего света.

Рассмотрим «Благодарность» на примере ситуации из пьесы А.Н. Островского, где Беркутов делает подарок купчихе Мурзавецкой в благодарность за оказанные услуги:

Беркутов: *Мефона Давыдовна, благодарю вас за радушный прием и за участие, которое вы во мне приняли! Позвольте предложить вам этот маленький подарок.* (Подает Мурзавецкой коробочку). Это аквамаариновые четки! Господа, я пробыл здесь недолго, но уже имел возможность вполне оценить эту во всех отношениях редкую женщину... (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

⁴⁹ *Ego нет более* (франц.).

⁵⁰ *Пойдемте, я вас провожу. Старайтесь плакать. Ничто так не облегчает, как слезы* (франц.).

Беркутов приехал из Петербурга, и речь у него очень изысканная. Следующую благодарность мы наблюдаем в диалоге героев романа Л.Н. Толстого, принадлежащих высшему свету:

- Едешь? – И он опять стал писать.
- Пришел проститься.
- Целуй сюда, – он показал щеку, – *спасибо, спасибо!*
- За что вы меня благодарите? (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Спасибо – самая распространенная форма благодарности, которую можно встретить и среди дворян, и среди крестьян.

На наш взгляд, интересна благодарность обедневшей дворянки Анны Михайловны, героини романа Л.Н. Толстого. В своей благодарности она использует слова высокого стиля. Она говорит не я, а сердце матери:

- Верьте, князь, что сердце матери никогда не забудет того, что вы сделали для нас.
- Я рад, что мог сделать вам приятное, *любезная* моя Анна Михайловна, – сказал князь Василий, оправляя жабо и в жесте, и голосе проявляя здесь, в Москве, перед покровительствуемой Анною Михайловной еще гораздо большую важность, чем в Петербурге, на вечере у Annette Шерер (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Ответ на благодарность подчеркивает покровительственное отношение князя Василия к Анне Михайловне. Князь обращается к женщине *любезная моя*. Это фамильярно-снихождительное обращение к низшему по положению, что соответствует словарному толкованию. Из этого видно, что граф хочет показать ее зависимое положение.

Разговор богатого купца Лотохина и пожилой влиятельной дамы:

Лотохин: Только, сударыня, я заранее *прошу вашего извинения*: может быть, придется сказать что-нибудь такое...

Сосипатра: Пожалуйста, не церемоньтесь! Напускную скромность я не считаю за добродетель, и излишней стыдливостью не отличаюсь, особенно в мужском обществе... (А.Н. Островский «Красавец-мужчина»).

Лотохин очень вежливо извиняется перед Сосипатрой. *Прошу вашего извинения*, согласно толкованию, это учтивое извинение⁵¹. Реплика имеет

⁵¹ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 187.

продолжение: Лотохин приводит причину извинений. Он делает вид, что ему неудобно рассказывать сплетни о женщинах, но он с удовольствием это делает после слов Сосипатры, которая его поощряет. Здесь считывается напускная вежливость лицемерного человека.

Рассмотрение следующей ситуации «Комплимент, одобрение» – следует обратить внимание на гендерные отношения.

Перед нами типичный комплимент, характерный для дворянской среды. Герой романа И.С. Тургенева Михаил Михайлович обращается к женщине, за которой он ухаживает:

– Хорош вопрос! Как будто не всегда приятно вас встретить! *Сегодня вы так же свежи и милы; как это утро.*

Александра Павловна опять засмеялась (И.С. Тургенев «Рудин»).

Это комплимент–сравнение: Свежи и милы, как это утро.

Данный комплимент похож на следующий, также являющийся имплицитным. Это комплимент Ипполита жене князя Андрея – Лизе из романа Л.Н. Толстого:

– Говорят, что бал будет очень хорош, – отвечала княгиня, вздергивая с усиками губку. – *Все красивые женщины общества будут там.*

– *Не все, потому что вас там не будет; не все,* – сказал князь Ипполит... (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Этот комплимент следует понимать следующим образом – «вы красивая женщина».

Как видно, комплименты, представленные в дворянской среде, изысканы, утончены, деликатны, образны.

Следующие диалоги отражают ситуацию «Поздравление, пожелание», присущую людям разных социальных слоев.

Пожелание относится к диалогу коммуникантов из дворянской среды, где масон Баздеев желает *счастливого пути* Пьеру Безухову:

– *Затем желаю вам счастливого пути, государь мой* – сказал он, заметив, что слуга его вошел в комнату, – и успеха... (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Это типичное пожелание отправляющемуся в путь. Но обращение *государь мой*, характерное для обращения к младшему по возрасту или

положению⁵², точно определяет возраст Баздеева–старика и его принадлежность к масонам, как высшим по положению.

Мурзавецкая, героиня пьесы А.Н. Островского, демонстрирует нам шутливое прощание гостей с хозяевами:

Мурзавецкая: *Спасибо этому дому, поедем к другому! Прощайте, красави! Уж не знаю, скоро ли попаду к тебе.*

Купавина: Я сама к вам заеду (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Имея «большую силу» в губернии, чувствуя себя хозяйкой везде, она позволяет себе такое прощание, обращение *красави* (красавицы). Фразеологический оборот в речи Мурзавецкой приближает ее речь к речи простого народа.

В речевом этикете дворян встречается и вмешательство в разговор, что является нарушением этикета:

Княгиня Анна Михайловна *вмешалась в разговор*, видимо желая высказать свои связи и свое знание всех светских обстоятельств.

– Вот в чем дело, – сказала она значительно и тоже полупшепотом. – Репутация графа Кирилла Владимировича известна... Детям он своим счет потерял, но этот Пьер любимый был (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Но такое вмешательство, видимо, обусловлено желанием показать себя как всезнающую, осведомленную особу.

Можно утверждать, что в речевом этикете в среде правящих классов и среди разночинцев, в своем большинстве формулы речевого этикета более однородные, чем в общении слуга – хозяин и хозяин – слуга. Присутствует много заимствований из французского языка.

Общение между представителями «низшего социального класса»

Очень интересные отношения складываются и среди слуг. «Вполне естественно, что и у слуг есть своя иерархия, которая воспроизводит иерархию хозяев»⁵³. Следующая ситуация «Просьба, совет, предложение» показывает

⁵² Там же, с. 113.

⁵³ В.И. Карасик, *Язык социального статуса*, Москва 2002, с. 16.

нам иерархию среди слуг. По мнению Захара, слуги Обломова, генеральский слуга выше, чем слуга обычного дворянина:

– Смотри ты у меня! – сказал он потом едко. – Молод, брат, востер очень! Я не посмотрю, что ты *генеральский*: я те за вихор! Пошел-ка к своему месту!

Казачок отошел шага на два, остановился и глядел с улыбкой на Захара.

– Что скалишь зубы-то? – с яростью захрипел Захар. – погоди, попадешься, я те уши-то направлю, как раз: будешь у меня скалить зубы! (Н.А. Гончаров «Обломов»).

Это естественно, так как генералы относились к пяти первым классам, находящимся на самом верху «Табели о рангах» в XIX веке⁵⁴.

Ситуация обращения между слугами показывает старшего по возрасту Фирса и Дуняшу:

Фирс: (идет к кофейнику, озабоченно) Барыня здесь будут кушать... (Надевает белые перчатки). Готов кофий? (строго, Дуняше.) *Ты!* А сливки?

Дуняша: Ах, боже мой... (Быстро уходит) (А.П. Чехов «Вишневый сад»).

Фирс позволяет себе грубое к ней обращение и реплики приказного характера. Служанка не возмущается тону обращения, но пугается своей ошибки. Такая формула характерна в данном случае для обращения высшего по положению к низшему.

Нужно отметить, что, несмотря на служебную грубость Фирса, горничная Дуняша относится к нему с уважением, обращается к нему по имени-отчеству:

Дуняша: Барышня велит мне танцевать – кавалеров много, а дам мало, – а у меня от танцев кружится голова, сердце бьется, *Фирс Николаевич*, а сейчас чиновник с почты такое мне сказал, что у меня дыхание захватило.

Фирс: Что же он тебе сказал? (А.П. Чехов «Вишневый сад»).

Такое обращение является самой распространенной в России XIX–XX веков формой вежливого, уважительного отношения ко взрослому человеку⁵⁵.

⁵⁴ Законодательство периода становления абсолютизма, [в:] А.Г. Маньков (отв. ред.), *Российское законодательство X–XX вв.*, в 9 томах, т. 4. Москва 1986.

⁵⁵ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 194.

Обратим внимание и на пожелания в этой среде. Например, лакей Яша грубит старому слуге Фирсу, его пожелание просто страшно, но тот не слышит и не обижается:

Яша: Надоел ты дед. (Зевает). *Хоть бы ты поскорее подох.*

Фирс: Эх ты... недотеп! (Бормочет) (А.П. Чехов «Вишневый сад»).

Из текста пьесы узнаем, что Яша – хам, использующий людей и преклоняющийся перед всем иностранным. Старик Фирс ничем не может быть полезен Яше. Даже возраст слуги не вызывает у лакея уважения.

Как видим из вышеприведенных примеров, общение между слугами также не является однородным, как и общение представителей господствующих классов.

Самыми распространенными в дореволюционной России были официальные обращения *господин, госпожа*, используемые как детерминативы в сочетании с фамилией адресата, принадлежавшего к привилегированным слоям общества. Одним из средств квалификации социальной принадлежности персонажей служат апеллятивы, употребляемые в соответствии с титулами *граф, князь, барон*. Социальный статус участников коммуникативного процесса определяет обращение *ваше сиятельство*, адресуемое графам и князьям, и *ваша светлость*, принятое по отношению к влиятельным особам.

Социальное расслоение русского общества XIX века характеризуют обращения *барин, барыня*, строго дифференцированные в речи (обращение слуг к господам, крестьян к помещикам). В речи персонажей представлены официальные обращения *сударь, сударыня*, принятые в системе речевого этикета дореволюционной России.

В дворянско-помещичьей России существовали разнообразные формулы обращения господ к слугам. Несмотря на возрастное различие, слуг чаще всего называли по именам и на «ты». Однако в некоторых случаях, в зависимости от установившихся семейных традиций, воспитания, наряду с обращением к слугам по имени, господа употребляют и прилагательные *милый, милая*. В качестве формулы обращения к слугам выступает апеллятив *любезный*. В общении со слугами используются полные имена (*Фирс*), уменьшительно-ласкательные формы имени (*Дарьюшка*).

Функционирование этих формул связано не только с социальными аспектами, но и с индивидуальными особенностями языковой личности.

Как показывают наблюдения, различие социального статуса адресанта и адресата обуславливает употребление формул обращения, принятых в обществе. Обращения, используемые в речи литературных персонажей, отражают социальную дифференциацию в XIX веке.

Кроме «Обращений», другие ситуации также отражают социальное неравенство в обществе. Например, в ситуации «Приветствие» только собеседники высшего общества используют формулу на французском языке: *Bonsoir, madame*, – это речевой этикет правящего класса. Приветствие же *Здорово*, в свою очередь, используют собеседники, принадлежащие к низшему социальному слою. Ситуация «Знакомство» также отражает социальную принадлежность коммуникантов. Вопрос *Как тебя зовут?* может быть использован только по отношению к низшим социальным слоям. Показательна в отражении социального статуса коммуникантов ситуация «Просьба, совет, предложение». Приказы, обращенные к слугам, подчеркивают их зависимое положение.

Ситуации «Просьба, совет, предложение» и «Согласие и отказ в ответ на просьбу и приглашение» показывают, как исторически менялись отношения между слугами и хозяевами. Если в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1834 год), слуга вежливо отказывает своему господину: – *Воля твоя, сударь, а денег я не выдам*, то в романе Н.А. Гончарова «Обломов», написанном позже, во второй половине XIX века, слуга Захар дает советы своему хозяину: – *Кабы не пускали Михея Андреича, так бы меньше выходило!* – *прибавил он*.

Для низших социальных слоев (крестьян и слуг) характерно использование интенсификаторов экспрессии, среди которых самым распространенным является *Ради Бога*.

В ситуации «Благодарность» частотны этикетные формулы на французском языке, которые были отличительной чертой правящего класса, но также были обнаружены в речи образованных людей, не принадлежащих к высшему обществу.

Интересным и разнообразным является речевой этикет в купеческой среде. Купечество в XIX веке составляло значительную часть населения, но,

в отличие от дворянства, оно было ближе к народу, что, конечно, находит свое отражение и в речевом этикете. В речи купечества мы встретили неофициальные обращения, включающие небольшую группу апеллятивов, которые обозначают степень родства и употребляются узуально, например, *тепелень, богатая барышня*; фразеологические обороты (*Спасибо этому дядю, поедем к другому!*). Это является языковым свидетельством пограничного положения купечества в социальной градации общества. Речевой этикет купечества стоит между этикетом крестьян и дворян, имея черты как одной среды, так и другой. Примеры речевого этикета в среде разночинцев немногочисленны, однако они сходны этикетом высшего общества. Это, вероятнее всего, может быть связано с образованностью представителей этого сословия.

2.2. Речевой этикет на флоте и в армии

Воинским этикетом является свод установленных в армии правил и норм поведения военнослужащих во всех сферах их деятельности. Следует также учитывать, что военнослужащий является одновременно носителем различных видов этикета, которые использует в разных областях жизни. Военный этикет представляет собой систему исторически сложившихся и законодательно закрепленных в уставах правил поведения и общения.

Истоки русского речевого этикета берут свое начало в древности – в различных ритуалах племен. Так, в скифском обществе, скрепляемая кровью «Клятва о дружбе».

Большой вклад в развитие воинского этикета и культуры общения военнослужащих внес Петр I. Он, законодательно, закрепил нормы и правила воинского этикета в «Артикуле воинском» (1716 год) и «Табели о рангах» (1722 год). Эти документы предписывали строгое соблюдение принципа их старшинства (приоритета старшинства) и связанного с ним чинопочитания. Также Петр I учредил правила ношения формы одежды как атрибута воинского этикета, заложив, тем самым, основы понятия «честь мундира». При Петре I официально были учреждены знаки различия и правила их ношения.

Смысл военного этикета состоит в поддержании дисциплины и порядка, организованности, в выражении готовности беспрекословно выполнять все приказания старших по званию.

Отношения на флоте формируются в замкнутом пространстве, где один из коммуникантов находится в зависимом положении (*начальник – подчиненный*). На эти отношения также оказывает влияние социальное неравенство коммуникантов (*слуга – господин*).

На примере диалога старшего офицера и гардемарина из произведения К.М. Станюковича, мы видим, что это за отношения:

– На берегу вы поссорились и разошлись, а ведь в море уйти некуда... всегда на глазах друг у друга...

И далее совет, который дает офицер гардемарину:

– Помните это и сдерживайте себя, если у вас горячий характер... Морякам необходимо жить дружной семьей (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

В краткой, но емкой инструкции указываются причины необходимости владеть собой, удерживать себя от проявления чувств возмущения, негодования по отношению к другим членам экипажа судна: невозможность не встретить кого-либо в замкнутом пространстве корабля. Употребляя общий термин *морьяк*, офицер имеет в виду как вышестоящих, так и нежестоящих по социальному положению сослуживцев. Тем не менее, это общее условие не отменяет порядок подчинения и соответствующий этикет. Существующую иерархию на судне, обусловленную социальным неравенством, в первую очередь отражает ситуация «Обращение и привлечение внимания».

Обращения к вышестоящим

Перед нами диалог матроса и гардемарина, выпускника военного морского училища, дворянина по своему социальному происхождению:

– Любопытно, барин, посмотреть, как матросики стараются? Небось скоро справим «конверт»⁵⁶. Мы ведь в дальнюю⁵⁷... Я, барин, во второй раз иду..

⁵⁶ Матросы всегда коверкают это слово и вместо «корвет» говорят «конверт».

⁵⁷ Дальняя – кругосветное и вообще далекое плавание.

- И я на корвете иду! – поспешил сказать Володя.
- Вместе, значит, служить будем, *барин*. А пока – счастливо оставаться! (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

Уважительное обращение матроса *барин* ко вчерашнему гардемарину является, однако, именно формальным. Коммуникация завершается соблюдением формальностей при обращении – *барин* – «это ласк. или сочувств. обращение к барину или малолетнему сыну барина»⁵⁸. Поскольку матрос чувствует свое превосходство в опыте (*второй раз иду*), это дает ему основания быть снисходительным, а свою речь строить несколько фамильярно, что проявляется и в вопросах (*любопытно... посмотреть, как матросики стараются?*), и в комментарии с выражением вероятности о готовности корвета, и в предположении будущей службы.

Еще один фрагмент описывает ситуацию замешательства матроса в выборе формы обращения. Вестовой⁵⁹ обращается к впервые увиденному члену экипажа Ашанину:

У входа в капитанскую каюту он [Ашанин] увидел вестового, который в растворенной маленькой буфетной развешивал по гнездам рюмки и стаканы разных сортов.

– Послушай, братец...

– Есть! – почти выкрикнул молодой чернявый матрос, оборачиваясь и глядя вопросительно на Володю.

– Доложи капитану, что я прошу позволения его видеть.

– У нас, *господин*...

Чернявый вестовой запнулся, видимо затрудняясь, как величать кадета. *Он не «ваше благородие»* – это было очевидно, однако из господ.

– У нас, *барин*, – продолжал он, разрешив этим названием свое сиюминутное сомнение, – без доклада. Прямо идите к нему... (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

Размышления матроса *Он не «ваше благородие» – это было очевидно, однако из господ* (Ашанин не офицер, но принадлежит к правящему классу) дают ему основания для выбора формы обращения. *Ваше благородие* –

⁵⁸ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 35.

⁵⁹ Вестовой – матрос, назначенный на корабле для обслуживания кают-компании.

«в доревол. России формула титулования и офиц.-почтит. обращения к офицерам и чиновникам с 14 по 9 класс включительно»⁶⁰.

Капитан же в обращении к Ашанину, вчерашнему гардемарину (гардемарины после прохождения стажировки получали звание мичмана), использует нейтральную форму *господин*:

- Господин Ашанин! Подите взглянуть, пьет ли кто-нибудь из наказанных, – сказал капитан.
- Есть! – ответил Володя и пошел на бак (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

Первый год служащий вестовым на «Коршуне» Ворсунька, не сомневаясь, обращается к Ашанину *ваше благородие* как к представителю власти, человеку благородного происхождения⁶¹:

- Батюшка еще не приезжал?
- Никак нет, *ваше благородие!* – отвечал белобрысый вестовой и, заметив, а интересуется каютой и подробно ее осматривает Володя, спросил:
- Нешто вы с попом будете жить?
- Да, *братец* (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

В данном случае употребление обращения *братец* к матросу соответствует словарному толкованию – «фамильярно-снисходительное к младшему по возрасту или положению»⁶².

В диалоге из рассказа К.М. Станюковича «Куцый» к старшему по званию, старшему офицеру корвета барону Берингу, старший боцман Гордеев обращается уважительно в соответствии с требованиями титулования при обращении к баронам:

- Осмелюсь доложить, *ваше благородие*, что Куцый – собака понятливая и ведет себя как следует. За ей насчет этого ничего дурного не замечено! – вступился боцман за Куцега (К.М. Станюкович «Куцый»).

Распространенную форму *ваше благородие* использует и унтер-офицер из рассказа Н.С. Лескова при обращении к капитану:

⁶⁰ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 65.

⁶¹ Там же, с. 52.

⁶² Там же, с. 65.

- Беда, *ваше благородие*, беда!
- Что такое?! (Н.С. Лесков «Человек на часах»).

Однако в данной ситуации такое обращение является неверным. В «Системе классификации чинов по рангам в России к началу XX века»⁶³ указано, что капитану соответствует титул *высокоблагородие*, а не *благородие*. Унтер-офицер допускает ошибку в употреблении формулы речевого этикета.

В ситуации, описанной Л.Н. Толстым в рассказе «Набег», полковник, при обращении к высшему по званию, употребляет распространенную формулу *Ваше превосходительство* в соответствии с требованиями титулования при обращении к лицам в чинах 3-го и 4-го классов:

Полковник Хасанов подскакивает к генералу и на всем марш-марше круто останавливает лошадь.

- *Ваше превосходительство!* – говорит он, приставляя руку к папахе, – прикажете пустить кавалерию: показались значки...
- С богом, Иван Михайлыч! – говорит генерал (Л.Н. Толстой «Набег»).

Неформальный ответ генерала допускается его более высоким положением в иерархии.

Формой обращения к высшему лицу в иерархии могут быть наименования должности. К князю Андрею Болконскому, являющемуся адъютантом Кутузова, обращается офицер:

- Что, господин адъютант, какие новости? – спросил офицер, видимо желая разговориться.
- Хорошие! Вперед, – крикнул он ямщику и поскакал далее (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Обращение к князю *Господин адъютант* соответствует словарному толкованию. Отношение адъютанта к нижестоящему, а также нерасположение к разговору, выражено в кратком ответе *Хорошие!* и в резкой смене адресата – *Вперед*.

В армии также принято обращение по званию, например, юнкер Ростов обращается к капитану Тушину:

⁶³ Там же, с. 664.

– *Капитан*, ради Бога, я контужен в руку, – сказал он робко. – Ради Бога, я не могу идти. Ради Бога!... Прикажите посадить ради Бога (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Нужно заметить, что это краткое обращение «снизу–вверх» (от подчиненного) использовано в острой ситуации.

Как видно из проанализированных ситуаций, титулование происходило в соответствии с чином: ваше благородие, капитан. Но также наблюдаются обращения, используемые штатскими: барин, господин, привычные для людей из простонародья.

Обращения высших по званию к низшим

Примером может здесь стать реплика генерала к своему ординарцу из рассказа Л.Н. Толстого:

– *Ротмистр Праскухин!* – сказал генерал. – Сходите, пожалуйста, в правый ложемент и скажите второму батальону М. полка, который там на работе, чтоб он оставил работу, не шумя вышел оттуда и присоединился бы к своему полку, который стоит под горой в резерве. Понимаете? Сами отведите к полку (Л.Н. Толстой «Севастополь в мае»).

В обращении указывается чин и фамилия. Такое обращение может иметь место либо как более официальное, либо в ситуации присутствия иных военных в этом чине.

Обращения в диалоге боцмана и матроса, героев рассказа К.М. Станюковича, более демократичные:

– *Егорка!* Стой!

Матросик так-таки и обомлел: перед ним стоял Захарыч.

– Положим, я выпивши... У кумы в Рамбове был. Но только по какой причине ты в таком виде? Обсказывай, *Егорка!*

– *Не погуби, Захарыч!* (К.М. Станюкович «Первогодок»).

Обращения по именам, отчествам являются неофициальными. Однако в данном диалоге они используются и в ситуации, которая является не только неофициальной, но и неуставной: матрос от отчаяния задумал побег.

В ситуации обращения высших к низшим могут явно проявляться чувства. Так, например, фельдфебель обращается к солдатам с нескрываемым гневом:

– Господа тут; в избе сам анарал⁶⁴, а вы, *черти, дьяволы, матерщинники*. Я вас! – крикнул фельдфебель и с размаха ударил в спину первого подвернувшегося солдата. – Разве тихо нельзя? (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Грубому обращению предшествует указание его причины, последовавшего затем удара и приказа, выраженного косвенно, в форме вопроса.

Положительные эмоции также представлены в обращениях, обычно в ситуациях, когда нужно поддержать собеседников. Капитан и офицеры обращаются к матросам:

– *Ребята*, навались... Он здесь... Он машет рукой... Гляди... *Братушки*, навались! (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

Апеллятивы *ребята, братушки* являются неофициальными, но весьма распространенными в армейской среде. *Ребята*, согласно словарному толкованию, «доброж.-покровит. обращение высшего по положению к лицам мужск. пола»⁶⁵.

Обращения между простыми солдатами

Простые отношения обуславливают и столь же простые обращения. В случае обращения солдата к незнакомому, равному по чину, употребляется распространенная форма *земляк*. Деминутив *землячок* использован в реплике героя рассказа:

– Далече едете, землячок? – сказал один из них, пережевывая хлеб, солдату, который с небольшим мешком за плечами остановился около них (Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года»).

Такое неуставное обращение присуще соотечественникам своего социального круга⁶⁶, которые здесь представлены солдатами. Почтительный

⁶⁴ Анарал – неправильное произношение слова *генерал*.

⁶⁵ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 401.

⁶⁶ *Толковый словарь русского языка*, Д.Н. Ушаков (ред.), т. 1, Москва 1935–1940, с. 1095.

характер обращения выражается в сочетании обращения с формой глагола множественного числа.

Неустановленные дружеские формулы характерны и при обращении офицеров друг к другу. Капитан в рассказе Л.Н. Толстого обращается к офицеру:

– Что это, *батюшка*, – сказал он, улыбаясь, – не хотят мне нынче спать давать: то вы со своим разжалованным, то Шамиль; что же мы будем делать: отвечать или нет? Ничего не было об этом в приказании? (Л.Н. Толстой «Из кавказских воспоминаний»).

Батюшка – доброжелательное обращение к собеседнику⁶⁷. Однако не все офицеры соглашались с таким обращением. Подобная ситуация представлена в следующем диалоге штаб-офицера и немецкого полковника Шуберта из романа Л.Н. Толстого:

– Да как же, *батюшка*, – заговорил, остановившись, Несвицкий, снимая фуражку и расправляя пухлую рукой мокрые от пота волосы, – как же не говорил, что мост зажечь, когда горючие вещества положили?

– Я вам не *«батюшка»*, господин штаб-офицер, а вы мне не говорили, чтоб мост зажигайт! Я служба знаю, и мне в привычка приказание строго исполняйт. Вы сказали, мост зажгут, а кто зажгут, я святым духом не могу знайт... (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Безусловно, в реплике Шуберта предметом возмущения является не только обращение, но и само содержание реплики. Однако полковник последовательно изложил все объекты несогласия, начиная с самого формального – обращения.

Ситуация «Приветствие» так же, как и «Обращение и привлечение внимания», отражает существующую иерархию в воинской среде. Например, в следующем диалоге, взятом из произведения К.М. Станюковича, капитан на корабле приветствует матросов следующими словами: *Здорово, ребята!*

К фронту подходит капитан Василий Федорович и говорит мягким, сердечным голосом:

⁶⁷ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 39.

– *Здорово*, ребята! Поздравляю вас с праздником!
 – *Здравия желаем*, вашескородие! И вас с праздником, вашескородие! – весело гаркнули матросы, глядя с видимым расположением на капитана... (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

Ответ матросов *здравия желаем* соответствует уставной форме приветствия старшего по званию.

В неуставной ситуации офицерами может употребляться нейтральная форма приветствия, например, при встрече с бывшими сослуживцами, как описано в диалоге бывшего боцмана и бывшего офицера из рассказа К.М. Станюковича, которые встретились на Набережной:

– *Здравствуйте, Щукин!* – проговорил я, подойдя к старику.
 Щукин оглядывал меня, видимо, не узнавая. Я назвал себя.
 – Вот где довелось встретиться, ваше благородие! – радостно приветствовал меня Щукин. – Вы, значит, вышли из флота? (К.М. Станюкович «Своим судом»).

Уважительное отношение офицера к бывшему сослуживцу выражается также в форме обращения на «вы».

В реплике Кутузова, обращающегося к князю Андрею, мы видим, как самое употребительное приветствие становится очень теплым, если оно сочетается с обращением *голубчик*:

– *А здравствуй, князь, здравствуй, голубчик, пойдём...* – устало проговорил он, оглядываясь, и тяжело вошел на скрипящее под его тяжестью крыльцо. Он растегнулся и сел на лавочку, стоявшую на крыльце (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Конечно, теплота приветствия выражается не только обращением *голубчик*, но и тем, что в реплике два обращения, а также повтор самого приветствия и употребление формы единственного числа.

В ситуации «Приветствие» формулы речевого этикета отражают разнообразие (уставные и неуставные отношения), присутствующие в армии и на флоте. Например, в рассказе К.М. Станюковича собственно просьбу предваряет рассказ боцмана, в котором излагается суть дела:

– Вот, ваше благородие, – обратился он к мичману, – старший офицер приказал кинуть Куцего за борт, а команда этим очень обижается. За что безвинно губить собаку? Пес он, как вам известно, справный, два года ходил с нами... И вся его вина, ваше благородие, что он брюхом заболел...

Боцман объяснил, из-за чего вышла вся эта «дрязга», прибавил:

– *Уж вы не откажите, ваше благородие, заступитесь за Куцего* (К.М. Станюкович «Куцый»).

Завершает подробное изложение уже сама просьба, сформулированная в соответствии с армейским этикетом.

К.М. Станюкович изображает и иные, менее формальные, отношения между офицерами и гардемаринами:

– Можно ли видеть капитана?

– *Отпустите руку, пожалуйста, и стойте вольно. Я не корпусная крыса!* – проговорил, смеясь, лейтенант и в ответ не приложил руку к козырьку, а, по обычаю моряков, снял фуражку и раскланялся (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

В данном диалоге показаны взаимоотношения не «корпусных крыс», для которых существенно соблюдение формы, что, судя по наименованию, не в почете у офицеров, находящихся в море. Эти отношения дружеские, свободные, более человеческие, что отражается и в речевом этикете. Здесь интенсификатор вежливости *пожалуйста* при выражении просьбы переводит эти отношения в разряд менее формальных.

В следующем диалоге передана динамика отношений генерала и разжалованного Долохова. Генерал, привыкший, чтобы выполняли его приказания, кричит на подчиненного, но Долохов – дворянин – и всем своим видом, и речью подчеркивает это:

Долохов медленно выпрямил согнутую ногу и прямо, своим светлым и наглым взглядом, посмотрел в лицо генерала.

– *Зачем синяя шинель? Долой!... Фельдфебель! Переодеть его... дря...* – Он не успел договорить.

– Генерал, я обязан исполнять приказания, но не обязан переносить... – поспешно сказал Долохов.

– Во фронте не разговаривать!... Не разговаривать, не разговаривать!...

– Не обязан переносить оскорбления, – громко, звучно договорил Долохов.

Глаза генерала и солдата встретились. Генерал замолчал, сердито оттягивая книзу тугой шарф.

– *Извольте переодеться, прошу вас,* – сказал он, отходя (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Генерал, понимая, что оказался не прав, грубо формулируя приказ, меняет тон и обращается к Долохову по-другому. Приказ *Извольте переодеться* генерал произносит с широкоупотребительной формулой вежливой просьбы: *Прошу вас*. И его приказ превращается в вежливую просьбу.

Не всегда на войне вежливое обращение продуктивно. Рассмотрим пример просьбы, выраженной штабс-капитаном, которая не находит отклика у солдат:

– *Ребята! Надо сходить назад* – взять офицера, что ранен там в канаве, – сказал он не слишком громко и повелительно, чувствуя, как неприятно будет солдатам исполнять это приказанье – и действительно, так как он ни к кому именно не обращался, никто не вышел, чтобы исполнить его.

– Унтер-офицер! Поди сюда.

Унтер-офицер, как будто не слыша, продолжал идти на своем месте (Л.Н. Толстой «Севастополь в мае»).

Этот фрагмент нам показывает, что на войне просьба неэффективна, и нужен не просто приказ, а приказ конкретному подчиненному, и приказ строгий.

Следующий диалог, цитированный выше, отражает просьбу генерала, обращенную к офицеру:

– Ротмистер Праскухин! – сказал генерал. – *Сходите, пожалуйста*, в правый ложемент и скажите второму батальону М. полка, который там на работе, чтоб он оставил работу, не шумя вышел оттуда и присоединился бы к своему полку, который стоит под горой в резерве. Понимаете? Сами отведите к полку. – *Слушаю-с* (Л.Н. Толстой «Севастополь в мае»).

Приказ, исходящий от генерала, несмотря на интенсификатор вежливости *пожалуйста*, делающий официальное указание похожим на просьбу, воспринимается именно как приказ, о чем свидетельствует ответная реплика ротмистра: *Слушаю-с*.

Интересно изображена ситуация «Согласие и несогласие с мнением собеседника» в цитируемом произведении К.М. Станюковича. Нововведения, связанные с отменой телесных наказаний, которые внедряются на корабле, вызывают непонимание среди младших унтер-офицеров – боцманов, привыкших наказывать матросов так, как наказывают крепостных.

Однако твердо знавшие правила дисциплины, они оба почти одновременно отвечали:

- *Слушаю*, ваше благородие!
- [...] Поняли? – спросил строго старший офицер.
- *Никак нет*, ваше благородие! – отвечали разом оба...
- Кажется, я ясно говорю: бросить линьки. Понял, Федотов?
- Никак не, ваше благородие.
- [...] Не ваше дело рассуждать! Чтобы я их не видал! Слышите?
- *Слушаем, ваше благородие* (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

Боцманы, выражая согласие с офицером в соответствии с этикетом, отвечают: *Слушаю...* Но на вопрос о понимании того, что следует отменить наказание матросов, отвечают: *Никак нет*. Боцманы отказываются понимать, что бить матросов запрещено. Офицер строго разъясняет боцманам их функции: *Не ваше дело рассуждать!* И только такой категоричный ответ, свойственный начальникам, ставит все на свои места. На флоте необходимо исполнять команды.

Ситуацию «Комплимент, одобрение» проиллюстрируем репликами капитана из рассказа К.М. Станюковича. Капитан другого судна обращается к матросу, спасшему товарища, очень просто, с похвалой *молодец* и по фамилии:

- *Молодец, Житин!* – сказал капитан, невольно недоумевая при виде этого неуклюжего, невзрачного матроса, рисквавшего жизнью за товарища.
- А Прощка переминался с ноги на ногу, видимо, робея.
- *Ну, ступай, переоденься скорей, да вытпей за меня чарку водки...* (К.М. Станюкович «Человек за бортом»).

Вначале капитан использует широкоупотребительную форму похвалы младшего по положению в соответствии со словарным толкованием: «*Молодец*, во 2 знач., разг., широкоупотр., форма похвалы, одобрения равного или младшего по возрасту, положению»⁶⁸. Однако более важным является завершающая неформальная похвала: выражение заботы о здоровье матроса.

Ситуация «Неодобрение, упрек» представлена в диалоге штабс-капитана и его слуги Никиты из рассказа Л.Н. Толстова:

⁶⁸ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 261.

– *Отчего не починен сюртук?* Тебе только бы все спать, этакой! – сердито сказал Михайлов.

– Чего спать? – проворчал Никита. – День-деньской бегаешь, как собака: умаяешься небось, – а тут не засни еще.

– Ты опять пьян, я вижу.

– Не на ваши деньги напился, что попрекаете.

– Молчи, скотина! – крикнул штабс-капитан, готовый ударить человека...

[...] Когда же на крыльце штабс-капитан сказал: «Прощай, Никита!», то Никита вдруг разразился принужденными рыданиями и бросился целовать руки своего барина. «Прощайте, барин!» – всхлипывая говорил он (Л.Н. Толстой «Севастополь в мае»).

Штабс-капитан упрекает своего слугу в лени и в невыполнении работы. На фамильярное возражение слуги по поводу источника средств на пьянство офицер отвечает, проявляя неуважение к личности слуги, оскорбляет его, называя *скотиной*. Но когда штабс-капитан отправляется на сражение, то и он, и его слуга понимают, что следующей встречи может не быть. И тогда штабс-капитан прощается со своим слугой уважительно: *Прощай, Никита!*

Ситуацию «Поздравление, пожелание» проиллюстрируем интересным, на наш взгляд, диалогом из романа Л.Н. Толстого. Офицер поздравляет Пьера Безухова с боевым крещением:

– Вы, видно, не привыкли верхом ездить, граф? – спросил адъютант.

– Нет, ничего, но что-то она прыгает очень, – с недоумением сказал Пьер.

– Ээ!... да она ранена, – сказал адъютант, – правая передняя, выше колена. Пуля, должно быть. *Поздравляю, граф*, – сказал он, – *le baptême du feu*⁶⁹ (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Такое поздравление характерно только для военных, участвующих в боевых действиях.

В ситуации «Прощание», описанной К.М. Станюковичем, мы видим не строгие уставные отношения между героями произведения, а теплые, человеческие:

– Все-таки приходите на пристань. Завтра после полудня команду спустят на берег... *Прощайте*, Рябов... *Дай вам Бог счастья на чужбине!* – проговорил Володя.

⁶⁹ *Крещение огнем* (франц.).

– Спасибо на ласковом слове, ваше благородие! – с чувством ответил Рябов. – Счастливо оставаться! (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»).

В прощании Ашанина и простого бывшего матроса, решившего остаться в Америке, звучит вежливое обращение на «вы» *прощайте* и пространное, обычно искреннее пожелание *дай вам Бог счастья*, которое используется в русской речевой среде наряду с пожеланиями *бог в помощь*, *помогай вам бог*.

В армейской среде присутствует также и неэтикетное поведение офицеров, которые применяют по отношению к матросам неуставные средства воздействия. В ситуациях несогласия и спора некоторые офицеры неуважительно, иногда с нарушением этикета, относятся и к младшим по званию офицерам. Такую ситуацию проиллюстрируем фрагментом из рассказа К.М. Станюковича:

– *Барон*, – взволнованно проговорил мичман, влетая в кают-компанию, – вся команда просит вас отменить приказание насчет Куцего и позволить ему жить на свете... Да и такое она совершила преступление, барон?...

– *Это не ваше дело, мичман Кошутич*, – ответил барон. – *И я прошу вас не забываться и мнений своих мне не выражать*. Собака будет за бортом!

– Вы думаете?

– *Прошу вас замолчать!* – проговорил барон и побледнел.

– Так вы хотите взбунтовать команду, что ли, своей жестокостью!? – воскликнул мичман, полный негодования. – Ну, это вам не удастся. Я иду сейчас к капитану (К.М. Станюкович «Куцый»).

Мичман обращается к офицеру с просьбой не выбрасывать за борт любимца команды – пса Куцего. Обращение не вполне этикетное, однако его краткость может быть оправдана ситуацией. Ответ барона на просьбу (и, возможно, на простоту обращения) строгий, сдержанный, хотя содер- жательно грубый: *Это не ваше дело, мичман Кошутич*. Он касается формы коммуникации: запрет нарушать иерархию (*прошу вас не забываться*) и высказы- вать старшему по званию свою оценку ситуации (*и мнений своих мне не выражать*). Однако основное содержание ответа, являющееся причиной кон- фликта и возмущения мичмана, выражено в конце: *Собака будет за бортом!*

И именно эта реплика вызывает вопрос *Вы думаете?*, который не со- ответствует армейскому этикету, основанному на соблюдении иерархии:

младший по званию офицер выражает сомнение в правильности решения, принятого старшим. Именно этот вопрос и вызывает предельное волнение барона (*побледнел*) и требование (*Прошу вас замолчать*), которое выполнено в пределах этикета, хотя содержательно является невежливым.

Анализ разнообразного материала показывает, что в военной среде речевой этикет отражает все стороны иерархической лестницы, порядок, подчинение младшего по званию старшему.

Речевой этикет в армии и на флоте, который создан для поддержания дисциплины, выполняет функцию обеспечения взаимодействия между служащими разных уровней военной иерархии, в частности беспрекословного выполнения приказа старших по званию. Отношения в армии и на флоте формируются и развиваются в замкнутом пространстве. Это предполагает большую выдержку в отношениях, четкую дисциплину, чтобы не допустить конфликтных ситуаций.

В дореволюционной России функционировали обращения сословно-иерархического характера в связи с дифференциацией лиц в гражданской и военной службе, а именно: *ваше превосходительство, ваше благородие, ваше высокоблагородие*. Титулование происходило в соответствии с чином, неразграничение обращений, предопределенных различием положения адресанта и адресата, воспринималось как грубое нарушение этикетных норм.

Различные этикетные ситуации предполагают использование небольшого количества стандартных формул. В ситуации «Приветствие» на флоте и в армии применяют формулу *Здравия желаем!* Ситуация «Просьба, совет, предложение» отличается наличием четких формул приказов и таких же четких формул ответов *Слушаю-с*. В ситуации «Согласие и несогласие с мнением собеседника» закрепились формулы ответа *Никак нет*.

Иногда в армейской и флотской среде в неуставных ситуациях используются неуставные формы обращения, приветствия, прощания, обеспечивающие выражение тех или иных эмоций. Кроме того, высшие по званию позволяют себе использовать просьбу вместо приказов с применением интенсификаторов вежливости, что, на их взгляд, уместнее для данной ситуации, для установления человеческих отношений с подчиненным.

2.3. Речевой этикет в гендерном аспекте рассмотрения

Половая дифференциация речи стала известна с XVII века, тогда были обнаружены туземные племена, у которых наблюдались значительные различия в речи в зависимости от пола говорящего. В антропологии и этнографии фиксировались в научном описании различия в поведении, обычаях мужчин и женщин. Но идея о разграничении понятий биологического пола и пола социального (гендер) возникла только в период пост-модернизма⁷⁰.

Гендерные отношения являются важным аспектом организации коммуникации. Они выражают ее системные характеристики и структурируют отношения между говорящими субъектами. По мнению А.В. Кирилиной, теоретико-методологические положения гендерного концепта основаны на четырех компонентах:

- 1) культурные символы;
- 2) нормативные утверждения, выражающиеся в религиозных, научных, правовых и политических доктринах;
- 3) социальные институты и организации;
- 4) самоидентификация личности.

Эти отношения фиксируются в языке в виде стереотипов, накладывая отпечаток на речевое поведение личности и на процессы ее языковой социализации⁷¹.

В современной социальной науке различается понятие пол и гендер (gender). Первое из них использовалось для обозначения анатомо-физиологических особенностей людей, на основе которых человеческие существа определяются как мужчины и женщины. Гендер означает совокупность социальных и культурных норм, которые общество предписывает выполнять людям в зависимости от их биологического пола⁷².

⁷⁰ А.В. Кирилина, *Гендер: лингвистические аспекты*, Москва 1999, с. 4.

⁷¹ Там же, с. 5.

⁷² *Словарь гендерных терминов*, А.А. Денисова (ред.), Москва 2002, <http://www.owl.ru/gender/010.htm> [дата доступа: 15.05.2018].

По мнению И.И. Бульчева, субъектами и объектами гендерных отношений выступают мужчины и женщины, включенные в структуру трех половозрастных групп общества. Гендерный континуум – взаимосвязь трех половозрастных групп общества: детей, взрослых и пожилых людей. Социальный пол или гендер – это половозрастная общественная группа, являющаяся носителем маскулинно-феминных ценностных ориентаций⁷³.

В гендерных исследованиях выделяются три подхода:

- 1) Нацелен на выявление тех языковых различий, которые можно объяснить особенностями перераспределения социальной власти в обществе. При этом «мужской» или «женский» язык определяется как некая функциональная производная от основного языка, используемая в тех случаях, когда партнеры по речи находятся на разных ступенях социальной иерархии.
- 2) Социопсихологический подход научно редуцирует «женский» и «мужской» язык до особенностей языкового поведения полов. При данном подходе статистические показатели или определение средних параметров имеют основополагающую значимость и составляют каркас для построения психолингвистических теорий мужского и женского типов речевого поведения.
- 3) Когнитивный аспект различий в языковом поведении полов. Здесь оказывается более значимым создание целостных лингвистических моделей когнитивных оснований языковых категорий.

Все три подхода считаются взаимодополняющими⁷⁴.

А.В. Кирилина, которая занимается гендерными исследованиями в России, проводя более подробный и системный анализ проблем лингвистической гендерологии, выделяет два направления, отличающиеся объектом и проблематикой исследования.

В первом направлении исследуется язык и отражение в нем пола: номинативная система, лексикон, синтаксис, категория рода. Целью этого

⁷³ И.И. Бульчев, *О гендеристике (гендерологии) и ее ключевых понятиях*, „Credo new” 2005, № 2, с. 289, <https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1069621> [дата доступа: 10.03.2018].

⁷⁴ Е.И. Горошко, *Гендерная проблематика в языкознании*, 2001, <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> [дата доступа: 17.04.2010].

подхода является описание того, как представляется в языке наличие людей разного пола, какие оценки обычно приписываются мужчинам и женщинам, а также в каких семантических областях они наиболее распространены.

Во втором направлении исследуется речевое поведение мужчин и женщин, где выделяются типичные стратегии и тактики, гендерно специфический выбор единиц лексикона, а также способы достижения успеха в коммуникации⁷⁵.

Многие из направлений развиваются в междисциплинарной парадигме, что является отличительной чертой гендерных исследований. Гендерный аспект, реализуемый в языкознании, характеризуется тем, что практически любая область лингвистики может быть рассмотрена с точки зрения отражения в ней гендерных отношений.

Различия речевого поведения мужчин и женщин были описаны в работах Д. Таннен (Tannen)⁷⁶, С. Трёмель-Плоц (Trömel-Plötz)⁷⁷ и др. По их мнению разница наблюдается:

- 1) В коммуникативных намерениях и мотивации;
- 2) В содержании речи;
- 3) В содержании тех историй, которые рассказываются собеседнику;
- 4) В стиле ведения беседы;
- 5) В невербальном компоненте речевого поведения.

Представители «дискурсивного» направления феминистской критики языка фиксируют различия женского и мужского стилей речевого поведения. Женщина более склонна к высказываниям требований, «преподносимых в виде просьб». В разговоре она, как правило, больше извиняется. Несогласие с мнением собеседника женщина чаще выражает молчанием, а не открытым словесным протестом. У женщин наблюдается более вежливый

⁷⁵ А.В. Кирилина, *Освещение связи языка и пола в истории лингвистики*, [в:] О.А. Воронина (ред.), *Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций*, Лекция 23, Москва 2001.

⁷⁶ D. Tannen, *Gender and Discourse*, Oxford 1994.

⁷⁷ S. Trömel-Plötz, *Frauengespräche: Sprache der Verständigung*, Frankfurt am Main 1996.

характер реплик, хотя и более напористое речевое поведение. Но женщину обычно перебивают чаще, чем мужчину⁷⁸.

В.И. Карасик утверждает, что женщины в большей мере проявляют тенденцию задавать вопросы, поддерживать диалог, выражая солидарность и соглашаясь с собеседником. Часто они стимулируют беседу минимальными ответами в виде междометий *mmm*, *hmm* и местоимений («вы» и «мы»). Женщины избегают открытой состязательности в диалоге, ждут знаков одобрения в виде кивков и междометий, выражают знаки интереса и внимания, дают возможность партнеру закончить свое высказывание, не оставляют без внимания высказывания других людей, соединяют свои высказывания с предшествующим высказыванием партнера по беседе⁷⁹.

По мнению Н.И. Формановской, женщины чаще строят оценочные и эмоционально-экспрессивные высказывания. Их речь мягче, они реже, чем мужчины, используют грубые выражения; существуют типично женские и мужские черты в интонации⁸⁰.

По наблюдению других исследователей, например, Г.Ю. Богданович и Л.Н. Синельниковой, чуткость женщины проявляется в формах и характере речевого поведения. В оценочном отношении женщины имеют более развитое языковое сознание. Они внимательнее слушают собеседника, сосредотачиваются на деталях интонационно-модального характера, на основании которых строят восприятие сказанного и подтекст, интегрируют значения и смыслы, которые могут как совпадать, так и не совпадать с установками собеседника. В речи женщины высока активность деминутивов (как со значением уменьшительности, так и со значением увеличительности) и вообще слов с эмоционально-экспрессивными суффиксами⁸¹.

Также различия наблюдаются в лексике, разнятся наборы модально-экспрессивных частиц и формы вежливости. Также исследователи

⁷⁸ А.Е. Berthoff, *Sapir and the Two Tasks of Language*, „Semiotica” 1988, No 71, с. 47; D. Bruner, *The Influence of the Addressee's Sex on Politeness in Language Use*, „Linguistics” 1982, No 20, с. 697–711.

⁷⁹ В.И. Карасик, *Язык социального статуса*, Москва 2002, с. 57–58.

⁸⁰ Н.И. Формановская, *Речевой этикет и культура общения*, Москва 1989, с. 32.

⁸¹ Л.Н. Синельникова, Г.Ю. Богданович, *Введение в лингвистическую гендерологию: Материалы к спецкурсу*, Симферополь 2001, с. 16.

отмечают, что некоторые различия в употреблении языка проявляются в виде тенденций. Первоначально речевые различия считались постоянными факторами и объяснялись половой природой женщин и мужчин, однако в 60-е годы XX века был установлен вероятностный характер различий⁸².

Мужскому дискурсу более свойственно чаще полемизировать и оспаривать мнение собеседника, игнорировать его комментарии. Как правило, мужчина старается доминировать в беседе, управлять ее развитием, свои намерения выражает прямо, не используя при этом корректные и, чересчур, вежливые формы слов. Он склонен чаще начинать беседу. В диалоге реплики мужчин носят менее личностный характер. Речевые стили мужчин и женщин отличаются тем, в какой степени мужчины и женщины учитывают реакцию партнера на предшествующие высказывания, их выбор и коррекцию в этой связи⁸³.

Мужчины часто прерывают собеседников, расположены не соглашаться с высказываниями своих партнеров, игнорируют комментарии других участников беседы или реагируют без энтузиазма. Они более жестко контролируют тему разговора, склонны к прямому выражению мнения и сообщению о факте⁸⁴.

Представленные здесь ситуации общения также относятся к симметричным и несимметричным, где определяющим является гендерная принадлежность коммуникантов.

Рассмотрим на материале произведений русской литературы XIX века ситуации речевого этикета в различных гендерных позициях:

- 1) позиция общения *женщина–женщина*,
- 2) позиция общения *мужчина–мужчина*,
- 3) позиция общения *мужчина–женщина*,
- 4) общение мужа и жены.

⁸² *Словарь гендерных терминов*, А.А. Денисова (ред.), Москва 2002, <http://www.owl.ru/gender/010.htm> [дата доступа: 15.05.2018].

⁸³ Е.И. Горошко, *Гендерная проблематика в языкознании*, 2001, <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm> [дата доступа: 17.04.2010].

⁸⁴ В.И. Карасик, *Язык социального статуса*, Москва 2002, с. 57.

Позиция общения женщина–женщина

Общение женщин имеет свои специфические черты, нашедшие свое отражение в речевых ситуациях.

Распространенную ситуацию «Приветствие» рассмотрим на примере диалога из пьесы А.Н. Островского. Помещица большого имения Мурзавецкая приветствует вдову Купавину, в обращении подчеркивая ее состояние, а также выражая благодарность за посещение:

Мурзавецкая: *Здравствуйте, богатая барыня!* Благодарю, что удостоили своим посещением!

Купавина: Я не редко бываю у вас. Меропа Давыдовна.

Мурзавецкая: (сажает Купавину на свое кресло) Сюда, сюда, на почетное место!

Купавина: Благодарю вас (садится) (А.Н. Островский «Волки и овцы»).

Реплики этого диалога и действия не лишены иронии. Однако здесь нужно отметить, что эмоциональность приветствия связана с желанием Мурзавецкой женить на Купавиной своего племянника. Старшая по возрасту женщина всячески заискивает перед молодой и богатой, хочет ей угодить, чтобы добиться своей цели.

Ситуацию «Поздравление, пожелание» проиллюстрируем репликой из романа Л.Н. Толстого. Обе героини принадлежат к высшему обществу. Анна Павловна поздравляет княгиню со скорой свадьбой ее дочери:

– Кажется, *что я могу вас поздравить*, – прошептала Анна Павловна княгине и крепко поцеловала ее. – Ежели бы не мигрень, я бы осталась.

Княгиня ничего не отвечала; ее мучила зависть к счастью своей дочери (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Никакого ответа на поздравления собеседница не получает, потому что (как мы узнаем из слов автора) княгиню *мучила зависть к счастью своей дочери*. Это пример неэтикетного поведения, вызванного сильным эмоциональным переживанием. У княгини главным оказывается не материнский инстинкт, когда родитель радуется за своего ребенка, а инстинкт женщины, которая в своей дочери видит соперницу.

Такая «женская игра» проявляется в диалоге, который может быть иллюстрацией ситуации «Согласие и несогласие с мнением собеседника».

Беседуют графиня Ростова и Карагина о поведении незаконнорожденного сына графа Безухова:

- Я очень жалею бедного графа, – говорила гостья, – здоровье его и так было плохо, а теперь это огорчение от сына. Это его убьет!
- *Что такое?* – спросила графиня, *как будто не зная, о чем говорит гостья...*
- Вот нынешнее воспитание! Еще за границей, – продолжала гостья, – этот молодой человек предоставлен был самому себе, и теперь в Петербурге, говорят, он такие ужасы наделал, что его с полицией выслали оттуда.
- *Скажите!* – сказала графиня (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Вопрос *Что такое?* является средством выяснить мнение собеседника, хотя из слов автора нам понятно, что графиня в курсе событий. Выражение деланного удивления *Скажите!* является фактически согласием с мнением собеседницы и провоцирует гостью на изложение подробностей.

В отдельных речевых ситуациях, и под воздействием экстралингвистических факторов, модальные этикетные единицы, выраженные женщинами, имеют несколько другую тональность и эмоциональную окраску, что придает им неуверенность.

В общении представительниц господствующих классов характерен поиск «задней мысли», желание, чтобы собеседник первым раскрыл свои карты. Очень часто женщины скрывают свое знание сути дела для того, чтобы узнать, что об этом думает собеседник. Для представительниц высшего общества характерно использование формул речевого этикета высокой степени вежливости.

Позиция общения мужчина–мужчина

Распространенную ситуацию «Обращение и привлечение внимания» в обозначенной позиции общения рассмотрим в коротком диалоге двух друзей, военных, Печорина и Грушницкого:

- *Печорин!* Давно ли здесь?
- Оборачиваюсь: *Грушницкий!* Мы обнялись (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

Это типично мужское обращение по фамилии равных в социальном отношении старых знакомых выражено почти одинаково (в реплике

Грушницкого с вопросом). Эмоции, сопутствующие встрече, выражены невербально: *Мы обнялись*.

При общении мужчин, находящихся в приятельских отношениях, обращения могут быть разнообразными, в том числе не вполне учтивыми, как, например, в реплике разночинца Базарова, обращенной дворянину Кирсанову:

– Эх, друг любезный! – проговорил Базаров, – как ты выражаешься! Видишь, что я делаю: в чемодане оказалось пустое место, и я кладу туда сено; так и в жизненном нашем чемодане; чем бы его ни набили, лишь бы пустоты не было (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Базаров, который считает Кирсанова своим учеником, допускает по отношению к нему фамильярное обращение.

Ситуацию «Приветствие» проиллюстрируем репликой помещика Строченко, обращенной к Ивану Федоровичу Шпоньке, при встрече на постоялом дворе.

– *Желаю здравствовать, милостивый государь!* – проговорил он, увидевши Ивана Федоровича.

Иван Федорович безмолвно поклонился (Н.В. Гоголь «Иван Федорович Шпонька и его тетушка»).

Это выражение приветствия (в современной речи употребляется с шутивым оттенком) характерно для мужской среды.

Следующий диалог из повести Н.В. Гоголя иллюстрирует две разные формулы, реализуемые в ситуации «Приветствие»:

– Кто здесь принимает объявления? – закричал Ковалев. – А, *здравствуйте!*
– *Мое почтение*, – сказал седой чиновник, поднявши на минуту глаза и опустивши их снова на разложенные кучи денег (Н.В. Гоголь «Нос»).

В реплике майора Ковалева собственно приветствию предшествует вопрос, само же приветствие выражено стандартной формой, которая не имеет гендерных ограничений: *здравствуйте*. В ответном приветствии чиновника употреблена форма, характерная для мужской речи: *мое почтение*.

Русская литература XIX века зафиксировала немало примеров «свободы от этикетных конвенций» в речи мужчин-помещиков, а также примеров

проявления невоспитанности и откровенного хамства. Например, помещик Троекуров обращается на «ты» к государственным служащим в ситуации «Приветствие», включающей ситуацию «Знакомство»:

- Здорово, *как бишь тебя зовут*, – сказал ему Троекуров, – зачем пожаловал?
- Я ехал в город, ваше превосходительство, – отвечал Шабашкин, – и зашел к Ивану Демьянову узнать, не будет ли какого приказа от вашего превосходительства (А.С. Пушкин «Дубровский»).

Нарушение этикета состоит в том, что помещик обращается к служащему как к своему крепостному.

Следующий фрагмент из романа И.С. Тургенева демонстрирует ситуацию «Неодобрение, упрек», а также «Согласие и несогласие с мнением собеседника». Беседуют Евгений Базаров и Аркадий Кирсанов:

- Прятели сделали несколько шагов в молчанье.
- Видел я все заведения твоего отца, – начал опять Базаров. – Скот плохой, и лошади разбитые. Строения тоже подгуляли, и работники смотрят отъявленными ленивцами; а управляющий либо дурак, либо плут, я еще не разобрал хорошенько.
- Строг же ты сегодня, Евгений Васильевич.
- И добрые мужички надуют твоего отца всенепременно. Знаешь поговорку: «Русский мужик бога слопаёт».
- Я начинаю соглашаться с дядей, – заметил Аркадий, – ты решительно дурного мнения о русских (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Неодобрение в этом диалоге выражается не речевыми формулами, а перечислением предметов и явлений с отрицательными признаками, которые наблюдал персонаж. Порицание Базаровым увиденной обстановки продолжается неблагоприятным прогнозом *добрые мужички надуют твоего отца всенепременно*, несмотря на то, что Аркадий выражает несогласие с его мнением.

Это несогласие, однако, касается не иной оценки описанных объектов, а общего состояния собеседника (*Строг же ты сегодня*). Завершающая реплика Аркадия, где указывается на согласие с ранее высказанным Павлом Петровичем мнением, является упреком и прямым выражением принципиального несогласия с взглядом Базарова на окружающую обстановку.

Неодобрение в позиции общения *мужчина—мужчина* выражается не по поводу собеседника, а по поводу третьих лиц, в частности женщин. Например, в диалоге разночинца Базарова и дворянина Кирсанова, которые считают себя образованными и воспитанными людьми, дается нелестная оценка умственным способностям женщин:

- Отчего ты не хочешь допустить свободы мысли в женщинах? – проговорил он вполголоса.
- Оттого, братец, что, по моим замечаниям, свободно мыслят между женщинами только *уроды* (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

В ситуации «Неодобрение, упрек» говорящий может выразить свое отношение не столь прямо и грубо.

- Да притом Григорий Александрович каждый день дарил ей что-нибудь: первые дни она молча гордо отталкивала подарки, которые тогда доставались духанщице и возбуждали ее красноречие. *Ах, подарки! Чего не сделает женщина за цветную тряпичку!*... Ну, да это в сторону... (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени»).

В реплике военного Максима Максимовича косвенно выражается неодобрение поведения женщины, в частности отношение женщин к подаркам и вещам в целом.

Нужно отметить, что в XIX веке является вовсе нередким проявление невоспитанности и хамства по отношению к женщинам, что и зафиксировано в художественных произведениях. Например, герой рассказа И.С. Тургенева в ситуации «Обращение и привлечение внимания», крестьянин, господский мужик, во-первых, допускает грубое обращение к женщинам, а во-вторых, выражает неодобрение по поводу их умственных способностей:

- Милости просим. Да покойно ли тебе будет в сарае? Я прикажу бабам постлать тебе простыню и положить подушку. – *Эй, бабы!* – вскричал он, поднимаясь с места. – Сюда, *бабы!*... А ты, Федя, поди с ними. *Бабы ведь народ глупый* (И.С. Тургенев «Хорь и Калиныч»).

Трансакция *мужчина—мужчина* допускает определенную свободу общающихся от этикетных конвенций, корпоративную форму оценочности, установку на сниженность в использовании языковых средств. Что также отражается в речевом этикете.

Позиция общения «мужчина и женщина»

Для характеристики ситуации «Обращение и привлечение внимания» весьма показательным, на наш взгляд, является произведение Н.С. Лескова «Леди Макбет Мценского уезда». Молодая женщина, Катерина Львовна, жившая с мужем, но не любившая его, влюбляется в приказчика. Эта страсть толкает ее на ряд преступлений, приводящих к гибели. В анализируемых фрагментах мы обращаем внимание на то, как изменение форм обращения приказчика Сергея к хозяйке демонстрирует изменение и отношения к ней.

В самом начале их отношений обращение *сударыня* вежливое, последующие фатические фразы также употребляются в пределах правил приличия:

- *Сударыня!* – произнес кто-то через две минуты у запертой двери Катерины Львовны.
- Кто это? – испугавшись, спросила Катерина Львовна.
- Не извольте пугаться: это я, Сергей, – отвечал приказчик (Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда»).

По мере того как отношения у них становятся ближе, мы наблюдаем и изменения в речевом этикете. В следующем фрагменте обращение по имени-отчеству сочетается с оценочным именованием:

- Да ведь, *Катерина Ильвовна! Свет ты мой ясный!* – заговорил он. – Ты сама посмотри, какое наше с тобой дело...
- Говори, говори, Сережа, свое горе (Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда»).

Кроме того, по отношению к хозяйке используется форма «ты». Сергей называет хозяйку *Свет ты мой ясный!* Это развернутое именование соответствует словарному толкованию – «ласковое обращение к близкому, любимому человеку»⁸⁵.

Далее, уже по дороге на каторгу, осужденные за то, что ради наследства убили вместе несколько человек, обращение Сергея к бывшей хозяйке и возлюбленной существенно меняется:

⁸⁵ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 415.

– *Ильвовна!* – позвал он ее на привале – Выдь ты нонче ко мне на минуточку ночью: дело есть.

Катерина Львовна промолчала (Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда»).

Редуцированный вариант обращения только по отчеству характерен для давно знакомых людей и не обеспечивает выражения почтения или теплых чувств.

Впоследствии изменение формы обращения демонстрирует изменение отношения до пренебрежительного:

– *Что, купчиха?* Все ли ваше степенство в добром здоровье? – нагло спросил Катерину Львовну Сергей, чуть только партия потеряла за мокрым пригорком деревню, где ночевала (Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда»).

Обращение к бывшей хозяйке *купчиха*, как отмечено в ремарке, является наглым, а *ваше степенство* – неуместной иронией, являющейся по отношению к собеседнице оскорбительной.

Следующая реплика бывшего приказчика Сергея иллюстрирует ситуацию «Просьба, совет, предложение»:

– Я ее, может, и никогда не любил, а теперь... да мне вот стоптанный Сонеткин башмак милее ее рожи, кошки эдакой ободранной... *Пусть вон Гордюшку косоротого любит, а то...* (Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда»).

Жестокому совету предшествуют объяснения отношения (*и никогда не любил*), а также сравнение (*стоптанный Сонеткин башмак милее ее рожи*) и грубое именование (*кошки эдакой ободранной*).

Приведенный пример показывает, как динамика отношений мужчины и женщины (в данном случае распад этих отношений) отражается на изменяемом речевом этикете.

Рассматривая в произведениях русской литературы XIX века этикетные ситуации «Приветствие» и «Знакомство», мы не обнаружили каких бы то ни было определенных гендерных различий в использовании тех или иных формул речевого этикета. Функциональные оттенки формул не связаны с половыми признаками коммуникантов. Например, в диалоге мелкого чиновника и богатой вдовы из пьесы А.Н. Островского приветствие является во всех отношениях нейтральным:

Бедонегова: Виталий Петрович! Виталий Петрович!

Пирамидалов: *Честь имею кланяться*, Антонина Власьевна. Что вам угодно?

Бедонегова: Да подойдите поближе, не укушу я вас (А.Н. Островский «Богатые невесты»).

Обе реплики Бедонеговой (и повторное обращение, и приглашение подойти с шутливым обещанием не хватать зубами собеседника) типично женские, однако собственно приветствие Пирамидалова могло бы быть обращено к собеседнику любого пола. Впрочем, в словарном толковании указывается, что такое приветствие употребляется преимущественно в мужской речи.

Ситуация «Знакомство» представлена в диалоге разночинца Базарова и Фенечки, горничной, ставшей гражданской женой отцу его друга Кирсанова.

Приблизясь к Фенечке, он скинул картуз.

– *Позвольте представиться*, – начал он с вежливым поклоном, – *Аркадию Николаевичу приятель и человек смирный*.

Фенечка приподнялась со скамейки и глядела на него молча (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Такую форму знакомства словарь определяет как преимущественно мужскую. «*Позвольте представиться*, устар., учтив. или офиц. (преимущ. мужск.) формула представления при знакомстве без посредника»⁸⁶. Отсутствие прямого наименования имени и указание на свою покорность придает несколько шутливый оттенок этой форме знакомства. Мы не обнаружили в исследованном материале примеров форм приветствия и знакомства, которые можно было бы определить как преимущественно женские.

Содержательно и формально разнообразными являются реплики в ситуациях, относящихся к типу «Согласие и несогласие с мнением собеседника». Например, Катерина Маслова отказывает своему бывшему возлюбленному, дворянину Нехлюдову, следующим образом:

– Что вы жениться хотите – *не будет этого никогда. Повешусь скорее!* Вот вам.

– Я все-таки буду служить тебе.

⁸⁶ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 360.

– Ну, это ваше дело. Только мне от вас ничего не нужно. Это я верно вам говорю, – сказала она. – И зачем я не умерла тогда? – прибавила она и заплакала жалобным плачем (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Резкость выражения несогласия Масловой определяется и вескими причинами, и ее характером, и ее нынешним положением, и отношением к ней собеседника.

Как отмечают исследователи, женщины в общении с мужчинами проявляют максимум внимания, поддерживают собеседника в разговоре, являются хорошими слушателями. В ситуации «Комплимент, одобрение» Софья Васильевна, как истинная женщина, внимательно слушает своего собеседника, поддакивает ему, льстит. Это характеризует ее как воспитанную, знающую этикетные нормы дворянку:

– Ну, здравствуйте, мой друг, садитесь и рассказывайте, – сказала княгиня Софья Васильевна со своей искусной, притворной, совершенно похожей на натуральную улыбкой... – Мне говорят, что вы приехали из суда в очень мрачном настроении. Я думаю, что это очень *тяжело для людей с сердцем*, – сказала она по-французски.

– *Да, это правда*, – сказал Нехлюдов...

– *Comme c'est vrai*⁸⁷, – как будто пораженная истинностью его замечания, воскликнула она, как всегда *искусно льстя своему собеседнику* (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Формулы, реализуемые в ситуации «Приглашение», в рассматриваемом материале характерны для женской речи. Типичным является приглашение гостей к столу героини рассказа А.П. Чехова:

– Пожалуйте, господа, закусить (А.П. Чехов «Попрыгунья»).

Нейтральное обращение *господа*, а также интенсификатор вежливости *пожалуйста* делают приглашение приятным.

Писатели XIX века фиксировали и нетипичное этикетное поведение как мужчин, так и женщин. Например, обращает на себя внимание нетипичное поведение женщины, феминистки Евдоксии Кукшиной, персонажа с явным сатирическим оттенком из романа И.С. Тургенева. Из авторской

⁸⁷ *Как это верно* (франц.).

характеристики мы узнаем, что она *разъехалась с мужем и ни от кого не зависит*. Эпизод характеризует ситуацию «Приглашение»:

– А вот и завтрак! *Хотите закусить?* Виктор, откупорьте бутылку; это по вашей части.

– По моей, по моей, – пробормотал Ситников и опять визгливо засмеялся (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Эмансипированная женщина приглашает гостей так, как это сделал бы мужчина: *Хотите закусить?* – без предисловий. И сразу, не дождавшись ответа, дает распоряжение мужчине *Откупорьте бутылку* без привычных и уместных в женской речи интенсификаторов вежливости, но с напоминанием распределенных (вероятно, ею же) обязанностей в пределах узкого круга знакомых.

Условия необходимости реализации ситуации «Неодобрение, упрек» часто создаются мужчинами, сексуально агрессивными по отношению к женщинам. Причем мужчины, занимающие более высокое положение, не церемонятся, например, с прислугой. Рассмотрим эпизод с участием Фенечки, гражданской жены Николая Петровича Кирсанова, разночинца Базарова и Павла Петровича:

– Пойдите, я хочу понюхать с вами, – промолвил Базаров, нагнулся и крепко поцеловал ее в раскрытые губы.

[...] Павел Петрович показался, слегка поклонился и, проговорив с какою-то злобною унылостью: «Вы здесь», – удалился. Фенечка тотчас подобрала все розы и вышла вон из беседки. «*Грешно* вам, Евгений Васильевич», – шепнула она, уходя. Неподдельный упрек слышался в ее шепоте (И.С. Тургенев «Отцы и дети»).

Бывшая горничная Фенечка показывает себя богобоязненной и более воспитанной, чем Базаров, образованный молодой человек, но не признающий авторитетов и пренебрежительно относящийся к этикету.

В ситуации «Просьба, совет, предложение», изображенной в романе Л.Н. Толстого, в репликах персонажа явно прослеживается сексуальный призыв:

– *Да мне не сахар, мне только, чтоб вы помешали своєю ручкой.*

Марья Генриховна согласилась и стала искать ложку, которую уже захватил кто-то.

– *Вы пальчиком, Марья Генриховна,* – сказал Ростов, – еще приятнее будет.
 – Горячо! – сказала Марья Генриховна, краснея от удовольствия (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Описанное событие разворачивается во время боевых действий, на войне из женщин только жена доктора, поэтому на нее направлено особое внимание всех мужчин. Реплики Ростова, который просит размешать чай с ромом, полны искреннего чувства, и это хорошо ощущает собеседница.

Нарушением этикета является отсутствие коммуникативного взаимодействия, возникающего в том случае, если участники общения не слушают и не слышат друг друга. Такое игнорирование собеседника можно наблюдать в самых различных ситуациях, в том числе и в диалогах влюбленных людей. Диалог из произведения А.П. Чехова иллюстрирует ситуацию «Просьба, совет, предложение»:

– Но *поймите, Анна, поймите...* – проговорил он вполголоса, торопясь. – *Умоляю вас, поймите...*

Она глядела на него со страхом, с мольбой, с любовью...

– *Я так страдаю!* – продолжала она, не слушая его. – Я все время думала только о вас, я жила мыслями о вас. И мне хотелось забыть, забыть, но зачем, зачем вы приехали? (А.П. Чехов «Дама с собачкой»).

Гуров и Анна Сергеевна, находясь в состоянии большого эмоционального напряжения, не слушают собеседника. В этой ситуации каждый думает о своем, и очень трудно людям прийти к какому-либо соглашению, если один не хочет или не готов выслушать другого.

В транзакции «мужчина и женщина» сознательно или подсознательно актуализируется биологический пол. Предполагается большое количество «поглаживаний» в виде похвалы, комплимента, скрытых или явных сексуальных призывов. Например, комплимент женщине одинаков, будь она горничная, помещица или дворянка. В дворянском обществе он более утонченный, скрытый и иногда нуждается в разъяснениях. Он, как правило, касается внешности, возраста, одежды, внутренних качеств.

В комплименте, сделанном мужчине, подчеркивается не внешний вид, а дается оценка положительным качествам и уму, а также лицам и предметам, входящим в личную сферу адресата.

Общение мужа и жены

Весьма выразительно изображаются отношения между мужем и женой, в частности в речевом этикете самых разных ситуаций. Например, в ситуации «Обращение и привлечение внимания» распространено обращение по имени.

Обращение по имени в дворянской среде часто делается на французском языке:

– *Andre*, – сказала его жена, обращаясь к мужу тем же кокетливым тоном, каким она обращалась и к посторонним, – какую историю нам рассказал виконт о *mademoiselle* Жорж и Бонапарте!

Князь Андрей зажмурился и отвернулся (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Такая форма обращения между князем Андреем и его женой Лизой, а также между иными героями романа Л.Н. Толстого, является обычной.

В купеческой и дворянской среде обычно обращения в коммуникации мужа и жены более разнообразны. Например, герои пьесы А.Н. Островского очень вежливо и мило обращаются друг к другу:

Окоемов: Да, *милая Зоя*, имение мы продадим, с этой стороны я покоен; но этого мало, и заботы у меня все-таки остаются.

Зоя: Какие заботы, *мой друг*? (А.Н. Островский «Красавец-мужчина»).

В качестве обращения имя употребляется с эпитетом, а также используется распространенное описательное наименование *мой друг*.

Некоторые собеседники стремятся разнообразить арсенал средств обращения. Характерным примером такой установки является Туркин, персонаж рассказа А.П. Чехова. Приведем примеры его обращения к жене:

– Я говорю ему, *Верочка*, – продолжал он, представляя доктора жене, – я ему говорю, что он не имеет никакого римского права сидеть у себя в больнице, он должен отдавать свой досуг обществу. Не правда ли, *душенька*?

[...]

– Ах, ты, *цытка, баловница*... – нежно пробормотал Иван Петрович и поцеловал ее в лоб (А.П. Чехов «Ионыч»).

Разнообразие обращений в пределах одного диалога характеризует не только общую коммуникативную установку говорящего, но также может

выражать испытываемые говорящим по отношению к собеседнице чувства. О теплых чувствах свидетельствует и обилие форм с уменьшительно-ласкательными суффиксами.

Выражение ласкового отношения посредством деминутива в обращении может иметь место даже при наименовании по титулу:

- Ах, *графинюшка!*... – и граф засуетился, доставая бумажник.
- Мне много надо, граф, мне пятьсот рублей надо... (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

В этом диалоге мужа и жены, графа и графини Ростовых, употребление деминутивов несимметрично, впрочем, применительно к мужскому титулу уменьшительная форма невозможна.

Для выражения ласкового отношения к собеседнице деминутивы используются также и при обращении мужа к жене в купеческой среде:

- *Варварушка*, ежели тебе, *матушка*, – сказал он ласково, – понадобится что в лавке, то ты бери. Бери себе на здоровье, не сомневайся (А.П. Чехов «В овраге»).

Хотя содержание реплики само по себе приятно для собеседницы, муж усиливает положительную эмоцию дополнительным обращением *матушка*.

В рассказе А.П. Чехова есть пример не вполне стандартного обращения мужа к жене:

- Мне не везет, *мама!* – сказал он однажды за обедом. – Сегодня у меня было четыре вскрытия, и я себе сразу два пальца порезал... (А.П. Чехов «Попрыгунья»).

В среде разночинцев, где семья, не имеющая детей, как бы играет в полноценную семью, муж использует обращение к жене *мама*, возможно, также подчеркивая авторитет супруги.

При обращении супругов друг к другу могут употребляться именованные, выражающие обычно отрицательную оценку: *старая*, *ведьма*, *черт*. Обратим внимание на реплику мужа в эпизоде из повести Н.В. Гоголя:

Бульба вдруг проснулся и вскочил. Он очень хорошо помнил все, что приказывал вчера.

- Ну, хлопцы, полно спать! Пора! Напойте коней! А где *старая?* (Так он обыкновенно называл жену свою). Живее, *старая*, готовь нам есть: путь лежит великий!

Бедная старушка, лишённая последней надежды, уныло поплелась в хату (Н.В. Гоголь «Тарас Бульба»).

Упоминание в авторской речи о том, как обычно Бульба звал жену, показывает, что никакой отрицательной эмоции муж по отношению к жене не выражает. Это просто привычное, со стороны кажущееся грубым, обращение. Описанное уныние матери связано не с формой обращения к ней, а с тем, что от нее уедут сыновья.

Иногда именование собеседника не выполняет функцию обращения, но является собственно средством выражения оценки. Такую ситуацию мы встречаем в эпизоде из романа Н.А. Гончарова:

Захару вдруг ясно стало, что Анисья – умнее его!

Он вырвал у ней поднос, разронял стаканы и уж с тех пор не мог простить ей этого.

– Вот видишь, как надо! – еще прибавила она тихо.

Он взглянул на нее с тупым высокомерием, а она усмехается.

– Ах, ты, *баба, солдатка такая*, хочешь ты умничать! Да разве у нас в Обломовке такой дом был? На мне все держалось одним: одних лакеев, с мальчишками, пятнадцать человек! А вашей братьи, *бабья*, так и поименно-то не знаешь.. А ты тут... Ах, *ты!*... (Н.А. Гончаров «Обломов»).

Захар, обнаруживший, что его жена умнее его, огорчается и вымещает злобу, называя ее *бабой, солдаткой* и затем причисляя к *бабью*. Оскорбительная семантика этих названий усиливается сочетанием *ах ты*.

В авторском описании в романе М.Е. Салтыкова-Щедрина герои произведения, Арина Петровна и Владимир Михайлыч, в обращении друг к другу используют различные оскорбительные наименования:

Муж называл жену «*ведьмою*» и «*чертом*», жена называла мужа «*ветряной мельницей*» и «*бесструнной балалайкой*» (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»).

Подобного рода обращения могут свидетельствовать об упрощении отношений, невежливости между людьми, их привыкании друг к другу как к чему-то навсегда данному. Как говорит герой романа Л.Н. Толстого, «хочешь ты этого или нет, *уж не разженишься*».

Очень часто в отношениях семейных пар наблюдается нарушение этикета, выраженное различными средствами.

Перед нами диалог героев пьесы Н.А. Островского. Молодая, воспитанная женщина Зоя, любящая своего мужа, живет по законам Божиим, что

для людей XIX века было очень важным. Ее муж, Окоемов, будучи эгоистом, нарушает Божьи заповеди. Это ведет к потере им ориентации в жизни и в отношениях с женой. Он уже не различает, где добро, где зло, что хорошо, а что плохо. Разорившись, проиграв деньги, он становится должником. В приведенном эпизоде Окоемов обращается к своей жене с просьбой о деньгах (ситуация «Просьба, совет, предложение»):

Окоемов: Зоя, *спаси меня!* (падает на колени)

Зоя: Нет, не могу, это выше моих сил. Придумай что-нибудь другое!

Окоемов: (встает) *А когда так, прощай!* (берет Зою за руку) Прощай, моя милая! Взгляни на меня! Ты меня видишь в последний раз. Ты меня ничем не воротишь и нигде не найдешь...

Зоя: (почти без чувств) *Я со-глас-на!* (Падает в обморок) (Н.А. Островский «Красавец-мужчина»).

Просьба мужа трансформируется. Сначала это мольба. Для убедительности он падает на колени, но Зоя не соглашается. Тогда Окоемов прибегает к шантажу, угрожает уйти навсегда, и таким способом добивается желаемого. Однако муж Зои на этом не останавливается. Решив улучшить свое материальное положение, он хочет, оставив Зою, жениться на более богатой женщине. Но всю историю хочет представить так, что Зоя сама его бросила, оказавшись неверной женой. Перед нами ситуация «Просьба, совет, предложение». Реплика эпизода иллюстрирует совет, который дается жене:

Окоемов: *Тебе есть случай жить богато, весело и постоянно пользоваться моей дружбой.* Глядя на тебя, я бы радовался... Моя совесть была бы спокойнее, потому что причина всего твоего горя – я! А тут я видел бы тебя опять богатой, любимой. *Отчего бы тебе не сойтись с Лупачевым, он так тебя любит? Полюби и ты его!*

Зоя: (вскрикивает) Ах! (Хватает щипцы от камина и бросается на мужа).

Окоемов: Что ты, что ты!

Зоя: *Ах, извини!* Ты меня заставил притворяться... Притворяться я могу... но быть бесчестной, не... Как ты смел... как ты смел!... (Н.А. Островский «Красавец-мужчина»).

Зоя отвергает гнусный совет мужа и, оскорбленная в своих чувствах, бросается на мужа с каминными щипцами. Однако сдерживает себя и, будучи культурной женщиной, находит силы извиниться.

В следующем примере для прощания с женой князь Андрей выбирает разговорную частицу *ну*, употребляемую для вхождения в речевой контакт⁸⁸:

– *Ну*, – сказал он, обратившись к жене, и это «ну» звучало холодной насмешкой, как будто он говорил: «Теперь продельвайте вы ваши штуки».

– *André, déjà*⁸⁹ – сказала маленькая княгиня, бледнея и со страхом глядя на мужа.

Он обнял ее. Она вскрикнула и без чувств упала на его плечо (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

В высшем свете такое прощание могло рассматриваться как грубое, но, зная холодные отношения мужа и жены, эта формула вполне соответствует ситуации.

В следующем фрагменте из рассказа А.П. Чехова изображена ситуация «Просьба, совет, предложение» в динамическом аспекте. Муж, акцизный чиновник, в клубе, наблюдая танцующую жену и раздражаясь ее блаженным состоянием, потребовал немедленно идти домой:

– *Анюта, пойдём домой!* – прохрипел акцизный.

Далее муж повторяет требование, но жена решительно не понимает цели ухода:

– *Пойдем домой!* – повторил акцизный.

– Зачем? Ведь еще рано!

– *Я прошу тебя идти домой!* – сказал акцизный с расстановкой, делая злое лицо.

Жена, увлеченная и разгоряченная танцами, никак не может понять причины подобного поведения мужа, при этом же его стыдится. Настойчивая просьба акцизного чиновника превращается в требование:

– Зачем? Разве что случилось? – встревожилась Анна Павловна.

– Ничего не случилось, *но я желаю, чтоб ты сию минуту шла домой... Желаю, вот и все, и, пожалуйста, без разговоров.*

⁸⁸ А.Г. Балакай, *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004, с. 298.

⁸⁹ *Андрей, что, уже?* (франц.).

Жена пытается сопротивляться нелепым требованиям мужа, но он начинает угрожать:

- Перестань выдумывать глупости! Ступай сам, если хочешь.
- Ну, так я *скандал* сделаю!...

Муж свою речь заканчивает оскорбительными замечаниями:

- Зачем я тебе сейчас понадобилась? – спросила жена.
- *Ты не нужна мне, но я желаю, чтоб ты сидела дома. Желаю, вот и все* (А.П. Чехов «Муж»).

Как видим, в последовательном повторении требования покинуть клуб, акцизный чиновник, с одной стороны, формулирует свою просьбу все более жестко, угрожая скандалом, с другой стороны, он отказывается объяснять причины такой просьбы. И это нежелание объяснения тоже имеет динамику: *пойдем – прошу идти – скандал сделаю – желаю, вот и все – не нужна, но я желаю, чтобы ты сидела дома – желаю, вот и все*. Непонимание причин просьбы мужа превращает его требование в истерически выражаемую блажь. Настойчивость мужа вынуждает жену, испугавшуюся возможного скандала, выполнить его требование.

Наши наблюдения показывают, что просьбы среди супружеских пар имеют одну особенность: люди, живущие вместе, уже изучили друг друга, поэтому в их общении часто присутствует манипуляция партнером, неуважение, пренебрежение.

Таким образом, речэтикетные ситуации, возникающие между мужчиной и женщиной, и используемые средства общения так же неоднородны, как неоднородны сами отношения. Где любовь, уважение или хотя бы лесть – формулы речевого этикета выразительно вежливы, обращения – учтивы (*сударыня*), ласковы (*Свет ты мой ясный*), просьбы – тактичны. Когда поступок определяется эгоизмом, гордыней, неуважением к женщине – формулы речевого этикета это так или иначе отражают, поэтому появляются пренебрежение в обращении, нетактичные просьбы, бесчувственные советы. Среди этикетных формул, представленных в художественной литературе, распространены различные приветствия и комплименты.

3. Речевой этикет с учетом возрастного статуса коммуникантов

Очень важным фактором, влияющим на коммуникацию, в том числе и на речевой этикет, является возраст. По возрастному признаку общество делится на детей, молодежь, среднее и старшее поколение. Речевые свойства среднего поколения наиболее подвижны, так как люди этого возраста занимают ключевые позиции, они – связующее звено между молодежью и стариками, поэтому их речь наиболее разнообразна и наименее связана с возрастными границами. Старшее поколение не склонно к новациям, оно консервативно. Последующие поколения, с точки зрения стариков, только засоряют и портят язык.

Ж. Лендел считает, что влияние относительной разницы возрастов выявляется при выборе обращений внутри разных поколений⁹⁰.

Чтобы стать членом того или иного общества, необходимо усвоить опыт, накопленный членами данного общества, духовной и материальной культуры, научиться пользоваться объективными материальными предметами, созданными в процессе развития человечества⁹¹. При рассмотрении отношений между взрослыми и детьми мы находим примеры отмеченной социализации.

Далее мы рассмотрим такие отношения, как: *родитель – ребенок, взрослый – ребенок, ребенок – ребенок* на материале произведений русской литературы XIX века.

Родитель – ребенок

Ситуация «Обращение и привлечение внимания» разнообразно представлена в рассматриваемом материале. В XIX веке стандартные формы обращения детей к родителям были строгими и предполагали выражение почтительности, любви, уважения.

⁹⁰ Ж. Лендел, *Обращения, приветствия и прощания в речевом этикете современных венгров*, [в:] А.А. Леонтьев и др. (ред.), *Национально-культурная специфика речевого поведения*, Москва 1977, с. 193.

⁹¹ В.В. Красных, *Основы психолингвистики и теории коммуникации*, Москва 2001, с. 145.

Особенностью этикета этого времени является почтительное обращение независимо от повода общения и содержания последующей речи. Наиболее распространены в XIX веке следующие формы обращения к родителям: *papa*, *папенька*, *мама*, *маменька*. Причем деминутивы не были специальным средством выражения эмоции. Ныне являющиеся устаревшими, эти формы в XIX веке функционально были равны обычным формам именовании родителей.

Например, в семье графа Ростова из романа Л.Н. Толстого дети обращаются *папенька*, *маменька*:

– Ну теперь, *папенька*, я решительно скажу – и *маменька* тоже, как хотите, – я решительно скажу, что вы пустите меня в военную службу, потому что я не могу... вот и все... (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

В описанном эпизоде сын проявляет самостоятельность и, собираясь на войну, фактически идет против воли родителей, о чем и сообщает им, однако употребляет форму обращения в строгом соответствии с нормой.

Распространенную форму обращения употребляет Лиза Муромская, которая, обращаясь к отцу (персонажи повести А.С. Пушкина), выражает волнение из-за его непривычного вида по причине падения с лошади:

– Что это значит, *papa*? – сказала она с удивлением, – отчего вы хромаете? Где ваша лошадь? Чьи это дрожки?

– Вот уж не угадаешь, *my dear*, – отвечал ей Григорий Иванович (А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

В коротком диалоге употреблено ласковое обращение дочери *papa* и ответное обращение отца *моя дорогая*. Обращение по-английски в семье вполне соответствовало распространенному в первой половине XIX века среди дворянства общению на иностранном языке. Кроме того, Григорий Иванович был англоманом.

Распространенным является и обращение к отцу на французский манер *papa* (с ударением на последнем слог). Николай, герой романа Л.Н. Толстого, когда сообщает отцу о своем проигрыше в карты, такой формой пытается придать реплике несколько отчужденный оттенок:

– *Papa*, я к вам за делом пришел. Я было и забыл. Мне денег нужно... (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Обращения в форме деминутивов могут употребляться и для искреннего выражения эмоций. В этом случае семантика обязательно поддерживается контекстом. В приведенном фрагменте Наташа Ростова успокаивает безутешную мать:

Она не выпускала матери, нежно боролась с ней, требовала подушки, воды, расстегивала и разрывала платье на матери.

– *Друг мой, голубушка... маменька... душенька*, – не переставая шептала она, целуя ее голову, руки, лицо и чувствуя, как неудержимо, ручьями, щекоча ей нос и щеки, текли ее слезы (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Наташа взволнована состоянием матери, находящейся в измененном состоянии сознания в связи с известием о гибели сына Пети. Реплика с обращением необычна тем, что кроме четырех обращений ничего более не содержит. И форма *маменька* здесь так же выражает эмоцию, как и иные деминутивы-обращения в ряду.

Обращение *маменька*, будучи формой выражения уважительного отношения, может сопровождать содержательно самые разные высказывания. Например, в диалоге из рассказа А.П. Чехова дочь упрекает мать в том, что та выдала ее замуж.

– *И зачем ты отдала меня сюда, маменька!* – проговорила Липа.

– Замуж идти нужно, дочка. Так уж не нами положено (А.П. Чехов «В враге»).

В значительном арсенале средств реализации ситуации «Обращение» присутствуют обращения, состоящие в отношениях паронимии. Например, в небольшом фрагменте эпизода общения в дворянской среде дочь не может точно определить, какое из обращений, выражающих положительную эмоцию, употребил отец:

– *Душенька...* – или – *дружок...* – Княжна Марья не могла разобрать; но, наверное, по выражению его взгляда, сказано было нежное, ласкающее слово, которого он никогда не говорил. – Зачем не пришла? (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Умиравший князь обращается к княжне. Она не может точно идентифицировать обращение, хотя понимает по невербальным признакам выражаемую положительную эмоцию. Относительная фонетическая и эмоциональная близость обращений *душенька* и *дружок* и тот факт, что князь,

который всегда был очень строг с дочерью и никогда так не обращался к ней, затрудняет идентификацию слова.

В большом арсенале обращений есть и такие, которые демонстрируют отрицательное отношение говорящего к собеседнику. В диалоге матери и дочери по поводу выбора спутника жизни мы встречаем бранные слова:

- С ума ты сошла, *дура?* Смей повторить, *мерзавка-ослушница!* – закричала Марья Алексеевна, подымаясь с кулаками на дочь.
- Позвольте, маменька, – сказала Вера, вставая, – если вы до меня дотронетесь, я уйду из дому, запрете – брошусь из окна (Н.Г. Чернышевский «Что делать?»).

Нужно заметить, что только со стороны матери мы видим нарушение этикета, которое проявляется не только в обращениях (*дура, мерзавка-ослушница*), но также в иных элементах реплики (*с ума ты сошла*), а также в невербальном поведении (*подымаясь с кулаками на дочь*). Дочь же ведет себя предельно сдержанно, «спокойствие» обеспечивается этикетным обращением и параллелизмом конструкции угрозы.

В дворянской среде реализуются различные стандартные формы выражения «Согласия и несогласия с мнением собеседника». Приведенный фрагмент диалога Алексея Берестова и отца, героев повести А.С. Пушкина, демонстрирует довольно выразительную, хотя и громоздкую форму выражения покорности родительской воле:

- «Что же ты, Алеша, давно про военную службу не поговариваешь? Иль гусарский мундир уже тебя не прельщает!...» – «Нет, батюшка, – отвечал почтительно Алексей, – я вижу, что вам не угодно, чтоб я шел в гусары; *мой долг вам повиноваться*». – «Хорошо, – отвечал Иван Петрович, – вижу, что ты послушный сын; это мне утешительно; не хочу ж я тебя неволить; не принуждаю тебя вступить... тотчас... в статскую службу; а покамест намерен тебя женить» (А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

Конечно, не только и не столько этикетная формула, использованная Алексеем, нравится отцу и утешает его, но почтительность ответа в целом поддерживает намерение отца не принуждать сына к статской службе.

В дворянской среде согласие и несогласие между родителями и детьми может выражаться и в более свободной форме, не ограниченной этикетными нормами.

В эпизоде из повести А.С. Пушкина рассматриваемая ситуация «Согласие и несогласие с мнением собеседника» представлена двумя репликами:

- Что вы говорите! – сказала она, побледнев. – Берестовы, отец и сын! Завтра у нас обедать! *Нет, папа, как вам угодно: я ни за что не покажусь.*
- *Что ты, с ума сошла?* – возразил отец, – давно ли ты стала так застенчива, или ты питаешь наследственную ненависть, как романтическая героиня? Полно, не дурачься... (А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка»).

Дочь Лиза отказывается встречаться с Берестовым и выражает несогласие очень решительно, но использует вполне вежливую форму с устойчивой конструкцией как вам угодно, учтиво предваряющей несогласие. Отец же, удивленный отказом дочери встретиться с потенциальным женихом, нарушает этикет грубым вопросом *Ты что, с ума сошла?*, который с его стороны также является формой выражения несогласия.

Родители, воспринимая своих взрослых детей как маленьких, могут говорить с ними как с детьми, оценивая их поступки как несерьезные и употребляя соответствующие наименования. Перед нами диалог матери и дочери Ростовых из романа Л.Н. Толстого, иллюстрирующий ситуации «Просьба, совет, предложение» и «Согласие и несогласие с мнением собеседника»:

- Наташа, полно, *глупости!* – сказала она, еще надеясь, что это была шутка.
- Ну вот, глупости! Я вам дело говорю, – сердито сказала Наташа. – *Я пришла спросить, что делать*, а вы говорите: «глупости»...
- Ежели правда, что мосье Денисов сделал тебе предложение, хотя это смешно, *то скажи ему, что он дурак, вот и все* (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Несогласие выражается словом *полно* в значении сказуемого, а также в оценке сведений, переданных в предыдущем контексте как неразумного поступка. Далее дочь выражает несогласие, возмущаясь определением своей речи как неразумной, и формулирует просьбу. Точнее, фраза *Я пришла спросить, что делать* – это уже рефлексия на непонимание матерью слов Наташи именно как просьбы. Совет матери назвать Денисова *дураком* звучит как насмешка.

Положение детей, даже взрослых, как зависимых от родителей определяет форму просьб, которые часто не приводят к желаемому результату.

В приведенном фрагменте героиня повести А.С. Пушкина Маша Трокурова разговаривает со своим отцом:

- Папенька, *не губите меня*, я не люблю князя, я не хочу быть его женою...
- Это что значит, – сказал грозно Кирила Петрович, – до сих пор ты молчала и была согласна, а теперь, когда все решено, ты вздумала капризничать и отречься. Не изволь дурачиться; этим со мною ты ничего не выиграешь (А.С. Пушкин «Дубровский»).

Робкая просьба дочери не отдавать ее замуж, а также объяснение причины отказа не воспринимаются отцом как существенные, родитель расценивает поведение дочери как несерьезное, шутливо.

При рассмотрении отношений *родитель–ребенок* мы привели примеры коммуникации в различной среде, чтобы показать особенности речевого этикета. Обращение детей к родителям и родителей к детям обычно уважительное, ласковое; чаще всего используется обращение по имени, однако в конфликтных ситуациях родителям свойственно нарушать этикет с целью обеспечить беспрекословное подчинение детей их воле. Не всегда родители воспринимают своих детей всерьез, и зависимое положение детей требует от них сдержанного восприятия шуток (иногда оскорбительных) родителей. Для речи детей в коммуникации с родителями характерно более строгое следование этикету. Даже в случаях явного несогласия с мнением или поступками родителей дети, в различных ситуациях, обычно используют существующие этикетные формулы.

Взрослый – ребенок

Общение между детьми и взрослыми, не являющимися родителями, несколько отличается в отношении этикета от общения с родителями. Важным фактором является знакомство ребенка со взрослым, а также социальная принадлежность коммуникантов.

Автобиографическая проза Н.Г. Гарина-Михайловского изобилует разнообразными примерами коммуникации ребенка с собеседниками разного типа. Рассмотрим эпизод общения горничной и мальчика, ее барина:

- *Артемий Николаич, завтрак!* – раздается по саду молодой, звонкий голос горничной Тани.

Из-за деревьев мелькает платье Тани.

– *Пожалуйста зазвоните*, – говорит горничная, ласково и фамильярно обхватывая Тему (Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы»).

Обращает на себя внимание вежливое этикетное, на первый взгляд, возможно, избыточно уважительное, обращение к маленькому собеседнику по имени-отчеству. Краткая форма приглашения, выраженная инфинитивом *завзвоните*, далее повторно произнесена с вежливым приглашением в форме множественного числа *пожалуйста*. Употребление полного имени и формы на «вы» связано, конечно, с личным теплым отношением прислуги к ребенку, но также и необходимостью приучать ребенка к полному именованию, нормативному в официальной обстановке.

Теплое отношение горничной к Теме проявляется и в употреблении целого ряда вежливых и, одновременно, необычно ласковых обращений, необходимых ребенку, который провинился и мучительно раздумывает, как ему в этом признаться:

Он не прочь, он устал, но перед сном надо идти прощаться, надо пожелать «спокойной ночи» маме и папе. Ох, как не хочется! Он сжал судорожно крепко руками перила ограды и еще плотнее прильнул к ним лицом.

– *Артемий Николаич, Тёмочка, милый мой барин*, – говорит Таня и целует руки Темы, – идите к мамаше! Идите, *мой милый, дорогой*, – говорит она, мягко отрывая и увлекая его за собой, осыпая на ходу поцелуями... (Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы»).

В этом эпизоде горничная, сочувствуя ребенку, стараясь помочь решиться на поступок, также употребляет полное имя, деминутив, чередуя формы на «ты» и «вы» и, кроме того, выражает любовь и благоговение поцелуями.

В ситуации «Обращение и привлечение внимания» теплые отношения говорящий может выразить собеседнику словами не вполне привычными. Использование так называемой косвенной тактики, впрочем, часто бывает оправданным и коммуникативно эффективным. Перед нами ситуация из романа Л.Н. Толстого:

– Ну, что, *казак мой?* (Марья Дмитриевна казаком называла Наташу), – говорила она, лаская рукой Наташу, подходившую к ее руке без страха и весело. – Знаю, что *зелье девка*, а люблю (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

Обращение *казак*, применимое к детям мужского пола как гипербола обозначения боевого характера, что потребовало даже авторского комментария, а также *зелье девка* с явным энантиосемичным значением нравятся Наташе и, конечно, не вызывают отрицательной эмоции. Положительное отношение ребенка ко взрослому допускает определенную свободу в выборе обращения. От отрицательной интерпретации доверие ребенка защищает неэтикетное обращение и в целом необычная номинация.

Наташа Ростова часто фигурирует как объект разного рода нестандартных и часто неэтикетных именовании, как например, в диалоге с Анной Михайловной:

- Нет, *душенька, голубчик, милая, персик*, я не отстану, я знаю, что вы знаете. Анна Михайловна покачала головой.
- *Vous êtes une fine mouche, mon enfant*⁹², – сказала она.
- От Николенки письмо? Наверно! – вскрикнула Наташа, прочтя утвердительный ответ в лице Анны Михайловны.
- Но ради бога, будь осторожнее: ты знаешь, а это может поразить твою *taman*.
- Буду, буду, но расскажите. Не расскажете? Ну так я сейчас пойду скажу (Л.Н. Толстой «Война и мир»).

В разговоре с Наташей в ответ на ряд увещательных ласковых именовании Анна Михайловна называет ее *плутовкой* и уступает шантажу Наташи, отчетливо осознавая свое положение (приживалки) в доме Ростовых.

Репертуар форм обращения взрослых к ребенку включает такие именовании, как собственные имена в метафорическом значении для подчеркивания того или иного признака. Рассмотрим в эпизоде из рассказа А.П. Чехова реплики о Христофора, обращенные к болеющему Егорушке:

- *Ломоносов*, ты спишь? Встань-ка! Я тебя маслом с уксусом смажу. Оно хорошо, ты только бога призывай...
- Во имя отца и сына и святого духа... – шептал он. – Ложись спиной кверху!... Вот так. Завтра здоров будешь, только вперед не согрешай... Как огонь горячий! Небось, в грозу в дороге были? (А.П. Чехов «Степь»).

Мальчика везут учиться в город, он простудился, священник его лечит и успокаивает, используя имя-символ, указывающее на некую совокупность

⁹² *Ах, плутовка* (франц.)

определенных качеств. Так, *Моцарт*, по мнению Д.Б. Гудкова, оказывается тесно связан с такими абстрактными именами, как одаренность, гениальность, *Ломоносов* же – разносторонность. Обращаясь к ребенку таким образом, о. Христофор еще подчеркивает ту тяжесть, которая легла на плечи ребенка – тяжелая дорога, трудности, которые ему предстоит пережить вдали от родителей⁹³.

При общении детей со взрослыми ребенок использует усвоенные модели коммуникации, которые включают не только собственно формулы этикета, но также содержат и более общие знания языка: модели коммуникации или, например, коммуникативные установки на реализацию функций речи.

Так, в уже цитируемом произведении Н.Г. Гарина-Михайловского, есть эпизод, в котором мальчик Тема обходит знакомых, демонстрируя свой новый мундир – это в нем ему скоро предстоит идти в гимназию. При этом он понимает, что следует поддерживать разговор непринужденными сообщениями и не ожидает активной реакции собеседника:

- Яков, я уже поступил в гимназию, – говорит Тема, останавливаясь перед ним.
- В гимназию, – добродушно тянет Яков и улыбается.
- Это мой мундир.
- Мундир? – повторяет Яков и опять улыбается.

Наступает молчание. Яков смотрит на большой палец ноги, как-то особенно загнувшийся к соседу, и протягивает к нему руку.

- Много наловил? – спрашивает Тема.
- Наловил, – отвечает Яков, отставив рукой большой палец ноги, который, как только его выпустил Яков, еще плотнее надел на соседний.
- А мне уж нельзя больше с тобой ходить, – говорит Тема, вздыхая, – я теперь гимназист.
- Гимназист, – повторяет Яков и опять улыбается (Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы»).

Диалог интересен не эхололией Якова – неконтролируемым автоматическим повторением слов, услышанных в чужой речи, – а именно репликами Темы, который умело ведет и завершает фатическое общение.

⁹³ Д.Б. Гудков, *Теория и практика межкультурной коммуникации*, Москва 2003, с. 181.

В разговоре со взрослыми дети часто применяют не только коммуникативную установку и реализуют модели коммуникации, но подчеркивают свою осведомленность, а также используют «взрослые выражения». В диалоге из романа Л.Н. Толстого есть пример «социализации» ребенка из низших социальных слоев во взрослой жизни:

- Ты говоришь, Анисья вдова, а Марфа все равно что вдова, – продолжал старший мальчик. – Все равно – мужа нет.
- Где же муж? – спросил Нехлюдов.
- *В остроге вшей кормит*, – употребляя обычное выражение, сказал старший мальчик... (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Старший мальчик обнаруживает недетскую информированность в обстоятельствах жизни взрослых, что делает его полноценным и равноправным собеседником.

В том же романе мальчик в ситуации «Знакомство» уточняет некоторые обстоятельства жизни матери. Не зная точно значения слова *политическая*, он использует только «социальный вес» признака, называемого этим прилагательным:

- Я с мамой. Она *политическая*, – гордо сказал мальчик.
- Мария Павловна, возьмите Колю, – сказал смотритель, нашедший, вероятно, противозаконным разговор Нехлюдова с мальчиком (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Литература XIX века содержит немало примеров относительно свободной коммуникации детей из низших социальных слоев со взрослыми. Эпизод из повести А.С. Пушкина демонстрирует пренебрежение к господам со стороны малолетних слуг в ситуации «Знакомство»:

- Кирила Петрович обратился к скверному мальчику и спросил его грозно: «*Чей ты?*».
- *Я дворовый человек господ Дубровских*, – отвечал рыжий мальчик.
- Лицо Кирила Петровича омрачилось.
- Ты, кажется, меня господином не признаешь, добро, – отвечал он. – А что ты делал в моем саду?
- *Малину крал*, – отвечал мальчик с большим равнодушием.
- Ага, слуга в барина, каков поп, таков и приход... (А.С. Пушкин «Дубровский»).

Свобода выражается в честном признании своих действий (воровства), направленных против барина.

Интересным является ситуация «конфликта норм», которую представляют взрослый и ребенок в процессе коммуникации. Маленький гимназист Тема, только начавший социализироваться, знакомится со специфическими нормами гимназической жизни. Он отказывается выдать своего одноклассника, который нарушил дисциплину и устроил так, что подозрение пало на Тему. Диалог Темы и директора:

– Я, конечно, никогда не выдам товарищей, но я все-таки могу сказать, что я ни в чем не виноват, потому что меня очень нехорошо обманули и ска...

– Молчать!! – заревел благим матом господин в форменном фраке. – Негодный мальчишка!

Теме, не привыкшему к гимназической дисциплине, пришла другая несчастная мысль в голову.

– Позвольте... – заговорил он дрожащим, растерянным голосом, – вы разве смеете на меня так кричать и ругать меня?

– Вон!! – заревел господин во фраке и, схватив за руку Тему, потащил за собой по коридору.

– Пойдите... – упираясь сбившийся окончательно с толку Тема. – Я не хочу с вами идти... Пойдите...

Но господин продолжал волочить Тему (Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы»).

Гимназист Тема указывает директору на нарушение нормы: он не имеет права оскорблять. Чувство человеческого достоинства воспитано в маленьком дворянине всей недолгой предыдущей жизнью. Оберегать честь учили его родители – это воспитывалось непрерывно примерами и анализом событий и поступков. Этикетные нормы поведения – это была только внешняя сторона, – которая впрочем хорошо усваивала, но главное было сохранение собственного достоинства. Покушение на человеческое достоинство со стороны новых для ребенка взрослых, а также коллектива сверстников, навязывающих ему новые нормы, глубоко травмирует ребенка.

В коммуникации *взрослый – ребенок*, когда взрослый не является родителем, мы наблюдаем реализацию разнообразных форм этикета, обеспечивающих ласковое, уважительное, иногда несколько насмешливое

отношение. Формы обращения позволяют поддержать ребенка в трудное для него время. Это выражается в апелляциях – *Ломоносов, господин Ломоносов, казак, зелье, плутовка*.

Дети умело копируют модели реализации этикета, кроме того, стараются казаться взрослыми, используют понятийную систему и словарь взрослых. Интересными являются ситуации конфликтного взаимодействия разных этикетов, которые обусловлены и разными моральными ценностями общающихся взрослых и детей, обычно в период начального их взаимодействия.

Ребенок – ребенок

Примеры общения детей в русской литературе XIX века немногочисленны. Однако материал показывает, что дети стараются во всем походить на взрослых, что очень заметно в реализации этикетных формул.

Эпизод из повести А.С. Пушкина демонстрирует ситуацию «Просьба, совет, предложение», в которой можно отметить ласковое общение между братом и сестрой в помещичьей среде:

- Спасибо, *милый мой Сашенька*, слушай: ты знаешь старый дуб с дуплом, что у беседки?
- Знаю, *сестрица*.
- Так если ты меня любишь, *сбегай туда поскорей и положи в дупло вот это кольцо*, да смотри же, чтоб никто тебя не видал (А.С. Пушкин «Дубровский»).

Обращения в речи и брата, и сестры ласковые, хотя просьба сестры содержательно несколько напоминает шантаж (*если ты меня любишь*), что, впрочем, часто встречается среди близких людей.

Следующий эпизод демонстрирует воспитание брата сестрой. Зина просит брата не шалить, Тема обещает:

Но маленькая Зина, хотя на год всего старше своего брата, уже понимает, как тяжело будет брату сдержать свое слово.

- Знаешь, Тема, – говорит она как можно вкрадчивее, – ты лучше всего дай себе слово, что ты не будешь шалить. Скажи: любя папу и маму, я не буду шалить.

Тема морщится.

– Тема, тебе же лучше! – подъезжает Зина. – Ведь никогда еще папа и мама не приезжали без того, чтобы не наказать тебя. И вдруг приедут сегодня и узнают, что ты не шалил!

Просительная форма подкупает Тему.

– Как люблю папу и маму, я не буду шалить.

– Ну вот, умница, – говорит Зина... (Н.Г. Гарин-Михайловский «Детство Темы»).

В этом диалоге передается сложная информация о воспитании характера. Причем педагогика Зины весьма успешна, она продуктивно использует взрослые модели на всех стадиях убеждения (*И вдруг приедут сегодня и узнают, что ты не шалил*), включая похвалу (*Ну вот, умница*).

В разговоре крестьянских детей, поскольку они, как все дети, создают свой язык, включая и словарь, и грамматику, и этикет из наблюдаемой речи взрослых, встречаются и бранные слова. Перед нами разговор детей из рассказа А.П. Чехова:

Голос мальчика тотчас с радостным озлоблением закричал:

– Иди сюда, *черт, леши-и-и-ий!*

– Зачем-е-е-ем? – ответил тот спустя долгое время.

– А затем, что тебя тятя высечь хочи-и-и-ит, – поспешно прокричал первый голос (А.П. Чехов «Певцы»).

Осознание того, что бранные слова являются все же в некоторой степени запретными, дети получают определенное удовольствие от возможности осуществить это запретное.

Рассматривая речевые формулы, употребляемые детьми из дворянской и крестьянской среды, мы можем сказать, что дети формируют язык в полном смысле из наблюдаемой и копируемой речи взрослых в той среде, в которой живут, осуществляют коммуникацию, воспитываются.

Выводы

Речевой этикет с учетом социального статуса, гендерной принадлежности и возраста коммуникантов неоднороден.

Как показывают наблюдения, различие социального статуса адресанта и адресата обуславливает употребление формул обращения, принятых в обществе. Обращения, используемые в речи литературных персонажей,

отражают социальную дифференциацию в XIX веке. Но функционирование некоторых формул следует связать не только с социальными аспектами, но и с индивидуальными особенностями языковой личности.

Апеллятивы совпадают с рассмотренными нами в I главе, но социальную стратификацию отражают обращения, составляющие релятивную и функциональную номинации. Это сословные апеллятивы: *барин, барыня, барчук, князь, граф, господа, господин, госпожа, сударь, сударыня* и так далее; и служебно-профессиональные: *ваше превосходительство, ваше сиятельство, господин + должность/чин + фамилия*.

Кроме «Обращений», и другие ситуации отражают социальное неравенство в обществе. Например, в ситуации «Приветствие» только собеседники высшего общества используют формулу на французском языке: *Bonsoir, madame*, – это речевой этикет правящего класса. Приветствие же *Здорово*, в свою очередь, используют собеседники, принадлежащие к низшему социальному слою.

Ситуации, отражающие «Просьбу, совет, предложение» и «Согласие и отказ в ответ на просьбу и приглашение», показывают, как исторически менялись отношения между слугами и хозяевами. Если в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1834 год), слуга вежливо отказывает своему господину: – *Воля твоя, сударь, а денег я не выдам*, то в романе Н.А. Гончарова «Обломов», написанном позже, во второй половине XIX века, слуга Захар дает советы своему хозяину: – *Кабы не пускали Михея Андреича, так бы меньше выходило!* – *прибавил он*.

Частотны этикетные формулы на французском языке, которые были отличительной чертой правящего класса, но также были обнаружены в речи образованных людей, не принадлежащих к высшему обществу.

Разнообразным является речевой этикет в купеческой среде. Купечество было ближе к народу, что, конечно, находит свое отражение и в речевом этикете. В речи купечества мы встретили неофициальные обращения, включающие небольшую группу апеллятивов, которые обозначают степень родства и употребляются узуально, например, *телень, богатая барышня*; фразеологические обороты (*Спасибо этому дому, поедем к другому!*). Это является языковым свидетельством пограничного положения купечества в социальной градации общества.

В дореволюционной России функционировали обращения сословно-иерархического характера в связи с дифференциацией лиц в гражданской и военной службе: *ваши превосходительство, ваше благородие, ваше высокоблагородие*. Титулование происходило в соответствии с чином, неразграничение обращений, предопределенных различием положения адресанта и адресата, воспринималось как грубое нарушение этикетных норм.

Отношения в армии и на флоте формируются и развиваются в замкнутом пространстве. Это предполагает большую выдержку в отношениях, четкую дисциплину, чтобы не допустить конфликтных ситуаций. Различные этикетные ситуации предполагают использование небольшого количества стандартных формул. В ситуации «Приветствие» на флоте и в армии применяют формулу *Здоровья желаем!* Ситуация «Просьба, совет, предложение» отличается наличием четких формул приказов и таких же четких формул ответов *Слушаю-с*. В ситуации «Согласие и несогласие с мнением собеседника» закрепились формулы ответа *Никак нет*. Иногда в армейской и флотской среде, в неуставных ситуациях, используются и неуставные формы обращения, приветствия, прощания, обеспечивающие выражение тех или иных эмоций.

Речевой этикет в гендерном разрезе также неоднороден. Трансакция «мужчина – мужчина» допускает определенную свободу общающихся от этикетных конвенций, корпоративную форму оценочности, установку на сниженность в использовании языковых средств. Для представительниц высшего общества характерно использование формул речевого этикета высокой степени вежливости. В трансакции «мужчина и женщина» сознательно или подсознательно актуализируется биологический пол. Предполагается большое количество «поглаживаний» в виде похвалы, комплимента, скрытых или явных сексуальных призывов. Например, комплимент женщине одинаков, будь она горничная, помещица или дворянка. В дворянском обществе он более утонченный, скрытый и иногда нуждается в разъяснениях. Он, как правило, касается внешности, возраста, одежды, внутренних качеств.

Таким образом, речевые этикетные ситуации, возникающие между мужчиной и женщиной, и используемые средства общения так же неоднородны, как неоднородны сами отношения. Где любовь, уважение или лесть –

формулы речевого этикета выразительно вежливы, обращения учтивы (*сударыня*), ласковы (*Свет ты мой ясный*), просьбы тактичны. Неуважение к женщине появляется в пренебрежении в обращении, нетактичных просьбах, бесчувственных советах. Наши наблюдения показывают, что просьбы среди супружеских пар имеют одну особенность: люди, живущие вместе, уже изучили друг друга, поэтому в их общении часто присутствует манипуляция партнером, неуважение, пренебрежение.

При рассмотрении отношений с учетом возрастного статуса, мы привели примеры коммуникации в различной среде, чтобы показать особенности речевого этикета. Обращение детей к родителям и родителей к детям обычно уважительное, ласковое; чаще всего используется обращение по имени, однако в конфликтных ситуациях родителям свойственно нарушать этикет с целью обеспечить беспрекословное подчинение детей их воле. Для речи детей в коммуникации с родителями характерно более строгое следование этикету. В случаях явного несогласия с мнением или поступками родителей дети в различных ситуациях обычно используют существующие этикетные формулы. Дети формируют язык из наблюдаемой и копируемой речи взрослых в той среде, в которой живут.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Общение – это многогранное явление, изучаемое социологией, философией, психологией, педагогикой и лингвистикой. Это сложный и многоплановый процесс установления и развития контактов между людьми и группами, который порождается потребностями совместной деятельности. Он включает в себя коммуникацию (обмен информацией), интеракцию (обмен действиями) и социальную перцепцию (восприятие и понимание партнера).

Одним из видов общения является диалог. В нем можно встретить неожиданные формообразования, словоупотребления и фонетические сокращения. Его характеризует направленность на адресата, постоянное переключение выступающих в роли говорящих и слушающих. Диалог в художественном произведении разнообразен: в драме – информативен, он развивает сюжет и в большей степени соотнесен с живой разговорной речью. В прозаическом произведении ситуации, смоделированные автором, заменяют ситуации из жизни. Здесь диалог продуман, это органическая часть художественного произведения, подчиненная задачам произведения. Он часто включает авторское сопровождение, содержащее разного рода информацию, касающуюся диалогической коммуникации.

Автор произведения, стараясь отразить речь персонажа, соотносит ее языком представителей различной эпохи, их социальным положением, полом, возрастом, даже если это смоделированная ситуация. Особенно это касается произведений классической литературы. Неотъемлемой частью диалога является речевой этикет, то есть система устойчивых формул общения, приписываемых обществом для установления речевого контакта собеседников. Очевидна тесная связь между категорией вежливости и речевого этикета. Вежливость и ее демонстрация по отношению к собеседнику

лежат в основе норм *этикета*. К соблюдению этих норм относится проявление таких качеств, как *вежливость, внимательность, тактичность, доброжелательность, выдержанность*. Их выражение происходит через конкретные речевые действия. Речевой этикет – это неотъемлемый элемент культуры общения.

Специфика речевого этикета состоит в том, что он определяется как повседневной практикой, так и языковой нормой. Элементы речевого этикета усваиваются настолько глубоко, что они воспринимаются как часть повседневного и закономерного поведения людей. Незнание же требований речевого этикета и, как следствие, их невыполнение, может быть воспринято как невоспитанность или как желание оскорбить.

В работе рассмотрены формулы речевого этикета, используемые в 15 ситуациях, предложенных А.А. Акишиной и Н.И. Формановской¹. Разумеется, приведенный в указанной книге арсенал формул во многом не совпадает с нашим материалом, который был обнаружен в русской литературе XIX века. Несовпадение определяется тем, что, во-первых, на смену устаревшим формулам приходят новые, во-вторых, индивидуальность автора произведения, манера его письма во многом определяет речь персонажей, в том числе и их речевой этикет, в-третьих, мы не учитывали всех текстов русской литературы этого периода. Надо также отметить, что в рассматриваемом материале мы не встретили многих формул этикета народной речи, которые указываются в сборниках В.И. Даля² и С.В. Максимова³. В целом речь крестьян, в особенности детей, которая описана в диалогах русской прозы и драматургии XIX века, представлена весьма скупо.

Каждой ситуации общения присущи свои формулы речевого этикета. Они ситуативно зависимы от степени знакомства участников коммуникации, родственных отношений, социального положения, возрастного и гендерного факторов.

¹ А.А. Акишина, Н.И. Формановская, *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978.

² В.И. Даль, *Пословицы русского народа: Сборник пословицъ, поговорокъ, речений, при-словий, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, поверій и проч.*, Москва 1862.

³ С.В. Максимов, *Крылатые слова*, Москва 1955.

России данного периода присуще закрепление социальных отношений в строгой системе сословной иерархии. Выражением этих отношений служили: введенная Петром I система титулов и установленное четкое соотношение государственных должностей по «Табели о рангах» (документ, изданный в 1717–1721 годах в котором перечислялись военные, гражданские и придворные чины. Каждая категория чинов подразделялась на 14 классов).

Единицы речевого этикета в одних случаях являются обязательными, в других – факультативными, причем многие специализированные единицы и общие проявления речевого этикета различаются по их устойчивой прикрепленности к тем или иным социальным группам.

Социальное положение коммуникантов ярко отражает ситуация «Обращение и привлечение внимания». Также в ней проявляется конативная функция речевого этикета, функция ориентации на адресата. Реализация единиц связана с проявлением принятого в обществе вежливого обращения, специфики общения на «вы». Здесь, при связи социальных ролей собеседников и обстановки общения, происходит выбор на «ты» с использованием глаголов в форме единственного числа и на «вы» (к одному лицу) с использованием глагольных форм множественного числа.

Многим языкам присуще подчеркнуто вежливое избегание в речи местоимений 2-го лица. В художественных произведениях русских писателей иногда используется прием косвенного обозначения адресатов, когда обращение включает в речь нерусских персонажей. Так, например, Янкель, обращаясь к Тарасу, говорит: *«Думает пан, что можно так, как есть, не спрятавши, везти пана?»* (Н.В. Гоголь «Тарас Бульба»).

Чаще всего, в исследованных произведениях, в роли апеллятивов выступают антропонимы. Это имена, имена-отчества, фамилии и прозвища. Формы имен – полные, неполные, уменьшительно-ласкательные и грубовато-фамильярные. Вежливая форма обращения по имени-отчеству была принята в кругу образованных людей к знакомым, чаще старшим по возрасту. Официальные обращения *господин, госпожа*, использовались как детерминативы в сочетании с фамилией адресата, принадлежавшего к привилегированным слоям общества, являлись самыми распространенными в дореволюционной России. *Ваше сиятельство*,

адресуемое графам и князьям, и *ваша светлость*, было принято по отношению к владетельным особам.

Также часто встречается номинация адресата речи с использованием терминов кровного и некровного родства *батюшка, папаша, мама, маменька, матушка, брат, сестра, жена*, используемая представителями как города, так сельской местности. Эти апеллятивы встречаются при коммуникации между: кровными родственниками; некровными родственниками: *жена*; и людьми, не связанными родственными отношениями. Между коммуникантами, разного социального статуса и не связанными родством, обращения *отцы наши, батюшка* отражают преданность и веру в то, что их положение предопределено, как сам факт рождения в той или иной семье, и они полностью полагаются на волю хозяина-родителя.

Апеллятивы *сударь* – к юноше или мужчине, *сударыня* – к девушке или к женщине использовались в качестве обиходно-бытовых обращений. В то время как коммуниканты из простонародья обращались к лицу, стоящему выше по социальной лестнице – *барин, барыня, барышня*.

Для русской культуры характерно открытое проявление эмоций, причем как положительных, так и отрицательных. Одним из ярких примеров являются разнообразные суффиксальные формы обращений – *мамочка, Дарьюшка*. Также русское коммуникативное поведение ориентировано на содержание, русский стиль коммуникации в большей степени информативен. Формальный стиль коммуникации характерен для высших социальных слоев.

Несмотря на возрастное различие, слуг чаще всего называли по именам и на «ты». Однако иногда, в зависимости от установившихся семейных традиций, воспитания, господ могли употреблять формы *мильй, милая*. В качестве формулы обращения к слугам мог выступать апеллятив *любезный*, а также неполные имена и уменьшительно-ласкательные формы. Функционирование этих формул обусловлено не только социальными признаками коммуникантов, но и их индивидуальными речевыми особенностями.

Как и ситуация «Обращение и привлечение внимания», «Приветствие», представляет фатическую и регулятивную функции речевого этикета. Формулы лишены предикативности, но являются коммуникативными

единицами. Такие релятивы служат не для передачи собеседнику какой-либо информации, не для побуждения кого-либо к действию и не для запроса информации, а являются реакцией на ситуацию или на слова собеседника. Наиболее распространенные и нейтральные: *Здравствуйте! Здравствуй!* – встречаются с именем, терминами выражающими родство, отчеством, прозвищем или титулом, это приветствие равных по социальному статусу коммуникантов.

Неравноправные *приветствия* – при общении людей разного возраста: – *Здравствуй, друг!* – сказал он. – *Здравствуйте!* (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы»). А также у коммуникантов, когда гендерные отношения преобладают над социальными: – *С приездом вас, Дмитрий Иванович!* – с трудом выговорила она, и лицо ее залилось румянцем. – *Здравствуй... здравствуйте, – не знал он, как на «ты» или на «вы» говорить с ней, и покраснел так же, как и она* (Л.Н. Толстой «Воскресение»).

Ситуации «Знакомство» и «Обращение и привлечение внимания», больше всех претерпели существенные изменения, по сравнению с настоящим временем. Трансформации подверглись формулы *знакомства без помощи посредника*. Это связано с уничтожением социально-классовой структуры общества. Самопредставление выражено формулой, содержащей глагол *Позвольте + инфинитив: представиться, отрекомендоваться*. Данный вид знакомства может быть представлен формулой: *Фамилия, имя + уточнение отношений при знакомстве, – Василий Денисов, дг'уг вашего сына,* (Л.Н. Толстой «Война и мир»). *Фамилия + социальный статус представляющегося – Раскольников, студент* (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание»), в данной ситуации общения коммуникантов, с разным социальным и возрастным статусом. При знакомстве с посредником распространенной является формула *Позвольте + инфинитив: познакомить + представить – А позвольте представить вам моего лучшего друга* (И.С. Тургенев «Гамлет Щигровского уезда»).

Ситуация «Приглашение», встречающаяся в анализируемых произведениях русской литературы XIX века, выполняет почти идентичную функцию уже рассмотренных ситуаций. Арсенал *приглашений* позволяет выразить смысл в официальной и неофициальной форме, а также передать различные дополнительные оттенки: *Приглашаю Вас (тебя)...* – формула

вежливого приглашения пойти куда-либо с объявленной целью; *Приходите (обедать, на чай...), А вы приходите... Заходите к нам не просясь... Приезжайте...* – разговорная форма неофициального приглашения, характерная и для мещанской, и для дворянской среды, выраженная императивом. Приглашение войти в помещение, переступить порог, может выражаться следующими формулами: *Добро пожаловать, Милости просим*, которое характерно для крестьян и купечества. Французская синонимичная форма русского *Войдите – Entrez*. Одновременно употребляющиеся две формы встречены в дворянско-разночинской среде (для повышения своего статуса, употребляется и французский эквивалент). Приглашение сесть *Прошу + садиться, извольте + садиться, присядьте*, также выражено императивом.

Весьма показательна в отношении социального статуса коммуникантов ситуация «Просьба, совет, предложение»: приказы, обращенные к слугам, подчеркивают их зависимое положение. Ситуации «Просьба, совет, предложение» и «Согласие и отказ в ответ на просьбу и приглашение», показывают, как исторически менялись отношения между слугами и хозяевами. Если в повести А.С. Пушкина «Капитанская дочка» (1834 год), слуга вежливо отказывает своему господину: – *Воля твоя, сударь, а денег я не выдам*, то в романе Н.А. Гончарова «Обломов», написанном позже, во второй половине XIX века, слуга Захар дает советы своему хозяину: – *Кабы не пускали Михея Андреича, так бы меньше выходило!* – прибавил он. В качестве особенности этикета в речи низших социальных слоев выявлено использование такого интенсификатора экспрессии, как *Ради бога*. «Утешение, сочувствие и соболезнование», со свойственными этой ситуации формулами, также социально нейтральна. Но, встреченные утешения очень скупы. Даже при общении мужчины и женщины: – *Тёрпение, терпение, Вера Павловна, найдем!* (Н.Г. Чернышевский «Что делать?»). Утешения-советы, построены посредством приуменьшения неудачи собеседника: – *и вам это на свой счет брать не к чему* (Л.Н. Толстой «Воскресение»), а также: *не принимайте все к сердцу, не анализируйте, смотрите на вещи проще...* (Л.Н. Толстой «Из кавказских воспоминаний»). Фразы в своей структуре отражают «присутствие» собеседника (в повелительной форме глагола). Утешения-обещания: – *Не плачь, Катерина, тебя теперь знаю и не брошу ни за что. Грехи все лежат на отце твоём* (Н.В. Гоголь «Страшная месть»). Утешения

и сочувствия очень разнообразны и варьируются, со стилистической и социокультурной точек зрения, в зависимости от ситуации общения, а не от социального положения коммуникантов.

Ситуация «Согласие и несогласие с мнением собеседника» представлена как формулами речевого этикета, содержащими лексику высокого стиля, так и непосредственной аргументацией согласия или несогласия. Также в обеих ситуациях ответы эмоционально окрашены и характеризуют коммуникантов. Именно эмотивная функция речевого этикета представлена в данной речевой ситуации.

В формулах речевого этикета, представляющих «Жалобу», в литературе данного периода преобладают *оценочные* жалобы на родственников, на хозяйство, на тяжелую жизнь. Они встречаются как среди служащих, помещиков, так и простого народа.

В ситуации «Комплимент» на первый план выходит гендерный аспект, чаще обращен к женщине. Он встречается в общении разных социальных слоев. Однако среди дворян комплимент более изыскан и утончен. Чаще всего он касается внешности и внутренних качеств собеседника. В рассмотренных диалогах комплимент представлен сравнениями с использованием слов: *точно, словно, как*.

Ситуацию «Неодобрение, упрек», ярко характеризуют как социальный, так и возрастной характер формул речевого этикета. Неодобрение нижестоящего, младшего, выраженное по поводу вышестоящего, старшего обычно осуществляется в пределах этикета.

Через ситуацию «Поздравление, пожелание», раскрываются лучшие человеческие качества. В этой ситуации, как ни в какой другой, нельзя скрыть свое отношение к человеку. Нами встречена формула: *Поздравляю тебя с женишком*, редко встречающаяся с одушевленным героем, в наше время встречается подобная – *Поздравляем с новорожденным!*

Высказывания в ситуации «Благодарность» кратки и представляют собой десемантизированные формулы: *Спасибо! Благодарю!* Однако нередки и благодарности, конкретизирующие ее причину. Они состоят из нескольких высказываний: *Благодарю за... Спасибо за...*

В ситуации «Прощание», кроме употребления собственно слов приветствия при расставании *До свиданья(-ия), До завтра, Прощай/те,*

Прощайте-с... Прощай, также содержатся извинения, просьбы, напоминания и иные дополнительные сведения. Встречаются и приветствия-пожелания – *Помоги бог, Бог в помощь*, которые сегодня можно встретить в церковном этикете.

Исследование показало, что именно социальное положение коммуникантов являлось определяющим в выборе тех или иных формул. Ярче всего это отражают формулы речевого этикета, представленные ситуациями: «Обращение», «Приветствие», «Знакомство», «Просьба, совет, предложение», «Извинение», «Согласие и несогласие с мнением собеседника», «Неодобрение, упрек», «Благодарность».

В то время как в ситуациях: «Поздравление, пожелание», «Жалоба», «Приглашение», «Утешение, сочувствие и соболезнование», «Прощание», «Поздравление, пожелание, тосты», речевые формулы, сопровождающие их, не так социально стратифицированы.

Анализируя использование формул речевого этикета в армии и на флоте, мы исходили из того, что цель армейского этикета состоит в поддержании дисциплины и соблюдении иерархии. Отношения в армии и на флоте формируются и развиваются в замкнутом пространстве. Это предполагает большую выдержку в отношениях, регулировать которые помогает соблюдение норм этикета. Частотными формулами армейского этикета являются обращения сословно-иерархического характера: *ваше превосходительство, ваше благородие, ваше высокоблагородие*. Титулование происходило в соответствии с чином. Неразграничение обращений воспринималось как грубое нарушение этикетных норм, предопределенных различием положения адресанта и адресата. В армейской коммуникации многие ситуации имеют ограниченный набор формул: ситуация «Приветствие» реализуется формулой *Здравия желаем!*, ответ в ситуации «Просьба, совет, предложение» выражается формулой *Слушаю-с*, ответ в ситуации «Согласие и несогласие с мнением собеседника» формулой *Никак нет*. Старшие по званию имеют возможность использовать форму просьбы вместо приказа, если, на их взгляд, в данной ситуации уместнее установить более гуманные отношения с подчиненным.

Гендерный аспект отношений наиболее ярко представлен формулами ситуаций «Обращение и привлечение внимания» и «Комплимент,

одобрение». Анализ материала показал, что речевой этикет в гендерном аспекте реализован неоднородно. Там, где имеет место любовь и уважение, обращения подчеркнута вежливости (*сударыня*), ласковы (*Свет ты мой ясный*), а просьбы тактичны. Если поступок персонажа определяется его эгоизмом или неуважением к собеседнику, то формулы речевого этикета это так или иначе отражают: появляются безразличие и оскорбления, нетактичные просьбы, жестокие советы.

При рассмотрении возрастного среза речевого этикета, следует отметить, что в ситуации общения взрослого с ребенком, детская речь более сдержанная в эмоциональном отношении. Дети преимущественно реализуют те формулы этикета, которые черпают из речи взрослых, принадлежащих их социальному слою.

Также на выбор формул речевого этикета большое внимание оказывали установившиеся семейные традиции и воспитание.

Рассмотренные особенности речевого этикета в русской литературе XIX века позволяют сопоставить формулы и их реализацию с современным материалом с целью выяснения изменений русского речевого этикета в связи с изменениями в обществе и культуре. Следует сказать, что точное замечание В.Г. Костомарова о русском языке, как о любом языке, который, становясь международным – обедняется, также, по нашему мнению, распространяется и на речевой этикет.

ПРИЛОЖЕНИЕ

(некоторые примеры)

1. Обращение, привлечение внимания

1.1. Обращения без называния собеседника

<i>Вам кого нужно?</i>	<p>– <i>Вам кого нужно?</i> – спросила, подходя к Нехлюдову, надзирательница, ходившая между сетками.</p> <p>– Екатерину Маслову, – едва мог выговорить Нехлюдов.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Воскресение» (Надзирательница и Нехлюдов))</p>
<i>Да, бишь! вот что</i>	<p><i>Да, бишь! вот что!</i> – обращается он к женщине в черном платье, которая приостановилась у дверей, словно прислушиваясь к барскому разговору, – что у вас нынче к обеду готовлено.</p> <p style="text-align: right;">(М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы» (Улита и доктор))</p>
<i>Здесь ли живет коллежский ассессор Ковалев?</i>	<p>– <i>Здесь ли живет коллежский ассессор Ковалев?</i></p> <p>– Войдите. Майор Ковалев здесь, – сказал Ковалев, вскочивши поспешно и отворяя дверь.</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Нос» (Ковалев и полицейский чиновник))</p>
<i>Позвольте спросить</i>	<p>– <i>Позвольте спросить,</i> – обратился Пьер к офицеру, – это какая деревня впереди?</p> <p>– Бурдино или как? – сказал офицер, с вопросом обращаясь к своему товарищу.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Пьер и офицер))</p>

<p><i>Позвольте узнать</i></p>	<p>– <i>Позвольте узнать</i>, кто здесь г. Ноздрев? – сказал незнакомец, посмотревши в некотором недоумении на Ноздрева, который стоял с чубуком в руке, и на Чичикова, который едва начинал отправляться от своего невыгодного положения.</p> <p>(Н.В. Гоголь «Мертвые души» (капитан-исправник и Ноздрев))</p>
<p><i>Послушай</i></p>	<p>– <i>Послушай</i>, – говорила мне Вера, – я не хочу, чтоб ты знакомился с моим мужем, но ты должен непременно понравиться княгине; тебе это легко: ты можешь все, что захочешь. Мы здесь только будем видеться...</p> <p>– Только?...</p> <p>(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» (Вера и Печорин))</p>
<p><i>Так чем могу служить?</i></p>	<p>– <i>Так чем могу служить?</i></p> <p>– Я просил бы свидания с одной арестанткой, – сказал Нехлюдов, не садясь.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Воскресение» (Нехлюдов и офицер))</p>

1.2. Обращение на «ты» и на «вы»

<p><i>Ты!</i></p>	<p>Фирс: (идет к кофейнику, озабоченно) Барыня здесь будут кушать... (Надевает белые перчатки) Готов кофий? (строго, Дуняше.) <i>Ты!</i> А сливки?</p> <p>Дуняша: Ах, боже мой... (Быстро уходит).</p> <p>(А.П. Чехов «Вишневый сад»; Фирс и Дуняша)</p>
<p><i>Вы</i></p>	<p>– Мне сделали пропозицию насчет вас, – сказал он, Неестественно улыбаясь. – <i>Вы</i>, я думаю, догадались, – Продолжал он, – что князь Василий приехал сюда и привез с собой своего...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (княжна Марья и отец))</p>

1.3. Обращение по имени (полные, краткие, уменьшительно-ласкательные и грубовато-фамильярные формы личных имен)

<p><i>Александр</i></p>	<p>– Папенька, прикажите ему отдать кольцо, – сказал Саша.</p> <p>– Молчи, <i>Александр</i>, – отвечал Кирила Петрович...</p> <p>(А.С. Пушкин «Дубровский» (Троекуров и мальчик))</p>
-------------------------	---

<p><i>Аннушка!</i> <i>Аннушка!</i></p>	<p>– <i>Аннушка! Аннушка!</i> Подь сюда, не бойся! – кликнул старик ласково. – Боюсь, – раздался тонкий голосок. (И.С. Тургенев «Касьян с красивой Мечи») (Аннушка и Касьян)</p>
<p><i>Васька</i></p>	<p>– Убирайся к черту! – крикнул Дмитрий, топнув ногой. – <i>Васька! Васька! Васька!</i> – закричал он, только что мальчик вышел, с каждым разом возвышая голос. <i>Васька!</i> Стели мне на полу. (Л.Н. Толстой «Юность») (Дмитрий и слуга)</p>
<p><i>Вера</i></p>	<p>– <i>Вера!</i> – вскрикнул я невольно. Она вздрогнула и побледнела. – Я знала, что вы здесь... (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени») (Печорин и Вера)</p>
<p><i>Гришка</i></p>	<p>– <i>Гришка!</i> Не ворчать под нос! Выпорю!... – закричал он вдруг на своего камердинера, как будто совершенно не слыхав того, что я сказал о задержках в дороге. (Ф.М. Достоевский «Село Степанчиково и его обитатели») (барин и слуга)</p>
<p><i>Дарьюшка</i></p>	<p>– <i>Дарьюшка,</i> как бы мне пообедать... (А.П. Чехов «Палата № 6») (Рагин и служанка)</p>
<p><i>Дунечка</i></p>	<p>– <i>Дунечка!</i> Да подумай только, в каком мы теперь положении? Ну что, если Петр Петрович откажется? – неосторожно высказала вдруг бедная Пульхерия Александровна. (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание») (Дунечка и Пульхерия Александровна)</p>
<p><i>Егорка!</i></p>	<p>– <i>Егорка!</i> Стой! Матросик так-таки и обомлел: перед ним стоял Захарыч. – Положим, я выпивши... (К.М. Станюкович «Первогодок») (Захарыч и Егорка)</p>
<p><i>Жанчик</i></p>	<p><i>Жанчик,</i> сказала Вера Иосифовна мужу, – скажите, чтобы нам подали чай. (А.П. Чехов «Ионыч») (муж и жена)</p>

<i>Милая Зоя</i>	<p>Окоемов: Да, <i>милая Зоя</i>, имение мы продадим, с этой стороны я покоен; но этого мало, и заботы у меня все-таки остаются.</p> <p>(А.Н. Островский «Красавец мужчина» (муж и жена)</p>
<i>Игнат</i>	<p>– Слышь, <i>Игнат</i>, а <i>Игнат!</i> – говорит голос моего ямщика. – Возьми седока – тебе все равно ехать, а мне что даром гонять! – возьми!</p> <p>Голос Игната подле самого меня отвечает: – А что мне радости-то за седока отвечать?... Поставишь полштофа?</p> <p>(Л.Н. Толстой «Метель» (ямщики)</p>
<i>Эй, Игнашка!</i>	<p>– А шуба где? – сказал Долохов. – <i>Эй, Игнашка!</i> Поди к Матрене Матвеевне, спроси шубу, салоп соболоний. Я слышал, как увозят, – сказал Долохов, подмигнув. – Ведь она выскочит ни жива ни мертва, в чем дома сидела; чуть замешкался – тут и слезы, и папаша, и мамаша, и сейчас озябла, и назад, – а ты в шубу принимай сразу и неси в сани.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (слуга и Долохов)</p>
<i>Катя</i>	<p>– <i>Катя</i>, навели мосты? – проснувшись в то же утро, спросила Ольга у своей горничной.</p> <p>– Не знаю, барышня; нынче не видала ни кучера, ни дворника, а Никита не знает.</p> <p>(Н.А. Гончаров «Обломов» (Ольга и горничная)</p>
<i>Катюша</i>	<p>– <i>Катюша!</i> – начал он, дотрагиваясь до ее руки.</p> <p>– Уйди от меня. Я каторжная, а ты князь, и нечего тебе тут быть...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Воскресение» (Маслова и Нехлюдов)</p>
<i>Лиза!</i>	<p>– <i>Лиза!</i> – сорвалось едва внятно с его губ.</p> <p>– Она вздрогнула и начала всматриваться в темноту.</p> <p>(И.С. Тургенев «Дворянское гнездо» (Лаврецкий и Лиза)</p>
<i>Лыпонька</i>	<p>– Ты, <i>Лыпонька</i>, если что нужно, спрашивай, – сказал он. – И что захочешь, кушай, мы не жалеем, была бы здорова...</p> <p>(А.П. Чехов «В овраге» (свекр и невестка)</p>

<p><i>Митя Бесенок</i></p>	<p>– Бабушка, хлеба, – сказал мальчик, – я с утра ничего не ел, умираю с голоду. – Ах, это ты, <i>Митя</i>, да где же ты пропал, <i>бесенок</i>, – отвечала старуха.</p> <p style="text-align: right;">(А.С. Пушкин «Дубровский» (бабушка и Митя))</p>
<p><i>Милая Настя</i></p>	<p>– Ах, Настя, <i>милая Настя!</i> Какая славная выдумка!</p> <p style="text-align: right;">(А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка» (Настя и Лиза))</p>
<p><i>Настенька!</i></p>	<p>– <i>Настенька!</i> – окликнул я ее, через силу подавляя свое волнение. Она быстро обернулась ко мне. – Ну! – сказала она, – ну! поскорее! Я смотрел на нее в недоумении.</p> <p style="text-align: right;">(Ф.М. Достоевский «Белые ночи» (главный герой и Настенька))</p>
<p><i>Ольга, Ольга!</i></p>	<p>– <i>Ольга, Ольга!</i> – осторожно, почти шепотом кликал однажды Обломов Ольгу внизу горы, где она назначила ему сойтись, чтобы идти гулять.</p> <p style="text-align: right;">(Н.А. Гончаров «Обломов» (Обломов и Ольга))</p>
<p><i>Осип</i></p>	<p>Теперь же она вскрикнула: – <i>Осип</i>, это не может быть!</p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «Попрыгунья» (Дымов и жена))</p>
<p><i>Саша, дорогой мой</i></p>	<p>– <i>Саша, дорогой мой</i>, – сказала она, – а ведь вы больны! – Нет, ничего. Болен, но не очень...</p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «Невеста» (Надя и Саша))</p>
<p><i>Селифан!</i></p>	<p>– <i>Селифан!</i> – сказал он наконец, высунувшись из брички. – Что, барин? – отвечал Селифан.</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Чичиков и Селифан))</p>
<p><i>Улинька!</i></p>	<p>– <i>Улинька!</i> – сказал генерал, обратясь к дочери. – Павел Иванович сейчас сказал преинтересную новость.</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Мертвые души» (генерал и дочь))</p>

<i>Эй, Фетинья</i>	<p>– <i>Эй, Фетинья</i>, принеси перину, подушки и простыню. Какое-то время наслал бог: гром такой – у меня всю ночь горела свеча перед образом. Эх, отец мой, да у тебя-то как у борова вся спина и бок в грязи! где так изволил засалиться.</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Коробочка и Чичиков))</p>
--------------------	--

1.3.1. по-французски

<i>Andre</i>	<p>– <i>Andre</i> – сказала его жена, обращаясь к мужу тем же кокетливым тоном, каким она обращалась и к посторонним, – какую историю нам рассказал виконт о <i>mademoiselle</i> Жорж и Бонапарте!</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Андрей и жена))</p>
<i>Nicolas</i>	<p>– Вот этого я не понимаю, <i>Nicolas</i>, – обратилась она к мужу, – как ты не понимаешь прелесть этих чудо прелестей. – Не понимаю, не могу, – сказал Николай, холодным взглядом глядя на ребенка...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Пьер, Наташа, Николай и княжна Марья))</p>
<i>Sophie</i> <i>Nikolas</i>	<p>– <i>Sophie</i>, – сказал он сначала робко и потом смелее и смелее, – ежели вы хотите отказаться не только от блестящей, от выгодной партии; но он прекрасный, благородный, человек... он мой друг... Соня перебила его... – <i>Nikolas</i>, не говорите мне этого, – сказала она.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Соня и Николай))</p>

1.3.2. имя + термин кровного родства

<i>Варварушка,</i> <i>матушка</i>	<p>– <i>Варварушка</i>, ежели тебе, <i>матушка</i>, – сказал он ласково, – понадобится что в лавке, то ты бери. Бери себе на здоровье, не сомневайся.</p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «В овраге» (Варвара и старик))</p>
--------------------------------------	--

1.4. Обращение по имени – отчеству

<p><i>Амалия Людвиговна</i></p>	<p>– <i>Амалия Людвиговна!</i> Прошу вас вспомнить о том; что вы говорите, – высокомерно начала было Катерина Ивановна (с хозяйкой она всегда говорила высокомерным тоном, чтобы та «помнила свое место», и даже теперь не могла отказать себе в этом удовольствии). – <i>Амалия Людвиговна...</i> – Я вам сказал раз-на-прежде, что вы никогда не смель говорили мне <i>Амаль Людвиговна</i>; я <i>Амаль-Иван!</i></p> <p>(Ф.М Достоевский «Преступление и наказание») (Катерина Ивановна и хозяйка)</p>
<p><i>Иван Федорович</i></p>	<p>– <i>А! Иван Федорович!</i> – закричал толстый Григорий Григорьевич, ходивший по двору в сюртуке; но без, галстука, жилета и подтяжек...</p> <p>(Н.В. Гоголь «Иван Федорович Шпонька и его тетушка») (Григорий Григорьевич и Иван Федорович)</p>
<p><i>Илья Ильич</i></p>	<p>– Он кашлянул и вошел в кабинет. – <i>Илья Ильич! А, Илья Ильич!</i> – начал он тихо, стоя у изголовья Обломова. Храпенье продолжалось. – Эк спит-то! – сказал Захар, – словно каменщик. <i>Илья Ильич!</i></p> <p>(Н.А. Гончаров «Обломов») (Обломов и Захар)</p>
<p><i>Лизавета Григорьевна</i></p>	<p>– Ну, <i>Лизавета Григорьевна</i>, – сказала она, входя в комнату, – видела молодого Берестова; нагладелась довольно; целый день были вместе».</p> <p>(А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка») (Настя и Лиза)</p>
<p><i>Наталья Алексеевна</i></p>	<p>– <i>Наталья Алексеевна!</i> – заговорил он трепетным шепотом, – я хотел вас видеть... я не мог дожидаться завтрашнего дня. Я должен вам сказать, чего я не подозревал, чего я не признавал даже сегодня утром: я люблю вас.</p> <p>(И.С. Тургенев «Рудин») (Наталья и Рудин)</p>
<p><i>Ольга Сергеевна</i></p>	<p>– Как вы развились, <i>Ольга Сергеевна</i>, выросли, созрели, – сказал он вслух, – я вас не узнаю! А всего год какой-нибудь не видались. Что вы делали, что с вами было?</p> <p>(Н.А. Гончаров «Обломов») (Штольц и Ольга)</p>

<p><i>Петр Николаич</i></p>	<p>– <i>Петр Николаич!</i> – сказал денщик, толкая за плечо спящего. – Тут прапорщик лягут... Это наш юнкер, – прибавил он, обращаясь к прапорщику. – Ах, не беспокойтесь, пожалуйста! – сказал Володя...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года» (прапорщик, денщик и юнкер))</p>
<p><i>Фирс Николаевич</i></p>	<p>Дуняша: ...Барышня велит мне танцевать – кавалеров много, а дам мало, – а у меня от танцев кружится голова, сердце бьется, <i>Фирс Николаевич</i>, а сейчас чиновник с почты такое мне сказал, что у меня дыхание захватило. Фирс: Что же он тебе сказал?</p> <p>(А.П. Чехов «Вишневый сад» (Дуняша и Фирс))</p>
<p><i>Друг ты мой, Архип Савельич!</i></p>	<p>– <i>Друг ты мой, Архип Савельич!</i> – сказал я ему. – Не откажи, будь мне благодетелем; в прислуге здесь я нуждаться не стану, а не буду спокоен, если Марья Ивановна поедет в дорогу без тебя...</p> <p>(А.С. Пушкин «Капитанская дочка» (Гринев и слуга Савельич))</p>

1.5. Обращение по отчеству

<p><i>Алматыч</i></p>	<p>– <i>Алматыч!</i> – вдруг окликнул старика чей-то знакомый голос. – Батюшка, ваше сиятельство, – отвечал Алматыч, мгновенно узнав голос своего молодого князя.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Андрей и Алматыч))</p>
<p><i>Васильич</i></p>	<p>– Ну, что, все готово, <i>Васильич?</i> – сказал граф, потирая свою лысину и добродушно глядя на офицера и денщика и кивая им головой... – Хоть сейчас запрягать, ваше сиятельство.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (граф Ростов и денщик))</p>
<p><i>Ильвовна</i></p>	<p>– <i>Ильвовна!</i> – позвал он ее на привале – Выдь ты нонче ко мне на минуточку ночью: дело есть. Катерина Львовна промолчала.</p> <p>(Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда» (Катерина Львовна и Сергей в ссылке))</p>

<i>Максимыч</i>	<p>В эту минуту вошел урядник, молодой и статный казак. – <i>Максимыч!</i> – сказала ему капитанша. – Отведи г. офицеру квартиру, да почище. – Слушаю, Василиса Егоровна, – отвечал урядник...</p> <p style="text-align: right;">(А.С. Пушкин «Капитанская дочка» Гринев и капитанша)</p>
<i>Петрович</i>	<p>– А я вот к тебе, <i>Петрович</i>, того... [...] – Что ж такое? – сказал Петрович и осмотрел в то же время своим единственным глазом весь вицмундир его...</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Шинель» Акакий Акакиевич и Петрович)</p>
<i>Савельич</i>	<p>– Что ж, все не хочешь на волю, <i>Савельич?</i> – спросил Пьер. – Зачем мне, ваше сиятельство, воля?...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» Пьер и слуга)</p>
<i>Ну, Савельич</i>	<p>– <i>Ну, Савельич,</i> – сказал я ему, – отдай же мне теперь половину, а остальные возьми себе. Я еду в Белогорскую крепость.</p> <p style="text-align: right;">(А.С. Пушкин «Капитанская дочка» Гринев и Савельич)</p>

1.6. Обращение по фамилии

<i>Печорин!</i>	<p>– <i>Печорин!</i> Давно ли здесь? Оборачиваюсь: Грушницкий! Мы обнялись.</p> <p style="text-align: right;">(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» Грушницкий и Печорин)</p>
<i>Рудин</i>	<p>– <i>Рудин!</i> – воскликнул он с волнением. Рудин обернулся. Он не мог разобрать черты Лежнева, стоявшего к свету спиною, и с недоумением глядел на него.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Рудин» Рудин и Лежнев)</p>

1.6.1. Фамилия +вежливое обращение к мужчине по-французски

<p><i>Мсье Лопухов</i></p>	<p>– <i>Мсье Лопухов</i>, я никак не ожидала видеть вас танцующим, – начала она. – Почему же? Разве это так трудно, танцевать? (Н.Г. Чернышевский «Что делать?») (Лопухов и Вера Паловна)</p>
----------------------------	---

1.7. Обращение, согласно «Табели о рангах»

<p><i>Господин адъютант</i></p>	<p>– Что, <i>господин адъютант</i>, какие новости? – спросил офицер, видимо желая разговориться. – Хорошие! Вперед, – крикнул он ямщику и поскакал далее. (Л.Н. Толстой «Война и мир») (Князь Андрей и солдаты)</p>
<p><i>Ваше благородие</i></p>	<p>– Чего-с? Помирать, <i>ваше благородие</i>, пришло время... Не быть мне в живых... (А.П. Чехов «Спать хочется») (крестьяне и доктор) – Беда, <i>ваше благородие</i>, беда! – Что такое?! (Н.С. Лесков «Человек на часах») (унтер-офицер и капитан) – Никак нет, <i>ваше благородие!</i> – отвечал белобрысый вестовой и, заметив, а интересуется каютой и подробно ее осматривает Володя, спросил: – Нешто вы с попом будете жить? (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне») (матрос и Ашанин) – Осмелюсь доложить, <i>ваше благородие</i>, что Куцый собака понятливая и ведет себя, как следовало. За ей насчет этого ничего дурного не замечено!... (К.М. Станюкович «Куцый») (старший офицер и боцман)</p>

<p><i>Ваше благородие</i></p> <p>[продолж.]</p>	<p>– <i>Ваше благородие</i>, – сказал он, – сделайте милость, – защитите. Нам не расчет пустяк какой ни на есть, мы с нашим удовольствием! Пожалуйте, сукна сейчас вынесу, для благородного человека хоть два куска, с нашим удовольствием! Потому мы чувствуем, а это что ж, один разбой! Пожалуйте! Караул, что ли, бы приставили, хоть запереть дали бы...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (офицер и купец))</p> <p>– Здоровье желаем, <i>ваше благородие!</i> – тем же отрывистым басом крикнул он.</p> <p>– Где нынче полк стоит?...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года» (солдат и офицер))</p>
<p><i>Ваше высокоблагородие</i></p>	<p>– Здравствуй, Никита, – сказал мягко Андрей Ефимыч. – как бы этому еврею выдать сапоги, что ли, а то простудится.</p> <p>– Слушаю, <i>ваше высокоблагородие</i>. Я доложу смотрителю.</p> <p>(А.П. Чехов «Палата № 6» (Рагин и Никита))</p>
<p><i>Ваше превосходительство</i></p>	<p>– <i>Ваше превосходительство!</i> – говорит он, приставляя руку к папахе, – прикажете пустить кавалерию: показались значки...</p> <p>– С богом, Иван Михайлыч! – говорит генерал.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Набег» (генерал и полковник))</p>
<p><i>Капитан</i></p>	<p>– <i>Капитан</i>, ради бога, я контужен в руку, – сказал он робко. – Ради бога, я не могу идти. Ради бога!</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (юнкер Ростов и Тушин))</p>

1.7.1. Армейский чин + фамилия

<p><i>Ротмистр Праскухин</i></p>	<p>– <i>Ротмистр Праскухин!</i> Сказал генерал. – Сходите, пожалуйста, в правый ложемент и скажите второму батальону М. полка, который там на работе, чтоб он оставил работу, не шумя вышел оттуда и присоединился бы к своему полку, который стоит под горой в резерве. Понимаете? Сами отведите к полку.</p> <p>– Слушаю-с.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Севастополь в мае» (генерал и ординарец))</p>
----------------------------------	---

1.7.2. Армейский чин + пан

<i>Пан полковник</i>	<p>– <i>Пан полковник, пан полковник!</i> – говорил жид поспешным и прерывистым голосом, как будто бы хотел объявить дело, не совсем пустое. – Я был в городе, <i>пан полковник!</i></p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Тарас Бульба» (Жид Янкель и Тарас Бульба)</p>
----------------------	--

1.8. Обращение, согласно титулу

<i>Ваше сиятельство</i>	<p>– Здорово, брат. Ну вот и он.</p> <p>– Здравствуй, <i>ваше сиятельство</i>, – сказал он входившему Анатолю и тоже протянул руку.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Анатолий и ямщик)</p> <p>– Ну, что, все готово, Васильич? – сказал граф, потирая свою лысину и добродушно глядя на офицера и денщика и кивая им головой. (Граф любил новые лица.)</p> <p>– Хотя сейчас запрягать, <i>ваше сиятельство</i>.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (граф Ростов и денщик)</p> <p>Берейтор стоял, расталкивая его.</p> <p>– <i>Ваше сиятельство, ваше сиятельство, ваше сиятельство...</i> – упорно, не глядя на Пьера и, видимо, потеряв надежду разбудить его, раскачивая его за плечо, приговаривал берейтор.</p> <p>– Что? Началось? Пора? – заговорил Пьер, проснувшись.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Пьер и берейтор)</p>
<i>Граф, Графиня, Графинюшка</i>	<p>– Ээ!... да она ранена, – сказал адъютант, – правая передняя, выше колена. Пуля, должно быть. Поздравляю, <i>граф</i>, – сказал он, – <i>Le baptême de feu*</i>.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Пьер и адъютант)</p>

* *Крещение огнем* (фр.)

<p><i>Граф, Графиня, Графинюшка</i></p> <p>[продолж.]</p>	<p>– <i>Граф</i>, что это, дурно, что я пою? – сказала она, покраснев, но, не спуская глаз, вопросительно глядя на Пьера.</p> <p>– Нет... Отчего же? Напротив... Но отчего вы меня спрашиваете?</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Наташа и Пьер)</p> <p>– Давно пожаловали, <i>графиня</i>? – заговорил он. – Приду, приду, ручку поцелую. А я вот приехал по делам, да вот и девочек своих с собой привез...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (граф Ростов, Наташа и Элен)</p> <p>– Ах, <i>графинюшка</i>!... – И граф засуетился, доставая бумажник.</p> <p>– Мне много надо, граф, мне пятьсот рублей надо...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (граф и графиня Ростовы)</p>
<p><i>Княгиня Князь</i></p>	<p>– Поверьте, что я сделаю все, что могу, <i>княгиня</i>, – отвечал князь Василий, – но мне трудно просить государя; я бы советовал вам обратиться к Румянцеву, через князя Голицына: это было бы умнее.</p> <p>[...]</p> <p>– Послушайте, <i>князь</i>, – сказала она, – я никогда не просила вас...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Князь Василий и княгиня Друбецкая)</p>

1.8.1. Титул + имя – отчество

<p><i>Князь Дмитрий Иванович</i></p>	<p>– А, <i>князь Дмитрий Иванович!</i> – веселым, приятным голосом проговорила она. – Я бы узнала...</p> <p>– Как, вы даже помните, как меня зовут?...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Воскресение») (мать Шустова и Нехлюдов)</p>
--	---

1.8.2. Титул + обращение к высшему по положению, оказывающему помощь

<p><i>Ах, князь! Благодетель вы наш! Спаситель вы наш</i></p>	<p>– Ах, <i>князь! Благодетель вы наш! Спаситель вы наш</i> – обтирая руки о фартук, вскрикнула женщина. – Да зачем вы с черной лестницы? <i>Благодетель вы наш!</i>...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Воскресение») (Шустова и Нехлюдов)</p>
---	---

1.9. Обращение – сударь, сударыня

<p><i>Сударь</i></p>	<p>– Что это, <i>сударь</i>, с тобою сделалось? – сказал он жалким голосом. – что ты это нагрузился? Ахти, господи! Отроду такого греха не бывало!</p> <p>– Молчи, хрыч! – ответил я ему запинаясь. – Ты, верно пьян, пошел спать... и уложи меня.</p> <p style="text-align: right;">(А.С. Пушкин «Капитанская дочка» (Гринев и Савельич))</p>
<p><i>Сударыня</i></p>	<p>Поезжай в Караванную, извозчик.</p> <p>– Четвергачок, <i>сударыня</i>.</p> <p>– Хорошо, поезжай поскорее. Он к вам нынче вечером зайдет, маменька. А вы не сердитесь на меня, маменька.</p> <p style="text-align: right;">(Н.Г. Чернышевский «Что делать?») (извозчик и Верочка)</p> <p>– <i>Сударыня!</i> – произнес кто-то через две минуты у запертой двери Катерины Львовны.</p> <p>– Кто это? – испугавшись, спросила Катерина Львовна.</p> <p>– Не извольте пугаться: это я, Сергей, – отвечал приказчик.</p> <p style="text-align: right;">(Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда») (Катерина Львовна и приказчик)</p>

1.10. Обращение – барин, барыня, барышня, баринок, милостивый государь, господин

<p><i>Барин</i> <i>Баринок</i></p>	<p>– Любопытно, <i>барин</i>, посмотреть, как матросики стараются? Небось скоро справим «конверт». Мы ведь в дальнюю... Я, барин, во второй раз иду...</p> <p>– И я на корвете иду! – поспешил сказать Володя...</p> <p>– Вместе, значит, служить будем, <i>баринок</i>. А пока – счастливо оставаться!</p> <p style="text-align: right;">(К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне») (матрос и Ашанин)</p>
--	--

<p><i>Барин</i> <i>Бариннок</i></p> <p>[продолж.]</p>	<p>– <i>Барин!</i> Ничего не хотите закусить? – сказала в это время, подходя к нему, старуха. – Ничего. Эх, брат, как покутили! Впрочем, давай рюмку водки, какая у тебя есть?</p> <p>(Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Ноздрев, Чичиков и старуха))</p>
<p><i>Барыня</i></p>	<p>Старуха приподняла голову и потянулась к Александре Павловне. – Дай, <i>барыня</i>, ручку, – пролепетала она. Александра Павловна не дала ей руки, нагнулись и поцеловала ее в лоб.</p> <p>(И.С. Тургенев «Рудин» (Матрена и Александра Павловна))</p>
<p><i>Барышня!</i></p>	<p>– <i>Барышня! Барышня!</i> Вы себе ноги замочите, – говорила ей ее горничная Маша, едва попевая за ней. Наталья не слушала ее и бежала без оглядки.</p> <p>(И.С. Тургенев «Рудин» (Наталья и горничная))</p> <p>Евпраксеюшка долгое время вглядывалась в нее, как в незнакомую, но наконец-таки узнала. – <i>Барышня!</i> Вы ли? – вскрикнула она, всплеснув руками. – Я. А что?</p> <p>(М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы» (Евпраксеюшка и Аннинька))</p> <p>– Готово, <i>барышня</i>, – говорила горничная, двумя пальцами поднимая подшитое дымковое платье и что-то обдувая и потряхивая, выказывая этим жестом сознание воздушности и чистоты того, что она держала.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Наташа и горничная))</p>
<p><i>Милостивый государь</i></p>	<p>– А осмеюсь ли, <i>милостивый государь</i> мой, обратиться к вам с разговором приличным?...</p> <p>– Не, учусь... – отвечал молодой человек, отчасти удивленный и особенным витиеватым тоном речи, и тем, что так прямо, в упор, обратились к нему...</p> <p>(Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание» (Раскольников и Мармеладов))</p>

<p><i>Милостивый государь</i></p> <p>[продолж.]</p>	<p>...Как ваша фамилия, <i>милостивый государь</i>? И где вы живете?... Моя фамилия Колпиков, <i>милостивый государь</i>...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Юность») (Николай Иргеньев и Колпиков)</p> <p>– А осмелюсь ли, <i>милостивый государь</i> мой, обратиться к вам с разговором приличным? Ибо хотя вы и не в значительном виде, но опытность моя отличает в вас человека образованного и к напитку непривычного.</p> <p>(Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание») (Раскольников и Мармеладов)</p> <p>– <i>Милостивый государь</i>... – сказал Ковалев, внутренне при- нуждая себя ободриться, – милостивый государь...</p> <p>– Что вам угодно? – отвечал нос, оборотившись.</p> <p>– Мне странно, <i>милостивый государь</i>... мне кажется... вы должны знать свое место. И я вас нахожу, и где же? – в церк- ви. Согласитесь...</p> <p>(Н.В. Гоголь «Нос») (Ковалев и Нос)</p>
<p><i>Господин Ашанин!</i></p>	<p>– <i>Господин Ашанин!</i> Подите взглянуть, пьет ли кто-нибудь из наказанных, – сказал капитан.</p> <p>– Есть! – ответил Володя и пошел на бак.</p> <p>(К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне») (капитан и гардемарин)</p>
<p><i>Милосердные господа!</i></p>	<p>– Эй, старик! Поди сюда!</p> <p>Старик обернулся на зов, снял шапку и подошел к ним.</p> <p>– <i>Милосердные господа!</i> – захрипел он. – Помогите бедному, увечному в тридцати сражениях, престарелому воину...</p> <p>(Н.А. Гончаров «Обломов»; Захар и Штольц)</p>

1.11. Обращение с использованием терминов родства

1.11.1. К кровным родственникам

<p><i>Батюшка</i></p>	<p>– <i>Батюшка</i>, я о женитьбе еще не думаю.</p> <p>– Ты не думаешь, так я за тебя думал и прередумал.</p> <p>(А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка») (Алексей и отец)</p>
-----------------------	--

<p><i>Батько</i></p>	<p>– <i>Батько</i>, что ты сделал? Это ты убил его? – сказал подъехавший в это время Остап.</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Тарас Бульба» (Бульба и Остап)</p> <p>– Помилуй, <i>батько!</i> Не гнеvisь! Вот тебе и нагайка: бей, сколько душа пожелает, отдаюсь сам; во всем каюсь; бей, да не гнеvisь только! Ты ж когда-то братался с покойным батьком, вместе хлеб-соль ели и магарыч пили.</p> <p>– Ну, будет с тебя, вставай! Старых людей всегда слушай!</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством» (Чуб, Вакула и Оксана)</p>
<p><i>Брат, Сестра</i></p>	<p>– Ну, уж извини, <i>брат</i>, музыкой мне и подавно некогда заниматься. У меня осьмилетняя дочь, которую я должна учить...</p> <p>– Какая ты, право, стала скучная, <i>сестра!</i> – сказал брат и подошел к окну...</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Платонов и сестра)</p>
<p><i>Мама</i></p>	<p>– <i>Мама!</i> – прозвучал по всему столу ее детски-грудной голос.</p> <p>– Что тебе? – спросила графиня испуганно, но, по лицу дочери увидев, что это была шалость, строго замахала ей рукой, делая угрожающий и отрицательный жест головой.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Наташа и мать)</p>
<p><i>Мама, голубчик</i></p>	<p>– <i>Мама, голубчик</i>, – сказала Наташа, становясь на колени перед матерью и близко приставляя свое лицо к ее лицу...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Наташа и мать)</p>
<p><i>Маменька</i></p>	<p><i>Маменька</i>, помилосердитесь! Где же я вас оскорбляю? Оттого, что ты мрачный эгоист, Егорушка, – продолжала генеральша, все более и более одушевляясь.</p> <p><i>Маменька, маменька!</i> Где же я мрачный эгоист? Вскричал дядя почти в отчаянии...</p> <p style="text-align: right;">(Ф.М. Достоевский «Село Степанчиково и его обитатели» (мать и сын)</p> <p>– Я не понимаю, <i>маменька</i>, какие его отношения к Пьеру? – спросил сын.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Борис и мать)</p>

<p><i>Маменька</i> [продолж.]</p>	<p>– <i>Маменька!</i>... голубчик!... Я тут, друг мой. <i>Маменька</i>, – шептала она ей, не замолкая ни на секунду. Она не выпускала матери, нежно боролась с ней, требовала подушки, воды, расстегивала и разрывала платье на матери. (Л.Н. Толстой «Война и мир») (Наташа и мать)</p>
<p><i>Матушка</i></p>	<p>– Ты, <i>матушка</i>, так не отвечай, – сказала она. – Что я говорю, то правда. Напиши ответ. Наташа не отвечала и пошла в свою комнату читать письмо княжны Марьи. (Л.Н. Толстой «Война и мир») (графиня Ростова и Наташа)</p>
<p><i>Милая мамка</i></p>	<p>Послышался тревожный детский плач: – <i>Милая мамка</i>, унеси меня отсюда, касатка! (А.П. Чехов «В овраге») (священник и Анисим)</p>
<p><i>Папаша</i></p>	<p>– <i>Папаша</i>, – сказал он, – позволь познакомить тебя с моим добрым приятелем, Базаровым, о котором я тебе так часто писал. – Душевно рад, – начал он... (И.С. Тургенев «Отцы и дети») (Аркадий, Базаров и Николай Петрович)</p>
<p><i>Сестрица</i></p>	<p>– Здравствуй, Саша, – сказала она, – зачем ты меня зовешь? – Я пришел, <i>сестрица</i>, узнать от вас, не надобно ли вам чего-нибудь. (А.С. Пушкин «Дубровский») (Маша и Саша)</p>
<p><i>Сын</i></p>	<p>– А поворотись-ка, <i>сын!</i> Экой ты смешной какой! Что это на вас за поповские подрясники? И эдак все ходят в академии? – такими словами встретил старый Бульба двух сыновей своих, учившихся в киевской бурсе и приехавших домой к отцу. (Н.В. Гоголь «Тарас Бульба») (сыновья и Тарас)</p>
<p><i>Сынку</i></p>	<p>– Ну, здорово, <i>сынку!</i> почеломкаемся! – И отец с сыном стали целоваться. – Добре, сынку! вот так колоти всякого, как меня тузил; не спускай! А все-таки на тебе смешное убранство: что это за веревка висит? (Н.В. Гоголь «Тарас Бульба») (сыновья, Тарас и жена).</p>

<p><i>Тетенька голубушка, Тетушка</i></p>	<p>После обеда она стремглав бросилась догонять Анну Михайловну и в диванной с разбега бросилась ей на шею. – <i>Тетенька, голубушка</i>, скажите, что такое? – Ничего, мой друг. (Л.Н. Толстой «Война и мир») (Княгиня Анна Михайловна и Наташа)</p> <p>– Как, <i>тетушка!</i> – вскричал, испугавшись, Иван Федорович. – Как жена! Нет-с, тетушка, сделайте милость... Вы совершенно в стыд меня приводите... я еще никогда не был женат... Я совершенно не знаю, что с нею делать! (Н.В. Гоголь «Иван Федорович Шпонька и его тетушка») (Иван Федорович и Василиса Кашпоровна)</p>
---	---

а) по-французски

<p><i>Mon cousin</i></p>	<p>– Что же вы молчите, <i>mon cousin</i>? – вдруг вскрикнула княжна так громко, что в гостиной услышали и испугались ее голоса... (Л.Н. Толстой «Война и мир») (Княгиня Анна Михайловна, княжна, князь Василий и Пьер)</p>
<p><i>Maman</i></p>	<p>– Как себя чувствуете нынче, <i>taman</i>? Хорошо ли почивали? – сказал папа, почтительно целуя ее руку. Прекрасно, мой милый; кажется, знаете, что я всегда совершенно здорова, – отвечала бабушка... (Л.Н. Толстой «Отрочество») (мать и сын)</p>

б) по-французски, написано кириллицей

<p><i>Матант*</i></p>	<p>Мурзавецкая: Что ты расселся? Не видишь! (Поднимая кофтыль) Встань! Мурзавецкий: Ах, пардон, <i>матант!</i> Я так, что-то не в духе сегодня, не в расположении. (А.Н. Островский «Волки и овцы») (богатая помещица и племянник)</p>
-----------------------	---

* *Ma tante* – моя тетя (франц.).

1.11.2. К родственникам, но не состоящим в кровном родстве

<i>Жена</i>	<p>– <i>Жена!</i> – крикнул грозно пан Данило, – ты знаешь, я не люблю этого. Ведай свое бабье дело!</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Страшная месть») (Катерина и Данило)</p>
<i>Жинка</i>	<p>– Ну, <i>жинка!</i> а я нашел жениха дочке!</p> <p>– Вот как раз до того теперь, чтобы женихов отыскивать!...</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Сорочинская ярмарка») (Черевик и Хивря)</p>
<i>Мама</i>	<p>– Мне не везет, <i>мама!</i> – сказал он однажды за обедом. – Сегодня у меня было четыре вскрытия, и я себе сразу два пальца порезал...</p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «Попрыгунья») (Дымов и жена)</p>

1.11.3. К лицам, не состоящим в кровном родстве

<i>Батюшка</i>	<p>– Да полно вам, <i>батюшка</i>, томить-то меня жалкими словами! – умолял Захар. – Ах ты, Господи!</p> <p>– Я «другой»!...</p> <p style="text-align: right;">(Н.А. Гончаров «Обломов») (Обломов и Захар)</p> <p>– Здравствуйте, <i>батюшка</i>. Каково почивали? – сказала хозяйка, поднимаясь с места. Она была одета лучше нежели вчера, в темном платье, и уже не в спальном чепце, но на шее все-таки было что-то навязано.</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Мертвые души») (Чичиков и Коробочка)</p> <p>– Покупатель.</p> <p>– Сейчас, <i>батюшка</i>, сейчас.</p> <p>Калитка растворилась. Я увидел бабу лет пятидесяти, простоволосую, в сапогах и в тулупе нараспашку.</p> <p>– Извольте, <i>кормилец</i>, войти, а я сейчас пойду Анастасею Иванычу доложу.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Лебедянь») (рассказчик и баба)</p>
----------------	--

<p><i>Батюшка</i></p>	<p>– Что это, <i>батюшка</i>, – сказал он улыбаясь, – не хотят мне нынче спать давать: то вы с своим разжалованным, то Шамиль; что же мы будем делать: отвечать или нет? Ничего не было об этом в приказании?</p> <p>(Л.Н. Толстой «Из кавказских воспоминаний») (капитан и автор)</p> <p>– <i>Батюшка</i> ты наш! Вы отцы, мы ваши дети! Не давай в обиду Фоме Фомичу! Вся бедность простит! – закричали еще раз мужики. – Вот дураки-то! Не отдам я вас, говорят!</p> <p>(Ф.М. Достоевский «Село Степанчиково и его обитатели») (барин и мужики)</p>
<p><i>Брат</i></p>	<p>– Нет. Хорь в город уехал, – отвечал парень, улыбаясь и показывая ряд белых, как снег, зубов. – Тележку заложить прикажете? – Да, <i>брат</i>, тележку. Да принеси нам квасу.</p> <p>(И.С. Тургенев «Хорь и Калиныч») (Федя и Полутыкин)</p> <p>Фирс: (Гаеву) Извольте, государь, надеть, а то сыро. Гаев: (надевает пальто) Надоел ты <i>брат</i>. Фирс: Ничего там... Утром уехали, не сказавшись. (Оглядывает его).</p> <p>(А.П. Чехов «Вишневый сад») (Фирс и Гаев)</p> <p>– Что, <i>брат</i>, тебя сегодня наказали? – спросил я его. – А вы почему знаете? – отвечал Вася.</p> <p>(И.С. Тургенев «Два помещика») (буфетчик Вася и автор)</p> <p>– Что, <i>брат</i>, ехать надо! Петька конфузливо улыбался и молчал.</p> <p>(Л. Андреев «Петька на даче») (барин, Петька и мать)</p>
<p><i>Братец</i></p>	<p>– Послушай, <i>братец</i>, – спросил у него штабс-капитан, – чья эта чудесная коляска? А?... Прекрасная коляска! – Лакей, не обращиваясь, бормотал что-то про себя, развязывая чемодан... – Чья коляска? Моего господина...</p> <p>(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени») (лакей и Максим Максимыч)</p>

<p><i>Братец</i></p> <p>[продолж.]</p>	<p>– Как ты, <i>братец</i>, попал в польню против дворца? – Виноват, – отвечал спасенный.</p> <p>(Н.С. Лесков «Человек на часах» (генерал и спасенный))</p>
<p><i>Матушка</i></p>	<p>– Приехал? – быстрым шепотом спросила Наташа, боясь пошевелиться, чтобы не разбудить засыпавшего ребенка. – Приехали, <i>матушка</i>, – прошептала няня.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Наташа и няня))</p> <p>– Хорошо, хорошо, – говорил Чичиков, садясь в кресла. – Вы как, <i>матушка</i>?</p> <p>(Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Чичиков и Коробочка))</p>
<p><i>Отцы наши</i></p>	<p>– Ну что, брат Софрон, каково у тебя дела идут? – спросил он ласковым голосом. – Ах вы, <i>отцы наши!</i> – воскликнул Софрон, – Да как же им худо идти, делам-то!...</p> <p>(И.С. Тургенев «Бурмистр» (бурмистр и барин))</p>

а) батюшка, матушка + имя – отчество

<p><i>Батюшка, Петр Андрееч</i></p>	<p>– Ну, <i>батюшка, Петр Андрееч!</i> Напугал ты меня! Легко ли? Пятые сутки...</p> <p>(А.С. Пушкин «Капитанская дочка» (Гринева и Савельич))</p>
<p><i>Батюшка, Адриан Прохорович</i></p>	<p>– Как ты заспался, <i>батюшка, Адриан Прохорович</i>, – сказала Аксиныя, подавая ему халат. – К тебе заходил сосед портной, и здешний будочник забежал с объявлением.</p> <p>(А.С. Пушкин «Гробовщик» (гробовщик и работница))</p>
<p><i>Ах, батюшка Владимир Андреевич</i></p>	<p>– Ах, <i>батюшка Владимир Андреевич</i>, – отвечал старик задыхаясь. – Суд приехал. Отдают нас Троекурову, отымают нас от твоей милости!...</p> <p>(А.С. Пушкин «Дубровский» (Дубровский и кучер))</p>

<p><i>Матушка Катерина Ильвовна</i></p>	<p>– Чего вы так радуетесь? – спросила Катерина Львовна свекровых приказчиков. А вот, <i>матушка Катерина Ильвовна</i>, свинью живую вешали, – отвечал ей старый приказчик.</p> <p style="text-align: right;">(Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда» (приказчик и Катерина Львовна))</p>
---	--

б) батюшка + обращение согласно титулу

<p><i>Батюшка, ваше сиятельство</i></p>	<p>– Алпатыч! – вдруг окликнул старика чей-то знакомый голос. – <i>Батюшка, ваше сиятельство</i>, – отвечал Алпатыч, мгновенно узнав голос своего молодого князя.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» (князь Андрей и Алпатыч))</p>
---	---

1.12. С отражением степени знакомства

<p><i>Друг любезный</i></p>	<p>– Эх, <i>друг любезный!</i> – проговорил Базаров, – как ты выражаешься! Видишь, что я делаю: в чемодане оказалось пустое место, и я кладу туда сено; так и в жизненном нашем чемодане; чем бы его ни набили, лишь бы пустоты не было.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Базаров и Аркадий))</p>
<p><i>Друг мой, Мой друг</i></p>	<p>– Ну, что? Как ты чувствуешь себя? – спросил Ростов. – Скверно! Но не в том дело. <i>Друг мой</i>, – сказал Долохов прерывающимся голосом, – где мы? Мы в Москве, я знаю. Я ничего, но я убил ее, убил... Она не перенесет этого. Она не перенесет...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Долохов и Николай Ростов))</p> <p>– <i>Мой друг</i>, мне и не здешнее ужасно надоело. А ты у них бываешь? – Нет еще...</p> <p style="text-align: right;">(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» (Грушницкий и Печорин))</p>

<p><i>Друг мой, Мой друг</i></p> <p>[продолж.]</p>	<p>– Ну, здравствуйте, <i>мой друг</i>, садитесь и рассказывайте, – сказала княгиня Софья Васильевна с своей искусной, притворной, совершенно похожей на натуральную улыбкой.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Воскресение» (Нехлюдов и Софья Васильевна))</p>
--	---

а) по-французски

<p><i>Mon bon ami?*</i></p>	<p>Анна Михайловна, несмотря на поправившиеся дела, продолжала жить у Ростовых.</p> <p>– <i>Mon bon ami?</i> – вопросительно-грустно и с готовностью всякого участия произнесла Анна Михайловна.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Княгиня Анна Михайловна и Ростов)</p>
-----------------------------	---

* *Мой добрый друг* (франц.).

б) друг мой + имя – отчество

<p><i>Друг ты мой, Архип Савельич</i></p>	<p>– Друг ты мой, Архип Савельич! – сказал я ему. – Не откажи, будь мне благодетелем; в прислуге здесь я нуждаться не стану, а не буду спокоен, если Марья Ивановна поедет в дорогу без тебя. Служа ей, служишь ты и мне, потому, что я твердо решил, как скоро обстоятельства позволят, жениться на ней...</p> <p>(А.С. Пушкин «Капитанская дочка» (Гринев и Савельич))</p>
---	--

1.13. С указанием на возраст

<p><i>Дед</i></p>	<p>Яша: Надоел ты <i>дед</i>. (Зевает). Хоть бы ты поскорее подох. Фирс: Эх ты... недотепа! (Бормочет).</p> <p>(А.П. Чехов «Вишневый сад» (Яша и Фирс))</p>
<p><i>Мальчик</i></p>	<p>– <i>Мальчик</i>, воды!</p> <p>(Л. Андреев «Петька на даче» (Осип Абрамович и Петька))</p>

<i>Дитя</i>	<p>– Ну, что, <i>дитя</i>, – начала Дарья Михайловна, – как ты сегодня? Наталья посмотрела на мать свою.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Рудин») (Дарья Михайловна и дочь)</p>
<i>Эй, старик! Поди сюда!</i>	<p>– <i>Эй, старик! Поди сюда!</i> Старик обернулся на зов, снял шапку и подошел к ним. Милосердные господа! – захрипел он. – Помогите бедному, увечному в тридцати сражениях, престарелому воину...</p> <p style="text-align: right;">(Н.А. Гончаров «Обломов») (литератор, Штольц и Степан)</p>
<i>Стафина</i>	<p>– А, <i>стафина</i>, здравствуй! – воскликнул Базаров. – Здравствуйте, батюшка Евгений Васильевич, – начал старичок и радостно улыбнулся, отчего все лицо его вдруг покрылось морщинами.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Отцы и дети») (Базаров и приказчик)</p>
<i>Стафинушка</i>	<p>– Это, <i>стафинушка</i>, уж не твоя печаль, – сказал мой бродяга, – пропью ли я или нет. Его благородие мне жалует шубу со своего плеча: его на то барская воля, а твое холопье дело не спорить и слушаться.</p> <p style="text-align: right;">(А.С. Пушкин «Капитанская дочка») (Пугачев, Гринев и Савельич)</p>
<i>Хлопцы</i>	<p>– Ну, <i>хлопцы</i>, полно спать! Пора, пора! Напойте коней! А где стара? (Так он обыкновенно называл жену свою) Живее, стара, готовь нам есть: путь лежит великий.</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Тарас Бульба») (Тарас Бульба и жена)</p>

1.14. С учетом географического признака

<i>Землячок</i>	<p>– Далече едете, <i>землячок</i>? – сказал один из них, пережевывая хлеб, солдату, который с небольшим мешком за плечами остановился около них.</p> <p>– В роту едем из губернии, – отвечал солдат, глядя в сторону от арбуза и поправляя мешок за спиной...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года») (солдаты)</p>
-----------------	---

1.15. По роду выполняемых занятий

<i>Эй, вестовой!</i>	<p>– А вы вот внюхайтесь... Аромат-то каков... <i>Эй, вестовой!</i> – Есть! – отозвался вбежавший вестовой.</p> <p>(К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне») (старший офицер, Ашанин и Ворсунька)</p>
<i>Эй, извозчик</i>	<p>– А, черт возьми! – сказал Ковалев. – <i>Эй, извозчик</i>, вези прямо к обер-полицмейстеру!</p> <p>(Н.В. Гоголь «Нос») (Ковалев и извозчик)</p>
<i>Купчиха</i>	<p>– Что, <i>купчиха</i>? Все ли ваше степенство в добром здоровье? – нагло спросил Катерину Львовну Сергей, чуть партия потеряла за мокрым пригорком деревню, где ночевала.</p> <p>(Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда») (Катерина Львовна и Сергей в ссылке)</p>
<i>Любезный доктор</i>	<p>– Заметьте, <i>любезный доктор</i>, – сказал я, – что без дураков было бы на свете очень скучно...</p> <p>(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени») (Вернер и Печорин)</p>

1.16. По отличительным чертам внешности или характера, схожести

<i>Эй, борода</i>	<p>– <i>Эй, борода!</i> А как проехать отсюда к Плюшкину, так чтоб не мимо господского дома? Мужик, казалось, затруднился таким вопросом.</p> <p>(Н.В. Гоголь «Мертвые души») (Чичиков и мужик)</p>
<i>Волк</i>	<p>– <i>Волк!</i> Бонапарта завоевать хочешь? – сказал старик и потрянул напудренную голову, сколько позволяла его заплетенная коса, находившаяся в руках Тихона...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир») (граф Болконский и Андрей)</p>
<i>Казак Зелье</i>	<p>– Ну, что, <i>казак</i> мой? (Марья Дмитриевна казаком называла Наташу), – говорила она, лаская рукой Наташу, подходившую к ее руке без страха и весело. – Знаю, что <i>зелье</i> девка, а люблю.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Марья Дмитриевна и Наташа)</p>

<p><i>Ломоносов</i></p>	<p>– <i>Ломоносов</i>, ты спишь? Встань-ка! Я тебя маслом с уксусом смажу...</p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «Степь» (о. Христофор и Егорушка)</p>
<p><i>Моя красавица; милый, чернобровый парубок</i></p>	<p>– Бог с ним, <i>моя красавица!</i> Мало ли чего не расскажут бабы и народ глупый. Ты себя только потревожишь, станешь бояться, и не заснетя тебе покойно.</p> <p>– Расскажи, расскажи, <i>милый, чернобровый парубок!</i> – говорила она, прижимаясь лицом своим к щеке его и обнимая его...</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Майская ночь или утопленница» (Левко и Ганна)</p>
<p><i>Моя пери</i></p>	<p>– Послушай, <i>моя пери</i>, – говорил он, – ведь ты знаешь, что рано или поздно ты должна быть моею, – отчего же только мучишь меня?...</p> <p style="text-align: right;">(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» (Бэла и Печорин)</p>
<p><i>Орест и Пилад</i></p>	<p>– Ну, а <i>Орест и Пилад</i> куда поедут? Верно домой беседовать о любви; то ли дело мы, проведем милую тетушку, – лучше вашей кислой дружбы.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Юность» (Друзья)</p>
<p><i>Пузырь</i></p>	<p>– Об чем ты, <i>пузырь?</i> – сказал папа с участием, наклоняясь ко мне.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Отрочество» (отец и сын)</p>
<p><i>Рева</i></p>	<p>– Ну, не отрвелся еще, <i>рева!</i> – сказал Кузьмичов. – Опять, баловник, слюни распустил! Не хочешь ехать, так оставайся. Никто силой не тянет!</p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «Степь» (о. Христофор, Кузьмичов и Егорка)</p>
<p><i>Сыромолотная дворянка</i></p>	<p>– Ну, <i>сыромолотная дворянка</i>, – проговорил он наконец, – здравствуй; пойдем к барыне.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Дворянское гнездо» (Петр Андреевич и Маланья)</p>
<p><i>Ты, умница</i></p>	<p>– Ведь вот ты, – прибавил он, обращаясь к сидевшему на козлах мужику, – <i>ты, умница</i>, есть у тебя жена?</p> <p>Мужик показал обоим приятелям свое плоское и подслеповатое лицо.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Аркадий, Базаров и мужик)</p>

<p><i>Черноглазая моя шалунья</i></p>	<p>– Опять какие-нибудь проказы! – сказал смеясь Григорий Иванович. – Ну, хорошо, хорошо; согласен, делай, что хочешь, <i>черноглазая моя шалунья</i>.</p> <p>(А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка» (отец и Лиза))</p>
---------------------------------------	--

1.17. Формы слов, выражающие общность при выполнении общего дела

<p><i>Ребята</i> <i>Братушки</i></p>	<p>Вдруг на лице Лопатина безумная радость. – <i>Ребята</i>, навались... Он здесь... Он машет рукой... Гляди... <i>Братушки</i>, навались! – Братцы... а я уж и не ждал! – проговорил Артемьев.</p> <p>(К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне» (Офицер и матросы, спасающие упавшего за борт))</p> <p>– <i>Ребята!</i> Надо сходить назад – взять офицера, что ранен там в канаве, – сказал он не слишком громко и повелительно, чувствуя, как неприятно будет солдатам исполнять это приказанье...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Севастополь в мае» (штабс-капитан и солдаты))</p>
--	---

1.18. С этикетным эпитетом или существительным *милая*

<p><i>Милая</i></p>	<p>– Небось, <i>милая</i>, – сказал он Лизе, – собака моя не кусается. Лиза успела уже оправиться от испугу и умела тотчас воспользоваться обстоятельствами. – Да нет, барин, – сказала она, притворяясь полуиспуганной, полужастенчивой, – боюсь: она вишь, такая злая; опять кинется.</p> <p>(А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка» (Алексей и Лиза))</p> <p>– Что вы, <i>милая</i>, – сказала она сердито девушке, которая заставила себя ждать несколько минут. – Не хотите служить, что ли? Так я вам найду место. Графиня была расстроена горем и унижительною бедностью своей подруги и поэтому была не в духе, что выражалось у нее всегда наименованием горничной «милая» и «вы».</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (графиня Ростова и горничная))</p>
---------------------	---

	<p>– Почему же, Верочка? – Ах, <i>мой милый</i>, ты сам знаешь, почему, – зачем же у меня спрашиваешь? Не спрашивай так, мой миленький.</p> <p>(Н.Г. Чернышевский «Что делать?») (Верочка и Лопухов)</p>
<i>Милый князь</i>	<p>– А, <i>милый князь</i>, нет приятнее гостя, – сказал Билибин, выходя навстречу Андрею. – Франц, в мою спальню вещи князя! – обратился он к слуге, провожавшему Болконского. – Что, вестником победы? Прекрасно. А я сижу больной, как видите.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир») (дипломат Билибин и Андрей)</p>
<i>Моя милая</i>	<p>– Скажите, <i>моя милая</i>, – сказала она, обращаясь к Наташе, – как же вам приходится эта Мими? Дочь, верно?</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Наташа и Анна Михайловна)</p>
<i>Милое дитя мое</i>	<p>– <i>Милое дитя мое</i>, это было сказано в увлечении; в минуты увлечения оно верно и хорошо! Но жизнь – проза и расчет. – Нет, никогда, никогда!...</p> <p>(Н.Г. Чернышевский «Что делать?») (Жюли и Верочка)</p>

а) по-французски

<i>Mon cher*</i>	<p>– <i>Mon cher</i>, – отвечал я ему, стараясь подделаться под его тон, – <i>je mé prise Les femmes pour ne pas Les aimer car autrement la vie serait um mélodrame trop ridicule.</i></p> <p>(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени») (Грушницкий и Печорин)</p> <p>– <i>Mon cher, mon cher</i>, как же ты судишь? Да ведь у Софи ничего нет, а ты сам говорил, что дела твоего папа очень плохи. А твоя татапа? Это убьет ее, раз...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Николай Ростов и губернаторша)</p>
------------------	---

* *Мой милый* (франц.).

<p><i>Ma chere*</i> <i>Mon cher Boris</i></p>	<p>– Что греха таить, <i>ma chere!</i> Графинюшка мудрила с Верой, – сказал граф. – Ну, да что ж! Все-таки славная вышла, – прибавил он, одобрительно подмигивая Вере.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Граф Ростов и Анна Михайловна)</p> <p>– <i>Mon cher Boris,</i> – сказала мать, выпрастывая руку из-под старого салопа и робким и ласковым движением кладя ее на руку сына...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Княгиня Друбецкая и сын)</p>
---	--

* *Милая* (франц.).

1.19. С этикетным эпитетом или существительным *дорогой*

<p><i>Дорогой мой</i></p>	<p>– <i>Дорогой мой,</i> зачем я туда поеду? – говорил Андрей Ефимыч умоляющим голосом. – Поезжайте одни, а мне позвольте ехать домой! Прошу вас!</p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «Палата № 6») (Рагин и Михаил Аверьяныч)</p>
---------------------------	--

а) по-английски

<p><i>My dear**</i></p>	<p>– Что это значит, папа? – сказала она с удивлением, – отчего вы хромаете? Где ваша лошадь? Чьи это дрожки? – Вот уж не угадаешь, <i>my dear,</i> отвечал ей Григорий Иванович.</p> <p style="text-align: right;">(А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка») (отец и Лиза)</p>
-------------------------	--

** *Моя дорогая* (англ.).

1.20. С этикетным эпитетом или существительным *любезный*

<p><i>Ну, любезные</i></p>	<p>– <i>Ну, любезные,</i> – сказал Чичиков, обратившись [к ним] милостиво: – нужно укладываться, да ехать.</p> <p>– Покатим, Павел Иванович, – сказал Селифан.</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Мертвые души») (Чичиков и Селифан)</p>
----------------------------	---

<p><i>Послушай, любезный</i></p>	<p>– <i>Послушай, любезный!</i> – сколько у нас умерло крестьян с тех пор, как подавали ревизию? – Да как сколько? Многие умирали с тех пор, – сказал приказчик и при этом икнул, заслонив рот слегка рукою наподобие щитка.</p> <p>(Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Манилов, приказчик и Чичиков))</p>
<p><i>Мой любезный</i></p>	<p>– Извините, генерал, – перебил его Кутузов и тоже повернулся к князю Андрею. – Вот что, <i>мой любезный</i>, возьми ты все донесения от наших лазутчиков у Козловского...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (князь Андрей и Кутузов))</p>
<p><i>Любезная моя Анна Михайловна</i></p>	<p>– Я рад, что мог сделать вам приятное, <i>любезная моя Анна Михайловна</i>, – сказал князь Василий, оправляя жабо...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (княгиня Анна Михайловна, князь Василий и Борис))</p>

1.21. С компонентом *душа, душенька, душечка*

<p><i>Душа моя</i></p>	<p>– Нет, <i>душа моя</i>, мне самой страшно, – отвечала мать. – Иди. – Все равно я не буду спать. Что за глупости спать!...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Наташа и мать))</p> <p>– Евгений...</p> <p>– <i>Душа моя</i>, это не беда; то ли еще на свете приедается! А теперь, я думаю, не проститься ли нам?...</p> <p>(И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Аркадий и Базаров))</p> <p>– Ну, <i>душа моя</i>, – сказал он, – я вчера хотел сказать тебе и нынче за этим приехал к тебе. Никогда не испытывал ничего подобного. Я влюблен, мой друг. Пьер вдруг тяжело вздохнул и повалился своим тяжелым телом на диван подле князя Андрея. – В Наташу Ростову, да? – сказал он.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Андрей и Пьер))</p>
------------------------	--

<p><i>Душа моя</i> [продолж.]</p>	<p>– Как тебя зовут, <i>душа моя</i>? – Акулиной, – отвечала Лиза, стараясь освободить свои пальцы от руки Алексеевой; да пусти ж, барин; мне домой пора. (А.С. Пушкин «Барышня-крестьянка» (Алексей и Акулина))</p>
<p><i>Душенька</i></p>	<p>– <i>Душенька...</i> – или – дружок... – Княжна Марья не могла разобрать; но наверное, по выражению его взгляда, сказано было нежное, ласкающее слово, которого он никогда не говорил. – Зачем не пришла? (Л.Н. Толстой «Война и мир») (княжна Марья и отец)</p> <p>– <i>Душенька</i>, рекомендую тебе, – продолжал Собакевич: – Павел Иванович Чичиков! У губернатора и почмейстера имел честь познакомиться. (Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Чичиков, Собакевич и жена Собакевича))</p>
<p><i>Моя душечка</i></p>	<p>– Вставай, <i>моя душечка</i>: пора идти спать... Вставай же ангел мой. (Л.Н. Толстой «Детство») (мать и ребенок)</p>

1.22. С компонентом *свет*

<p><i>Свет ты мой</i></p>	<p>– Батюшка Петр Андреич, – произнес он дрожащим голосом, – не умори меня с печали. <i>Свет ты мой!</i> Послушай меня, старика: напиши этому разбойнику, что ты пошутил, что у нас и денег-то таких не водится. (А.С. Пушкин «Капитанская дочка» (Гринев и Савельич))</p>
<p><i>Свет ты мой ясный</i></p>	<p>– Да ведь, Катерина Ильвовна! <i>Свет ты мой ясный!</i> – заговорил он. – Ты сама посмотри, какое наше с тобой дело... – Говори, говори, Сережа, свое горе. (Н.С. Лесков «Леди Макбет Мценского уезда» (Катерина Львовна и Сергей))</p>

1.23. Обращения голубушка, голубчик

<p><i>Голубушка</i></p>	<p>– Ты бы, <i>голубушка</i>, вниз пошла! – обратилась Арина Петровна к Улитушке. – Это еще что за новости! – огрызнулась последняя.</p> <p>(М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы» (Арина Петровна и Улитушка)</p> <p>– Вот что, <i>голубушка</i>, принеси-ка ты нам водочки да закусить что-нибудь, – отдает он приказание, останавливаясь в дверях.</p> <p>(М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы» (доктор и служанка)</p>
<p><i>Голубчик</i> <i>Голубчик мой</i></p>	<p>– <i>Голубчик</i>, – нежным голоском сказала Анна Михайловна, обращаясь к швейцару, – я знаю, что граф Кирилл Владимирович очень болен... я затем и приехала... я родственница... Я не буду беспокоить, <i>голубчик</i>...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (княгиня Анна Михайловна и швейцар)</p> <p>– Батюшки-светы! Граф молодой! – вскрикнул он, узнав молодого барина. – Что ж это? <i>Голубчик мой!</i>...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (ямщик, лакеи и Ростов)</p>

а) голубушка + имя – отчество

<p><i>Голубушка</i> <i>Наталья</i> <i>Савишна</i></p>	<p>– Что с вами, <i>голубушка Наталья Савишна?</i> – спросила татап, взяв ее за руку. – Ничего, матушка, – отвечала она, – должно быть, я вам чем-нибудь противна, что вы меня со двора гоните...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Детство» (няня и хозяйка)</p>
---	---

1.24. С использованием прозвища

<p><i>Мисюська</i></p>	<p>– <i>Мисюська</i>, выйди, – сказала Лида сестре, очевидно находя мои слова вредными для такой молодой девушки.</p> <p>(А.П. Чехов «Дом с мезонином» (Лида и сестра)</p>
------------------------	--

1.25. Пренебрежительные, просторечные

<i>Але, але!</i>	<p>– <i>Але, але!</i> – сказал казак, трогая за руку пленного, чтобы он шел дальше.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир») (казак и пленный)</p>
<i>Эй, баба</i>	<p>– <i>Эй, баба, баба!</i> – закричал Иван Иванович, кивая пальцем. Старуха подошла к забору.</p> <p>– Что это у тебя, бабуся, такое?</p> <p>(Н.В. Гоголь «Повесть о том как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем») (Иван Иванович и старуха)</p>

1.26. Оскорбления

<i>Болван</i>	<p>– Домой я велел; и скорее ступай, <i>болван</i>. Еще нынче надо выехать, – про себя проговорил Пьер.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Пьер и кучер)</p>
<i>Дура мерзавка-ослушница</i>	<p>– С ума ты сошла, <i>дура</i>? Смей повторить, <i>мерзавка-ослушница!</i> – закричала Марья Алексевна, подымаясь с кулаками на дочь.</p> <p>(Н.Г. Чернышевский «Что делать?») (Марья Алексевна и Вера)</p>
<i>Мерзавка, бесстыдница</i>	<p>– <i>Мерзавка, бесстыдница</i>, – сказала она ей. – Слышать ничего не хочу! – Оттолкнув удивленными, но сухими глазами глядящую на нее Наташу, она заперла ее на ключ...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир») (графиня Ростова и Наташа)</p>
<i>Мошенник</i>	<p>– Что, <i>мошенник</i>, по какой ты дороге едешь? – сказал Чичиков.</p> <p>– Да что ж, барин, делать, время-то такое; кнута не видишь, такая потьма.</p> <p>(Н.В. Гоголь «Мертвые души») (Селифан и Чичиков)</p>
<i>Разбойница</i>	<p>– Куда ты дела, <i>разбойница</i>, бумагу?</p> <p>– Ей-богу, барин, не видывала, oprичь небольшого лоскутка, которым изволили прикрыть рюмку.</p> <p>(Н.В. Гоголь «Мертвые души») (Плюшкин и Мавра)</p>

<i>Чушка! Чурбан</i>	<p>– Ах ты, <i>чушка! чурбан!</i> а прежде зачем об этом не сказал? Не было разве времени?</p> <p>– Да время-то было... Да вот и колесо тоже, Павел Иванович, шину нужно будет совсем перетянуть...</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Чичиков и Селифан))</p>
----------------------	--

2. Приветствие

2.1. *Здравствуй*

<i>Здравствуй!</i>	<p>Мурзавецкая: А, ты здесь уж? <i>Здравствуй!</i></p> <p>Чугунов: Здравствуйте, матушка Меропа Давыдовна! Как почитать изволили?</p> <p style="text-align: right;">(А.Н. Островский «Волки и овцы» (Мурзавецкая и Чугунов))</p>
--------------------	--

2.1.1. *Здравствуй* + друг+ имя + имя-отчество + титул + характеристика человека

<i>Здравствуй, Петрович!</i>	<p>– <i>Здравствуй, Петрович!</i></p> <p>– Здравствовать желаю, сударь – сказал Петрович и покосил свой глаз на руки Акакия Акакиевича, желая высмотреть, какого рода добычу тот нес.</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Шинель» (Акакий Акакиевич и Петрович))</p>
<i>Здравствуй, Макарыч!</i>	<p>– <i>Здравствуй, Макарыч!</i> – сказала Липа, увидев Костыля. – Здравствуй, голубчик!</p> <p>– Здравствуй, Лыпонька! – обрадовался Костыль.</p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «В овраге» (подрядчик Елизаров и Липа))</p>
<i>А, Прокофьич, здравствуй!</i>	<p>Донна Пантелевна: <i>А, Прокофьич, здравствуй!</i></p> <p>Нароков: (мрачно) Здравствуй, Прокофьевна!</p> <p style="text-align: right;">(А.Н. Островский «Таланты и поклонники» (Донна Пантелеевна и Нароков))</p>

<p><i>Здравствуй, друг!</i></p>	<p>– <i>Здравствуй, друг!</i> – сказал он. – Здравствуйте! – Каково почивал? Постельку хорошо ли постлали? Клопиков, блошек не чувствовал ли? – Благодарю вас. Спал. (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы» (Порфирий Владимирович и Петенька)</p>
<p><i>Здравствуй, брат!</i></p>	<p>– <i>Здравствуй, брат!</i> Что, это вся наша рота? – Здравия желаем! С приездом, ваше благородие! – отвечал фельдфебель, весело и дружелюбно глядя на Козельцова... (Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года» (офицер и фельдфебель)</p>
<p><i>Здравствуй! Что, во Христа веруешь?</i></p>	<p>– <i>Здравствуй! Что, во Христа веруешь?</i> – Верую! – отвечал приходивший. – И в Троицу Святую веруешь? (Н.В. Гоголь «Тарас Бульба» (кошевой и пришедший)</p>
<p><i>А здравствуй, князь, здравствуй, голубчик</i></p>	<p>– <i>А здравствуй, князь, здравствуй, голубчик,</i> пойдем... – устало проговорил он, оглядываясь, и тяжело вошел на скрипящее под его тяжестью крыльцо. Он расстегнулся и сел на лавочку, стоявшую на крыльце... (Л.Н. Толстой «Война и мир» (Кутузов и князь Андрей)</p>
<p><i>Здравствуй, телепень!</i></p>	<p>Лыняев: Ух! Здравствуйте! Мурзавецкая: (поцеловавшись с Анфусой) <i>Здравствуй, телепень!</i> Садитесь, гости будете. Где ты эту красавицу-то поддел? (А.Н. Островский «Волки и овцы» (богатый барин 50 лет и богатая помещица)</p>

2.2. Здравствуйте + батюшка + дядюшка + Панове + господа + имя – отчество + имя по-французски + мой друг + уважительное обращение к женщине

<p><i>Здравствуйте, дядюшка</i></p>	<p>– <i>Здравствуйте, дядюшка,</i> – проговорил я, задыхаясь, желая сказать что-то совсем другое, гораздо остроумнее... – Здравствуй, здравствуй, братец, – отвечал страдавший за меня дядя... (Ф.М. Достоевский «Село Степанчиково и его обитатели» (дядя и племянник)</p>
---	--

<p><i>Здравствуйте, батюшка</i></p>	<p>– <i>Здравствуйте, батюшка.</i> Каково почивали?... – Хорошо, хорошо, – говорил Чичиков, садясь в кресла. – Вы как, матушка? (Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Чичиков и Коробочка))</p>
<p><i>Здравствуйте, Панове!</i></p>	<p>– <i>Здравствуйте, Панове!</i> помогай бог вам! вот где увиделись! – сказал кузнец, подошедши близко и отвесивши поклон до земли. (Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством» (кузнец и запорожцы))</p>
<p><i>Здравствуйте, господа</i></p>	<p>– <i>Здравствуйте, господа;</i> извините, что опоздал к чаю, сейчас вернусь; надо вот этих пленниц к месту пристроить. – Что это у вас, пиявки? – спросил Павел Петрович. (И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Базаров, Павел Петрович, Николай Петрович и Аркадий))</p>
<p><i>Здравствуйте, Алена Ивановна</i></p>	<p>– <i>Здравствуйте, Алена Ивановна,</i> – начал он как можно развязнее, но голос не послушался его, прервался и задрожал... (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание» (Раскольников и Алена Ивановна))</p>
<p><i>Здравствуйте, Alexandrine!</i></p>	<p>– <i>Здравствуйте, Alexandrine!</i> – заговорила она, подходя к ней, – как вы умно сделали, что приехали... – Здравствуйте, Сергей Павлыч! (И.С. Тургенев «Рудин» (Дарья Михайловна, Волынцев и Александра Павловна))</p>
<p><i>Ну, здравствуйте, мой друг</i></p>	<p>– <i>Ну, здравствуйте, мой друг,</i> садитесь и рассказывайте, – сказала княгиня Софья Васильевна с своей искусной, притворной, совершенно похожей на натуральную улыбкой... (Л.Н. Толстой «Воскресение» (Нехлюдов и Софья Васильевна))</p>
<p><i>Здравствуйте, богатая барыня</i></p>	<p>Мурзавецкая: <i>Здравствуйте, богатая барыня!</i> Благодарю, что удостоили своим посещением! Купавина: Я не редко бываю у вас, Мерепа Давыдовна. (А.Н. Островский «Волки и овцы» (Мурзавецкая и Купавина))</p>
<p><i>А! Здравствуйте пожалуйста!</i></p>	<p>– <i>А! Здравствуйте пожалуйста!</i> – встретил его Иван Петрович, улыбаясь одними глазами. – <i>Бонжурте.</i> (А.П. Чехов «Ионыч» (Туркины и Старцев))</p>

2.3. Здорово

<p><i>Здорово, брат</i></p>	<p>– Эй, Влас! – вскрикнул Туман, взглядевшись в него. – <i>Здорово, брат</i>. Откуда бог принес? – Здорово, Михаила Савельич, – проговорил мужик, подходя к нам. – Издалеча. (И.С. Тургенев «Малиновая вода» (Михайло Савельич и мужик))</p>
<p><i>Здорово, как бишь тебя зовут</i></p>	<p>– <i>Здорово, как бишь тебя зовут</i>, – сказал ему Троекуров, – зачем пожаловал? – Я ехал в город, ваше превосходительство, – отвечал Шабашкин, – и зашел к Ивану Демьянову узнать, не будет ли какого приказания от вашего превосходительства. (А.С. Пушкин «Дубровский» (Троекуров и Шабашкин))</p>
<p><i>Здорово, ребята</i></p>	<p>– <i>Здорово, ребята!</i> Поздравляю вас с праздником! – Здравия желаем, вашескорodie! И вас с праздником, вашескорodie! – весело гаркнули матросы, глядя с видимым расположением на капитана, которого они уже успели оценить и утвердить за ним кличку «голубя». (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»» (матросы и капитан))</p>
<p><i>Здорово, молодцы</i></p>	<p>– <i>Здорово, молодцы!</i> – Здравия желаем, вашескобродие! – громко и радостно отвечали матросы, глядя на своего голубя теми веселыми взглядами, которые лучше слов говорили о расположении матросов к капитану. (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»» (капитан и матросы))</p>
<p><i>Здорово, Семенов</i></p>	<p>– <i>Здорово, Семенов</i>, – сказал он одному рекруту с таким же бритым лбом, как и другие... – <i>Здравствуй, Зухин</i>. Спасибо, что зашел... (Л.Н. Толстой «Юность») (не дворянин Зухин и дворянин Семенов))</p>

2.4. Честь имею кланяться

<p><i>Честь имею кланяться</i></p>	<p>Беднегова: Виталий Петрович! Виталий Петрович! Пирамидалов: <i>Честь имею кланяться</i>, Антонина. (А.Н. Островский «Богатые невесты» (Беднегова и Пирамидалов)</p>
------------------------------------	---

2.5. Здравия желаю

<p><i>Здравия желаю, барин!</i></p>	<p>– <i>Здравия желаю, барин!</i> – окликнул знакомый приятный басок Володю, когда он подошел к баку. – Здравствуй, Бастрюков. Что ты не на вахте? – На вахте, барин... Вот от скуки снасть плету, – улыбнулся он. – А вы, барин, шли бы вниз, а то, вишь, пронзительная какая погода. (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне» (матрос и гардемарин)</p>
-------------------------------------	--

2.6. Почтение-с, мое почтение

<p><i>Асафу Наумычу... почтение-с.</i></p>	<p>Чепурин: (кланяясь) <i>Асафу Наумычу... почтение-с.</i> (Подает руку). Корпелов: За деньгами? О тиран души моей! (А.Н. Островский «Трудовой хлеб» (Чепурин и Корпелов)</p>
<p><i>Мое почтение, Василий Иваныч!</i></p>	<p>Беркутов: Здравствуйте, Вукол Наумыч! (Подает руку). Чугунов: <i>Мое почтение, Василий Иваныч!</i> Давно ли пожаловать изволили-с? (А.Н. Островский «Волки и овцы» (Беркутов и Чугунов)</p>
<p><i>Мое почтение Агафье Михайловне</i></p>	<p>– <i>Мое почтение Агафье Михайловне</i>, – сказал Василий, приподнимаясь ей на встречу. – Ну вас тут! Не до твоего почтения, – отвечала она грозно, глядя на него, – и зачем ходишь сюда?... (Л.Н. Толстой «Отрочество» (Агафья Михайловна и Василий)</p>

<p><i>Не ждали гостя, Родион Романыч</i></p>	<p>– <i>Не ждали гостя, Родион Романыч,</i> – вскричал, смеясь, Порфирий Петрович. – Давно завернуть собирался, прохожу, думаю – почему не зайти минут на пять проведать. Куда-то собрались? Не задержу. Только вот одну папиросочку, если позволите.</p> <p>(Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание») (Раскольников и Порфирий Петрович)</p>
--	---

а) по-французски

<p><i>Bonsoir, madame la comtesse*</i></p>	<p>– <i>Bonsoir, madame la comtesse,</i> – сказал он, подавая руку в окно кареты.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Набег») (графиня и генерал)</p>
--	---

* *Добрый вечер, графиня* (франц.).

б) по-французски в русской транскрипции

<p><i>Бонжурте</i></p>	<p>– А! Здравствуйте пожалуйста! – встретил его Иван Петрович, улыбаясь одними глазами. – <i>Бонжурте.</i></p> <p>(А.П. Чехов «Ионыч») (Туркины и Старцев)</p>
------------------------	--

2.7. Приветствия-пожелания

<p><i>Здравствуйте, Панове! Помогай бог вам!</i></p>	<p>– <i>Здравствуйте, Панове! Помогай бог вам!</i> Вот где увиделись! – сказал кузнец, подошедши близко и отвесивши поклон до земли.</p> <p>(Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством») (кузнец и запорожцы)</p>
--	--

3. Знакомство

3.1. Самопредставление

<i>Позвольте представиться</i>	<p>Приблизясь к Фенечке, он скинул картуз. – <i>Позвольте представиться</i>, – начал он с вежливым поклоном, – Аркадию Николаевичу приятель и человек смирный. (И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Базаров и Фенечка))</p>
<i>Аркадий Иванович Свидригайлов, позвольте откомендовать...</i>	<p>– А ведь я так и знал, что вы не спите, а только вид показываете, – странно ответил незнакомый, спокойно рассмеявшись. – <i>Аркадий Иванович Свидригайлов, позвольте откомендовать...</i> (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание» (Свидригайлов и Раскольников))</p>
<i>Раскольников, студент</i>	<p>– <i>Раскольников, студент</i>, был у вас назад тому месяц, – поспешил пробормотать молодой человек с полупоклоном, вспомнив, что надо быть любезнее. (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание» (Раскольников и старуха))</p>
<i>Василий Денисов, дг'уг [друг] вашего сына</i>	<p>– <i>Василий Денисов, дг'уг вашего сына</i>, – сказал он, рекомендуясь графу, вопросительно смотревшему на него. – Милости прошу. Знаю, знаю, – сказал граф, целуя и обнимая Денисова... (Л.Н. Толстой «Война и мир» (Денисов и граф Ростов))</p>

3.2. Вопрос к собеседнику

<i>Как тебя зовут</i>	<p>– Эй, милый, – спросил землемер, – <i>как тебя зовут?</i> – Меня-то? Клим. (А.П. Чехов «Землемер» (землемер и мужик))</p>
<i>Тебя как звать?</i>	<p>Нету, это верно. <i>Тебя как звать?</i> – Егорушка. – Стало быть, Егорий... Святого великомученика Егоргия Победоносца числа двадцать третьего апреля. (А.П. Чехов «Степь» (Егорушка и старик))</p>

<p><i>А позвольте узнать фамилию вашу</i></p>	<p>– Однако ж мужики на вид дюжие, избенки крепкие. <i>А позвольте узнать фамилию вашу.</i> Я так растерялся... приехал в ночное время... – Коробочка, коллежская секретарша. (Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Коробочка и Чичиков))</p>
<p><i>Как бишь тебя зовут</i></p>	<p>– Здорово, <i>как бишь тебя зовут</i>, – сказал ему Троекуров, – зачем пожаловал? – Я ехал в город, ваше превосходительство, – отвечал Шабашкин, – и зашел к Ивану Демьянову узнать, не будет ли какого приказания от вашего превосходительства. (А.С. Пушкин «Дубровский» (Троекуров и Шабашкин))</p>

3.3. Знакомство при помощи посредника

<p><i>Будьте друзьями</i></p>	<p>– Дымов, мы о тебе говорим! – крикнула она мужу. – Иди сюда. Протяни свою честную руку Рябовскому... Вот так. <i>Будьте друзьями.</i> (А.П. Чехов «Попрыгунья» (Дымов и жена Ольга Ивановна))</p>
-------------------------------	---

4. Приглашение

<p><i>Вот, мама, мой вестовой</i></p>	<p>– <i>Вот, мама, мой вестовой...</i> Мать ласково взглянула своими чудными большими и кроткими глазами на молодого белокрысого вестового и сказала: – Уж вы, пожалуйста, хорошенько ходите за сыном... Вещи его берегите, а то он у меня растеряха. (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне»» (матрос, гардемарин и его мать))</p>
<p><i>А позвольте представить вам моего лучшего друга</i></p>	<p>– <i>А позвольте представить вам моего лучшего друга</i>, – заговорил вдруг Лупихин резким голосом, схватив сладкого помещика за руку. – Да не упирайтесь же, Кирила Селифаныч, – прибавил он: вас же не укусят... (И.С. Тургенев «Гамлет Щигровского уезда» (Лупихин и Кирила Селифаныч))</p>

<p><i>Позвольте вас познакомиться!</i></p>	<p>Негина: (Великатову) <i>Позвольте вас познакомиться!</i> Петр Егорыч Мелузов. Иван Семеныч Великатов. Смельская: Ах, знаете ли, Иван Семеныч, ведь Петр Егорыч – студент; он жених Сашин. Великатов: (подавая руку) Очень приятно с вами познакомиться. Мелузов: Что же тут приятного для вас? Ведь это фраза. Ну, познакомились, так и будем знакомы. Вот и все.</p> <p style="text-align: right;">(А.Н. Островский «Таланты и поклонники» (Негина Смельская, Великаноов и Мерлузов))</p>
<p><i>Этот Разумихин, Дмитрий Прокофьич, очень хороший человек.</i></p>	<p>– Дуня! – остановил ее Раскольников, встал и подошел к ней, – <i>этот Разумихин, Дмитрий Прокофьич, очень хороший человек.</i> Дуня чуть-чуть покраснела.</p> <p style="text-align: right;">(Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание» (Разумихин, Дуня и Раскольников))</p>
<p><i>Это, честь имею представить, мой товарищ Чечевицын, ученик второго класса</i></p>	<p>– Володечка, а это же кто? – спросила шепотом мать. – Ах! – спохватился Володя. – <i>Это, честь имею представить, мой товарищ Чечевицын, ученик второго класса...</i></p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «Мальчики» (гимназисты и родители))</p>

4.1. Приглашение войти

<p><i>Войдите Entrez</i></p>	<p>– Это вы, Victor? – раздался тонкий голос из соседней комнаты. – <i>Войдите...</i> – Я не один, промолвил Ситников, лих скидывая свою венгерку, под которой оказалось нечто вроде поддевки или пальто-сака, и бросая бойкий взгляд Аркадию и Базарову. – Все равно, – отвечал голос. – <i>Entrez.</i></p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Ситников, Адогья Никитишна, Базаров и Кирсанов))</p>
<p><i>Пожалуйста проходите</i></p>	<p>– <i>Пожалуйста проходите,</i> – говорил Чичиков. – <i>Нет уж извините,</i> не допущу пройти позади такому приятному, образованному гостю.</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Манилов и Чичиков))</p>

<p><i>Милости просим</i></p>	<p>– А-а! Егор Никола-аич! – пропел о. Христофор – Господин Ломоносов! – А, господа дворяне! – сказал Кузмичов – <i>Милости просим.</i></p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «Степь»)</p> <p style="text-align: center;">(Иван Иванович, о. Христофор, Егорушка и Дениска).</p> <p>– <i>Милости просим.</i> Да покойно ли тебе будет в сарае? Я прикажу бабам постлать тебе простыню и положить подушку.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Хорь и Калиныч») (Хорь и охотник)</p> <p>Мурзавецкая: Ну, вот я к тебе со всем двором оприч хором. Купавина: <i>Милости просим!</i> Мурзавецкая: Да уж рада ль ты, не рада ли, делать нечего, принимать надо...</p> <p style="text-align: right;">(А.Н. Островский «Волки и овцы») (Мурзавецкая и Купавина)</p>
<p><i>Добро пожаловать</i></p>	<p>– <i>Добро пожаловать</i>, Яков Алпатыч. Народ из города, а ты в город, – сказал хозяин. – Что ж так, из города? – сказал Алпатыч...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Алпатыч и Ферापонтов)</p>
<p><i>Пожалуйте!</i></p>	<p>– М-г Жорж, <i>пожалуйте!</i> – крикнул кто-то за дверью.</p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «Каштанка») (хозяин собаки и приглашающий на арену)</p>
<p><i>Просят вас пожаловать</i></p>	<p>– Анна Сергеевна <i>просят вас пожаловать</i> к ним через полчаса, – доложил дворецкий. – Не будет ли от вас покамест никаких приказаний? – Никаких приказаний не будет, почтеннейший, – ответил Базаров, – разве рюмку водочки соблаговолите поднести. – Слушаю-с, – промолвил дворецкий не без недоуменья и удивился, скрипя сапогами. – Какой гранжанр! – заметил Базаров, – кажется, это так по-вашему называется? Герцогиня, да и полно.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Отцы и дети») (Базаров, Аркадий и дворецкий)</p>

4.2. Приглашение сесть

<p><i>Да садитесь, Порфирий Петрович, садитесь</i></p>	<p>– Не ждали гостя, Родион Романыч, – вскричал, смеясь, Порфирий Петрович. – Давно завернуть собирался, прохожу, думаю – почему не зайти минут на пять проведать. Куда-то собрались? Не задержу. Только вот одну папиросочку, если позволите. – <i>Да садитесь, Порфирий Петрович, садитесь...</i> (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание») (Раскольников и Порфирий Петрович)</p>
<p><i>Извольте садиться</i></p>	<p>– Куда же ты? – спросил я его не без изумления. – <i>Извольте садиться</i>, – спокойно отвечал он и подобрал вожжи. – Да как же мы поедем? – Уж поедем-с. (И.С. Тургенев «Касьян с Красивой Мечи») (кучер и автор)</p>
<p><i>Прошу покорно...</i></p>	<p>– <i>Прошу покорно, садитесь, а меня извините</i>. Я буду ходить, если позволите, – сказал он, заложив руки в карманы своей куртки и ступая легкими мягкими шагами по диагонали большого строгого стиля кабинета... (Л.Н. Толстой «Воскресение») (Нехлюдов и Вольф)</p>
<p><i>Прошу садиться</i></p>	<p>– <i>Прошу садиться</i>, – сказала Марья Алексеевна: Матрена, дай еще стакан. – Если это для меня, то благодарю вас: я не буду пить. – Матрена, не нужно стакана... (Н.Г. Чернышевский «Что делать?») (Лопухов, Марья Алексеевна и Матрена)</p>
<p><i>Садитесь</i></p>	<p>Выслушав рассказ старика, Нехлюдов встал и пошел на то место, которое берег для него Тарас. – Что ж, барин, <i>садитесь</i>. Мы мешок сюда примем, – ласково сказал, взглянув вверх, в лицо Нехлюдова, сидевший напротив Тараса садовник. – В тесноте, да не в обиде, – сказал певучим голосом улыбающийся Тарас... (Л.Н. Толстой «Воскресение») (Нехлюдов и Тарас)</p>

<i>Присядьте</i>	<p>– Марья Павловна послала меня, – сказала она, останавливаясь близко подле него.</p> <p>– Да, мне нужно поговорить. Да <i>присядьте</i>. Владимир Иванович говорил со мной.</p> <p>Она села, сложив руки на коленях, и казалась спокойною, но, как только Нехлюдов произнес имя Симонсона, она багрово покраснела.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Воскресение» (Нехлюдов и Маслова))</p>
------------------	--

4.3. Приглашение встретиться, прийти в гости или на обед

4.3.1. Приглашаю...

<i>Приглашаю вас завтра</i>	<p>– Именно оттого, что знаю вас, и <i>приглашаю вас завтра</i>, – сказала, смеясь, девушка...</p> <p style="text-align: right;">(Ф.М. Достоевский «Белые ночи» (мечтатель и девушка))</p>
-----------------------------	--

4.3.2. Приходите...

<i>Приходите-тко завтра</i>	<p>– Вы бы, Лизавета Ивановна, и порешили самолично, – громко говорил мещанин. – <i>Приходите-тко завтра</i>, часу в семом-с. И те прибудут.</p> <p style="text-align: right;">(Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание» (мещанин, жена и Лизавета Ивановна))</p>
<i>Приходите обедать</i>	<p>– Ну-с, так вот что: вы у кого? У Дюка? Ну, и там скверно. А вы <i>приходите обедать</i>, – сказал генерал, отпуская Нехлюдова, – пять часов. Вы по-английски говорите?</p> <p>– Да, говорю.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Воскресение» (Нехлюдов и генерал))</p>

4.3.3. Пойдем...

<i>Пойдем ко мне разговляться</i>	<p>– <i>Пойдем ко мне разговляться</i>.</p> <p>– Так я к тебе, пузатому черту, и пошел!</p> <p>– Пойдем, говорю!</p> <p style="text-align: right;">(Л. Андреев «Баргамот и Гараська» (городовой и пушкарь))</p>
-----------------------------------	---

4.3.4. Приезжайте...

<p><i>Приезжайте ко мне в Никольское</i></p>	<p>– Если вы, господа, не боитесь скуки, <i>приезжайте ко мне в Никольское.</i> – Помилуйте, Анна Сергеевна, – воскликнул Аркадий, – я за особенное счастье почту...</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Анна Сергеевна, Аркадий и Базаров))</p>
--	--

4.3.5. Зайдите...

<p><i>Зайдите к нам не просясь</i></p>	<p>– Да вы на сей раз Алене Ивановне ничего не говорите-с, – перебил муж, – вот мой совет-с, а <i>зайдите к нам не просясь.</i> Оно дело выгодное-с. Потом и сестрица сами могут сообразить. – Аль зайти? – В семом часу, завтра; и от тех придут-с, самолично и порешите-с.</p> <p style="text-align: right;">(Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание» (мещанин, жена и Лизавета Ивановна))</p>
--	--

4.3.6. У тебя всегда есть место...

<p><i>У тебя всегда есть место, есть гнездо, куда ты можешь укрыться. Это мой дом</i></p>	<p>– Вот ты теперь в деревню едешь, – заговорил опять Лежнев. – Не думаю, чтоб ты долго в ней остался, и не могу себе представить, чем, где и как ты кончишь... Но помни: что бы с тобой ни случилось, <i>у тебя всегда есть место, есть гнездо, куда ты можешь укрыться. Это мой дом...</i> Слышишь, старина? У мысли тоже есть свои инвалиды: надобно, чтоб и у них был приют.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Рудин» (Лежнев и Рудин))</p>
---	---

5. Просьба, совет, предложение

5.1. Просьба

5.1.1. Наиболее употребительная

<p><i>У меня к вам просьба...</i></p>	<p>– <i>У меня к вам просьба, генерал,</i> – сказал Нехлюдов. – О-о-очень рад. Чем могу служить? [...] – У вас содержится некто Гуркевич. Так его мать просит о свидании с ним или, по крайней мере, о том, чтобы можно было передать ему книги. (Л.Н. Толстой «Воскресение» (генерал и Нехлюдов))</p>
<p><i>Я прошу...</i></p>	<p>– Ну, вот что, господа, – сказал Билибин... <i>и я прошу у всех вас помощи. Il faut lui faire les honneurs de Brunn*</i>. Вы возьмите на себя театр, я – общество, вы, Ипполит, разумеется, – женщин. – Надо ему показать Амели, прелесть! – сказал один из наших, целуя кончики пальцев. (Л.Н. Толстой «Война и мир» (Билибин и Ипполит))</p> <p>– Нет, я знаю, что все кончено, – сказала она поспешно. – Нет, это не может быть никогда. Меня мучает только зло, которое я ему сделала. Скажите только ему, что <i>я прошу его простить</i>, простить, простить меня за все... – Она затряслась всем телом и села на стул. (Л.Н. Толстой «Война и мир» (Пьер и Наташа))</p>
<p><i>Об одном прошу вас...</i></p>	<p>– Ольга, <i>я об одном прошу вас</i>, – сказал художник умоляюще и приложив руку к сердцу, – <i>об одном: не мучьте меня!</i> Больше мне от вас ничего не нужно! – Но поклянитесь, что вы меня все еще любите! (А.П. Чехов «Попрыгунья» (Рябовский и Ольга Ивановна))</p> <p>– <i>Я об одном прошу, moncousine</i>, – сказала княжна, – <i>прикажите свезти меня в Петербург</i>: какая я ни есть, а я под бонапартовской властью жить не могу. – Да, полноте, <i>macousine</i>, откуда вы почерпаете ваши сведения? Напротив...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Пьер и кузина))</p>

* *Надо ему показать Брюни (франц.)*

<p><i>Об одном прошу вас...</i></p> <p>[продолж.]</p>	<p>– Не будем говорить, мой друг, я все скажу ему; но <i>об одном прошу вас – считайте меня своим другом</i>, и ежели вам нужна помощь, совет, просто нужно будет излить свою душу кому-нибудь – не теперь, а когда у вас ясно будет в душе, – вспомните обо мне. – Он взял и поцеловал ее руку. – Я счастлив буду, ежели в состоянии буду... – Пьер смутился.</p> <p>– Не говорите со мной так: я не стою этого! – вскрикнула Наташа...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Пьер и Наташа)</p>
---	---

5.1.2. Вежливая..... + пожалуйста

<p><i>Доложи, пожалуйста</i></p>	<p>– Голубчик, – нежным голоском сказала Анна Михайловна, обращаясь к швейцару, – я знаю, что граф Кирилл Владимирович очень болен... я затем и приехала... я родственница... Я не буду беспокоить, голубчик... А мне бы только надо увидеть князя Василия Сергеевича: ведь он здесь стоит. <i>Доложи, пожалуйста</i>. Швейцар угрюмо дернул шнурок вверх и отвернулся.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (княгиня Анна Михайловна и швейцар)</p>
<p><i>Пожалуйста, не подшучивай...</i></p>	<p>– Послушай, – сказал Грушницкий очень важно, – <i>пожалуйста, не подшучивай над моей любовью</i>, если хочешь остаться моим приятелем... Видишь: я ее люблю до безумия... и я думаю, я надеюсь, она также меня любит...</p> <p style="text-align: right;">(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени») (Грушницкий и Печорин)</p>
<p><i>Пожалуйста, сходи</i></p>	<p>– <i>Пожалуйста, сходи к дяде</i> Илье Федосеевичу и от меня ему поклонись. Это не унижение, а старших родных уважать должно, – а он мой брат, и к тому благочестив и большой вес в Москве имеет...</p> <p style="text-align: right;">(Н.С. Лесков «Чертогон») (мать и сын)</p>
<p><i>Пожалуйста,... приласкай его</i></p>	<p>– А для Базарова комната есть? – Найдется и для него. – <i>Пожалуйста, папаша, приласкай его</i>. Я не могу тебе выразить, до какой степени я дорожу его дружбой.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Отцы и дети») (Аркадий и Николай Петрович)</p>

<p><i>Так уж пожалуйста, не забудьте</i></p>	<p>– <i>Так уж пожалуйста, не забудьте насчет подрядов.</i> – Не забуду, не забуду, – говорил Чичиков, выходя в сени. (Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Коробочка и Чичиков))</p>
<p><i>Но, пожалуйста, не будем делать</i></p>	<p>– Вы влюблены в меня? – перебила его Наташа. – Да, влюблен, <i>но, пожалуйста, не будем делать того, что сейчас...</i> Еще четыре года... <i>Тогда я буду просить вашей руки.</i> Наташа подумала. (Л.Н. Толстой «Война и мир» (Наташа и Борис))</p>
<p><i>Сходите, пожалуйста</i></p>	<p>– Ротмистер Праскухин! Сказал генерал. – <i>Сходите, пожалуйста,</i> в правый ложемент и скажите второму батальону М. Полка, который там на работе, чтоб он оставил работу, не шумя вышел оттуда и присоединился бы к своему полку, который стоит под горой в резерве. Понимаете? Сами отведите к полку. – Слушаю-с. (Л.Н. Толстой «Севастополь в мае» (генерал и ординарец))</p>

5.1.3. Ненастойчивая

<p><i>Можно...</i></p>	<p>– <i>Можно раненым у нас в доме остановиться?</i> – спросила она. Майор с улыбкой приложил руку к козырьку. – Кого вам угодно, мамзель? – сказал он, суживая глаза и улыбаясь.... – О да, отчего ж, можно, – сказал он. (Л.Н. Толстой «Война и мир» (Наташа и майор))</p>
------------------------	---

5.1.4. Некатегоричная, с оттенком желательности

<p><i>Хоть бы...</i></p>	<p>– Что ж, барин, – сказал он, снимая шапку с своих седых волос и низко кланяясь, – всю ночь с вами плутали, дорогу искали: <i>хоть бы на кошушку пожаловали.</i> Право, батюшка, ваше сиятельство! А то обогреться не на что, – прибавил он с подобострастной улыбочкой. (Л.Н. Толстой «Метель» (ямщик и автор))</p>
--------------------------	---

<p><i>Просить руки...</i></p>	<p>– <i>Я приехал</i>, графиня, <i>просить руки</i> вашей дочери, – сказал князь Андрей. Лицо графини вспыхнуло, но она ничего не сказала. – Ваше предложение... – степенно начала графиня. Он молчал, глядя ей в глаза. – Ваше предложение... (она сконфузилась) нам приятно, и... я принимаю ваше предложение, я рада.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Андрей и графиня Ростова)</p>
-------------------------------	---

5.1.5. Категоричная просьба выраженная

а) глаголом

<p><i>Благослови...</i></p>	<p>Все сели, не выключая даже и хлопцев, стоявших почтительно у дверей. – <i>Теперь благослови, мать, детей своих!</i> – сказал Бульба. – Моли бога, чтобы они воевали храбро, защищали бы всегда честь льшарскую...</p> <p>(Н.В. Гоголь «Тарас Бульба») (Тарас Бульба и жена)</p>
<p><i>Будь...</i></p>	<p>– <i>Moncher Boris</i>, – сказала мать, выпрастывая руку из-под старого салопы и робким и ласковым движением кладя ее на руку сына, – <i>будь ласков, будь внимателен</i>. Граф Кирилл Владимирович все-таки тебе крестный отец, и от него зависит твоя будущая судьба...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир») (княгиня Друбецкая и сын)</p>
<p><i>Возьми...</i></p>	<p>– Слышь, Игнат, а Игнат! – говорит голос моего ямщика. – <i>Возьми седока</i> – тебе все равно ехать, а мне что даром гонять! – возьми! Голос Игната подле самого меня отвечает: – А что мне радости-то за седока отвечать?... Поставишь полштофа?</p> <p>(Л.Н. Толстой «Метель») (ямщики)</p>
<p><i>Встаньте!</i></p>	<p>Кузнец, не видя ничего, растянулся со всем усердием на полу. – <i>Встаньте!</i> – прозвучал над ними повелительный и вместе приятный голос. Некоторые из придворных засуетились и толкали запорожцев.</p> <p>(Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством») (Потемкин, царица и запорожцы)</p>

<p><i>Дай</i></p>	<p>– <i>Дай копеечку!</i> – сказал он (А.П. Чехов «Палата № 6») (Рагин и Мойсейка)</p>
<p><i>Надо сходить...</i></p>	<p>– Ребята! <i>Надо сходить назад</i> – взять офицера, что ранен там в канаве, – сказал он не слишком громко и повелительно, чувствуя, как неприятно будет солдатам исполнять это приказанье – и действительно, так как он ни к кому именно не обращался, никто не вышел, чтобы исполнить его. Унтер-офицер! Поди сюда. Унтер-офицер, как будто не слыша, продолжал идти на своем месте. (Л.Н. Толстой «Севастополь в мае») (штабс-капитан и солдаты)</p>
<p><i>Не входите</i></p>	<p>– <i>Не входите</i>, – сказала она старому графу, шедшему за ней, – после, – и затворила за собой дверь. (Л.Н. Толстой «Война и мир») (Анна Михайловна и граф)</p>
<p><i>Оставьте меня</i></p>	<p>– <i>Оставьте меня!</i> – крикнул он не своим голосом, багровея и дрожа всем телом. – Вон! Оба вон, оба! (А.П. Чехов «Палата № 6») (Рагин, Хоботов и Михаи Аверьяныч) – <i>Оставьте меня</i>, – сказал он чуть слышным голосом, – все равно я умру. (Л.Н. Толстой «Набег») (прапорщик и доктор)</p>
<p><i>Отдай...</i></p>	<p>– <i>Отдай, батько, за меня Оксану!</i> Чуб немного подумал, поглядел на шапку и пояс: шапка была чудная, пояс также не уступал ей; вспомнил о вероломной Солохе и сказал решительно... (Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством») (Чуб, Вакула и Оксана)</p>
<p><i>Откупорьте бутылку</i></p>	<p>– А, вот и завтрак! Хотите закусить? Виктор, <i>откупорьте бутылку</i>; это по вашей части. – По моей, по моей, – пробормотал Ситников и опять визгливо засмеялся. (И.С. Тургенев «Отцы и дети») (Ситников и Кукшина)</p>

<p><i>Погляди-ка</i></p>	<p>– Что, барин? – отвечал Селифан. – <i>Погляди-ка</i>, не видно ли деревни? – Нет, барин, нигде не видно!</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Чичиков и Селифан))</p>
<p><i>Передайте</i></p>	<p>– Ведь вот что забыл! <i>Передайте</i>, Родион Романович, вашей сестрице, что в завещании Марфы Петровны она упомянута в трех тысячах. Это положительно верно. Марфа Петровна распорядилась за неделю до смерти, и при мне дело было.</p> <p style="text-align: right;">(Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание» (Свидригайлов и Раскольников))</p>
<p><i>Подай</i></p>	<p>– <i>Подай</i> сюда ребенка! – отвечает ей чей-то знакомый голос. – <i>Подай</i> сюда ребенка! – повторяет тот же голос, но уже сердито и резко. – Спишь, подлая?</p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «Спать хочется» (хозяйка и Варька))</p>
<p><i>Помогите мне, научите меня...</i></p>	<p>–...Впрочем, я сам прежде всего виноват во всем. <i>Помогите мне, научите меня, и, может быть, я буду...</i> – Пьер не мог говорить дальше; он засопел носом и отвернулся.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Пьер и масон Баздеев))</p>
<p><i>Потрудитесь...</i></p>	<p>– <i>Потрудитесь, когда вы пойдете, послать ко мне полкового адъютанта</i>, – заключил полковой командир, легким поклоном давая почувствовать, что аудиенция кончена.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года» (Полковой командир и полковник))</p>
<p><i>Пошлите...</i></p>	<p>– Когда жене будет время родить, <i>пошлите в Москву за акушером...</i> Чтoб он тут был. Старый князь остановился и, как бы не понимая, уставился строгими глазами на сына. [...] – Гм... гм... – проговорил про себя старый князь, продолжая дописывать. – Сделаю.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» (князь Андрей и отец))</p>

<p><i>Принеси...</i></p>	<p>– Да, брат, тележку. <i>Да принеси нам квасу.</i> Мы вошли. Нас встретил молодой парень, лет двадцати, высокий и красивый. – А, Федя! Дома Хорь? – спросил его г-н Полутыкин. (И.С. Тургенев «Хорь и Калиныч» (Федя и Полутыкин)</p> <p>– Послушайте, – сказала ему Ольга Ивановна, смеясь и плача от счастья, – <i>принесите нам вина.</i> (А.П. Чехов «Попрыгунья»), (человек из буфета и Ольга Ивановна)</p> <p>– Эй, <i>Фетинья, принеси перину, подушки и простыню.</i> Какое-то время наслал бог: гром такой – у меня всю ночь горела свеча перед образом. Эх, отец мой, да у тебя-то как у борова вся спина и бок в грязи! где тyak изволил засалиться. (Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Коробочка и Чичиков)</p>
<p><i>Сделайте одолжение, позвольте мне...</i></p>	<p>– Граф, <i>сделайте одолжение, позвольте мне... ради бога... где-нибудь приютиться на ваших подводах.</i> Здесь у меня ничего с собой нет... Мне на возу... все равно... – Еще не успел договорить офицер, как денщик с тою же просьбой для своего господина обратился к графу. – А! да, да, да, – поспешно заговорил граф. – Я очень, очень рад. (Л.Н. Толстой «Война и мир» (граф Ростов и офицер)</p>
<p><i>Скажи маме, чтобы...</i></p>	<p>– Дядя Петруша, – просят они дядю, – <i>скажи маме, чтобы котят в детскую поставили.</i> Ска-а-жи! – Ну, ну... хорошо! – отмахивается от них дядя. – Ладно. (А.П. Чехов «Событие» (дядя и дети)</p>
<p><i>Скажите...</i></p>	<p>– А вы нынче <i>скажите Аполлон Сергеичу, чтоб он вина поставил,</i> – сказал Черновицкий, застегиваясь, капитану. – И что скупится? Убьют, так никому не достанется! – Да вы сами скажите, – отвечал капитан. – Нет уж, вы старший офицер: надо порядок во всем. (Л.Н. Толстой «Севастополь в августе 1855 года» (поручик и капитан)</p>

<i>Спаси...</i>	Окоемов: Зоя, <i>спаси меня!</i> (падает на колени). Зоя: Нет, не могу, это выше моих сил. Придумай что-нибудь другое! (А.Н. Островский «Красавец-мужчина» (муж и жена)
<i>Спокой себя...</i>	– <i>Спокой себя, моя любая сестра!</i> – говорил старый есаул Горобець. – Сны редко говорят правду. (Н.В. Гоголь «Страшная месть» (Катерина, Горобець, его сын и невестка)
<i>Спрячьте...</i>	– Ради бога, добродетельная Солоха, – говорил дрожа всем телом. – Ваша доброта, как говорит писание Луки глава трина... трин... Стучатся, ей-богу, стучатся! <i>Ох, спрячьте меня куда-нибудь!</i> (Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством» (Солоха и дьяк)
<i>Читай!</i>	«Тут и сам станешь юродивым! Заразительно!» – подумал он, – <i>Читай!</i> – воскликнул он вдруг настойчиво и раздражительно. Соня все колебалась... (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание» (Соня и Раскольников)

б) существительным

<i>Воды!</i>	– Мальчик, <i>воды!</i> Если его брил не сам хозяин Осип Абрамович, а кто-нибудь из подмастерьев, Прокопий или Михаила, то шепот становился громким и принимал форму неопределенной угрозы. (Л. Андреев «Петька на даче» (Осип Абрамович и Петька)
<i>Чаю!</i>	– <i>Чаю!</i> Нянька, ча-аю! (А.П. Чехов «Событие» (Нина и нянька)

5.1.6. Некатегоричная

<i>Мне нужен...</i>	– Нет, нет! – перебила Настенька, засмеявшись, – <i>мне нужен не один умный совет, мне нужен совет сердечный</i> , братский, так, как бы вы уже век свой любили меня! (Ф.М. Достоевский «Белые ночи» (мечтатель и Настенька)
---------------------	--

5.1.7. С оттенком желательности

<p><i>Как бы... выдать</i></p>	<p>– Здравствуй, Никита, – сказал мягко Андрей Ефимыч. – <i>как бы</i> этому еврею <i>выдать</i> сапоги, что ли, а то простудится. – Слушаю, ваше высокоблагородие. Я доложу смотрителю.</p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «Палата № 6») (Рагин и Никита)</p>
--------------------------------	---

5.1.8. Требование

<p><i>Вон</i></p>	<p>– Нинка, <i>вон</i> из-за стола! – сердится отец. – Сию же мину- ту выбросить котят в помойку! Чтоб этой гадости не было в доме!</p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «Событие») (отец и Нинка)</p>
-------------------	---

5.2. Совет

5.2.1. С оттенком желательности

<p><i>И вам это на свой счет брать не к чему</i></p>	<p>– Это ваша добрая воля, только вины вашей тут особенной нет. Со всеми бывает, и если с рассудком, то все это заглаживается и забывается, и живут, – сказала Аграфена Петровна строго и серьезно, – <i>и вам это на свой счет брать не к чему</i>. Я и прежде слышала, что она сбилась с пути, так кто же этому виноват? – Я виноват. А потому и хочу исправить. – Ну, уж это трудно исправить. – Это мое дело. А если вы про себя думаете, то то, что мама желала...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Воскресение») (Аграфена Петровна и Нехлюдов)</p>
<p><i>Не лучше ли тебе...</i></p>	<p>– То-то! – сказал я Пугачеву. – <i>Не лучше ли тебе отстать от них самому, заблаговременно, да прибегнуть к милосердию государыни?</i> Пугачев горько усмехнулся. «Нет, – отвечал он, – поздно мне каяться...</p> <p style="text-align: right;">(А.С. Пушкин «Капитанская дочка») (Пугачев и Гринев)</p>

<p><i>Постарайтесь...</i></p>	<p>Окоемов: Вексель! О, какое великодушие! Зоя, ты ангел! Зоя: ... Я уже не убеждаю вас, а прошу вас... вы видите мои слезы... <i>постарайтесь быть порядочным человеком и доставьте мне счастье опять полюбить вас.</i> Прощайте!</p> <p>(А.Н. Островский «Красавец-мужчина» (муж и жена)</p>
<p><i>Я вам советую...</i></p>	<p><i>Я вам советую перед смертью помолиться богу,</i> – сказал я ему тогда. – Не заботьтесь о моей душе больше, чем о своей собственной. Об одном вас прошу: стреляйте скорее...</p> <p>(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» (Печорин и Грушницкий)</p>
<p><i>Я полагаю, следует...</i></p>	<p>– Что вы мне посоветуете? – спросила Анна Сергеевна, продолжая смеяться. – Да, я полагаю, – ответил Базаров тоже со смехом, хотя ему вовсе не было весело и нисколько не хотелось смеяться, так же как и ей, – <i>я полагаю, следует благословить молодых людей...</i> Одинцова прошлась.</p> <p>(И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Анна Сергеевна и Базаров)</p>

5.2.2. Настойчивый и категоричный

<p><i>Надо переменить образ жизни</i></p>	<p>– Послушай, Илья, серьезно скажу тебе, что <i>надо переменить образ жизни</i>, иначе ты наживешь себе водяную или удар. Уж с надеждами на будущность – кончено: если Ольга, этот ангел, не унес тебя на своих крыльях из твоего болота, так я ничего не сделаю...</p> <p>(Н.А. Гончаров «Обломов» (Обломов и Штольц)</p>
<p><i>Служи хорошенько</i></p>	<p>– Это Долохов, – сказал князь Андрей. – А! – сказал Кутузов. – Надеюсь, что этот урок тебя исправит, <i>служи хорошенько.</i> Государь милостив. И я не забуду тебя, ежели ты заслужишь.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Долохов и Кутузов)</p>
<p><i>Успокойтесь...</i></p>	<p>– <i>Успокойтесь,</i> – говорил я ему, – вы слишком чувствительны, <i>не принимайте все к сердцу, не анализируйте, смотрите на вещи проще...</i></p> <p>(Л.Н. Толстой «Из кавказских воспоминаний» (Гуськов и князь)</p>

<p><i>Старайтесь... Будьте... Извиняйте...</i></p>	<p>– Позвольте вам дать добрый совет, Ашанин, послужившего моряка: <i>старайтесь жить со всеми дружно... Будьте уживчивы... Извиняйте недостатки в сослуживцах, не задирайте никого, остерегайтесь оскорблять чужие самолюбия</i>, чтобы не было ссор...</p> <p>(К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне») (старший офицер и Ашанин)</p>
<p><i>Старайтесь...</i></p>	<p>Пьер смотрел на нее через очи. – Пойдемте, я вас провожу. <i>Старайтесь плакать</i>. Ничто так не облегчает, как слезы.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Княгиня Анна Михайловна и Пьер)</p>
<p><i>Ты должен...</i></p>	<p>– Послушай, – говорила мне Вера, – я не хочу, чтоб ты знакомился с моим мужем, но <i>ты должен непременно понравиться княгине</i>; тебе это легко: ты можешь все, что захочешь. Мы здесь только будем видеться... – Только?... (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени») (Вера и Печорин)</p>

5.3. Предложение

5.3.1. Вежливое ненастойчивое

<p><i>Пожалуйста закусить</i></p>	<p>– <i>Пожалуйста, господа, закусить</i>.</p> <p>(А.П. Чехов «Попрыгунья») (Дымов и гости)</p>
<p><i>А вы чаю не хотите?</i></p>	<p>Купавина: <i>А вы чаю не хотите?</i> Мурзавецкий: Муа? Чаю? Ни за какие пряники. Жаме де мави! Бабье занятие.</p> <p>(А.Н. Островский «Волки и овцы») (богатая молодая вдова и Мурзавецкий)</p>
<p><i>Не хотите ли чаю?</i></p>	<p>– <i>Максим Максимыч, не хотите ли чаю?</i> – закричал я ему в окно. – Благодарствуйте; что-то не хочется.</p> <p>(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени») (Максим Максимыч и повествователь)</p>

<p><i>Да вы не выкушаете чаю?</i></p>	<p>– Ничего особенного, Катерина Васильевна, как видите, здоров. <i>Да вы не выкушаете чаю?</i> – видите я пью. – Пожалуй; да что ж вы столько дней не были?...</p> <p>(Н.Г. Чернышевский «Что делать?») (Бьюмонт и Катерина Васильевна)</p>
<p><i>Я могу...</i></p>	<p>– У меня очень покойная коляска, – прибавил несчастный молодой человек, обратясь к Аркадию, – <i>я могу вас подвезти</i>, а Евгений Васильич может взять ваш тарантас, так оно даже удобнее будет. – Да помилуйте, вам совсем не по дороге, и до меня далеко.</p> <p>(И.С. Тургенев «Отцы и дети») (Аркадий, Ситников и Анна Сергеевна)</p>
<p><i>Покорнейше прошу, пожалуйста!</i></p>	<p>Вася: (Трагику наливая рюмку вина) <i>Покорнейше прошу, пожалуйста!</i> Трагик: Не проси, и так выпью. К чему много слов: «Покорнейше прошу, пожалуйста!» Скажи: пей! Видишь, как просто – всего только одно слово; а какая мысль глубокая.</p> <p>(А.Н. Островский «Таланты и поклонники») (Вася и трагик)</p>

5.3.2. Категоричное

<p><i>Будьте...</i></p>	<p>– Любовь моя безгранична... Прошу, умоляю вас, – выговорил, наконец, Старцев, – <i>будьте моей женой!</i> – Дмитрий Ионыч, – сказала Екатерина Ивановна с очень серьезным выражением, подумав. – Дмитрий Ионыч, я очень вам благодарна за честь, я вас уважаю, но... – она встала и продолжала стоя, – но, извините, быть вашей женой я не могу.</p> <p>(А.П. Чехов «Ионыч») (Старцев и Котик)</p>
<p><i>Будьте...</i></p>	<p>– Моя мастерская становится лицом всевозможных знаний. <i>Будьте одним из профессоров.</i> – Что же я стану им преподавать? Разве латинский и греческий, или логику и реторику? – сказал, смеясь, Алексей Петрович. – Ведь моя специальность не очень интересна, по вашему мнению и еще по мнению одного человека, про которого я знаю, кто он.</p> <p>(Н.Г. Чернышевский «Что делать?») (Алексей Петрович и Вера Павловна)</p>

<p><i>Откажись от своей клеветы</i></p>	<p>– Грушницкий! – сказал я, – еще есть время; <i>откажись от своей клеветы</i>, и я тебе прощу все. Тебе не удалось меня подурочить, и мое самолюбие удовлетворено; вспомни – мы были когда-то друзьями...</p> <p>(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени») (Печорин и Грушницкий)</p>
<p><i>Купите...</i></p>	<p>Другая, подняв что-то длинное, скрученное из теста, кричала: – Ось сусулька! <i>Паничи, купите сусульку!</i> – Не покупайте у этой ничего: смотрите, какая она скверная – и нос нехороший, и руки нечистые...</p> <p>(Н.В. Гоголь «Вий») (торговки на рынке)</p>
<p><i>Не ломайся...</i></p>	<p>Священник начал отказываться. – <i>Пей, батюшка, не ломайся, нехорошо</i>, – заметил помещик с укоризной. Бедный молодой человек повиновался. – Ну, теперь, батюшка, можешь идти.</p> <p>(И.С. Тургенев «Два помещика») (священник и Мардарий Аполлоныч)</p>
<p><i>Поцелуйтесь...</i></p>	<p>– Все довольны, батько! – отвечали козаки. – <i>Ну, так поцелуйтесь же и дайте друг другу прощанье</i>, ибо, бог знает, приведется ли в жизни еще увидеться...</p> <p>(Н.В. Гоголь «Тарас Бульба») (Тарас Бульба и казаки)</p>

5.3.3. С оттенком желательности

<p><i>А то бы осталась!</i></p>	<p>– <i>А то бы осталась!</i> – еще раз крикнул ей Иудушка, желая, чтоб и при собравшихся челядинцах все обошлось как следует, по-родственному. – По крайней мере, приедешь, что ли? Говори!...</p> <p>– Нет, дядя, не приеду! Страшно с вами!</p> <p>(М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы») (Иудушка и Аннинька)</p>
---------------------------------	---

<p><i>Отчего бы тебе не...</i></p>	<p>Окоемов: Тебе есть случай жить богато, весело и постоянно пользоваться моей дружбой. Глядя на тебя, я бы радовался... Моя совесть была бы спокойнее, потому что причина всего твоего горя – я! А тут я видел бы тебя опять богатой, любимой. <i>Отчего бы тебе не сойтись с Лупачевым, он так тебя любит?</i> Полюби и ты его!</p> <p>Зоя: (вскрикивает) Ах! (Хватает щипцы от камина и бросается на мужа).</p> <p>Окоемов: Что ты, что ты!</p> <p style="text-align: right;">(А.Н. Островский «Красавец-мужчина» (муж и жена))</p>
------------------------------------	--

5.3.4. Предложение совместного действия

<p><i>Давай-ка, братец, закурим трубки</i></p>	<p>– Нет, сын мой, не солгал. А впрочем, знаешь ли что? Довольно рассуждать об этом. <i>Давай-ка, братец, закурим трубки</i> да попросим сюда Александру Павловну... При ней и говорится лучше, и молчится легче. Она нас чаем напоит.</p> <p>– Пожалуй. – возразил Вольтинцев.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Рудин» (Вольтинцев и Лежнев))</p>
<p><i>Махнем-ка мы тобой</i></p>	<p>– Знаешь ли что? – говорил в ту ночь Базаров Аркадию. – Мне в голову пришла великолепная мысль. Твой отец сказывал сегодня, что он получил приглашение от этого вашего знатного родственника. Твой отец не поедет; <i>махнем-ка мы тобой</i> в***; ведь этот господин и тебя зовет. Вишь какая сделалась здесь погода; а мы прокатимся, город посмотрим. Поболтаемся дней пять-шесть, и баста!</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Базаров и Аркадий))</p>
<p><i>Покорнейше прошу, пожалуйста!</i></p>	<p>Вася: (Трагику наливая рюмку вина) <i>Покорнейше прошу, пожалуйста!</i></p> <p>Трагик: Не проси, и так выпью. К чему много слов: «Покорнейше прошу, пожалуйста!». Скажи: пей! Видишь, как просто – всего только одно слово; а какая мысль глубокая.</p> <p style="text-align: right;">(А.Н. Островский «Таланты и поклонники» (купец Вася и актер))</p>

<p><i>Пообедайте...</i></p>	<p>– <i>Пообедайте со мной.</i> Рудин в первый раз взглянул прямо в глаза Лежневу. – Вы мне предлагаете с собой обедать? – проговорил он. – Да, Рудин, по-старинному, по-товарищески. Хотите?...</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Рудин» (Рудин и Лежнев)</p>
<p><i>Что же...</i></p>	<p>– Известное дело! – вдруг согласилась Кораблева, разбирая свой мешок и, очевидно, думая о другом. – <i>Что же, винца выпьем?</i> – Я не стану, отвечала Маслова, – пейте сами.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Воскресение» (Маслова, Кораблева и Федосья)</p>
<p><i>Так я зайду...</i></p>	<p>– Вера Павловна остается одна? – Одна. – <i>Так я зайду, посижу вместо вас,</i> может быть случится какая-нибудь надобность. – Пожалуйста; а то я боялась за нее. И я забыла, г. Рахметов...</p> <p style="text-align: right;">(Н.Г. Чернышевский «Что делать?») (Рахметов и Маша)</p>

6. Согласие и отказ в ответ на просьбу и предложение

6.1. Согласие

<p><i>Делайте, что хотите</i></p>	<p>– <i>Делайте, что хотите,</i> – отвечал им сухо Дубровский, – я здесь уже не хозяин. – С этим словом он удалился в комнату отца своего и запер за собою дверь.</p> <p style="text-align: right;">(А.С. Пушкин «Дубровский» (Дубровский и Шабашкин)</p>
<p><i>Пожалуй!</i></p>	<p>– Теперь ваша очередь торжествовать! – сказал я, – только я на вас надеюсь: вы мне не измените. Я ее не видал еще, но уверен, узнаю в вашем портрете одну женщину, которую любил в старину... Не говорите ей обо мне ни слова: если она спросит, отнеситесь обо мне дурно. – <i>Пожалуй!</i> – сказал Вернер, пожав плечами.</p> <p style="text-align: right;">(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» (Вернер и Печорин)</p>

<p><i>Пожалуй, можно и здесь</i></p>	<p>– Чего вам угодно? – спросил он меня. – Обсушиться. – Здесь не место. – Я не знал, что здесь контора; а, впрочем, я готов заплатить... – Оно, <i>пожалуй, можно и здесь</i> – возразил толстяк: – вот, не угодно ли сюда. (И.С. Тургенев «Записки охотника») (автор и главный конторщик)</p>
<p><i>Посадите...</i></p>	<p>– Прикажите посадить, ради бога. – <i>Посадите, посадите</i>, – сказал Тушин. – Подложи шинель, ты, дядя, – обратился он к своему любимому солдату. – А где офицер раненый? (Л.Н. Толстой «Война и мир») (юнкер Ростов и Тушин)</p>
<p><i>Принесите...</i></p>	<p>– Встань! – сказала ласково государыня. – Если так тебе хочется иметь такие башмаки, то это нетрудно сделать. <i>Принесите ему сей же час башмаки самые дорогие, с золотом!</i> Право, мне очень нравится это простодушие! (Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством») (кузнец и царица)</p>
<p><i>Не унывайте...</i></p>	<p>– Кончили? – спросил смотритель. – <i>Да. Так не унывайте; сделаем, что можно</i>, – сказал Нехлюдов и вышел. (Л.Н. Толстой «Воскресение») (Нехлюдов, Меньшов и смотритель)</p>
<p><i>Что ж...</i></p>	<p>– Я тебе серьезно говорю: надо умереть! – повторила Любинька – пойми! Очнись! Постарайся! – <i>Что ж... умрем!</i> – согласилась Аннинька, едва ли, однако же, сознавая то суровое значение, которое заключало в себе это решение. (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы») (Аннинька и Любинька)</p>

6.2. Отказ

<p><i>Да ты знаешь, дура...</i></p>	<p>– Позвольте выйти замуж. Я признаюсь вам, изумился. – <i>Да ты знаешь, дура, что у барыни другой горничной нету?...</i> (И.С. Тургенев «Ермолай и мельничиха») (Зверков и Арина)</p>
---	--

<p><i>Нет, не курю</i></p>	<p>– Позвольте мне вас попотчевать трубочкою. – <i>Нет, не курю</i>, – отвечал Чичиков ласково и как бы с видом сожаления. (Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Чичиков и Манилов)</p>
<p><i>Это уж не мое дело</i></p>	<p>– А это... это уж другой вопрос. Что надобно как-нибудь выйти из этого положения – это так, это ты правду сказал. А как выйти – <i>это уж не мое дело!</i> – Но почему же вы не хотите помочь? (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы» (отец и сын)</p>

7. Согласие и несогласие с мнением собеседника

7.1. Согласие

<p><i>Воля ваша для меня священна</i></p>	<p>– Ради бога, не трогайте его, не смейте его тронуть, если вы меня любите. Я не хочу быть виною какого-нибудь ужаса... – <i>Я не трону его, воля ваша для меня священна</i>. Вам обязан он жизнию. Никогда злодейство не будет совершено во имя ваше. (А.С. Пушкин «Дубровский» (Дубровский и Мария Кирилловна)</p>
<p><i>Как знаешь</i></p>	<p>– Евгений, – спросил он, – налево? Базаров отвернулся. – Это что за глупость? – пробормотал он. – Я знаю, что глупость, – ответил Аркадий. – Да что за беда? Разве нам в первый раз? Базаров надвинул картуз себе на лоб. – <i>Как знаешь</i>, – проговорил он наконец. (И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Базаров и Аркадий)</p>
<p><i>Не худо</i></p>	<p>– Вот мы и дома, – промолвил Николай Петрович, снимая картуз и встряхивая волосами. – Главное, надо теперь поужинать и отдохнуть. – <i>Поесть действительно не худо</i>, – заметил, потягиваясь, Базаров и опустился на диван. (И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Кирсановы и Базаров)</p>

7.2. Несогласие

<p><i>И работу убивать и деньги попусту тратить</i></p>	<p>– Петрович, пожалуйста, – говорил Акакий Акакиевич умоляющим голосом, не слыша и не стараясь слышать сказанных Петровичем слов и всех его эффектов, – как-нибудь поправь, чтобы хоть сколько-нибудь еще послужила. – Да нет, это выйдет: <i>и работу убивать и деньги попусту тратить</i>, – сказал Петрович, и Акакий Акакиевич после таких слов вышел совершенно уничтоженный. (Н.В. Гоголь «Шинель») (Акакий Акакиевич и Петрович)</p>
<p><i>Напрасно...вы так делаете</i></p>	<p>– Скажите, пожалуйста, и Корнею, что жалованье я ему отдам вперед за два месяца, но что мне не нужно его. – <i>Напрасно, Дмитрий Иванович, вы так делаете</i>, – выговорила она. – Ну, за границу поедете, все-таки понадобится помещение. (Л.Н. Толстой «Воскресение») (Аграфена Петровна и Нехлюдов)</p>
<p><i>Не будет этого никогда</i></p>	<p>– Что вы жениться хотите – <i>не будет этого никогда</i>. Повешусь скорее! Вот вам. – Я все-таки буду служить тебе. (Л.Н. Толстой «Воскресение») (Маслова и Нехлюдов)</p>
<p><i>Никак нет...</i></p>	<p>– Поняли? – спросил строго старший офицер. – <i>Никак нет, ваше благородие!</i> – отвечали разом оба... (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне») (старший офицер и боцманы)</p>
<p><i>Нужно отличать...</i></p>	<p>– Если так рассуждать, то следует ходить босиком. Сапоги шьются из кожи убитых животных. – <i>Нужно отличать необходимость от прихоти</i>, – глухо ответила Кандурина. (А.П. Чехов «Пустой случай») (Кандурина и проситель)</p>
<p><i>Это только принято говорить...</i></p>	<p>– Время идет быстро, а между тем здесь такая скука! – сказала она, не глядя на него. – <i>Это только принято говорить, что здесь скучно</i>. Обыватель живет у себя где-нибудь в Белеве или Жиздре – и ему не скучно, а придет сюда: «Ах, скучно! Ах, пыль!» Подумаешь, что он из Гренады приехал. (А.П. Чехов «Дама с собачкой») (Гуров и дама)</p>

8. Извинение

<p><i>Виноват</i></p>	<p>– Что вы? – вскричал Раскольников. – <i>Виноват</i>, – тихо произнес человек. – В чем? – В злобных мыслях.</p> <p>(Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание») (Раскольников и скорняк)</p>
<p><i>Извините...</i></p>	<p>Вспомнил про одного адъютанта, кажется Наполеона, который, предав приказание, марш-марш, с окровавленной головой подскакал к Наполеону. – <i>Vous ê tes blessé?*</i> – сказал ему Наполеон – <i>Je vous demande pardon, sire, je suis tué**</i>, – и адъютант упал с лошади и умер.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Севастополь в мае») (Наполеон и адъютант)</p> <p>Он быстро приблизился к террасе и, качнув головою, промолвил: – <i>Здравствуйте, господа; извините, что опоздал к чаю, сейчас вернусь; надо вот этих пленниц к месту пристроить.</i></p> <p>(И.С. Тургенев «Отцы и дети») (Базаров, Павел Петрович, Николай Петрович и Аркадий)</p>
<p><i>Простите</i></p>	<p>– <i>Простите!</i> – сказала она шепотом, подняв голову и взглядывая на него. – Простите меня! [...] – Простите меня за то, что я сде...лала, – чуть слышным, прерывным шепотом проговорила Наташа и чаще стала, чуть дотрагиваясь губами, целовать руку.</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Наташа и Андрей)</p> <p>– <i>Простите, moncousine</i>, что я пришла к вам, – сказала она укоризненно-взволнованным голосом. – Ведь надо, наконец, на что-нибудь решиться! Что ж это будет такое? Все выехали из Москвы, и народ бунтует. Что ж мы остаемся? – Напротив, все, кажется, благополучно, <i>macousine</i>, – сказал Пьер...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Пьер и кузина)</p>

* *Вы ранены?* (франц.). ** *Извините, государь, я убит* (франц.).

<p><i>Простите меня</i></p>	<p>– <i>Простите меня</i>, Дмитрий Иванович, я нехорошо говорила третьего дня. – Не мне прощать вас... – начал было Нехлюдов. (Л.Н. Толстой «Воскресение» (Нехлюдов и Маслова)</p>
<p><i>Прости меня</i></p>	<p>– Я пришел затем, чтобы просить у тебя прощения, – прокричал он громким голосом, без интонации, как заученный урок. Прокричав эти слова, ему стало стыдно, и он оглянулся. Но тотчас же пришла мысль, что если ему стыдно, то это тем лучше, потому что он должен нести стыд. И он громко продолжал: – <i>Прости меня</i>, я страшно виноват перед... – прокричал он еще. (Л.Н. Толстой «Воскресение» (Маслова и Нехлюдов)</p> <p>– Что с тобой, Родя, не знаю, – сказала она наконец, – думала я все это время, что мы просто надоедем тебе, а теперь вижу, что тебе великое горе готовится, оттого ты тоскуешь. Давно я уже предвижу это, Родя. <i>Прости меня</i>, что об этом заговорила; все об этом думаю и по ночам не сплю. Эту ночь и сестра твоя всю напролет в бреду пролежала и все о тебе вспоминала. Расслушала я что-то, а ничего не поняла. Все утро как перед казнь ходила, чего-то ждала, предчувствовала и вот дождалась! Родя, Родя, куда же ты? Едешь, что ли, куда-нибудь? – Еду. (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание» (Раскольников и мать)</p>
<p><i>Прошу вашего извинения</i></p>	<p>Лотохин: Только, сударыня, я заранее <i>прошу вашего извинения</i>: может быть придется сказать что-нибудь такое... Сосипатра: Пожалуйста, не церемоньтесь! Напускную скромность я не считаю за добродетель и излишней стыдливостью не отличаюсь, особенно в мужском обществе... (А.Н. Островский «Красавец-мужчина» (богатый барин и пожилая дама)</p>
<p><i>Я виноват</i></p>	<p>– Вера Павловна! Вы отказываете мне? Судите сами, могу ли я не отказать вам. – Вера Павловна! Я жестоко оскорбил вас, <i>я виноват</i>, достоин казни, но не могу перенести вашего отказа, – и так дальше, и так дальше. (Н.Г. Чернышевский «Что делать?») (Верочка и Сторешников)</p>

<p><i>Я пришел... просить прощения</i></p>	<p>– Катюша! <i>Я пришел к тебе просить прощения</i>, а, ты не ответила мне, простила ли ты меня, простишь ли, ты меня когда-нибудь, – сказал он, вдруг переходя на «ты». Она не слушала его, а глядела то на его руку, то на смотрителя. Когда смотритель отвернулся, она быстро протянула к нему руку, схватила бумажку и положила за пояс.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Воскресение») (Маслова и Нехлюдов)</p>
--	---

а) по-французски, в русской транскрипции

<p><i>Пардон</i></p>	<p>Мурзавецкая: Что ты расселся? Не видишь! (Поднимая ко- стыль) Встань! Мурзавецкий: Ах, <i>пардон, матант!</i> Я так, что-то не в духе сегодня, не в расположении.</p> <p style="text-align: right;">(А.Н. Островский «Волки и овцы») (богатая помещица и племянник)</p>
----------------------	--

9. Жалоба

<p><i>Да вот беда...</i></p>	<p>– У вас, матушка, блинцы очень вкусны, – сказал Чичиков, принимаясь за принесенные горячие. – Да у меня их хорошо пекут, – сказала хозяйка: <i>да вот беда, урожай плох, мука уж такая не авантажная...</i> да что же, батюшка, вы так спешите? – проговорила она, увидя, что Чичиков взял в руки картуз...</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Мертвые души») (Коробочка и Чичиков)</p>
<p><i>Как она меня...</i></p>	<p>– А помните, дядя, – сказала она, – <i>как она меня с сестрой, маленьких, кислым молоком кормила?</i> Не в последнее время... в последнее время она отличная была... а тогда, когда она еще богата была? – Ну-ну, что старое поминать! Кислым молоком кормили, а вишь какую, бог с тобой, выпоили! На могилку-то поедешь, что ли?</p> <p style="text-align: right;">(М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы») (Аннинька и Порфирий Владимирович)</p>

<p><i>Тяжелые, тяжелые обязанности</i></p>	<p>– Вы, видно, устали, – сказал Нехлюдов. – Устал от всей службы, очень трудные обязанности. Хочешь облегчить участь, а выходит хуже; только и думаю, как уйти: <i>тяжелые, тяжелые обязанности.</i> – Да, я думаю, что очень тяжелые, – сказал он. – Зачем же вы исполняете эту обязанность? – Средств не имею, семья. – Но если вам тяжело...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Воскресение») (смотритель и Нехлюдов)</p>
--	---

10. Утешение, сочувствие, соболезнование

<p><i>...а теперь что! Тоже забота, видно.</i></p>	<p>– И старый же ты стал, ваше сиятельство; то <i>как репей хороший был, а теперь что! Тоже забота, видно.</i> – Я вот что пришел спросить: помнишь ли ты Катюшу Маслову?</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Воскресение») (старуха и Нехлюдов)</p>
<p><i>Не плачь...</i></p>	<p>– Данило! – сказала Катерина, закрыв лицо руками и рыдая, – я виновна в чем перед тобою? Я ли изменила тебе, мой любимый муж? Чем же навела на себя гнев твой? Не верно разве служила тебе? сказала ли противное слово, когда ты ворочался навеселе с молодецкой пирушки? тебе ли не родила чернобрового сына? – <i>Не плачь, Катерина, тебя теперь знаю и не брошу ни за что.</i> Грехи все лежат на отце твоём.</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Страшная месть») (Данило и Катерина)</p>
<p><i>Не унывайте...</i></p>	<p>– Что, мой друг, все еще нет места? – Нет еще, Вера Павловна; но <i>не унывайте</i>, найдется. Каждый день, я бываю в двух, в трех семействах. Нельзя же, чтобы не нашлось наконец порядочное, в котором можно жить.</p> <p style="text-align: right;">(Н.Г. Чернышевский «Что делать?») (Вера Павловна и Лопухов)</p>

11. Compliment

<p><i>Благородный человек</i></p>	<p>– Я понимаю, что вы хотите сказать, – промолвил Рудин, садясь, – и очень рад вашей откровенности. Этак гораздо лучше. Я сам приехал к вам как к <i>благородному человеку</i>. – Нельзя ли без комплиментов? – заметил Вольтер. – Я желаю объяснить вам, зачем я приехал. (И.С. Тургенев «Рудин» (Рудин и Вольтер))</p>
<p><i>Не все, потому что вас там не будет</i></p>	<p>– Говорят, что бал будет очень хорош, – отвечала княгиня, вздергивая с усиками губку. – Все красивые женщины общества будут там. – <i>Не все, потому что вас там не будет</i>; не все, – сказал князь Ипполит... (Л.Н. Толстой «Война и мир» (Ипполит и жена Андрея))</p>
<p><i>Вы счастливы...</i></p>	<p>– <i>Вы счастливы в игре</i>, – сказал я Вуличу... – В первый раз отроду, – отвечал он, самодовольно улыбаясь, – это лучше банка и штосса. (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» (Вулич и Печорин))</p>
<p><i>Могу сказать...</i></p>	<p>– Сладки мне ваши речи, досточтимый мною Константин Федорович, – произнес Чичиков. – <i>Могу сказать</i>, что не встречал во всей России человека, подобного вам по уму. Он улыбнулся. Он сам чувствовал, что не несправедливы были эти слова. (Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Чичиков и Костанжогло))</p>
<p><i>Я бы с радостью отдал...</i></p>	<p>«О! Павел Иванович, позвольте мне быть откровенным: <i>я бы с радостью отдал</i> половину всего моего состояния, чтобы иметь часть тех достоинств, которые имеете вы!...». «Напротив, я бы почел с своей стороны за величайшее...». (Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Манилов и Чичиков))</p>

11.1. Compliment на основе сравнения

<p><i>Кастор и Поллукс</i></p>	<p>– Смотрю я на вас, мои юные собеседники, – говорил между тем Василий Иванович, покачивая головой и опираясь скрещенными руками на какую-то хитро перекрученную палку</p>
--------------------------------	---

<p><i>Кастор и Поллукс Диоскуры, Диоскуры</i></p> <p>[продолж.]</p>	<p>собственного изделия, с фигурой турка вместо набалдашника, – смотрю и не могу не любоваться. Сколько в вас силы, молодости самой цветущей, способностей, талантов! Просто... <i>Кастор и Поллукс!</i></p> <p>– Ион куда – в мифологию метнул! – промолвил Базаров. – Сейчас, видно, что в свое время сильный был латинист! Ведь ты, помнится, серебряной медали за сочинение удостоился, а?</p> <p>– <i>Диоскуры, Диоскуры!</i> – повторял Василий Иванович.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Базаров и отец))</p>
<p><i>Ножки...из чистого сахара.</i></p>	<p>– Боже ты мой, что за украшение! – вскрикнул радостно, ухватив башмаки. – Ваше царское величество! Что ж, когда башмаки такие на ногах и в них, чаятельно, ваше благородие, ходите и на лед ковзаться, <i>какие же должны быть самые ножки? думаю, по малой мере из чистого сахара.</i></p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Ночь перед Рождеством» (кузнец и царица))</p>
<p><i>Свежи и милы; как это утро</i></p>	<p>– Хорош вопрос! Как будто не всегда приятно вас! Встретить! <i>Сегодня вы так же свежи и милы; как это утро.</i></p> <p>Александра Павловна опять засмеялась.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Рудин» (Михаил Михайлыч и Александра Павловна))</p>
<p><i>Он как тополь...</i></p>	<p>– А что ж такое она пропела, не помните ли?</p> <p>– Да, кажется, вот так: «Стройны, дескать, наши молодые джигиты, и кафтаны на них серебром выложены, а молодой русский офицер стройнее их, и галуны на нем золотые. <i>Он как тополь</i> между ними; только не расти, не цвести ему в нашем саду».</p> <p style="text-align: right;">(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» (Максим Максимыч, Печорин и Бэла))</p>
<p><i>Точно ручеек журучит</i></p>	<p>– Я люблю тоже, когда вы смеетесь, – промолвил Базаров.</p> <p>– Полноте!</p> <p>– <i>Я люблю, когда вы говорите. Точно ручеек журучит.</i> – Фенечка отвортила голову.</p> <p>– Какой вы! – промолвила она, перебирая пальцами по цветам. – И что вам меня слушать? Вы с такими умными дамами разговор имели.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Базаров и Фенечка))</p>

11.2. Похвала

<p><i>Вы так...</i></p>	<p>– Что это как у вас проворно ходит игла мимо носа, Агафья Матвеевна! – сказал Обломов. – <i>Вы так живо снизу поддеваете</i>, что я, право, боюсь, как бы вы не пришили носа к юбке. Она усмехнулась. – Вот только дострочу эту строчку, – говорила она почти про себя, – ужинать станем.</p> <p style="text-align: right;">(Н.А. Гончаров «Обломов») (Обломов и хозяйка)</p>
<p><i>Молодцы, ребята</i></p>	<p>– <i>Молодцы, ребята!</i> – проговорил он, – постарались! Идите переоденьтесь да выпейте за меня по чаре водки. – Рады стараться, вашескобродие!</p> <p style="text-align: right;">(К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне») (капитан и матросы)</p>
<p><i>Молодец</i></p>	<p>– <i>Молодец, Житин!</i> – сказал капитан, невольно недоумевая при виде этого неуклюжего, невзрачного матроса, рисовавшего жизнью за товарища.</p> <p style="text-align: right;">(К.М. Станюкович «Человек за бортом») (капитан и матрос)</p>

12. Неодобрение, упрек

<p><i>За труды дали только одну беленькую</i></p>	<p>Когда проходили они канцелярию, Иван Антонович кувшинное рыло, учтиво поклонившись, сказал потихоньку Чичикову: – Крестьян накупили на сто тысяч, а <i>за труды дали только одну беленькую</i>. – Да ведь какие крестьяне, – отвечал ему на это тоже шепотом Чичиков...</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Мертвые души») (Иван Антонович и Чичиков)</p>
<p><i>И зачем ты отдала меня сюда, маменька!</i></p>	<p>– <i>И зачем ты отдала меня сюда, маменька!</i> – проговорила Липа. – Замуж идти нужно, дочка. Так уж не нами положено.</p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «В овраге») (Липа и мать)</p>

<p><i>Стыдитесь и руку протянуть нашему брату</i></p>	<p>– Очень жаль, – сказал я ему, – очень жаль, Максим Максимыч, что нам до срока надо расстаться. – Где нам, необразованным старикам, за вами гоняться!... Вы молодежь светская, гордая: еще пока здесь, под черкесскими пулями, так вы туда-сюда... а после встретишься, <i>так стыдитесь и руку протянуть нашему брату</i>.</p> <p>– Я не заслужил этих упреков, Максим Максимыч.</p> <p>(М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» (Максим Максимыч и повествователь))</p>
<p><i>Разве так можно</i></p>	<p>– <i>Разве так можно?</i> – убеждал папаша. – Не дай бог, узнают в гимназии, вас исключат. А вам стыдно, господин Чечевичын! Нехорошо-с! Вы зачинщик, и надеюсь. Вы будете наказаны вашими родителями. Разве так можно? Вы где ночевали?</p> <p>– На вокзале! – гордо ответил Чечевичын.</p> <p>(А.П. Чехов «Мальчики» (гимназисты и отец))</p>
<p><i>Так ведь дохода вам уже не будет?</i></p>	<p>– И все то, что дает земля, поэтому принадлежит всем.</p> <p>– <i>Так ведь дохода вам уже не будет?</i> – спросил, перестав улыбаться, приказчик.</p> <p>– Да я и отказываюсь.</p> <p>Приказчик тяжело вздохнул и потом опять стал улыбаться. Теперь он понял. Он понял, что Нехлюдов человек не вполне здоровый...</p> <p>(Л.Н. Толстой «Воскресение» (Нехлюдов и приказчик))</p>
<p><i>Фу, дядя! Какие гадости!</i></p>	<p>Аннинька прочла: «Сегодня я молился и просил боженьку, чтоб он оставил мне мою Анниньку. И боженька мне сказал: возьми Анниньку за полненькую тальницу и прижми ее к своему сердцу».</p> <p>– Так, что ли? – спросил он, слегка побледнев.</p> <p>– <i>Фу, дядя! Какие гадости!</i> – ответила она, растерянно смотря на него.</p> <p>(М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы» (Порфирий Владимырыч и Аннинька))</p>
<p><i>Стыдно не танцевать</i></p>	<p>– Танцую, только плохо.</p> <p>– Это напрасно. Здесь есть хорошенькие, да и молодому человеку <i>стыдно не танцевать</i>. Опять-таки я это говорю не в силу старинных понятий; я вовсе не полагаю, что ум должен находиться в ногах, но байронизм смешон...</p> <p>(И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Матвей Ильич и Аркадий))</p>

13. Поздравление, пожелание

<p><i>Желаю вам всякого счастья и веселой дороги.</i></p>	<p>– Я не заслужил этих упреков, Максим Максимыч. – Да я, знаете, так, к слову говорю; а впрочем, <i>желаю вам всякого счастья и веселой дороги.</i> (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени») (Максим Максимыч и повествователь)</p>
<p><i>Затем желаю вам счастливого пути</i></p>	<p>– Помощь дается токмо от бога, – сказал он, – но ту меру помощи, которую во власти подать наш орден, он подаст вам, государь мой. Вы едете в Петербург, передайте это графу Вилларскому (он достал бумажник и на сложенном вчетверо большом листе бумаги написал несколько слов). Один совет позвольте подать вам. Приехав в столицу, посвятите первое время уединению, обсуждению самого себя и не вступайте на прежние пути жизни. <i>Затем желаю вам счастливого пути</i>, государь мой – сказал он, заметив, что слуга его вошел в комнату, – и успеха... (Л.Н. Толстой «Война и мир») (Пьер и мавсон Баздеев)</p>
<p><i>Кажется, что я могу вас поздравить</i></p>	<p>– <i>Кажется, что я могу вас поздравить</i>, – прошептала Анна Павловна княгине и крепко поцеловала ее. – Ежели бы не мигрень, я бы осталась. Княгиня ничего не отвечала; ее мучила зависть к счастью своей дочери. (Л.Н. Толстой «Война и мир») (Анна Павловна и княгиня)</p>

13.1. Тосты

<p><i>Выьем на ты!</i></p>	<p>– Послушайте, – перебил его Лежнев, – мы когда-то говорили «ты» друг другу... Хочешь? Возобновим старину... <i>Выьем на ты!</i> Рудин встрепенулся, приподнялся, а в глазах его промелькнуло что-то, чего слово выразить не может. – Выьем, – сказал он, – спасибо тебе, брат, выьем. (И.С. Тургенев «Рудин») (Лежнев и Рудин)</p>
<p><i>За ваше здоровье, маменька!</i></p>	<p>– <i>За ваше здоровье, маменька!</i> – говорит он, обращаясь к старухе барыне и проглатывая водку. – На здоровье, батюшка! (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы») (Арина Петровна и доктор)</p>

<p><i>За веру, За Сичь</i></p>	<p>Да уже вместе выпьем и а нашу собственную славу, чтобы сказали внуки и сыны тех внуков, что были когда-то такие, которые не постыдили товарищества и не выдали своих. Так за веру; пане-братове, за веру! – <i>За веру!</i> – загомонели все, стоявшие в ближних рядах, густыми голосами. – <i>За веру!</i> – подхватили дальние; и все что было, и старое и молодое, выпило за веру. – <i>За Сичь!</i> – сказал Тарас и высоко поднял над головою руку. – <i>За Сичь!</i> – отдалось густо в передних рядах.</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Тарас Бульба» (Тарас Бульба и козаки)</p>
<p><i>За здоровье олухов!</i></p>	<p>– Законное дело! – повторил Тарантьев. – Пусть тогда Обломовка достается наследникам. – Пусть достается! Выпьем, кум. – <i>За здоровье олухов!</i> – сказал Иван Матвеевич. Они выпили.</p> <p style="text-align: right;">(Н.А. Гончаров «Обломов» (Иван Матвеевич и Тарантьев)</p>

14. Благодарность

<p><i>Благодарю...</i></p>	<p>Беркутов: <i>Меропы Давыдовны, благодарю вас за радушный прием и за участие, которое вы во мне приняли!</i> Позвольте предложить вам этот маленький подарок. (Подает Мурзавецкой коробочку.) Это аквамариновые четки! Господа, я пробыл здесь недолго, но уже имел возможность вполне оценить эту во всех отношениях редкую женщину. Желательно, чтоб наши передовые люди всегда относились с глубоким уважением к Меропе Давыдовне. Мы должны подавать пример другим, а нужно уважать такую почтенную старость!</p> <p>Чугунов: (утирая слезы). Все правда, все правда! Мурзавецкая: Благодарю, Василий Иваныч, благодарю! (Целует Беркутова в голову.) Ну, батюшка, видала я на своем веку всяких людей, а таких, как ты, не приводилось.</p> <p style="text-align: right;">(А.Н. Островский «Волки и овцы» (Беркутов, Чугунов, Мурзавецкая)</p>
----------------------------	---

<p><i>Благодарю...</i> [продолж.]</p>	<p>– И жарко же, – сказала она, радостно улыбаясь. – Получили вещи? – <i>Получила, благодарю.</i> – Не нужно ли чего? – спросил Нехлюдов, чувствуя, как, точно из каменки, несет жаром из раскаленного вагона. – Ничего не нужно, благодарю. (Л.Н. Толстой «Воскресение» (Маслова, Нехлюдов и Федосья)</p>
<p><i>Благодарю вас</i></p>	<p>– Не хотите ли присесть, хоть пройти в приемную? – <i>Благодарю вас</i>, – сказал Нехлюдов и, пользуясь благоприятной для себя переменой в докторе, спросил его о том, как довольны Масловой в больнице. (Л.Н. Толстой «Воскресение» (Нехлюдов и доктор)</p>
<p><i>Благодарю тебя</i></p>	<p>– <i>Благодарю тебя, Печорин...</i> Ты понимаешь меня?... – Нет; но, во всяком случае, не стоит благодарности, – отвечал я, не имея точно на совести никакого благодеяния. (М.Ю. Лермонтов «Герой нашего времени» (Грушницкий и Печорин)</p>
<p><i>Спасибо...</i></p>	<p>Из задней двери вертявкой походкой вышла маленькая стриженная, худая, желтая Вера Ефремовна, с своими огромными добрыми глазами. – <i>Ну, спасибо, что пришли</i>, – сказала она, пожимая руку Нехлюдова. – Вспомнили меня? Сядемте. – Не думал вас найти так. – О, мне прекрасно! Так хорошо, так хорошо, что лучшего и не желаю... (Л.Н. Толстой «Воскресение» (Вера Ефремовна и Нехлюдов)</p>
<p><i>Спасибо, спасибо!</i></p>	<p>– Едешь? – И он опять стал писать. – Пришел проститься. – Целуй сюда, – он показал щеку, – <i>спасибо, спасибо!</i> – За что вы меня благодарите? (Л.Н. Толстой «Война и мир» (князь Андрей и отец)</p>

<p><i>Я вам очень благодарен</i></p>	<p>– <i>Я вам очень благодарен</i>: вы меня от больших хлопот избавите, сказал Обломов, подавая ему руку. – Как его? – Исай Фомич Затертый, – повторил Иван Матвеевич, отирая наскоро руку обшлагом другого рукава, и, взяв на минуту руку Обломова, тотчас спрятал свою в рукав. – Я завтра поговорю с ним-с и приведу. – Да приходите обедать, мы и потолкуем. – Очень, очень благодарен вам! – говорил Обломов, провожая Ивана Матвеевича до дверей. <p style="text-align: right;">(Н.А. Гончаров «Обломов») (Обломов и Иван Матвеевич)</p></p>
--------------------------------------	--

а) высокопарное

<p><i>Сердце матери никогда не забудет того, что вы сделали для нас</i></p>	<p>Верьте, князь, <i>что сердце матери никогда не забудет того, что вы сделали для нас.</i> Я рад, что мог сделать вам приятное, любезная моя Анна Михайловна, – сказал князь Василий, оправляя жабо... <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (Княгиня Анна Михайловна, князь Василий и Борис)</p></p>
---	---

б) по-французски

<p><i>Merci</i></p>	<p>Она взяла и дрожащими пальчиками сунула их в карман. – <i>Merci</i>, – прошептала она... – За что же <i>merci</i>? – За деньги. <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «Размазня») (гувернантка и дворянка)</p></p>
---------------------	---

15. Прощание

<p><i>До свидания! до завтра!</i></p>	<p>– Он придет завтра, – сказал я самым уверительным и твердым голосом. – Да, – прибавила она, развеселившись, – я сама теперь вижу, что он придет только завтра. <i>Ну, так до свидания! До завтра!</i> Если будет дождь, я, может быть, не приду. <p style="text-align: right;">(Ф.М. Достоевский «Белые ночи») (Настенька и мечтатель)</p></p>
---	---

<p><i>До свидания</i></p>	<p>– <i>Ну, до свидания</i>, – сказал князь Андрей, протягивая руку Тушину. – До свидания, голубчик, – сказал Тушин, – милая душа! Прощайте, голубчик, – сказал Тушин со слезами, которые неизвестно почему вдруг выступили ему на глаза.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир») (князь Андрей и капитан Тушин)</p> <p>Пандалевский достал из кармана жилета золотые часики с эмалью и посмотрел на них, осторожно налегая розовой щекой на твердый и белый воротничок. – Два часа и тридцать три минуты, – промолвил он. – Пора одеваться, – заметила Дарья Михайловна. – <i>До свиданья, Дмитрий Николаич!</i></p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Рудин») (Дарья Михайловна и Рудин)</p>
---------------------------	--

15.1. Прощайте

<p><i>Прощайте...</i></p>	<p>– <i>Ну, прощайте!</i> – А мы было думали, что вы к нам вернетесь! С нами поживете! – молвил Федулыч. – Нет уж... что! Все равно... живите! – Счастливо! – раздалось за ней, когда повозка тронулась.</p> <p style="text-align: right;">(М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы») (Аннинька и Федулыч)</p> <p>– <i>Прощайте, сударыня!</i> – продолжал он, подходя к ручке Маниловой. – <i>Прощайте, почтеннейший друг!</i> Не позабудьте просьбы! – О, будьте уверены! – отвечал Манилов, – Я с вами расстанусь не более как на два дни.</p> <p style="text-align: right;">(Н.В. Гоголь «Мертвые души») (Манилов и Чичиков)</p> <p>Негина: <i>Ну, прощайте, господа, прощайте!</i> (посылает рукой поцелуи). Трагик: Офелия! О нимфа! Помяни меня в своих молитвах!</p> <p style="text-align: right;">(А.Н. Островский «Таланты и поклонники») (Негина и трагик)</p>
---------------------------	---

<p><i>Прощайте</i></p> <p>[продолж.]</p>	<p>– <i>Прощайте, M-r Jrteneff</i>, – сказала мне Ивина, вдруг как-то гордо кивнув головой и, так же, как сын, посмотрев мне в брови. Я поклонился еще раз ей и ее мужу.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Юность» (жена генерала и Иртенев)</p> <p>Смотритель подошел к Нехлюдову и сказал, что время свидания кончилось. Маслова встала, покорно ожидая, когда ее отпустят.</p> <p>– <i>Прощайте</i>, мне еще многое нужно сказать вам, но, как видите, теперь нельзя, – сказал Нехлюдов и протянул руку. – Я приду еще.</p> <p>– Кажется, все сказали...</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Воскресение» (Маслова и Нехлюдов)</p> <p>– Нынешняя молодежь больно хитра стала, – заметил Базаров и тоже засмеялся. – <i>Прощайте</i>, – заговорил он опять после небольшого молчания. – Желаю вам окончить это дело самым приятным образом; а я издали порадуюсь.</p> <p>Одинцова быстро повернулась к нему.</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Анна Сергеевна и Базаров)</p> <p>Вдруг Наташа опустила голову на руки и заплакала.</p> <p>– Что ты, Наташа? – сказала княжна Марья.</p> <p>– Ничего, ничего. – Она улыбнулась сквозь слезы Пьеру. – <i>Прощайте, пора спать</i>. Пьер встал и простился.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Наташа и Пьер)</p> <p>Новиков промолчал, и Сергей Петрович добавил:</p> <p>– Я едва ли буду читать его. Для меня довольно. Прозвучал третий звонок.</p> <p>– <i>Ну, прощайте</i>.</p> <p>– Будете писать? – спросил Сергей Петрович.</p> <p>– Нет. Я не люблю переписки. Но вы пишете.</p> <p style="text-align: right;">(Л. Андреев «Рассказ о Сергее Петровиче» (Сергей Петрович и Новиков)</p>
--	--

<p><i>Прощайте пожалуйста!</i></p>	<p>– ...Трогай! <i>Прощайте пожалуйста!</i> (А.П. Чехов «Ионыч» (Туркин и Старцев)</p>
<p><i>Ну, прощайте, ваши сиятельство, не хворайте</i></p>	<p>Все замолчали. Старый князь с улыбкой на лице смотрел на Растопчина и одобрительно покачивал головой. – <i>Ну, прощайте, ваше сиятельство, не хворайте,</i> – сказал Растопчин, с свойственными ему быстрыми движениями поднимаясь и протягивая руку князю. – Прощай, голубчик, – гусли, всегда заслушаюсь его! – сказал старый князь, удерживая его за руку и подставляя ему для поцелуя щеку. (Л.Н. Толстой «Война и мир» (Николай Болконский и Растопчин)</p>
<p><i>Прощайте... Извините...</i></p>	<p>Кандурина молчала. – Честь имею кланяться, – сказал я, и прошу извинить за беспокойство... Кандурина хотела было повернуться ко мне лицом и уже сделала четверть оборота, но тотчас же спрятала лицо за драпировку, как будто почувствовала на глазах слезы, которые хотела скрыть... – <i>Прощайте... Извините...</i> – тихо сказала она. (А.П. Чехов «Пустой случай» (Кандурина и проситель)</p> <p>Лупачев: Что ж делать! Прежде была теория любви, теперь теория денег. Зоя: <i>Прощайте! Извините!</i> Разговор зашел так далеко, что я боюсь услышать от вас что-нибудь дерзкое. (А.Н. Островский «Красавец-мужчина» (Лупачев и Зоя)</p>
<p><i>Прощайте, батюшка, да благословит вас бог</i></p>	<p>– Как же, а я приказал самовар. Я, признаться сказать, не охотник до чаю: напиток дорогой, да и цена на сахар поднялась немилосердная. Прощка! Не нужно самовара! Сухарь отнеси Мавре, слышишь: пусть его положит на то же место, или нет, подай его сюда, я уже снесу его сам. <i>Прощайте, батюшка, да благословит вас бог,</i> а письмо-то председателю вы отдайте. Да! Пусть прочтет, он мой старый знакомый. Как же! Были с ним однокорытниками! (Н.В. Гоголь «Мертвые души» (Чичиков и Плюшкин)</p>

<p><i>Прощайте, Рябков... Дай вам бог счастья на чужбине!</i></p>	<p>– Все-таки приходите на пристань. Завтра после полудня команду спустят на берег... <i>Прощайте, Рябков... Дай вам бог счастья на чужбине!</i> – проговорил Володя. – Спасибо на ласковом слове, ваше благородие! – с чувством ответил Рябков. (К.М. Станюкович «Вокруг света на «Коршуне») (Рябков и Володя)</p>
<p><i>Прощайте, почтеннейший друг! Не забудьте просьбы!</i></p>	<p>– <i>Прощайте, почтеннейший друг! Не забудьте просьбы!</i> – О, будьте уверены! – отвечал Манилов, – Я с вами расстаюсь не долее как на два дни. (Н.В. Гоголь «Мертвые души») (Манилов и Чичиков)</p>
<p><i>Прощайте-с</i></p>	<p>– <i>Прощайте-с...</i> А вы все дома одни сидите, сестрицы-то нет? – спросил он как можно развязнее, выходя в переднюю. – А вам какое до нее, батюшка, дело? – Да ничего особенного. Я так спросил. Уж вы сейчас... Прощайте, Алена Ивановна! (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание») (Алена Ивановна и Раскольников)</p>
<p><i>Прощай</i></p>	<p>– <i>Ну, прощай, Матрена!</i> – проговорила Александра Павловна, – я к тебе еще приду, а ты не унывай и лекарство принимай аккуратно... Старуха приподняла голову и потянулась к Александре Павловне. (И.С. Тургенев «Рудин»), (Матрена и Александра Павловна)</p> <p>– <i>Прощай, брат!</i> – говорит Головлев дрогнувшим голосом, целуя Ивана Михайлыча, – заест она меня! – Бог милостив! Вы тоже не слишком пугайтесь! (М.Е. Салтыков-Щедрин «Господа Головлевы») (Головлев и Иван Михайлович)</p> <p>– Он человек деловой, трудолюбивый, честный и способный сильно любить... <i>Прощай, Дуня.</i> Дуня вся вспыхнула, потом вдруг встревожилась: – Да что это, брат, разве мы в самом деле навеки расстанемся; что ты мне... такие завещания даешь? (Ф.М. Достоевский «Преступление и наказание») (Разумихин, Дуня и Раскольников)</p>

<p><i>Прощай</i> [продолж.]</p>	<p>– <i>Прощай, брат!</i> – сказал он Аркадию, уже взобравшись на телегу, и, указав на пару галок, сидевших рядышком на крыше конюшни, прибавил: – Вот тебе! Изучай! – Это что значит? – спросил Аркадий. – Как? Разве ты так плох в естественной истории или забыл, что галка самая почтенная, семейная птица? Тебе пример!...</p> <p style="text-align: right;">(И.С. Тургенев «Отцы и дети» (Аркадий и Базаров))</p>
<p><i>Прощай, спасибо за все, прощай</i></p>	<p>– Ну, <i>Федя, прощай, спасибо за все, прощай,</i> – сказал Анатоль. – Ну, товарищи, друзья... – он задумался... – молодости... моей, прощайте, – обратился он к Макарину и другим.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Анатоль и друзья))</p>
<p><i>Прощай, ступай</i></p>	<p>– Поезжай, поезжай: пред сраженьем нужно выспаться, – повторил князь Андрей. Он быстро подошел к Пьеру, обнял его и поцеловал. – <i>Прощай, ступай,</i> – прокричал он. – Увидимся ли, нет... – и он, поспешно повернувшись, ушел в сарай.</p> <p style="text-align: right;">(Л.Н. Толстой «Война и мир» (Князь Андрей и Пьер))</p>

15.2. Другие формы

<p><i>В добрый час!</i></p>	<p>– <i>В добрый час!</i> Господь благословит! – кричала с крыльца бабушка. – Ты же, Саша, пиши нам из Москвы! – Ладно. Прощайте, бабуля! – Сохрани тебя царица небесная!</p> <p style="text-align: right;">(А.П. Чехов «Невеста» (бабушка и Саша))</p>
<p><i>Мне пора!</i></p>	<p>– <i>Мне пора!</i> – очнувшись, сказала она ласково. Он вдруг отрезвился. – Ты здесь, боже мой! У меня? – говорил он, и вдохновенный взгляд заменился робким озираньем по сторонам.</p> <p style="text-align: right;">(Н.А. Гончаров «Обломов» (Обломов и Ольга))</p>

<p><i>Спасибо этому дому, поедем другому! Прощайте, кralи!</i></p>	<p>Мурзавецкая: <i>Спасибо этому дому, поедем другому! Прощайте, кralи!</i> Уж не знаю, скоро ли попаду тебе. Купавина: Я сама к вам заеду. (А.Н. Островский «Волки и овцы») (Мурзавецкая и Купавина)</p>
--	--

а) по-французски

<p><i>Адье, мадам</i></p>	<p>Нароков: Ну, так я уйду тут, через кухню. <i>Адье, мадам.</i> Домна Пантелевна: Адье, мусье! (А.Н. Островский «Таланты и поклонники») (пом. режиссера и прост. женщина)</p>
---------------------------	---

БИБЛИОГРАФИЯ

Список проанализированных произведений

- Андреев Л. Н., *«Баргамот и Гараська»; «Петька на даче»; «Рассказ о Сергее Петровиче»*, [в:] Андреев Л. Н., *Собрание сочинений в 6 томах*, Москва 1990–1996, <https://rvb.ru/2ovek/andreev-1/ss6/toc.html> [доступ: 29.05.2019].
- Гарин-Михайловский Н. Г., *«Детство Тёмы»*, [в:] Гарин-Михайловский Н. Г., *Собрание сочинений в 5 томах*, Москва 1957, <https://ruslit.traumlibrary.net/page/garin.html> [доступ: 10.05.2013].
- Гоголь Н.В., *«Мертвые души»; «Миргород» («Тарас Бульба», «Вий»); «Вечера на хуторе близ Диканьки» («Иван Фёдорович Шпонька и его тетушка», «Ночь перед Рождеством», «Страшная месть», «Заколдованное место», «Майская ночь или утопленница»); «Шинель»; «Повесть о том, как поссорились Иван Иванович с Иваном Никифоровичем»; «Сорочинская ярмарка»; «Нос»*, [в:] Гоголь Н.В., *Собрание сочинений в 14 томах*, Москва–Ленинград 1937–1952, <http://feb-web.ru/feb/gogol/default.asp> [доступ: 07.02.2010].
- Гончаров Н.А., *«Обломов»*, [в:] Гончаров Н. А., *«Обломов», Роман в четырех частях, Собрание сочинений в 8 томах*, т. 4, Москва, 1953, <https://ilibrary.ru/text/475/index.html> [доступ: 07.02.2010].
- Достоевский Ф.М., *«Преступление и наказание»; «Село Степанчиково и его обитатели»; «Белые ночи»*, [в:] Достоевский Ф. М., *Собрание сочинений в 15 томах*, Ленинград, 1989–1996, <https://rvb.ru/dostoevski/toc.htm> [доступ: 02.04.2018].
- Лермонтов М.Ю., *«Герой нашего времени»; «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова»*, [в:] Лермонтов М.Ю., *Собрание сочинений в 6 томах*, Москва 1954–1957, <https://ruslit.traumlibrary.net/page/lermontov.html> [доступ: 18.04.2018].
- Лесков Н.С., *«Человек на часах»; «Леди Макбет Мценского уезда»*, [в:] Лесков Н.С., *Собрание сочинений в 11 томах*, Москва 1956–1958, <https://rvb.ru/leskov/toc.htm> [доступ: 14.04.2008].

- Островский А.Н., *«Волки и овцы»*; *«Богатые невесты»*; *«Трудовой хлеб»*; *«Таланты и поклонники»*; *«Красавец-мужчина»*, [в:] Островский А.Н., *Полное собрание сочинений в 16 томах*, Москва 1949–1953, http://az.lib.ru/o/ostrowskij_a_n/text_0020.shtml [доступ: 14.09.2011].
- Пушкин А.С., *«Барышня-крестьянка»*; *«Капитанская дочка»*; *«Дубровский»*; *«Гробовщик»*; *«Сказка о рыбаке и рыбке»*, [в:] Пушкин А.С., *Собрание сочинений в 10 томах*, Москва 1969–1962, <https://rvb.ru/pushkin/toc.htm> [доступ: 14.09.2017].
- Салтыков-Щедрин М.Е., *«Господа Головлевы»*, [в:] Салтыков-Щедрин М.Е., *Собрание сочинений в 20 томах*, Москва 1965–1977, <https://rvb.ru/saltykov-shchedrin/toc.htm> [доступ: 14.12.2017].
- Станюкович К.М., *«Вокруг света на «Коршуне»*; *«Куцый»*; *«Первогодок»*; *«Своим судом»*; *«Человек за бортом»*, [в:] Станюкович К.М., *Собрание сочинений в 10 томах*, Москва 1977, <https://ruslit.traumlibrary.net/page/stanukovich.html> [доступ: 10.12.2008].
- Толстой Л.Н., *«Война и мир»*; *«Воскресение»*; *«Отрочество»*; *«Юность»*; *«Метель»*; *«Набег»*; *«Севастопольские рассказы»* (*«Севастополь в мае»*; *«Севастополь в августе 1855 года»*); *«Из кавказских воспоминаний»* (*«Разжалованный»*), [в:] Толстой Л.Н., *Полное собрание сочинений в 90 томах*, Москва 1928–1958, <http://tolstoy.ru/creativity/fiction> [доступ: 10.12.2013].
- Тургенев И.С., *«Записки охотника»* (*«Ермолай и мельничиха»*; *«Бурмистр»*; *«Контра»*; *«Гамлет Щигровского уезда»*; *«Касьян с Красивой Мечи»*; *«Два помещика»*; *«Хорь и Калиныч»*; *«Лебедянь»*; *«Малиновая вода»*); *«Безденежье»*; *«Отцы и дети»*; *«Рудин»*; *«Дворянское гнездо»*, [в:] Тургенев И.С., *Полное собрание сочинений в 30 томах*, Москва 1978, <https://rvb.ru/turgenev/toc.htm> [доступ: 16.12.2017].
- Чернышевский Н.Г., *«Что делать?»*; *«Белые ночи»*, [в:] *Собрание сочинений в 5 томах*, Москва 1974, <http://n-g-chernyshevsky.ru/works> [доступ: 16.10.2016].
- Чехов А.П., *«Вишневый сад»*; *«Палата № 6»*; *«Событие»*; *«Спать хочется»*; *«В овраге»*; *«Попрыгунья»*; *«Дама с собачкой»*; *«Ионыч»*; *«Муж»*; *«Степь»*; *«Землемер»*; *«Пустой случай»*; *«Смерть чиновника»*; *«Капитанка»*; *«Человек в футляре»*; *«Мальчики»*; *«Размазня»*; *«Невеста»*; *«Дом с мезонином»*, [в:] Чехов А.П., *Полное собрание сочинений в 30 томах*, Москва 1974–1983, <http://feb-web.ru/feb/chekhov/default.asp> [доступ: 20.11.2016].

Теоретическая литература

- Азимов Э.Г., Шукин А.Н., *Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам)*, Москва 2009.

- Акишина А.А., Формановская Н.И., *Русский речевой этикет. Учебное пособие для студентов-иностранцев*, изд. 2-е, испр., Москва 1978.
- Акулова Н.Н., *Пожелание*, [в:] Сковородников А.П. (ред.), *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник*, электронное издание, Красноярск 2014, <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285>.
- Апресян Ю.Д., *Прагматическая информация для толкового словаря*, [в:] Арутюнова Н.Д. (ред.), *Прагматика и проблемы интенциональности*, Москва 1988.
- Арутюнова Н.Д., *Язык и мир человека*, Москва 1999.
- Байбурин А.К., *Об этнографическом изучении этикета*, [в:] Байбурин А.К., Решетов А.М. (ред.), *Этикет у народов Передней Азии*, Москва 1988.
- Балакай А.Г., *Русский речевой этикет и принципы его лексикографического описания*, Дис. канд. филол. наук, Новокузнецк 2002.
- Балакай А.Г., *Толковый словарь русского речевого этикета*, Москва 2004.
- Балакай А.Г., *Сударь и сударыня*, „Русская речь” 2005, № 4.
- Белоус А.С., *Эволюция жанра светской беседы (small talk)*, Автореф. дис. канд. филол. наук, Нижний Новгород 2010.
- Бердяев Н.А., *Судьба России*, Москва 1997.
- Бердникова А.Г., *Речевой жанр благодарности: когнитивный и семантико-прагматический аспекты*, Автореф. дис. канд. филол. наук, Новосибирск 2005.
- Бгажноков Б.Х., *Очерки этнографии общения адыгов*, Нальчик 1983.
- Бузаров В.В., *Основы синтаксиса английской разговорной речи*, Москва 1998.
- Бульчев И.И., *О гендеристике (гендерологии) и ее ключевых понятиях*, „Credo new” 2005, № 2, <https://elibrary.ru/contents.asp?issueid=1069621>.
- Буслаев Ф.И., *О преподавании отечественного языка*, Москва 2010.
- Вежбицкая А., *Понимание культур через средство ключевых слов*, Москва 2001.
- Гак В. Г., *Высказывание и ситуация*, [в:] Шаумян С.К. (ред.), *Проблемы структурной лингвистики 1972*, Москва 1973.
- Гельгардт Р.Р., *Исследование стиля художественной речи: Теоретические основы*, Москва 2011.
- Гловинская М.Я., *Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов*, [в:] Земская Е.А. (ред.), *Русский язык и его функционирование. Коммуникативно-прагматический аспект*, Москва 1993.
- Гойхман О.Я., Надеина Т.М., *Речевая коммуникация*, Москва 2003.
- Гольдин В.Е., *Этикет и речь*, Саратов 1978.
- Гольдин В.Е., *Речь и этикет*, Москва 1983.
- Гольдин В.Е., Сиротинина О.Б., Ягубова М.А., *Русский язык и культура речи*, Саратов 2001.
- Горошко Е.И., *Гендерная проблематика в языкознании*, 2001, <http://www.owl.ru/win/books/articles/goroshko.htm>.

- Гребенщикова Н. С., *История русского приветствия (на восточнославянском фоне)*, Гродно 2004.
- Гудков Д.Б., *Теория и практика межкультурной коммуникации*, Москва 2003.
- Даль В.И., *Пословицы русского народа. Сборник пословицъ, поговорокъ, речений, при- словій, чистоговорокъ, прибаутокъ, загадокъ, поверій и проч.*, Москва 1862.
- Девкин В.Д., *Немецкая разговорная речь. Синтаксис и лексика*, Москва 1979.
- Долинин К.А., *Интерпретация текста*, Москва 1985.
- Домострой*, (Предисловие), Сенин В. (ред.), Санкт-Петербург 1992.
- Ерзинкян Е.Л., *Лингвистическая категория вежливости: семантика и прагматика*, Ереван 2018.
- Есперсен О., *Философия грамматики*, Москва 1958.
- Законодательство периода становления абсолютизма*, [в:] А.Г. Маньков (отв. ред.), *Российское законодательство X–XX вв. в 9 томах*, т. 4. Москва 1986.
- Земская Е.А., *Категория вежливости: общие вопросы – национально-культурная специфика русского языка*, „Zeitschrift für slavische Philologie“ 1977, 56.
- Земская Е.А., *Русская разговорная речь: лингвистический анализ и проблемы обучения*, Москва 1979.
- Земская Е.А., *Язык как деятельность: Морфема. Слово. Речь*, Москва 2004.
- Земская Е.А., Ширяев Е.Н., *Устная публичная речь: разговорная или кодифицированная?*, „Вопросы языкознания” 1980, № 2.
- Зубарева А.А., *Формулы русского речевого этикета: социолингвистическое исследование*, Автореф. дис. канд. филол. наук, Пермь 2007.
- Иванов В.В., *Историческая грамматика русского языка: учебное пособие для студентов вузов*, изд. 2-е, испр. и доп., Москва 1983.
- Исин Ю., *Формы обращения и вокативные функции имен нарицательных (на материале текстов художественной литературы)*, „Вестник Кемеровского государственного университета” 2017, № 3.
- Иссерс О.С., *Коммуникативные стратегии и тактики русской речи*, Москва 2002.
- Карасик В.И., *Язык социального статуса*, Москва 2002.
- Караулов Ю.Н., *Русская языковая личность и задачи ее изучения*, [в:] Шмелев Д.Н. (ред.), *Язык и личность*, Москва 1989.
- Кирилина А.В., *Гендер: лингвистические аспекты*, Москва 1999.
- Кирилина А.В., *Освещение связи языка и пола в истории лингвистики*, [в:] Воронина О.А. (ред.), *Теория и методология гендерных исследований. Курс лекций*, Лекция 23, Москва 2001.
- Ключевский В.О., *Исторические портреты. Деятели исторической мысли*, Москва 1991.
- Колесов В.В., *Жизнь происходит от слова...*, Санкт-Петербург 1999.

- Колесов В.В., *Язык и ментальность*, Санкт-Петербург 2004.
- Колокольцева Т.Н., *Специфические коммуникативные единицы диалогической речи*, Волгоград 2001.
- Колшанский Г.В., *Коммуникативная функция и структура языка*, Москва 2007.
- Кондаков И.В., *Культура России: краткий очерк истории и теории*, Москва 1998.
- Костомаров В.Г., *Русский речевой этикет*, „Русский язык за рубежом” 1967, № 1.
- Костомаров В.Г., Шварцкопф Б.С., *Об отношении говорящих к языку*, [в:] Костомаров В.Г. (гл. ред.), *Вопросы культуры речи*, вып. 7, Москва 1966.
- Костылев А.О., *Обращение и его контекст в лексико-синтаксическом аспекте*, Автореф. дис., Ленинград 1987.
- Красных В.В., *Основы психолингвистики и теории коммуникации*, Москва 2001.
- Краткий психологический словарь*, сост. Карпенко Л.А., Петровский А.В., Ярошевский М.Г. (ред.), Москва 1985.
- Кронгауз М.А., *Новое в речевом этикете*, „Русский язык” 2001, № 3.
- Кронгауз М.А., *Речевой этикет: внешняя и внутренняя типология*, Доклады международной конференции «Диалог» 2004, <http://dialog-21.ru/media/2538/krongauz.pdf>.
- Крылова О.А., *Приветствия и этикет*, „Русская речь” 2001, № 4.
- Крысин Л.П., *Социолингвистические аспекты изучения современного русского языка*, Москва 1989.
- Крысин Л.П., *Русское слово, свое и чужое: Исследования по современному русскому языку и социолингвистике*, Москва 2004.
- Крысин Л.П., *Толковый словарь иноязычных слов*, Москва 2005.
- Кунин А.В., *Фразеология современного английского языка*, Москва 1972.
- Лаптева О.А., *К вопросу о месте современной русской устно-разговорной речи в кругу явлений литературного языка*, „Русский язык за рубежом” 1968, № 1.
- Лаптева О.А., *Типизированные конструкции русского разговорного синтаксиса*, „Русский язык за рубежом” 1976, № 3.
- Ларина Т.И., *Категория вежливости и стиль коммуникации. Сопоставление английских и русских лингвокультурных традиций*, Москва 2009.
- Ларина Т.И., *Англичане и русские: язык, культура, коммуникация*, Москва 2013.
- Лендел Ж., *Обращения, приветствия и прощания в речевом этикете современных венгров*, [в:] Леонтьев А.А. и др. (ред.), *Национально-культурная специфика речевого поведения*, Москва 1977.
- Лигута Т.В., *Разговорная речь в художественном тексте*, Автореф. дис. канд. филол. наук, Саратов 1976.
- Лихачев Д.С., *Великий путь: становление русской литературы XI–XVII вв.*, Москва 1987.
- Лихачев Д.С., *Заметки о русском*, Москва 1984.
- Лосский Н.О., *Характер русского народа*, Москва 2005.

- Львов М.Р., *Основы теории речи*, Москва 2002.
- Лэйни М., *Непобедимы интроверт*, Москва 2003, https://royallib.com/read/leyni_martin/nepobedimiy_introvert.html#560743.
- Максимов С.В., *Крылатые слова*, Москва 1955.
- Маркевич А.И., *О местничестве*, ч. 1, Киев 1879.
- Маркевич А.И., *История местничества в Московском государстве в XV–XVII веке*, Одесса 1888.
- Муравьева О.С., *Как воспитывали русского дворянина*, Москва 1995.
- Мягченко Г.Ю., Денисов Л.Б., *Воинский этикет в культуре социума*, Тамбов 2005.
- Нелюбин Л.Л., *Лингвостилистика современного английского языка*, Москва 2007.
- Новый объяснительный словарь синонимов русского языка*, Апресян Ю.Д. (ред.), изд. 2-е, Москва 2003.
- Ожегов С.И., *Словарь русского языка*, Шведова Н.Ю. (ред.), изд. 15-е, Москва 1984.
- Пахомова И.Н., *Новые явления в употреблении формул приветствия в СМИ*, „Русский язык за рубежом” 2008, № 1.
- Пахомова И.Н., *Новые процессы в русском речевом этикете*, „Полилингвальность и транскультурные практики” 2012, № 3.
- Петелина Е.С., *Некоторые особенности речевых актов похвалы и лести*, [в:] *Синтагматический аспект коммуникативной семантики*, сб. науч. трудов, Нальчик 1985.
- Плешакова В.В., *Русские традиционные благожелания (к вопросу о традиционных высказываниях)*, „Филологические науки” 2006, № 4.
- Полищук Г.Г., *Речевое поведение в структуре художественного текста*, [в:] Сиротина О.Б. (ред.) *Проблемы речевой коммуникации*, Межвуз. сборник науч. трудов, Саратов 2000.
- Поученье Владимира Мономаха*, [в:] *Летопись Нестора со включением Поучения Владимира Мономаха*, Санкт-Петербург 1903.
- Почепцов О.Г., *Языковая ментальность: способ представления мира*, „Вопросы языкознания” 1990, № 6.
- Почепцов Г.Г., *Теория коммуникации*, Москва 2001.
- Психология общения. Энциклопедический словарь*, Бодалев А.А. (ред.), Москва 2011.
- Пушкарёв С.Г., *Россия в XIX веке (1801–1912)*, Нью-Йорк 1956.
- Радбильт Т.Б., *Основы изучения языкового менталитета*, Москва 2010.
- Ратмайр Р., *Прагматика извинения: Сравнительное исследование на материале русского языка и русской культуры*, Москва 2003.
- Ратмайр Р., «Новая русская вежливость» – мода делового этикета или коренное прагматическое изменение?, „Вопросы языкознания” 2009, № 1.
- Речевой этикет*, [в:] *Энциклопедия Кругосвет*, https://www.krugosvet.ru/enc/gumanitarnye_nauki/lingvistika/RECHENO_ETIKET.html.

- Рожественский Ю.В., *Принципы современной риторики*, Москва 2005.
- Рябова К.М., *Коллоквиальная лексика современного английского языка*, Автореф. дис. канд. филол. наук, Одесса 1980.
- Салимовский В.А., *Речевая ситуация*, [в:] Кожина М.Н. (ред.), *Стилистический энциклопедический словарь русского языка*, изд. 2-е, Москва 2006.
- Семенов А.В., *Этимологический словарь русского языка*, Москва 2003, <http://evartist.narod.ru/text15/001.htm>.
- Синельникова Л.Н., Богданович Г.Ю., *Введение в лингвистическую гендерологию: Материалы к спецкурсу*, Симферополь 2001.
- Сиротинина О.Б., *Современная разговорная речь и ее особенности*, Москва 1974.
- Словарь гендерных терминов*, Денисова А.А. (ред.), Москва 2002, <http://www.owl.ru/gender/010.htm>.
- Словарь древнерусского языка XI–XIV вв.*, Аванесов Р.И. (гл. ред.), т. 2, Москва 1988.
- Словарь по этике*, Кон И. С. (ред.), Москва 1981.
- Соколова Н.Л., *Английский речевой этикет*, Москва 1991.
- Соколова Н.Л., *О системном характере речевого этикета*, „Филологические науки” 2005, № 1.
- Срезневский И.И., *Материалы Словаря древне-русского языка по письменным памятникам*, т. 2, Санкт-Петербург 1890–1912.
- Стексова Т.И., *Упрек*, [в:] Сквородников А.П. (ред.), *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник*, Красноярск 2014, <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285>.
- Стернин И.А., *Русский речевой этикет*, Воронеж 1996.
- Стернин И.А., *Улыбка в русском коммуникативном поведении*, [в:] Стернин И.А. (ред.), *Русское и финское коммуникативное поведение*, вып. 1, Воронеж 2000.
- Стернин И.А., *Проблемы описания национального коммуникативного поведения*, [в:] Стернин И.А., Эккерт Х. (научн. ред.), *Русское и немецкое коммуникативное поведение*, вып. 1, Воронеж 2002.
- Стошкус К., *Этикет в развитии общества*, [в:] Гусейнов А.А. (ред.), *Этическая мысль: научно-публицистические чтения*, Москва 1988.
- Сусов И.П., *Коммуникативно-прагматическая лингвистика и ее единицы*, Калинин 1986.
- Тарасов Е.Ф., Сорокин Ю.А., *Национально-культурная специфика речевого и неречевого поведения*, [в:] Леонтьев А.А. (ред.), *Национально-культурная специфика речевого поведения*, Москва 1977.
- Толковый словарь русского языка*, Д.Н. Ушаков (ред.), т. 1–4, Москва 1935–1940.
- Толковый словарь русского языка*, Дмитриев Д.В. (ред.), Москва 2003.

- Третьякова В.С., *Конфликт глазами лингвиста*, [в:] Голев Н.Д. (ред.), *Юрислингвистика-2: русский язык в его естественном и юридическом бытии*, Барнаул 2000.
- Трофименко, В.П., *Поговорим об этикете*, Москва 1991.
- Тукаева Р.Н., *Социальная стратификация как фактор оптимизации языкового поведения в полиэтническом обществе: на материалах республики Татарстан*, Дис. канд. соц. наук, Казань 2003.
- Фасмер М., *Этимологический словарь русского языка*, в 4-х т., изд. 2-е, Москва 1986–1987.
- Формановская Н.И., *Русский речевой этикет: лингвистический и методический аспекты*, Москва 1982.
- Формановская Н.И., *Употребление русского речевого этикета*, Москва 1984.
- Формановская Н.И., *Вы сказали: «Здравствуйте!» (речевой этикет в нашем общении)*, Москва 1989.
- Формановская Н.И., *Речевой этикет и культура общения*, Москва 1989.
- Формановская Н.И., *Прагматика побуждения и логика языка*, „Русский язык за рубежом” 1994, № 5–6.
- Формановская Н.И., *Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход*, Москва 2002.
- Формановская Н.И., *Культура общения и речевой этикет*, Москва 2005.
- Формановская Н.И., *СМИ, лингвистика и речевой этикет*, „Журналистика и культура русской речи” 2009, № 1.
- Формановская Н.И., *Утешение и сочувствие*, [в:] Сковородников А.П. (ред.), *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник*, электронное издание, Красноярск 2014, <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285>.
- Хализев В.Е., *Теория литературы*, Москва 2004.
- Храковский В.С., *О правилах выбора «вежливых» императивных форм (Опыт формализации на материале русского языка*, [в:] Степанов Г.В. (ред.), *Известия АН СССР. Серия литературы и языка*, т. 39, № 3, Москва 1980.
- Цветова Н.С., *Тост*, [в:] Сковородников А.П. (ред.), *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник*, Красноярск 2014, <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285>.
- Чахоян Л.П., *Синтаксис диалогической речи современного английского языка*, Москва 1979.
- Шаманова М.В., *К изучению категории общение в русском сознании*, „Язык и национальное сознание” 2002, вып. 3.
- Шахматов А.А., *Несколько слов по поводу записки И.Х. Пахмана*, [в:] Сб. ОРЯС, т. 17, № 1, Санкт-Петербург 1899.
- Шведова Н.Ю., *Очерки по синтаксису русской разговорной речи*, Москва 1960.

- Швейцер А.Д., *К проблеме социальной дифференциации языка*, „Вопросы языкознания” 1982, № 5.
- Шепелев Л.Е., *Титулы, мундир, ордена Российской империи*, Ленинград 1991.
- Широкова А.В., Новоспасская Н.В., *Категория вокатива как периферическое явление БЯС*, „Вестник РУДН” 2008, Серия Лингвистика.
- Ширяев Е.Н., *Синтаксис высказывания в разговорной речи*, „Русский язык в национальной школе” 1981, № 4.
- Шмелев А.Д., *Ложная тревога и подлинная беда*, „Отечественные записки” 2005, № 2(23).
- Шмелева Т.В., *Модель речевого жанра*, [в:] Гольдин В.Е. (отв.ред.), *Жанры речи*, Саратов 1997.
- Шмелева Т.В., *Жалоба*, [в:] Сковородников А.П. (ред.), *Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник*, электронное издание, Красноярск 2014, <https://elibrary.ru/item.asp?id=24493285>.
- Щерба Л.В., *Восточно-лужицкое наречие*, т. 1, Петроград 1915.
- Щерба Л.В., *Избранные труды по русскому языку*, Москва 1957.
- Южалина Н.С., *Менталитет. Сущность и структура явления*, Челябинск 2002.
- Юности честное зерцало или показание к житейскому обхождению*, Санкт-Петербург 1717.
- Языкознание. Большой энциклопедический словарь*, Ярцева В.Н. (ред.), Москва 1998.
- Якобсон Р.О., *Избранные работы*, Москва 1985.
- Якубинский Л.П., *Избранные работы. Язык и его функционирование*, Москва 1986.
- Янко Т.Е., *Лексическая семантика обращений: семантические особенности русских антропонимов и других имен, обозначающих людей*, „Язык и речевая деятельность” 2011, т. 11.
- Berthoff A.E., *Sapir and the Two Tasks of Language*, „Semiotica” 1988, No 71.
- Brouner D., *The Influence of the Addressee's Sex on Politeness in Language Use*, „Linguistics” 1982, No 20.
- Brown P., Levinson S., *Politeness: Some universals in language usage*, Cambridge 1987.
- Cybulski M., *Obyczaje językowe dawnych Polaków. Formuły werbalne w dobie średniopolskiej*, Łódź 2003.
- Goffman E., *Relations in Public: Microstudies of the Public Order*, Harmondsworth 1972.
- Goffman E., *On Face-Work: an Analysis of Ritual Elements in Social Interaction*, [в:] Laver J., Hutcheson S. (eds.), *Communication in Face-to-Face Interaction*, Harmondsworth (1972 [1955]).
- Gordon D., Lakoff G., *Conversational Postulates*, [в:] Cole P., Morgan J. (eds.), *Syntax and Semantics, Vol. 3, Speech Acts*, New York 1975.

- Grice H.P., *Logic and Conversation*, [В:] Cole P., Morgan J. (eds.), *Syntax and Semantics*, Vol. 3, *Speech Acts*, New York 1975.
- Grzeczność na krańcach świata, Marcjanik M. (red.), Warszawa 2007.
- Leech G.N., *Principles of Pragmatics*, London–New York 1983.
- Malinowski B., *The Problem of Meaning in Primitive Languages*, [В:] Ogden C.K., Richards I.A. (eds.), *The Meaning of Meaning*, London 1923.
- Malinowski B., *Myth in primitive psychology*, London 1926.
- Marcjanik M., *Polska grzeczność językowa*, Kielce 1997.
- Marcjanik M., *Etykieta językowa*, [В:] Bartmiński J. (red.), *Współczesny język polski*, Lublin 2001.
- Marcjanik M., *W kręgu grzeczności. Wybór prac z zakresu etykiety językowej*, Kielce 2001.
- Marcjanik M., *ABC grzeczności językowej*, [w:] Bańko M. (red.), *Polszczyzna na co dzień*, Warszawa 2006.
- Marcjanik M., *Grzeczność w komunikacji językowej*, Warszawa 2007.
- Marcjanik M., *Mówimy uprzejmie. Poradnik językowego savoir-vivre'u*, Warszawa 2009.
- Ożóg K., *Współczesna polska grzeczność językowa a postmodernizm*, „Annales Universitatis Paedagogicae Cracoviensis Studia Linguistica” 2014, IX.
- Ożóg K., *Żwoty grzecznościowe współczesnej polszczyzny mówionej (na materiale języka mówionego mieszkańców Krakowa)*, Warszawa–Kraków 1990.
- Ożóg K., *Polszczyzna przelomu XX i XXI wieku. Wybrane zagadnienia*, Rzeszów 2001.
- Retoryka codzienności. Zwyczaje językowe współczesnych Polaków*, Marcjanik M. (red.), Warszawa 2006;
- Sikora K., *Grzeczność językowa wsi*, Kraków 2010.
- Ścigala-Stiller B., *Akty etykiety językowej na forach internetowych*, praca doktorska, Katowice 2012.
- Tannen D., *Gender and Discourse*, Oxford 1994.
- Trömel-Plötz S., *Frauengespräche: Sprache der Verständigung*, Frankfurt am Main 1996.
- Żurek A., *Grzeczność językowa w polszczyźnie cudzoziemców. Wybrane zagadnienia*, Łask 2008.

STRESZCZENIE

Formuły etykiety językowej w utworach literatury rosyjskiej XIX wieku

Kształtujące się w świadomości każdego człowieka zasady uprzejmości zależą w dużej mierze od norm kulturowych obowiązujących w społeczeństwie, w którym żyje, a także od jego wychowania i edukacji. Na podstawie faktów językowych można zrekonstruować te utrwalone w kulturze określonego narodu normy grzecznościowe.

Skuteczne porozumiewanie się uzależnione jest od opanowania kulturowych zasad komunikacji w postaci werbalnych formuł etykiety językowej, rozumianych jako integralny element organizowania i regulowania komunikacji interpersonalnej.

Etykietę językową kształtuje zarówno codzienna praktyka użycia, jak i norma językowa. W konsekwencji jej poszczególne komponenty są postrzegane jako istotny element zachowania ludzi w obrębie większej lub mniejszej grupy społecznej.

Celem niniejszego opracowania jest wszechstronny opis formuł etykiety językowej, wykorzystywanych w różnych kontekstach komunikacyjnych, uwzględniających status społeczny komunikujących się osób, ich rolę w społeczeństwie, narodowość, wiek i przynależność płciową, a także ukazanie cech specyficznych tego typu wyrażen. Materiał badawczy stanowi 1300 formuł grzecznościowych, wyekscerpowanych z najważniejszych dzieł rosyjskiej literatury klasycznej XIX wieku.

Stulecie to, nazywane „złotym” w literaturze rosyjskiej, wyróżnia się ogromnym bogactwem gatunków literackich (powieści, opowiadań, nowel, utworów dramatycznych), w których odzwierciedlono życie głównych warstw i grup społecznych. W najpełniejszym zakresie życie to obrazują dzieła klasyków rosyjskich XIX wieku: L.N. Andrejewa, N.G. Garina-Michajłowskiego, N.W. Gogola, N.A. Gonczarowa, F.M. Dostojewskiego, M.J. Lermontowa, N.S. Leskowa, A.N. Ostrowskiego, A.S. Puszkina, M.J. Sałykowa-Szczedriny, K.M. Staniukowicza, L.N. Tołstoja, I.S. Turgieniewa, N.G. Czernyszewskiego, A.P. Czechowa. Utwory tych pisarzy przedstawiają społeczeństwo dziwiętnastowiecznej Rosji w przekroju. Powieści i opowiadania L.N. Tołstoja, N.A. Gonczarowa,

M.J. Lermontowa, A.S. Puszkina zawierają obrazy z życia arystokracji, żołnierzy i oficerów armii carskiej, utwory A.P. Czechowa, F.M. Dostojewskiego, M.J. Sałtykowa-Szczedrina, N.G. Czernyszewskiego i W.M. Garszina – raznoczyńców, tzn. przedstawicieli postępowej inteligencji, dzieła A.N. Ostrowskiego i N.S. Leskowa – kupców, książki I.S. Turgieniewa – lokalnej szlachty i chłopstwa, a L.N. Tołstoja i K.M. Staniukowicza – marynarzy oraz oficerów marynarki wojennej i wojska.

Autor dowolnego utworu, kreując swego bohatera, osadza go w opisywanej epoce także pod względem językowym. Zabiegi stylizacyjne na poziomie języka obejmują dostosowanie mowy postaci literackiej do jej statusu społecznego, wykonywanego zawodu, płci, wieku. Dotyczy to również dzieł literatury rosyjskiej XIX wieku. Integralną częścią dialogów prowadzonych przez bohaterów tych utworów są formuły grzecznościowe – przedmiot analizy w niniejszej pracy.

Nowatorstwo proponowanego opracowania przejawia się w zakresie wykorzystania do badań nad etykietą językową tekstów literackich, odzwierciedlających warunki życia społeczno-gospodarczego i kulturalnego w Rosji XIX wieku, co pozwoliło na wyodrębnienie różnic w sposobie stosowania werbalnych i niewerbalnych formuł grzecznościowych przez przedstawicieli poszczególnych warstw społecznych, grup wiekowych i płciowych.

Monografia ta składa się ze wstępu, trzech rozdziałów, zakończenia, indeksu omawianych formuł etykiety językowej i bibliografii wraz z wykazem utworów literackich, z których zaczerpnięto materiał badawczy.

We wstępie przybliżono pojęcie uprzejmości i etykiety językowej oraz uzasadniono wybór przedmiotu i problematyki badawczej. Określono także cele i metody badań.

Rozdział pierwszy *Rosyjska etykieta językowa w aspekcie funkcjonalnym i historycznym* to teoretyczne rozważania na temat kluczowych dla tego opracowania pojęć, takich jak: komunikacja interpersonalna, uprzejmość pozytywna i negatywna, normy i zasady komunikacji, etykieta językowa, kontekst komunikacyjny, formuły grzecznościowe, mentalność. Prezentowane są ponadto różne rodzaje komunikacji oraz istniejące w języku koncepcje uprzejmości, a także formowanie się etykiety językowej w Rosji na przestrzeni dziejów i jej specyfika narodowa.

W rozdziale drugim *Formuły etykiety językowej w literaturze rosyjskiej XIX wieku* dokonano analizy wyrażen grzecznościowych, odnoszących się do 15 tematycznych kontekstów komunikacyjnych: „Zwracanie i przyciąganie uwagi”, „Powitanie”, „Zawieranie znajomości”, „Zaproszenie”, „Prośba, rada, sugestia”, „Zgoda oraz odpowiedź na prośbę i zaproszenie”, „Zgoda i brak zgody z opinią rozmówcy”, „Przeprosiny”, „Skarga”, „Pocieszenie, współczucie”, „Komplement, aprobata”, „Dezaprobata, wyrzut”, „Gratulacje, życzenia, toasty”, „Wdzięczność”, „Pożegnanie”. Przy interpretacji wymienionych kontekstów stosowano ujednolicony schemat opisu, tzn. zestaw wzorcowych wyrażen grzecznościowych z danego zakresu tematycznego najpierw został objaśniony pod względem znaczenia,

w dalszej kolejności zaś zilustrowany za pomocą cytatów zaczerpniętych z dzieł literackich. Przyjęcie takiej metody badawczej pozwoliło postrzegać etykietę językową jako źródło wiedzy o sytuacji społeczno-kulturowej w Rosji XIX wieku, o normach i zasadach zachowania, obowiązujących w społeczeństwie rosyjskim w tym okresie.

Rozdział trzeci *Etykieta językowa a status społeczny komunikujących się (na materiale tekstów literatury rosyjskiej XIX wieku)* poświęcono formułom etykiety językowej w odniesieniu do statusu społecznego porozumiewających się osób, przynależności danej jednostki do takiej a nie innej warstwy społecznej. W konsekwencji ustalono, że w Rosji XIX wieku etykieta językowa w precyzyjny sposób odzwierciedlała hierarchię społeczną i podkreślała rozwarstwienie społeczne. Formuły etykiety językowej były też swego rodzaju kwalifikatorem statusu społecznego bohaterów literackich, wśród których wyodrębniono zarówno przedstawicieli klas wyższych, jak i niższych (arystokratów, lokalnej szlachty, kupców, chłopów, sług i innych). Używane przez nich wyrażenia grzecznościowe zostały przeanalizowane w różnych kontekstach komunikacyjnych. Odrębnie scharakteryzowano zwroty grzecznościowe stosowane w środowisku oficerów, żołnierzy i marynarzy, gdyż długotrwałe odosobnienie tych osób w zamkniętych przestrzeniach zdecydowało o odmienności ich języka. W opisie formuł etykiety językowej uwzględniono również parametr płciowy i wiekowy.

W części końcowej pracy sformułowano najważniejsze wnioski badawcze.

Wartościowym komponentem książki jest indeks omawianych wyrażeń grzecznościowych, które mogą być wykorzystane jako materiał dydaktyczny w procesie nauczania etykiety językowej studentów filologii rosyjskiej.

Wybór formuł rosyjskiej etykiety językowej obowiązującej w XIX wieku jako przedmiotu badań pozwolił odtworzyć charakteryzujące się ścisłą hierarchią klasową stosunki społeczne, panujące w Rosji tego okresu. Relacje między poszczególnymi grupami społecznymi regulowały akty prawne, a mianowicie system tytułów wprowadzony przez cara Piotra I oraz tzw. „Tabela stopni” (dokument opublikowany w latach 1717–1721), która wymieniała oraz porządkowała nadawane w Rosji stopnie wojskowe, cywilne, dworskie i sądowe. Do warstw społecznych, funkcjonujących w Rosji XIX wieku, należały: szlachta (arystokracja), kupcy, chłopstwo i raznochyńcy. Chłopi byli poddanymi i stanowili najbardziej pozbawioną praw klasę społeczną. Dopiero zniesienie pańszczyzny w 1881 roku doprowadziło do zmian w strukturze społeczeństwa, co znalazło wyraz w literaturze rosyjskiej okresów późniejszych.

Przeprowadzona analiza wykazała, że status społeczny komunikujących się osób był czynnikiem determinującym przy wyborze niektórych zwrotów grzecznościowych. Najwyraźniej obrazują to formuły powiązane z następującymi zakresami tematycznymi: „Apel”, „Powitanie”, „Znajomość”, „Prośba, rada, sugestia”, „Przeprosiny”, „Zgadzam się i nie zgadzam z opinią rozmówcy”, „Dezaprobatą, wyrzut”, „Wdzięczność”. Wyrażenia

grzecznościowe łączone z kontekstami komunikacyjnymi „Skarga”, „Zaproszenie”, „Pocieszenie, współczucie i kondolencje”, „Pożegnanie”, „Gratulacje, życzenia, toasty” zachowują neutralność w odniesieniu do warstw społecznych, bytujących w XIX stuleciu w Rosji. Zróznicowanie w stosowaniu formuł etykiety językowej, wynikające z podziału społeczeństwa na kobiety i mężczyzn (aspekt płciowy), dotyczy zakresów tematycznych „Zwracanie i przyciąganie uwagi” oraz „Komplement, aprobata”.

Z kolei używanie zwrotów grzecznościowych w środowisku wojskowych podyktowane było koniecznością utrzymania dyscypliny w tych, odizolowanych od pozostałych warstw społecznych, grupach – armii i marynarki wojennej. Wartym podkreślenia zjawiskiem w zakresie etykiety wojskowej było dążenie do utrzymania relacji hierarchiczno-klasowej między dowódcami i zwykłymi żołnierzami, na co wskazują np. tytuły honorowe *Wasza Ekscelencjo*, *Wasza Szlachetność*, *Wasza Łaskawość*, wypowiedziane w odniesieniu do osób wyższych rangą. Unikanie zwrotów podkreślających pozycję zajmowaną w wojsku przez danego człowieka postrzegane było jako rażące naruszenie norm etykietalnych. Wyrażenia grzecznościowe stosowane w środowisku żołnierzy miały „sztywny” charakter i nie dopuszczały możliwości żadnych zmian. Jedynym odstępstwem od tej reguły było używanie przez osobę zajmującą wyższą pozycję – zamiast kategorycznego rozkazu w stosunku do podwładnego – prośby, która czyniła relację między nimi bardziej humanitarną.

Do ciekawych wniosków doprowadziła analiza języka dzieci, które w zakresie posługiwania się zwrotami grzecznościowymi naśladowały dorosłych ze swego otoczenia, przestrzegając zasad obowiązujących w ich warstwie społecznej. Nie mniej ważną rolę odgrywały tradycje rodzinne i sposób wychowywania dziecka.

Konkludując, kultura komunikacji interpersonalnej w Rosji XIX wieku odznaczała się szerokim wachlarzem emocji, zarówno pozytywnych, jak i negatywnych, koncentrowała się też na treściach informacyjnych. Styl porozumiewania się w tym okresie był ściśle sformalizowany, zwłaszcza w wyższych warstwach społecznych.

Porównanie cech etykiety językowej zobrazowanej w rosyjskiej literaturze XIX wieku ze stanem obecnym, analiza zmian w tym zakresie, spowodowana przeobrażeniami w społeczeństwie i kulturze Rosji, zdaje się potwierdzać tendencje dostrzeżone przez W.G. Kostomarowa we współczesnym języku rosyjskim, który – ze swą otwartością na wpływy ze strony innych języków – traci specyfikę, odmienność i tym samym ulega zużyciu. To trafne spostrzeżenie może być z całą pewnością odniesione i do współcześnie używanych, pozbawionych kulturowej i narodowej oryginalności, formuł grzecznościowych, które stanowią integralną część leksykalnego zasobu języka.

ABSTRACT

Speech Etiquette Formulas in the XIX Century Russian Literature

Ideas of politeness forming in a person's mind largely depend on the cultural and social norms of the community in which a person lives, as well as on the features of their upbringing and education. Based on the linguistic data, it is possible to recreate the ideas of politeness embedded in the culture of a certain nation.

Successful communication depends on mastering the culture of interaction and speech formulas (speech etiquette) as its integral component that organizes and regulates interaction according to its laws.

The specificity of the speech etiquette can be explained by the fact that it is determined by both everyday practice and the linguistic norm. Elements of the speech etiquette are learned so well that they are perceived as part of the everyday and regular behavior of people.

The purpose of this study is to explicate the speech etiquette formulas in various speech situations, while taking into account the interlocutors' status: social rank, nationality, age and gender.

We have studied the speech etiquette formulas in a paradigmatic aspect and given answers to the following questions: What are the formulas used? What is their structure? What is the semantics of the speech etiquette formulas? Which communicative situations are the formulas used in?

The subject of this study is the implementation features of these formulas. We have analyzed 1300 examples of the application of these typical expressions collected by the continuous sampling method from the XIX century Russian classical literature.

This period, the Golden Age of literature, is characterized by a great variety of genres: novels, novelettes, short stories and plays that depict the life of the main social strata and public groups. The works by such iconic authors as L.N. Andreev, N.G. Garin-Mikhailovsky, N.V. Gogol, N.A. Goncharov, F.M. Dostoevsky, M. Yu. Lermontov,

N.S. Leskov, A.N. Ostrovsky, A.S. Pushkin, M.E. Saltykov-Shchedrin, K.M. Stanyukovich, L.N. Tolstoy, I.S. Turgenev, N.G. Chernyshevsky, and A.P. Chekhov most fully depict the life of their contemporary society.

All social strata of Russia of that period are vividly represented in the works of these writers. Novels and novelettes by L.N. Tolstoy, N.A. Goncharov, M. Yu. Lermontov, and A.S. Pushkin show the life of the nobility, soldiers and officers of the tsarist army; A.P. Chekhov, F.M. Dostoevsky, M.E. Saltykov-Shchedrin, N.G. Chernyshevsky and V.M. Garshin – the life of common people; A.N. Ostrovsky and N.S. Leskov – the life of the merchants, I.S. Turgenev – the local nobility and the peasantry, L.N. Tolstoy and K.M. Stanyukovich – sailors and officers in the Navy and Army.

The authors, trying to reflect the character's speech, use the language typical of representatives of various periods, social status, gender, age, even if the situation is a simulated one. This is especially true of the classical literature, with the speech etiquette as an integral part of a dialogue.

The academic novelty and theoretical significance of the work is that this is the first comprehensive study of the speech etiquette means based on literary texts reflecting the conditions of the social, economic and cultural life of Russia in the XIX century. Differences in using the linguistic means of typical etiquette expressions have been established, due to differences in social status, age, gender, and possibilities to use non-verbal means of communication.

The monograph devoted to the study of the speech etiquette formulas in the XIX century literature, consists of the following sections: Introduction, three Chapters, Conclusion, Appendix with a comprehensive list of the speech etiquette formulas sampled from the XIX century Russian literature, References and a list of fiction titles used for analysis.

In the Introduction, the concept of politeness and speech etiquette is revealed, the choice and relevance of the topic is substantiated, and the aims, object and research methods are determined.

Chapter 1 – The Russian speech etiquette in the functional and historical aspects – contains a description of the theoretical basis of the study, with the basic concepts for this work: communication, politeness, positive and negative politeness, maxims and rules of communication, speech etiquette, speech situation, speech etiquette formulas and mentality.

Types of communication are also considered, the existing concepts of linguistic politeness are presented, the history of the Russian speech etiquette development and its national characteristics are explained.

Chapter 2 – Speech etiquette formulas in the XIX century Russian literature – contains a detailed study of 15 speech situations and corresponding speech etiquette formulas.

These include the following situations: “Addressing and attracting attention”, “Greeting”, “Acquaintance”, “Invitation”, “Request, advice, invitation”, “Consent and response to a request and invitation”, “Agreeing and disagreeing with the interlocutor’s opinion”, “Apology”, “Complaint”, “Consolation, sympathy”, “Compliment, approval”, “Disapproval, reproach”, “Congratulatory wishes, toasts”, “Gratitude”. These situations are analyzed according to the following scheme: first, a list of the modern speech etiquette formulas is given, and then examples with an explanation of individual formulas are studied illustrated by quotes from the XIX century literature.

The speech etiquette is studied as a reflection of the sociocultural situation and the norms and rules of behavior accepted in the society of that time.

In Chapter 3 – Speech etiquette and the social status of interlocutors (exemplified by the texts of the XIX century Russian literature), the speech etiquette formulas are considered with account to the social status of the interlocutors, first of all, their social rank. In the XIX century Russia, the speech etiquette vividly reflected the social hierarchy and emphasized social stratification. It served as a kind of a qualifier of the social status of the characters.

Separately, we studied the speech etiquette of officers and soldiers in the Army, and officers and sailors in the Navy since the confined space these people found themselves in is reflected in their speech. We also considered speech situations in which gender and age were decisive in the use of certain formulas.

The Conclusion contains the main results of the study.

The Appendix can serve as a didactic material for students of the Russian speech etiquette.

Considering the XIX century Russian speech etiquette, we take into account the social strata that existed in Russia at the time: the nobility (aristocracy), the merchants, the peasantry, and the self-employed plebeians. Peasants were serfs and had the fewest rights. Serfdom was abolished only in 1861, which led to changes in society and was reflected in literature.

Social relations were determined by the strict social hierarchy that existed in Russia at that time and that was based on the system of titles introduced by Peter I and the classification of public positions according to the Table of Ranks (a document published in 1717–1721 listing military, civil and court ranks. Each category of ranks was divided into 14 classes).

The study shows that it was the social position of the interlocutors that was decisive in the choice of certain speech etiquette formulas. This is most clearly reflected in the formulas represented by the following situations: “Addressing”, “Greeting”, “Acquaintance”, “Request, advice, invitation”, “Agreeing and disagreeing with the interlocutor’s opinion”, “Apology”, “Disapproval, reproach”, “Gratitude”.

The following formulas are not so greatly influenced by the social stratification: “Congratulations, wishes and toasts”, “Complaint”, “Invitation”, “Consolation, sympathy and condolences”, “Saying good-bye”.

The analysis of the material shows that the speech etiquette is heterogeneous with respect to gender, which corresponds to the heterogeneity of the relationship between a man and a woman and is most clearly represented in the situations of “Addressing and attracting attention” and “Compliment, approval”.

Among the frequent formulas of the Army etiquette are addresses of a class-hierarchical nature: *Vashe Prevoskhoditel'stvo* “Your Excellency”, *Vashe Blagorodie* “Your Nobleness”, *Vashe Vysokoblagorodie* “Your High Nobleness”. Titles were used in accordance with the rank. As for communication in the Army, many situations have a limited set of formulas: *Zdraviya zhelaem!* “Good health to you!” for greeting, *Slushayu-s* “At your orders” as a reply to a request, advice, or proposal, and *Nikak net* “Negative”. in a situation of agreeing or disagreeing with the interlocutor’s opinion. Senior ranks may use a request instead of an order if, in their opinion, it is more appropriate to establish a more humane relationship with a subordinate in this situation.

When considering the speech etiquette with respect to the interlocutors’ age, it is noted that in a situation of communication between an adult and a child, children’s speech is more restrained emotionally. Children mainly implement those etiquette formulas that they pick from the speech of adults belonging to their social stratum.

Also, family traditions and upbringing influence the choice of the speech etiquette formulas.

The Russian culture is characterized by an open manifestation of emotions, both positive and negative. One of the striking examples is a variety of suffix forms in words used to address a person – *mamochka* “mommy”, *Dariyushka* “little Daria”. Also, the Russian communicative behavior is content-oriented, the Russian style of communication is more informative. The formal style of communication is characteristic of higher social strata.

The specificity of the speech etiquette in the XIX century Russian literature allows us to compare various formulas and their implementation with modern ones in order to identify changes in the Russian speech etiquette due to the changes in society and culture. V.G. Kostomarov once said that any language that becomes international loses its richness. In our opinion, this can be applied to the speech etiquette too.

